Н. С. СЕМЕНОВ

Это было на рассвете

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Автор книги полковник запаса Н. С. Семенов в годы Великой Отечественной войны прошел трудную школу рядового танкиста. Начал воевать башенным стрелком, защищал Ленинград, сражался на легендарном Невском пятачке, освобождал столицу Украины г. Киев.

Н. С. Семенов известен читателям своей первой книгой «Юшут зовет», вышедшей в 1978 году в Марийском книжном издательстве. Книга получила широкий отклик читателей.

Документальная повесть «Это было на рассвете» насыщена боевыми эпизодами. На конкретных примерах показаны стойкость и мужество советских воинов. Н. С. Семенов с большой любовью пишет о своих однополчанах, земляках, с некоторыми из них ему пришлось вместе дойти до Берлина. Автор увековечил память многих своих погибших в боях за Отчизну товарищей.

В книге использованы архивные материалы Министерства Обороны СССР.

- Это было на рассвете
  -
  - ПРЕДИСЛОВИЕ
  - Глава I
  - Глава II
  - Глава III
  - ФОТОГРАФИИ
- notes
  - 1
  - 2
  - 3

Это было на рассвете

«И если бы спросили меня сегодня, какой главный вывод сделал я, пройдя войну от первого до последнего дня, я бы ответил: быть ее больше не должно. Быть войны не должно никогда».

Л. И. Брежнев. «Малая земля».

Н. С. СЕМЕНОВ

ЭТО БЫЛО НА РАССВЕТЕ

Документальная повесть

Йошкар-Ола
Марийское книжное издательство
1980

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемая документальная повесть Н. С. Семенова «Это было на рассвете» является живым рассказом о событиях, пережитых и виденных фронтовиками, которые стояли насмерть, защищая нашу Родину.

Автор не только продолжает начатое в своей книге «Юшут зовет» повествование, но и значительно расширял его, описав кровопролитные бои по освобождению Тихвина, Новгородской земли, Советского Заполярья. Книга заканчивается описанием штурма Берлина, победным завершением войны.

Примечательно то, что Н. С. Семенов в качестве рядового в расчете танкового экипажа участвовал во многих кровопролитных танковых сражениях. День Победы встретил в Берлине лейтенантом — командиром танкового взвода. Поэтому он, прекрасно зная то, о чем пишет, с большой любовью рассказывает о простых воинах-танкистах и сражавшихся с ними бок о бок мотострелках, артиллеристах, саперах.

Каждая страница книги насыщена боевыми эпизодами героических подвигов наших славных воинов. Раскрыты их характеры, показан рост мастерства, дальнейшие судьбы героев.

Автор сумел показать чувство ненависти советского человека к фашистским оккупантам, непреклонную волю бойцов бригады, в которой сражался сам автор, — отстоять нашу любимую Отчизну. Бессмертные герои книги не жалели для этого своей жизни. Только в боях за Тихвин в конце 1941 года 55 танкистов бригады, расстреляв снаряды и патроны, не желая попасть в руки врага, геройски сгорели в своих танках.

Кропотливо изучая документы военных лет, автор выявил ряд героев из числа своих земляков, с которыми свела его фронтовая судьба.

Имена многих героев по праву стали легендарными, а их подвиги — ярким примером для всех поколений нашего народа. Поэтому повесть нельзя читать без волнения.

Книгу можно назвать правдивым документом о мужестве и стойкости советских людей — тружеников фронта и тыла, совокупный труд которых привел нас к Победе над гитлеровской Германией.

Нет сомнения, что книга «Это было на рассвете» с интересом будет встречена широким кругом читателей. Особенно заинтересует нашу молодежь, научит ее любить Родину и готовить себя к ее защите, как это умели делать герои этой повести.

В. М. БАРАНОВ,
Герой Советского Союза,
генерал-лейтенант танковых войск в отставке.

Глава I
КТО С МЕЧОМ К НАМ ВОЙДЕТ…

Немного истории. — «Профессор хлеба». — Погибли, но не сдались. — За великий Новгород.

Подмосковье сентября сорок первого года. Золотая осень начинает терять свою красоту. Чаще скрывается за тучами солнце, реже открываются дали — вершины холмов, лесные урочища, потускневшие поля. А на фронтах, где не утихают кровопролитные бои, далекий горизонт застилается дымом пожарищ.

Почти круглые сутки из лесу доносился гул танковых моторов. Это партиями прибывают новые машины для переформирования дивизии.

Много дел у командира дивизии Героя Советского Союза полковника Василия Алексеевича Копцова и старшего батальонного комиссара М. М. Литвяка.

В дни формирования части комдива Копцова можно было встретить в подразделениях, парках боевых машин, ремонтных мастерских. Он был большим наставником и воспитателем всего личного состава. Василий Алексеевич, несмотря на свой молодой

возраст, имел богатый опыт в командовании танковыми подразделениями, частями.

В боях у реки Халхин-Гол 20 августа 1939 года танк капитана Копцова первым переправился через реку и вступил в бой. Командуемый им батальон ежедневно участвовал в нескольких атаках. Затем в ночной атаке его батальон первым вышел в долину реки Хайластин-Гол, отрезал отход противнику. 25 августа при отражении атаки самураев у его танка была перебита гусеница, и он, потеряв боевой курс, по инерции покатился в находящуюся рядом котловину. Оставшийся в расположении врага экипаж боевой машины в течение восьми часов уничтожал пытавшихся приблизиться самураев.

Поспешил на выручку своему комбату комиссар — старший политрук А. И. Суворов. Он расстрелял 4 орудия, 6 пулеметов, батарею семидесятипятимиллиметровых орудий. Однако прорваться к осажденной машине ему так и не удалось. Комиссар геройски погиб вместе с экипажем.

Расчет машины Копцова под огнем натянул гусеницу, но выбраться из котловины не смог. И боеприпасы вышли. Японцы, видя беспомощность нашего танка, подогнали тягач, взяли его на буксир. Но в плену оказался японец с тягачом, мотор которого был слабее.

За умелое командование батальоном в бою и за личный героизм капитану Василию Алексеевичу Копцову было присвоено звание Героя Советского Союза.

В своей книге «Москва — Сталинград — Берлин — Прага» дважды Герой Советского Союза генерал-армии Дмитрий Данилович Лелюшенко писал:

> «Самый молодой из комдивов Василий Алексеевич Копцов (ему тогда было 37 лет) выделялся скромностью, выдержкой, легендарной храбростью. И не случайно уже в то время его грудь украшала Золотая Звезда Героя… Фашисты дрались отчаянно. Улицы Даугавпилса были усеяны сотнями их трупов, кругом пылали танки, торчали стволы разбитых орудий, валялись покореженные автомашины… В центре города был ранен командир дивизии Копцов, но продолжал командовать боем… Наши храбрецы успешно отбивали все вражеские атаки…»

К середине сентября 1941 года бригада полностью была укомплектована боевой матчастью и личным составом. Правда, пока не было комиссара танкового полка. Появился наконец и он.

— Старший политрук Тарасов прибыл для прохождения

дальнейшей службы, — доложил стройный, плотного телосложения человек в поношенной шинели.

В политотделе, который размещался в середине деревни в большом доме, сидел лишь один замполитрука. Он что-то медленно стучал на машинке.

— Все в подразделениях, принимают пополнение, — ответил он, когда его спросили, где начальство.

Скоро пришел начальник политотдела батальонный комиссар И. Е. Лившиц.

— Ну, браток, доволен я пополнением, — громко произнес Лившиц, догадавшись, что прибыл комиссар полка. — Техникой владеют в совершенстве. К примеру, политрук роты тяжелых танков (КВ) Кузьмин водит машину отлично. Партийно-комсомольская прослойка хорошая. Разумеется, тут еще придется поработать. Двенадцать человек прибыли с боевыми характеристиками и заявлениями о приеме их в партию.

Через несколько минут старший политрук А. А. Тарасов был у командования. В крестьянской избе сидели командир бригады Копцов и комиссар Литвяк. Они о чем-то оживленно разговаривали. В руках первого дымилась трубка, а второй крутил гроздь ягод рябины. Начали расспрашивать, кто и откуда он.

— Вижу, вы, товарищ Тарасов, комиссар бывалый. Идите в танковый полк к Косогорскому, — сказал комбриг. — Там вас ждут. Времени мало, требуется укомплектовать экипажи, а если нужно, сделать и перестановку. Прежде познакомьтесь с воинами, проверьте способности каждого.

Выйдя из дома, Тарасов вместе со связным поспешил в полк. В деревне почти, не было признаков жизни. Лишь одна пожилая женщина хлопотала у колодца. Она как-то недружелюбно взглянула на военных и спросила:

— Командир, до каких мест задом наперед будете идти?

Комиссар, поздоровавшись с ней, сделал вид, что ничего не слышал.

Дождь не переставал.

— Давно занепогодило? — спросил Тарасов у смуглолицего связного.

— Третьи сутки, как прохудилось небо. Залило насквозь, товарищ комиссар.

«Наверняка пойдут жалобы на погоду», — подумалось в эти минуты комиссару.

Вошли в лес. Он стоял молчаливо и задумчиво. Неподвижно висели мохнатые ветви елей. Всюду, куда ни ступи, — вода. Чавкали облепленные опавшими прокисшими листьями сапоги.

В штабном шалаше танкового полка сидел командир майор Н. Г. Косогорский, начальник штаба капитан П. П. Тезиков, секретарь партийного бюро старший политрук В. П. Давыдов. Когда комиссар представился, все обрадовались.

— Ужинали? — первый спросил командир.

— Не успел, — ответил комиссар.

— Проголодались и мы. Целый день на ногах. Сейчас организуем, — сказал майор.

И через несколько минут все ужинали на ветках из ельника.

Командир и комиссар, несмотря на разницу в их возрасте (командир был на десять лет старше), сразу сдружились.

Утром они с секретарем партбюро Давыдовым пошли по подразделениям. Командиры стали докладывать.

— Василий Петрович, почему так быстро узнали о моем прибытии, ведь прошла лишь ночь? — удивился Тарасов.

— Сообщили по телефону.

Ознакомление с полком продолжалось.

— Комиссар, новому пополнению надо бы рассказать о боевых делах дивизии. Как ты думаешь? Весь личный состав в такую погоду не построить, а собрать коммунистов сможем, — посоветовал командир полка.

— Вы правы, Николай Григорьевич. Ознакомимся с ними, поговорим, — согласился комиссар. — Непогода начинает портить настроение воинам. Сегодня в подразделениях приходилось слышать: «измучил дождь», «льет безбожно», «от такой погоды заскучаешь» и т. д.

Коммунисты собрались в большом шалаше роты старшего лейтенанта Федора Семенного. Среди них оказалось и несколько комсомольцев. Крыша из ельника плохо защищала от дождя, всюду просачивалась вода.

— Идут, — предупредил один из коммунистов.

Командир с комиссаром не опешили. Казалось, что для них не было ни дождя, ни грязи. Вот они остановились около шалаша. Комиссар о чем-то рассказывал. Потом оба громко засмеялись. Это удивило всех. Кто-то даже проговорил:

— Ну и терпение у них!

— Мокропогодица, правда? — стряхивая фуражку, заговорил Косогорский, первым войдя в шалаш.

— Вон что творится, товарищ майор, — поторопился показать промокшую книгу протоколов секретарь партбюро.

Майор не придал значения этому и сразу начал:

— Товарищи, наша танковая дивизия в настоящее время переходит на штат бригады. Она сформировалась из особой кавалерийской бригады НКО. Не закончив формирование, в силу

создавшейся обстановки, 25 июня перебрасывается под город Двинск с задачей сдержать бешеный натиск озверелого врага. 28 июня танкисты с мотострелками под Малиновкой (Латвийская ССР) разгромили полк Первой дивизии СС и отбросили врага на 14 километров и затем били гитлеровцев в районе города Резекне. Тут дивизия сдерживала натиск превосходящих сил противника в течение девяти суток. Далее на рубеже реки Великая, обороняя город Опочку, перешла к жесткой обороне. В упорных боях в течение пяти суток окончательно разгромила Первую дивизию СС. Сражалась под городом Холм Калининской области. Наши бойцы и командиры дрались мужественно. В боях под Двинском совершил свой бессмертный подвиг наш повар комсомолец Иван Павлович Середа.

— С черпаком ходил в атаку?! — вставил кто-то.

Прокатился громкий смех.

— Нет, с кувалдой!

Бойцы засмеялись еще громче.

— Правду я говорю, товарищи бойцы. Наши подразделения отошли, а Середа, пока собирал кухонное хозяйство, несколько задержался. Из-за кустов выползает танк с крестом на башне. Фашисты беспрерывно строчат из пулемета. Но не видят, где замаскирована кухня. Иван сообразил быстро: танк легкий, с одним пулеметам, и ползет как черепаха. Схватил кувалду и — на танк! Сначала ударом погнул ствол пулемета. Затем набросил на смотровую щель плащ-палатку, чтобы помешать врагу вести прицельный огонь. Для острастки постучал кувалдой по башне. Вроде, предупредил: не показывать голову — иначе попадет по затылку! Пока перепуганные фашисты сидели, он притащил охапку сена, на котором спал сам. Облил бензином и поджег. Танкетка сгорела вместе с расчетом.

После этого он дважды ночью участвовал в разведке. В первый раз гранатами подорвал такую же вражескую машину, во второй — расстрелял 20 мотоциклистов, а троих привел в расположение части.

За эти подвиги Ивану Павловичу Середе Указом Президиума Верховного Совета СССР от 31 августа 1941 года присвоено звание Героя Советского Союза. Он стал нашим первым героем.

Бойцы выслушали рассказ майора с большим вниманием. Потом непринужденно заговорили.

— Где находится в настоящее время Середа? — спросил командир танка Акаф Дирябин.

— В госпитале, по ранению.

Дождь усиливался, вода ручьями текла на собравшихся.

— Ить осень, товарищ майор, даже муторно. Зарядил,

должно, надолго. В такую мокреть только сидеть в теплой избе, — вдруг проговорил механик-водитель Немировский.

Комиссар Тарасов только этого и ждал.

— Поточнее, спать на печке? — не без улыбки вставил он.

— Расскажите, комиссар, что погода бесподобна, — моргнул командир.

— Товарищи, погода в самом деле великолепная! Вчера с радостью шагал я по грязи к нам. Ведь мечтал же я о такой погоде. И вот, как видите, дождался. Это прелестно, товарищ майор?

— Погода — мечта, — одобрительно ответил командир полка.

— Вчера я даже несколько расстроился, — продолжал Тарасов, — думал, опять восстановится. Но нет, вот как заволокло! Это замечательно!

Все с недоумением слушали старшего политрука. Затем сержант Немировский сдержанно спросил:

— Чем слякоть заворожила вас, товарищ комиссар? От каждого тянет прелью.

— Отвечу, — лицо комиссара посуровело. — Видите, война, прежде всего, — пожарище. А пожар, как вам известно, очень боится дождя. Таким образом, такая погода помогает нам гасить пожар, то есть сдерживать натиск захватчиков. Этим самым мы выигрываем время для того, чтобы перестроить наше народное хозяйство на военный лад и начать выпуск навык видов оружия. У нас, несмотря на потери, ежедневно растет стойкость, умение бить врага. Теперь гитлеровцам при хорошей-то погоде трудно стало, а в такую и подавно. Фашисты любят сухую погоду, хорошую дорогу. Здесь — везде бездорожье, леса да болота. Они не смогут далеко продвинуться в такую слякоть со своей техникой. Нет слов, нелегко сдерживать врага и нам. Что касается авиации, то она у них в такую погоду бездействует вообще. А когда ударит наш мороз? Думаю, им тоже будет хуже, чем нам.

— Неужто теплых вещей у них нет? — послышался чей-то голос.

— Судя по тому, что они стремились разделаться с нами молниеносно, вояки Гитлера в наши морозы останутся в летнем обмундировании.

Вид у каждого стал бодрее. Некоторые начали поправлять гимнастерки, комбинезоны.

— Такие дела, товарищи, — Продолжал Тарасов. — Чем хуже погода, тем легче нам. Трудно нам? Да, не спорю. За ворот льет? Да, еще как. Ноги мокрые? Да, больше некуда. Товарищи коммунисты, мы не хуже своих отцов и дедов. Мы выдержим все

капризы природы! Вот почему мила мне наша сегодняшняя погода. Она должна стать по душе и вам. Пока гитлеровцы ждут погоду, мы сумеем мобилизовать свои силы и начнем наносить удары. «Делайте на войне то, что противник почитает за невозможное», — говорил А. В. Суворов.

— Верно ведь, друзья! Нечего нам унывать! — твердо, почти одновременно ответили политруки Кузьмин и Зарецкий.

— Дело яснее ясного, товарищ комиссар. Не привыкать нам к ненастной погоде. Опрашивается, долго ли мы еще будем сидеть под Москвой? Не пора ли нам на фронт? — раздался голос Немировского.

— Согласуют с вами, товарищ сержант, а потом и подадимся, — подзадоривая, проговорил башенный стрелок Гарин.

— Как только завершим дела, — ответил комиссар.

Затем командир полка дал некоторые указания по приведению в порядок матчасти. Коммунисты, расходясь по своим подразделениям, продолжали разговор. Стремление комиссара быть ближе к подчиненным, понять их и помочь вызывало у них подобные же чувства. Там, где проходил он, бойцы старались показать четкость и умение.

Завидев комиссара, вмиг выстроился перед своей машиной экипаж младшего лейтенанта Василия Зайцева.

— Радист-пулеметчик комсомолец Ращупкин, из Москвы.

— Башенный стрелок комсомолец Овчинников, горьковский.

— Механик-водитель комсомолец Кривоус, с Харьковщины.

— Командир танка Зайцев, ярославский.

— Три комсомольца и один беспартийный, — улыбнулся Тарасов.

— Буду стараться завоевать высокое звание коммуниста в бою! — ответил Зайцев комиссару.

— А где мой танк? — спросил комиссар.

— Вот и ваша боевая машина, — подведя его к новенькому КВ, сказал Давыдов.

— Знаю в совершенстве БТ, Т-26, Т-34, а вот на тяжелом воевать не приходилось, — откровенно признался комиссар, пожимая руки экипажу.

— Товарищ комиссар, опыт — дело наживное, — словно сговорившись, ответили танкисты.

Старшему политруку Тарасову приходилось изучать матчасть новой машины и стрелять из тридцатисемимиллиметровых зенитных автоматических орудий, имевшихся на вооружении полка. За три дня он познакомился с каждым воином полка.

— Общее впечатление, комиссар? — поинтересовался

командир полка Косогорский.

— Хорошее, Поразили меня высокое моральное состояние и дисциплина, подтянутость, взаимное уважение, соблюдение субординации. Техникой владеют отлично, особенно командиры танков. Хорошая взаимозаменяемость в расчетах, — высказал свое мнение Тарасов.

Напряженная обстановка на фронтах резко сократила сроки переформирования. В ночь на 23 сентября бригада отправилась на фронт. Через двое суток сосредоточилась на севере Ленинградской области в районе Комбаково — Сюрьга.

В последние дни генерал Копцов осмысливал и переоценивал те военные операции, в которых он участвовал. До сих пор ему приходилось воевать в пустынной, равнинной местности. А тут — леса, болота, немало рек и озер. Надо быть готовым действовать в заснеженных полях, густых лесах да в трескучий мороз.

На собрании личного состава танкового полка коммунисты и комсомольцы решительно заявили:

— Выдержим и преодолеем все!

Танкисты вместе с бойцами мотострелкового пулеметного батальона бригады, не теряя ни минуты, приступили к отработке выполнения команд, тренировкам боевых приемов. На третьи сутки начались учебные стрельбы. Это для танкистов всегда было особым праздником. В подразделениях вышли «Боевые листки» под разными названиями: «Кто меткий», «Не промахнись, браток!», «Учись бить метко фашистов!»

— Ну, что ж, посмотрим, как стреляет саратовец, — подмигнув, бросил лейтенант Ежаков Олейнику.

— Во всяком случае — не хуже ульяновца, — не без гордости ответил тот.

Служили вместе два молодых лейтенанта — неразлучные боевые друзья, вечные соперники. Служили без зависти друг к другу. Иван Яковлевич Олейник гордился тем, что перед войной окончил прославленное Саратовское Краснознаменное танковое училище, многие преподаватели которого были участниками боев на Хасане и Халхин-Голе.

— Разве сравнить Саратовское с училищем на родине вождя — Ульяновским, — подзадоривал другой, Василий Ежаков.

Они прекрасно понимали, что оба училища Краснознаменные, прославленные.

— Ванюша, что у тебя за манера — спорить со старшим по возрасту? — часто шутил Василий. Он был старше Олейника всего на два дня.

После стрельбы друзья прежде всего поинтересовались результатами каждого. Оказалось, что не только лично они, но и

командуемые ими подразделения отстрелялись с общей оценкой «отлично». Боевые товарищи поздравили друг друга, а командир полка объявил им благодарность.

Вскоре начались бои. Особенно кровопролитными были они за Свирьстрой. Город неоднократно переходил из рук в руки.

Исключительно мужественно сражался экипаж командира роты тяжелых танков лейтенанта Я. П. Карташова. В первом же бою он уничтожил две пушки противника.

Большие потери нанесла врагу тридцатьчетверка лейтенанта Казакова. После третьей атаки подбитый танк потерял управление и с разбитой рацией остановился в глубине вражеской обороны. Окружившие машину фашисты предложили экипажу сдаться. Но отважные танкисты продолжали вести огонь по врагу с места. Тогда гитлеровцы подложили под башню мину и взорвали танк. Экипаж во главе с командиром роты геройски погиб.

После боя младший лейтенант Василий Зайцев начал осматривать свою тридцатьчетверку. Каждую вмятину на броне потрогал руками.

— Вот, идиоты, во что превратили машину, товарищ лейтенант, — показал Зайцев своему комвзвода Ежакову на закопченную башню.

— Сколько отхватил «поцелуев»?

— Девять, товарищ лейтенант.

— А у нас на один больше, — улыбнулся Ежаков.

Подошел комиссар полка Тарасов. В это время экипаж Зайцева устранял повреждение у танка. Комиссар обнял весь экипаж, поздравил с успешным выполнением боевой задачи.

— Все видел. И то, как ваша машина проскочила через обрушившийся мост, — сказал он.

После незначительного ремонта танк Зайцева снова вступил в бой.

Наш стрелковый полк оставил свой обоз под Свирью, и его захватили гитлеровцы. Танковый батальон под командованием майора А. Д. Маркова атаковал деревню Антоновская двумя ротами, а третья рота — капитана Титаренко — осталась в резерве. Вскоре обстановка сложилась так, что надо было вводить в бой и ее.

«Пойду с ротой», — решил комиссар Тарасов. Он сел в головной танк и устремился вперед. Подразделение успешно атаковало врага, который понес большие потери и оставил деревню. Обоз был отбит.

Всю ночь был сильный ветер. К утру несколько утихло, даже

временами из-за серых туч вырывалось солнце. Но ненадолго — опять подул холодный ветер и небосвод снова начали заволакивать свинцовые тучи.

Вот уже неделю, как танкисты вместе со стрелковыми подразделениями беспрерывно ведут тяжелые бои.

2 октября. Туман, моросит мелкий дождь.

— Нашей роте вместе со стрелковыми подразделениями приказано атаковать населенный пункт Озерки, — сказал лейтенант Карташов.

— Собрать бы накоротке комсомольцев, — предложил политрук роты Кузьмин.

— Если требуется, то почему же не собрать? — согласился комроты.

Собрание началось за полчаса до атаки. Успели принять в комсомол только сержантов Ерофеева и Скакунова.

Георгий Скакунов в своем заявлении написал:

> «Родом я из Смоленщины. Мои престарелые родители остались на оккупированной территории. Отомщу врагу за них и свою Родину. Прошу принять меня в комсомол».

На этом же собрании командир танка белокурый младший лейтенант Голицын заявил:

— Сержант Скакунов — в моем экипаже. Теперь у нас все комсомольцы. Обещаем высоко нести звание Ленинского Союза Молодежи.

Преодолевая яростное сопротивление врага, в грохоте и дыму наши тяжелые танки, натужно гудя и выбрасывая из-под гусениц мягкий грунт, продвигались вперед. За ними смело наступала пехота.

Гитлеровцы, бросая оружие, начали отступать. Однако их огонь усиливается и по танкам, и по пехоте. К тому же за ночь враг успел заминировать танкодоступные места.

Замолчала рация комбата А. Г. Олиферко. К командиру роты Карташову прибегает комиссар батальона Г. М. Бударин. Он сообщил, что машина комбата вышла из строя, и приказал оказать ей огневую поддержку. Карташов быстро вывел свой танк вперед и метким огнем подавил орудия.

Радирует ротному младший лейтенант Дмитрий Волков, что его КВ, преодолевая ручей, завяз почти во вражеском расположении. Комроты приказал принять все меры, чтобы вытащить танк и продолжать наступление.

После напряженной работы под беспрерывным огнем помощнику начальника по технической части капитану

И. А. Лаврененкову совместно с ремонтниками, командиром танка Волковым, механиком-водителем Фруктовым и другими расчетами экипажа все же удалось вытащить машину, и она снова ринулась вперед.

Успешно продвигались вперед Погребов, Голицын, Баландин, Карташов. Танкисты разбили несколько орудий, раздавили две минометных батареи. Однако сопротивление гитлеровцев нарастало. Механикам-водителям приходилось часто протирать забрызганные грязью триплексы. Шедшие слева два КВ подорвались на минах. Но они продолжали вести огонь с места. Тут же комроты Карташов радировал:

— Голицын! Возьми правее. Мы нарвались на минное поле.

— Ничего, будем сражаться и за вас, — последовал ответ.

Гитлеровцы усилили огонь из тяжелых орудий и с правого фланга. КВ, с ходу ведя огонь и пройдя вправо по низине метров двести, остановился.

— В чем дело? — послышался зычный голос командира.

— Застряли! — ответил младший механик-водитель Кудрин, который заменил раненого старшего — старшину Шейченко.

— Погазуй! Может, вырвемся!

Из-под гусеницы вылетала лишь черная жижа.

— Скакунов, прикрой нас огнем. Мы с механиком посмотрим, в чем дело, — распорядился командир.

Тяжелый танк днищем сидел на заросшей травой трясине.

— Виноват я, товарищ лейтенант, — тихо проговорил Кудрин.

— Нет, приказал-то я. Вон во что превратили бревна для самовытаскивания. Теперь придется спилить новые, — сказал Голицын, поднимаясь на башню, и показал на остатки бревен, разнесенных снарядами. Но тут над головой просвистел рой пуль. Командир с простроченным правым боком шинели, а механик-водитель с пробитым пулей воротником кирзовой куртки поспешно забрались в башню.

— Товарищи комсомольцы, что будем делать? — обратился к экипажу, как бы советуясь, командир.

— Сражаться, — почти одновременно ответили все.

— Погибну, но не покину свою машину, — добавил Иван Кудрин.

Снова застрочили все танковые пулеметы. А бить из орудия можно было лишь по флангам: перед у танка был приподнят. Гитлеровцы, заметив неподвижную машину, стали осаждать ее огнем. Бой продолжался дотемна. Вскоре вышла из строя рация.

— Прекратить огонь! Надо беречь боеприпасы на завтра. Усилить наблюдение! — распорядился Голицын.

Начавшийся еще с вечера дождь продолжал лить. Фашисты беспрерывно выпускали ракеты, строчили из автоматов. Все стихло лишь на рассвете.

— Скакунов, рация неисправна, попытайся пробраться к своим, — приказал командир.

Радист короткими перебежками едва успел удалиться метров на тридцать вправо, как упал, скошенный очередью.

— Может, ранен? — тревожно проговорил Лебедев.

Кудрин с Лебедевым оттащили бездыханное тело Скакунова к танку.

— Нет нашего Гоши, — прослезившись, произнес Кудрин, когда забрался в башню. — Отомстим за него.

Когда наступила небольшая передышка, командир приказал Кудрину:

— Ваня, попробуй теперь ты, может, проберешься. Мы тебя поддержим огнем.

Механик-водитель выбрался из машины и осторожно пополз к роще. «Там будет спокойнее», — подумал он. Отдалившись метров на сто, услышал разрывы снарядов. Обернулся в сторону танка. От него поднимались дымки, а башня искрилась.

«Почему наши прекратили огонь? Случилось что-то там, не иначе. Если они не в силах отбиваться, то фашисты захватят машину и отбуксируют к себе. В таком случае какая польза от того, что я доберусь к своим?»

Подождав, пока стихнет пальба, пополз обратно. Потам, лежа возле танка, несколько раз крикнул: «Вы живы?» Но ответа не последовало. Надо проникнуть в танк. Люк радиста простреливался. Несмотря на это он поднялся на танк. Только ключом открыл люк, как получил ранение. Сразу потемнело в глазах, распластался на залитом его же кровью надмоторном люке. Через несколько минут все-таки нашел силы, чтобы спуститься в люк.

В машине стояла гробовая тишина. Начал искать слетевший с головы танкошлем, но наткнулся на чью-то окровавленную с длинными волосами голову. Это был командир танка Голицын. С пробитой головой на своем месте сидел Сергей Лебедев.

От одиночества Кудрину стало не по себе. Много ли может сделать он один в осажденной машине? Сначала хотел было посмотреть, что же случилось с танком, что повреждено? Но в темноте и едком дыму разглядеть было нелегко. Опустившись на свое сиденье, начал перевязывать себе раны. Он на них боялся смотреть и не представлял, насколько они серьезны. Пощупав промокшие бинты, сразу понял, что они пропитались кровью. Пока особой боли, кроме онемения, он не ощущал. Мучила

жажда, и была сильная слабость от потери крови. Но приказал себе: «Строго следить за противником!»

Заметив, что танкист вошел в машину, фашисты стали подходить к танку.

— Не думайте, гады, что сдамся! Комсомольское сердце крепкое! Получайте порцию за моих друзей! — и начал поливать огнем из пулемета радиста.

Оставив десятки убитыми, остервеневшие фашисты отошли, но ненадолго. Все чаще стали подползать они со стороны леса, когда наступила вторая ночь.

— Иван, открой, — комиссар, — послышалось вдруг.

Кудрина сон не брал. «Наконец-то пришел наш комиссар», — обрадованно подумал отважный танкист. Но только высунул голову и раз вдохнул свежий прохладный воздух, как зацокали по башне пули. Танкист поспешно захлопнул люк.

Днем комиссар Тарасов, замкомполка Кузьменко со своими связными пошли к осажденной машине. Однако им удалось подползти лишь к нашей обороне. Впереди и вокруг танка рвались мины и снаряды, свистели пули.

— «Сто четвертый» еще живой, — обрадованно произнес комиссар, услышав доносившиеся со стороны танка далекие пулеметные очереди.

— Молодцы, ребята, но днем пробраться к ним не удастся, придется — ночью. Возвращаемся, — приказал Кузьменко.

С километр шли молча. Потом, когда были в лесу, широко шагающий связной майора Кузьменко Миша Корниенко весело произнес:

— Идем как по персидскому ковру.

— Да тут не только мох, вон сколько листьев! Курчавые березки уже почти оголенные. А вот осины пока держатся, выделяются красным отливом.

Комиссар давно приметил, что быстрый листопад — признак суровой зимы.

— Знай, теперь и санный путь ляжет гораздо раньше, а не через шесть недель от первого снега.

— А это хорошо, товарищ комиссар? — спросил Миша Корниенко.

— Безусловно. Фашисты страшатся холодов — плохо одеты. Видите, вчера тут шел бой, — обведя рукой усыпанную воронками местность, пояснил он.

Среди облепленных брусничником кочек и папоротников лежали вражеские трупы. Майор Кузьменко шел левой стороной, читая на ходу карту.

— Ох! — послышалось неожиданно.

Все повернули головы в сторону майора. Он, прижав левую руку с картой, сначала присел, но тут же побежал вправо, к небольшому кустарнику.

— Засек снайпер, идиот, — проговорил он, опустившись на покрытый мхом гнилой пень. По рукаву текла кровь, заливая карту и планшетку.

Все подбежали к нему. Быстро перевязали рану. Вражеская пуля прошила левую руку. Благо, что не задела кость.

Пройдя несколько метров, Корниенко споткнулся о кочку и упал.

— Товарищи! Вон еще дохлый! — крикнул второй боец, увидев за кочкой убитого гитлеровского солдата. Тот лежал на животе, уткнувшись лицом в желтый мох. Вытянутые вперед руки были согнуты в локтях, как будто в последнюю минуту хотел схватить рядом лежащую снайперскую винтовку. Плечист, волосы рыжие, к валявшейся окровавленной пилотке прилип мох.

— Видите: снайпер. Срезанную до основания кочку положил на голову и подкарауливал, собака, наших. Попробуй обнаружить, откуда он произвел выстрел. Вон сколько больших и малых кочек! — возмущался комиссар.

А раненый Иван Кудрин сидел в танке среди погибших товарищей, готовый в любую минуту открыть огонь. В основном он стрелял из лобового и тыльного пулеметов. «Лишь бы не спалили», — стучала мысль в виски. Губы подсохли, язык стал шершавым. Страшно хотелось пить, все чувствительнее становились раны, закрывались веки. Ему чудилось: то слышался голос около танка, то стучали по башне. В этих случаях он машинально нажимал на спусковой крючок пулемета. С нашей и вражеской сторон то и дело поднимались ракеты.

Кудрин всю ночь просидел за пулеметом. Если он вел огонь, прислушивался, наблюдал за разрывами в округе, то у него исчезали и голод, и холод, и жажда, и боль в груди. Но как только воцарялась тишина, все это давало о себе знать. Из продуктов он имел в кармане несколько штук трофейных галет и два куска колотого сахара. «НЗ» был израсходован в первую же ночь. Ведь никто не мог предвидеть, как сложится обстановка. Танкист старался не думать ни о пище, ни о сне. Он понимал, что, если фашистов прозеваешь, они спалят танк. Может, лучше, пользуясь темнотой, уползти в лес, а оттуда — к своим? А доползешь ли с такими ранениями?

«Ну, что ж, Ванюша! Валяй, валяй, если тебе не жалко свой родной дом!» — кто-то, казалось, шепнул ему. Он, охнув от боли в шее, машинально взглянул на боеукладку, где лежали его боевые друзья. Может быть, они эту его мысль прочли и подняли

головы? Нет. Они по-прежнему лежат бездыханно.

Веселым комсомольцем был командир, воспитанник детского дома. Он отличался настойчивостью и требовательностью. Писем не получал, потому что был с Украины. Круглолицый, русоволосый, коренастый Сережа Лебедев тоже был воспитанником детского дома, любил пошутить.

Нет, они больше не поднимутся и не скажут ни слова. Это он, комсомолец Иван Кудрин, ради спасения собственной шкуры решил бросить свой родной дом — боевую машину. Стало быть, пусть издеваются фашисты над трупами его боевых друзей, пошарят в их карманах.

От этой мысли ему стало страшно.

— Нет! Не бывать этому! — крикнул громко Кудрин. Он сам не узнал своего голоса. Лишь теперь понял, что ему тяжело произнести даже слово.

Двояким думам пришел конец. Танкист решил твердо: свой КВ № 104 охранять, пока не подойдут наши. Устроившись поудобнее, продолжал сидеть в башне.

Шла четвертая ночь, а он этого не знал: давно потерял счет времени. Часов своих не было, а танковые, на щитке управления, остановились. Если в смотровой щели темнело, стало быть, наступает ночь. Горело в горле, сильно стали болеть раны. Повязки присохли, а при малейшем движении возникала неимоверная боль. Все тяжелее становились веки — тянуло ко сну.

Когда забрезжил рассвет, он, прильнув к перископу, первый раз за все эти осенние дни заметил медленно восходящее солнце над пригорком. Не мог не вспомнить при этом родную деревню Колупаевку, что в Курганской области. Ему не хотелось ворошить в памяти свое нелегкое детство. Но что поделаешь, если такое само лезет в голову. Отца своего он не помнит: ему шел третий год, когда тот умер. Старшие сестры Ксения и Марфа вышли замуж. Мать Ксения Ивановна была инвалидом, могла работать только сторожем. Ванюша рос на радость матери сильным и трудолюбивым. В тринадцать лет работал уже в своем колхозе «Первое Мая». Возил волокушу, солому. А в шестнадцать сел на трактор. ХТЗ Кислянской МТС. Вскоре приняли его в комсомол. А через год он заработал 40 центнеров пшеницы, 11 — ржи, 7 — гороха.

— Мама, теперь ты можешь не работать, я уже большой, — как-то сказал сын матери.

Ксения Ивановна прослезилась от переполнивших ее теплых чувств к сыну, колхозу и к власти нашей, которые не дают пропасть вдовам и сиротским детям. И она сказала тогда:

— Сынок, хороша наша власть советская! Люби, оберегай ее!

Эти слова теперь звучали в ушах сидящего в осажденном танке Ивана Кудрина еще сильнее.

Сон все-таки свалил танкиста. Он проснулся от едкого дыма. Сколько времени проспал, не помнит. Но то, что прозевал гитлеровцев, это факт. Они подошли к танку и подожгли его. Сначала схватился за приготовленную связку с гранатами, чтобы, открыв люк, швырнуть ее под ноги фашистам. Но от резкого движения и потери крови он пошатнулся. Понял, что люка ему не открыть. Если и удастся, то противник непременно опередит. Поэтому медленно перебрался к тыльному пулемету и дал очередь. Два гитлеровца растянулись поблизости от танка. Остальные скрылись за кустарником. После этого открыл моторную перегородку и огнетушителем погасил огонь в моторном отделении. Благо, что под двигателем и коробкой была чистота. Отбросив пустой огнетушитель, танкист опять налег на пулемет. Теперь строчил по всем подозрительным местам: кустарникам, бугоркам.

День прошел очень быстро. Наступает очередная ночь. Теперь придется уши держать востро, прислушиваться к каждому шороху. Мучила жажда. Как назло дождя нет. А то приоткрыл бы люк и собрал живительные капли. Боясь уснуть, открыл бойницу и стал жадно хватать ночной прохладный воздух. Но как бы попить? Если воспользоваться темнотой и выбраться из танка, чтобы из лужи почерпнуть воды? Не хочется рисковать танком. Поле боя постоянно освещается ракетами. Да и выскакивать раненому будет нелегко. А сумеешь ли подняться обратно в танк? «Надо терпеть», — решил Кудрин, лизнув шершавые губы.

К утру перебрался на место радиста. Сидел как окаменелый. Начало светать. Неожиданно прогремели орудийные выстрелы. Стал доноситься гул моторов. Словно подавая сигнал о себе, стал стрелять и Кудрин. Но его огонь теперь был не прицельным. Через некоторое время послышалось далекое «Ура-а-а-а!» Это сильно обрадовало Кудрина. Но не надолго, так как он стал задыхаться от дыма. Фашисты, отступая, опять бросили на мотор бутылку с горючей жидкостью.

Первыми подбежали к танку капитан Лаврененков, политрук Кузьмин, старший лейтенант Карасев и сержант Юдин. Они быстро отвязали от борта горевший танковый брезент, потушили и накинули им жалюзи, откуда выбивало пламя. С огнем справились быстро. Из открытого люка радиста валил черный дым. О том, что в танке кто-то живой, никто не мог и подумать. Но вдруг послышался хриплый голос:

— Товарищи… помогите…

— Есть живой! — с радостью крикнул Юдин.

У Кудрина хватило сил лишь открыть люк. За пять суток без пищи и воды он так исхудал и ослаб, что вылезти из танка без посторонней помощи был не в силах. Лаврененков и Юдин быстро сняли с себя гимнастерки и, продев в рукава березовые палки, смастерили носилки. По морщинистому лицу Кудрина было заметно, что он хотел заплакать, но не хватало сил. Лежа на носилках, еле шевеля губами, тихо проговорил:

— Пить…

Во фляге политрука воды не оказалось. Поэтому он быстро снял с головы каску, черпнул из лужи.

— Пока много не пей, Ванюша, — предупредил он. Ивана Кудрина понесли в санчасть бригады. А истыканный 111 снарядами и минами танк эвакуировали. На борту было много разбитых бутылок из-под горючей жидкости. Восемь невоспламенившихся — валялись около танка.

— Ранение Кудрина серьезное? — спросил комиссар Тарасов у хирурга медсанвзвода Н. Н. Дмитриева.

— Два сквозных пулевых. Прострочены легкие и шея. Надо срочно госпитализировать. Что он выдержал, это — жизнеспособность его организма, — доложил военврач.

С большим волнением рассказывал танкистам о подвиге экипажа танка Голицына политрук роты Кузьмин.

— Я верю, — говорил он, — что в новых боях появятся в нашей роте новые герои.

Эвакогоспиталь в городе Перми. Раны у танкиста Ивана Кудрина заживали. Когда полегчало с горлом, он, по настоянию друзей по палате, рассказал, как воевал его экипаж КВ. Читал письма боевых товарищей. Они сообщали о мужестве друзей, что теперь сражаются на Тихвинском направлении. Особенно часто писал политрук Кузьмин. После каждого его послания Кудрин просил врачей поскорее выписать, чтобы опять — на фронт. Они же ему отвечали:

— Всему — свое время. Не будут держать зря ни одного дня.

Утро 21 ноября сорок первого года. Раненые ждали врачебный обход. Вдруг по радио прозвучал голос Юрия Левитана, который огласил Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении отличившихся в боях бойцов и командиров. Среди удостоенных звания Героя Советского Союза был упомянут и танкист Кудрин Иван Степанович. А еще через несколько минут передали содержание подвигов героев.

— Иван, Кудрин! Кончай ночевать! Организовали тебе Героя! — толкнул его костылем чубастый сосед.

Иван не просыпался. Всю ночь он бредил от высокой температуры. Уснул лишь к утру.

— Мало ли Кудриных да Иванов на свете, — проговорил он, проснувшись, и медленно повернулся на другой бок.

— Рассказывали точно так, как и ты, — твердил другой.

Иван Степанович Кудрин поверил, что он Герой Советского Союза лишь тогда, когда через несколько дней получил письмо с поздравлением от политрука роты Кузьмина.

В одном из боев был ранен в левую ногу комбриг В. А. Копцов. Рана оказалась серьезной — задета кость. Пролежав десять суток в медсанбате, генерал, еще не вылечившись, на костылях возвратился в часть.

Шел бой в районе Шокш-Озера. Первым развернул свой взвод танков КВ молодой, но опытный лейтенант Юрий Погребов. В его машине ни на минуту не стихали команды.

— Слева орудие! — спокойно, словно на учении, докладывал радист Заболоцкий. Шустрый одессит успевал держать связь по рации, вести прицельный огонь из пулемета и наблюдать за полем боя.

— С орудием покончено! — радостно воскликнул командир орудия Кочин.

— Опять цель слева! Осколочным! — послышался звонкий голос командира.

Сержант произвел подряд два выстрела. Теперь ударило и по нашей машине. Экипаж, не придавая значения дыму, наполнившему башню, продолжал бой. Ответный выстрел. Он был метким и на этот раз. Танки идут вперед по боевому курсу, в грохоте и дыму прокладывают путь нашей пехоте. Это было на левом фланге. На правом — политрук Михаил Кузьмин уничтожил два противотанковых орудия, три крупнокалиберных пулемета, разрушил один дзот в обратил противника в бегство. Тяжелые танки с двумя взводами пехоты на борту во главе с политруком роты ворвались во вражеское расположение, захватили 11 орудий и несколько крупнокалиберных пулеметов. Танк политрука имел десять попаданий, и ни одно из них не пробило башню.

Праздничное утро 7 ноября 1941 года. Почти всю ночь шел снег. Личный состав бригады расположился в лесу под населенным пунктам Сюрьга во временно построенных ротных шалашах и наспех вырытых землянках.

У танкистов после боя, как всегда, хлопот было хоть отбавляй: осмотр, ремонт машин, заправка их боеприпасами,

горючим. Потому, несмотря на праздник, с утра все хлопотали у своих танков. А старшина с внутренним нарядом еще до рассвета постарался расчистить от снега территорию, развесить написанные на скорую руку плакаты.

Политработники Литвяк, Тарасов, Кузьмин и другие были на ногах еще затемно. Они провели митинг в батальонах. Затем, настроив все имеющиеся в бригаде радиостанции на Москву, организовали прослушивание речи товарища И. В. Сталина на Красной площади. Бойцы и командиры, услышав голос Сталина, закричали «Ура-а-а!». Потом кто-то радостно произнес:

— Красная площадь здравствует!

Радиоприемники работали с сильными помехами. Однако все можно было разобрать. Глубоко запали в душу слова: «Враг рассчитывал на то, что после первого же удара наша армия будет рассеяна, наша страна будет поставлена на колени. Но враг жестоко просчитался…» А слова: «…не так страшен черт, как его малюют…» и «…враг будет разбит, победа будет за нами» — вызвали всеобщее одобрение, на лицах у каждого засияла радость.

Работа на машинах продолжалась почти дотемна. Уже стали закрывать люки, прибирать инструменты, как послышалась команда:

— А ну, получай посылку-у-у!

Танковая рота лейтенанта Ивана Олейника расположилась в одном большом шалаше под двумя кудлатыми елями. На длинном столе горели три коптилки, сделанные из гильз снарядов. Шел оживленный разговор, смеялись. Роте только что вручили посылки. Почти каждому досталось по паре шерстяных варежек или носок, а многим — свитера.

В начале ноября 1941 года мороз неожиданно стал крепчать. Зимнее обмундирование еще не успели получить. Поэтому теплые вещи пришлись кстати. Танкисты примеряли их, читали вложенные в посылки письма. Комсорг роты, неунывающий «сибиряк-весельчак» (так прозвали его друзья), башенный стрелок танка командира роты сержант Григорий Гарин, натягивая на себя полосатый, похожий на тельняшку шерстяной свитер, запел песню собственного сочинения:

Гарина пуля боится,
Гарина штык не берет,
Гариным Сталин гордится,
Гарин страну сбережет!

— Гриша, перестань драть козла-то. Ты як пивень, з утра и до

вечера одно и то же, — косо посмотрев, махнул огромной рукой на Гарина всегда молчавший механик-водитель Николай Немировский.

— Товарищ старший сержант! Я думал, вы плохо слышите или без нервов. Вам в бою ни свист пуль, ни грохот разрывов — все нипочем. Шарахнет вот по вашей голове противотанковая, тоже, наверное, не шелохнетесь. А тут моя песня доходит до ваших нервов, — улыбнулся Гарин. — Душа у вас безмятежная.

— А ты, Гриша, шелохнешься? Поздно будет, когда останется одно мокрое место. В настоящее время в нашей стране нет ни одного безмятежного человека. Понятно тебе? Но волнение одного заметно, а другого — скрыто в груди. Ведь моя семья в оккупации. Потому-то вся моя грудь охвачена негодованием. Но как ты ни гори, должен уметь обуздать свои нервы, гнев. И показать на деле, в бою, на что ты способен. Ты холостяк, а у меня — куча детей да жена! Держу я вот это в руках, — Немировский потряс подаренным джемпером, — и вижу своих детей и жену! Она тоже умеет вязать. Такую, как моя жена, не сыскать тебе. Потому этот подарок для меня дороже всякой песни, понятно?

— Ты мне брось, моя невеста тоже пригожая, будь спокоен. Я да не сыщу на свете… — ухмыльнулся Гарин и опять, теперь тихо, запел:

— Гарина пуля боится…

Песню прервала заскрипевшая дверь.

— Похоже, в этом кильдиме (по-монгольски — жилище, любимое выражение генерала) что ни на есть веселый народ, — послышался у входа в шалаш чей-то голос. Все обернулись. Там на костылях стоял командир бригады генерал Копцов.

На мгновение воцарилась тишина. Комроты собрался доложить, но генерал жестом руки остановил его и, поздоровавшись, подсел к сколоченному из жердей столу.

— Тут у вас без того «Ташкент», а вы еще подкладываете, — заметил он. Комбриг снял танкошлем, провел платком по своей бритой голове, затем вынул изо рта трубку с прямым мундштуком и, постучав о край стола, начал набивать ее табаком.

— Товарищ Олейник, почему не все танки обеспечены деревянными лопатами. Вон сколько выпало снегу. Если придется расчищать дорогу?

— Не было материала, товарищ генерал. Теперь досок нашли, и завтра лопаты будут, — доложил ротный.

Тут Гарин поставил на стол кипящий и до блеска начищенный ведерный тульский самовар.

— Заварка, товарищ генерал, — обыкновенная чага,

лечебная, — улыбнулся Гарин.

Танкисты знали, что комбриг родом из Тбилиси и не только любитель чая, но и большой его знаток. При виде самовара и своего отражения на его медном боку он улыбнулся и сказал:

— Комбриг пьет чай из котелка, а его подчиненные — из тульского самовара. Ничего себе!

— Товарищ генерал, разрешите — я реквизирую этот самовар? — вытянулся связной Николай Радин.

— Что ты сказал, милок? Повтори-ка! — нахмурился комбриг.

— Заберем для себя, товарищ генерал.

— Ты кто такой, Радин?

— Я — боец Красной Армии!

— Стало быть, по-твоему, можно забрать для генерала? Запомни, Радин: Петр Первый так отзывался о своем солдате: «Солдат есть имя общее, знаме-ни-то-е; солдатом называется первый генерал и последний рядовой». А фельдмаршал Александр Васильевич Суворов говорил: «Свой пай съедай, а солдатский солдату отдавай». Понятно? Попробуй забери. Они так тебя проучат, что смотреть на тебя будет неприятно. А я им скажу: «Ай, да молодцы, братцы!»

Все громко засмеялись.

— Я же хотел для раненых в санчасть, — выкручивался связной.

— Где приобрели такое богатство? — спросил генерал, наливая очередную чашку.

— Под Антоновской, во фрицевской землянке, — ответил Олейник.

— Мерзавцы, грабят подчистую. Видать, и чашки-то нашего производства, — возмущенно заметил комбриг.

Теперь в шалаш собралась вся рота. Все с упоением слушали генерала.

— С двенадцати лет вместе с отцом начал работать на лесопилке в Тбилиси, — отхлебывая небольшими глотками горячий чай, продолжал он свой рассказ. — Отец работал рамщиком, а я — его подручным. После революции переехали в Ставрополь, а в марте восемнадцатого года отца призвали в Красную Армию. Он меня взял с собой в отряд, который входил в состав Северо-Кубанского полка. Так началась моя армейская служба. Вскоре за то, что мой отец и я служили в Красной Армии, белогвардейцы повесили мою мать, а без того бедное хозяйство ограбили до последней курицы. В ноябре того же года белогвардейцы убили и отца. Тогда я окончательно решил посвятить свою жизнь Красной Армии.

Воевал я против армии Шкуро под Армавиром и Ставрополем. Участвовал в ликвидации банды в районе Никольск-Уссурийока. Несколько лет служил в Забайкальском военном округе. В тридцать шестом я командовал учебным танковым батальоном. А политруком у меня был Леонид Брежнев. Уважал бойцов, а бойцы — его. Добрая память об этом политруке сохранилась и по сей день. Политрук Брежнев убеждал бойцов о необходимости служить честно не для себя, а для своих товарищей, командиров. Командиры выполняют волю народа, волю партии.

Потом генерал вынул из планшетки темно-синий старенький конверт.

— Вот читайте окружную газету, — и передал конверт комиссару Тарасову.

Тог достал из конверта аккуратно сложенную, уже пожелтевшую и почти истертую газету «На боевом посту» от 6 октября 1936 года. Там корреспондент писал:

> «Вот товарищ Брежнев Л. И. — коммунист, сын рабочего, сам рабочий из Днепропетровска. Отличник учебы… С первых дней стал одним из организаторов борьбы за отличные показатели в боевой и политической подготовке. Личным примером вел за собой других товарищей. Будучи стажером командира взвода, добился того, что взвод вторую задачу по стрельбе выполнил на отлично. За год пребывания в армии он получил пять благодарностей и одну денежную премию. В настоящее время тов. Брежнев работает политруком этого же подразделения. Под его руководством исключительно хорошо оформлены казарма и Ленинский уголок».

— Будучи еще юношей, — продолжал свой рассказ комбриг, — я понял, что пока в мире существует капитализм, остается опасность войны, и надо быть готовым к защите Отечества. Нам-то войны не нужны, но вот на нас напали германские фашисты. Они превращают в развалины наши города и села, а советских людей уничтожают или угоняют в Германию, чтобы они там на них гнули спину. Теперь долг каждого из нас — бить захватчиков, истреблять их. Гнев добрых — самый страшный. Гнев Красной Армии есть высшая мера ненависти к захватчикам. Прохожу сегодня мимо танка Василия Зайцева и слышу: «Короткий!», «Осколочным!», «Цель справа!». И вдруг: «Мой друг, Отчизне посвятим души прекрасные порывы!»

Действительно, прекрасные порывы бывают не только у поэтов. А сколько прекрасного — в душе экипажа! Он готовит

себя к новым боям! Товарищ Зайцев — человек самой мирной специальности — агроном с высшим образованием. Спросите у него, какую культуру зерновых и овощных выращивают в этой местности, он так расскажет — заслушаешься. Правда, Василий Михайлович? — повернул голову генерал в сторону младшего лейтенанта Зайцева.

— В северных областях, товарищ генерал, в основном культивируется новый сорт ржи «Вятка». Он морозоустойчив, с коротким вегетативным периодом, а урожайность — до 30 центнеров с гектара. В одном колосе насчитывается до 60 зернышек. Начинают сеять пшеницу «Кубанку», а из овощных сажают картофель «Лорх», который обладает отличными вкусовыми качествами, содержит много крахмала да и хорош в хранении, — начал рассказ Зайцев. — Не видать, товарищ генерал, свинье неба, а гитлеровским захватчикам — советского хлеба!

— Видите, товарищи! Чем он не «профессор хлеба»? — прервал его генерал. Товарищ Зайцев на наших широких просторах выращивал богатые урожаи хлебов. Теперь бывший замнаркома совхозов Карело-Финской республики сел на боевую машину. А воюет так, что заслуживает всяческих похвал. Шутка ли, в боях за Свирь-3 его машина имела девять попаданий, а экипаж продолжал бой. Или вот Василий Ежаков. Молодой лейтенант, а как он сражается! Наши танки продвинулись вперед, а пехота не поднимается. Так Ежаков выскочил из танка, побежал к залегшим бойцам и призвал: «Братцы! Пушки-то наши стреляют! Кто там боится? Чего еще надо вам, ведь наши танки впереди! Поднимайтесь!» И что вы думаете? Пехота поднялась! Где это было, Ежаков?

— Под Свирью, товарищ генерал.

— Мы иногда без привычки-то боимся. Сегодня все слышали слова товарища Сталина, — продолжал комбриг, — «не так страшен черт, как его малюют». Задача танкистов — пробить дорогу нашей пехоте, если ей мешает огонь противника. Вы не уходите от огня, а идите на огонь и давите его всеми средствами. Запомните, что «чем ближе к пушкам противника, тем меньше от них вреда». Чье это высказывание?

— Василия Ивановича Чапаева! — выпалил Гарин.

— Петра Первого, — поправил Олейник.

— Олейник прав, — одобрительно кивнул в сторону командира роты генерал. — Танкист сам ищет цель и сам ее уничтожает. Тут леса и болота да морозы, так что трудно будет. И тут надо действовать, памятуя заветам нашего великого полководца Александра Васильевича Суворова. Он говорил своим

солдатам: «Терпи холод, голод и все солдатские нужды. Там, где проходит олень, пройдет и русский солдат, а там, где не пройдет олень…»

— …все равно пройдет русский солдат», товарищ генерал! — краснея, серьезно и четко произнес Ежаков.

— Верно, лейтенант, — одобрительно посмотрел на Ежакова генерал. — Мы так же, не боясь трудностей, будем защищать свою родную землю. Всю свою энергию, нервы, разум берегите для боя. Выиграв один бой, направляйте силы для другого. Ведь бои — прежде всего, столкновение умов, затем уже — оружия. Вот почему надо думать, соображать, если ты хочешь выиграть сражение. Стало быть, сначала надо побороть свое волнение, свой страх, если таковые у вас имеются, а потом уже — врага.

— Товарищ генерал, вас вызывает к телефону «хозяин», — доложил прибежавший лейтенант Урсов.

После ухода генерала танкисты еще долго обменивались мнениями, впечатлениями, оставленными им в столь душевной беседе с комбригом. Вспоминали, как они встречали Октябрьские праздники в мирное время. Было заметно, как каждый мысленно перебирал в памяти пережитое с начала войны. В накуренном шалаше воцарилась тишина лишь к полуночи.

Ноябрь сорок первого года. Обстановка тяжелая. Немецко-фашистские войска рвались к Москве, был блокирован Ленинград. На Тихвин двинулись дивизии армейского корпуса генерала Шмидта и другие пехотные дивизии врага. Этот город рассматривался гитлеровским командованием как стратегический пункт первостепенной важности. Он стоял на магистрали, соединяющей Ленинград со страной. Захват противником города означал усиление опасности Ленинграду. Кроме того, Тихвин был пунктом для дальнейшего продвижения на север, на соединение с финскими частями.

В начале октябрьского наступления ценою колоссальных потерь гитлеровцы прорвали оборону советских войск и 23 октября захватили Будогощь, а 8 ноября — Тихвин.

Чтобы сорвать коварный замысел врага, советское командование перебросило под Тихвин несколько соединений и частей. В ночь на 9 ноября поднятая по тревоге танковая бригада начала форсированным маршем следовать от берегов Свири под Тихвин.

Маршал Советского Союза К. А. Мерецков в своей книге «На службе народу» отмечал, что нашим соединениям предстояло

«атаковать передовые части танковой дивизии

противника и отбросить их к Тихвину, после чего, обойдя город с запада, оседлать тыловые коммуникации вражеской тихвинской группировки. Главная роль в выполнении этого удара отводилась 46-й танковой бригаде, имевшей опыт ведения боев в условиях лесисто-болотистой местности…»

Марш совершался в сильную метель, в условиях бездорожья. Особенно трудно было в лесу. Колонна то и дело останавливалась. Следующий в головной походной заставе танковый взвод лейтенанта Василия Ежакова с саперами брался за лопаты, прокладывая дорогу сзади идущим машинам. Вот небольшая речка Мста. Легкие и средние танки по мосту проскочили, а для тяжелых — пришлось искать брод. При помощи местного старожила он был найден. Через усиленные бревнами разобранной бани наскоро сделанные переходы КВ благополучно форсировали речку и продолжали марш.

Следующим водным препятствием была Пинега. Как только головная тридцатьчетверка прошла на противоположный берег, деревянный мост рухнул, и колонна остановилась. Пришлось снова восстанавливать мост.

— Как же ты, Ежаков, умудрился проехать по такому мосту? — спросил подъехавший в этот момент комбриг Копцов.

— Товарищ генерал, за рычагами сидит отличный мастер вождения танка Андрей Денисенко, — не без улыбки доложил Ежаков.

150-километровый марш, пройденный менее чем за сутки, остался позади. Части и подразделения бригады сосредоточились в лесу в районе Каливец — Сарожа и разместились во временно построенных шалашах и оставленных нашими летчиками землянках.

Началась подготовка к боям на новом участке фронта. Уже которые сутки мороз набирает силу. Земля с каждым часом сильнее сковывается железной стужей. Кругом бело, снегу намело порядком. Правда, по-прежнему весело журчат родники.

Обстановка сложилась неясная. Слышны далекие раскаты одиночных выстрелов, кое-где гулко рокочут моторы, изредка над темным лесом взлетают ракеты.

— Сводка — сводкой, донесение — донесением, а лучше послушать, что расскажет живой «цырик» (так комбриг называл вражеских солдат). Поедем к разведчикам, комиссар, — предложил генерал Копцов Литвяку.

На заснеженный пнях, валежнике и ветках хвойных деревьев расселись разведчики. Начальник штаба полка капитан Тезиков

вместе с командиром разведроты разбирали проведенную ночную вылазку.

Совсем рядом затормозила бронемашина. Вышли генерал Копцов и комиссар бригады Литвяк. Генерал, раненный в ногу, не мог забираться в танк.

— Как дела, молодцы? Не замерзли? — спросил он.

— Ничего, товарищ генерал. Разведчикам мерзнуть некогда, — выпалил комвзвода, старший сержант Н. Н. Войшвилов.

— Каковы результаты вашего ночного поиска? Почему не докладываете? — сурово спросил генерал.

— Притащили пьяного «языка», а он, не приходя в сознание, на рассвете умер, — доложил Тезиков.

— Вот это новость. Спасибо вам, порадовали вы меня, — комбриг посмотрел на комиссара.

— И ничего не добились от него? — вмешался комиссар.

— Нет. Перед смертью что-то возбужденно бормотал, но разобрать не могли. Сильно было помято у него горло.

— Кто перестарался?

— Я, красноармеец Бикенов, товарищ генерал, — доложил широколицый, черноволосый разведчик.

— Как звать? Какой национальности?

— Сейткерим. Казах.

— Комсомолец?

— С 1938 года.

— Вы, комсомолец Сейткерим Бикенов, испортили дело.

— Виноват, товарищ генерал. Фашист, как дурак, хватался за мой организм, — чуть не плача, пробормотал Бикенов.

Генерал улыбнулся, потом приказал:

— Впредь команду на разведку снаряжать из числа желающих. Верно, Михаил Моисеевич? — комбриг повернул голову в сторону комиссара Литвяка.

— Верно. «Языка» берем, а доставить не можем.

— Товарищ Тезиков, до утра достать другого фрица. Умерший не зря нервничал. Может быть, он хотел рассказать нечто важное? Понятно?

— Понятно, товарищ генерал.

— И старайтесь избегать необдуманных действий.

— Слушаюсь. А скажите, пожалуйста, товарищ генерал, мы тут будем обороняться или наступать? — совсем не по уставу задал вопрос комбригу Войшвилов.

— Будем выполнять все то, что прикажет нам генерал армии К. А. Мерецков. Надо освобождать Тихвин. К утру мне достаньте «языка», — с улыбкой погрозил генерал и уехал.

Группа разведчиков под командованием старшего сержанта Николая Войшвилова кустами подлеска с наступлением темноты пробиралась во вражеское расположение. Когда оказались на поляне, то и дело припадали к земле, замирали: фашисты часто освещали местность ракетами.

— Мороз пробирает. До чего холодно, аж сжимает в комок, — прошептал один из разведчиков.

— К утру завернет еще крепче, — добавил старший. — Надо поторапливаться. Если во время ужина не сработаем, то придется ждать, пока не уснут.

Но идти быстрее не удавалось: приходилось прислушиваться к каждому шороху, а иногда и лежать на снегу, чтобы не обнаружить себя. Вот прошли вдоль обросшего кустарником ручья и оказались метрах в ста от вражеской траншеи. Вдруг в темное небо взвилась и упала почти под носом разведчиков ракета, застрочил пулемет. Пули засвистели над головой.

— Андрей, ты живой? — шепнул Щетинский Макарову.

— А ты что, уже умер?

— Пока нет. Похоже, заметили нас.

— Прекратите, — оборвал их Войшвилов. — Вы что, впервые? Не изучили повадки немцев? Они в такую темень стреляют от страха. Лечат свои нервишки. Смотрите: в сторону кустарника взлетает еще ракета и раздается пулеметная очередь. Так они повторяют два-три раза, а затем со спокойной душой бегут в блиндаж погреться, понятно?

Разведка была проведена на редкость удачно и расчетливо. Оставшегося на время ужина немецкого часового выволокли из блиндажа…

Поздно вечером уставшие и промерзшие разведчики возвратились в часть. Комбриг, ждавший их, похвалил бойцов и обещал всех представить к награде.

Пленный показал, что в хуторе Вехтуй — вражеская оборона. Кругом огневые точки, траншеи. Это — на левом фланге исходных позиций танкового полка. Кроме того, вечером подошел отряд численностью до батальона. Имеются танки, много автомашин. Колонна рано утром будет двигаться дальше на север, вероятно, для соединения с войсками, вышедшими к реке Свирь.

Командир бригады приказал командиру танкового полка и комиссару немедленно организовать засаду, а утром уничтожить вражеское скопление.

Майор Косогорский со старшим политруком Тарасовым приняли решение: танковой группе и стрелковым подразделениям уничтожить врага между хуторами Вехтуй и

Плавун. Для чего в лесу, вблизи большой поляны, которую пересекает дорога, соединяющая эти два хутора, организовать засаду из 2 тяжелых, 10 средних и 5 легких танков, чтобы вокруг вражеской колонны образовался огненный мешок. Командовать засадами приказано опытному, всегда спокойному капитану В. Свешникову, а также смелому и находчивому политруку Кузьмину.

К полуночи танки, тщательно замаскированные, стояли в засадах. Экипажи, готовые открыть огонь, сидели каждый на своем месте. Скрытно огневые позиции занимали стрелковые подразделения и минометчики. Подъехали на бронемашине командир полка и комиссар.

— Даже вблизи трудно обнаружить вас, — одобрительно проговорил Тарасов.

Они проверяли готовность к бою. Требовали, чтобы никто не уснул.

— Мороз к утру усилится. Можно уснуть и не проснуться. Кто замерз, пусть побегает вокруг танка, — предупредил командир полка Косогорский.

Прибежал политрук Кузьмин.

— Товарищ старший политрук, танкисты-огнеметчики лейтенанта Олейника выпустили «Боевой листок». Каждый экипаж пишет куплет или эпиграмму, — доложил политрук и передал картонную обложку, где находились два исписанных листа бумаги, несколько чистых и привязанный нитками химический карандаш.

— Ну-ка, почитаем, почитаем, — проговорил комиссар и забрался в бронемашину. — Молодцы, огнеметчики! Куплеты хлесткие. Передайте, Михаил Кузьмич, другим экипажам, пусть читают и пишут сами. Предупредите еще раз, чтобы не спали. Мороз не пожалеет никого.

Вот некоторые запомнившиеся куплеты этого «Боевого листка»:

Пес Гитлер гавкал в микрофон:
«Возьму Москву стремительным ударом!»
Но видят все, что хвастал косой даром,
Лишь в грязь лицом ударил он!

Скоро атака, близка атака!
Силу, танкист, утрой!
Будь беспощаден к фашистским собакам!
В бой! Не робей, мой друг боевой!

Фриц: Я испытываю собачий голод.
Ганс: Голод что! Вот холод — действительно собачий!
Курт: Хоть волком вой от этой собачьей жизни!

Запомни, фюрер:
Русские прусских бивали,
Русские в Берлине бывали!
А пруссаки Москву во сне видали!

11 ноября 1941 года. Только забрезжил рассвет, как в хуторе стали появляться небольшие огоньки.

— Проснулись, гады. Наверное, скоро тронутся, — спокойно проговорил Свешников, поправляя свою шатеновую шевелюру.

Вскоре орудийные залпы танков и минометов прорезали морозное утро. Впереди местность покрылась сплошными разрывами. Загорелись дома, машины, все заволокло дымом. Стали доноситься крики. Заметавшиеся фашисты, многие в нижнем белье, бросились к своим машинам, огневым точкам.

Теперь раздалась команда:

— Вперед! В атаку-у-у!

Тридцатьчетверки, вырываясь из сугробов, разбрасывая маскировку и сверкая огнем, ринулись на врага. Танкисты хорошо видели, как фашисты кидались в объятые огнем дома, наверное, за обмундированием.

— Часть колонны противника с танками следует на Плавун к Погребову, — докладывал вырвавшийся вперед лейтенант Василий Ежаков капитану Свешникову.

Не успел ответить капитан, как в его наушниках раздался сильный треск.

— Ежаков! Ежаков! — вызывал он. Но в микрофоне слышались лишь тяжелые хриплые вздохи.

В этот момент загремели выстрелы на левом фланге. Это вступил в бой взвод тяжелых танков лейтенанта Юрия Погребова.

Сначала Свешникову хотелось проехать к Ежакову, чтобы уточнить, что с ним. Но, подумав, что в той группе находится командир полка и комиссар, радировал Погребову:

— Еду к вам, не прихватите.

Стремительно продвигающийся вперед Т-34 Василия Ежакова от сильного взрыва потерял ход.

— Мина? Должно быть, разбита гусеница? — спокойно, словно ничего не случилось, спросил лейтенант.

— Полетела левая, — гладя ушибленную от удара голову, ответил механик-водитель Денисенко.

— Ничего не поделаешь. Пока не пройдут вперед остальные танки, постреляем с места, — сказал Ежаков и тут же скомандовал: — Осколочным!

Пяти средним танкам фашистов не удалось устоять против двух наших КВ и пробиться дальше. Когда с фланга к дороге вышел танк капитана Свешникова, он с ходу остановил замыкающего. А два вражеских танка уже пылали словно гигантские костры. Это был результат работы экипажей Погребова и Волкова. Первым ринулся на вражескую машину танк политрука Михаила Кузьмина. Его механик-водитель расчетливо ударил лобовой броней — и фашистская машина почти развалилась; потом обрушился на тягач с орудием.

Следующие за своими танками автомашины захватчиков быстро повернули обратно. Однако поехали не через Вехтуй, а повернули немного левее. Они приближались к нашим танкистам-огнеметчикам.

Когда шел бой, лейтенант Иван Олейник со своими огнеметчиками кричал:

— Оставьте нам трошки! Чем нам заняться? Ведь перемерзли!

Ему Свешников отвечал:

— Ты вперед батьки не лезь…

Теперь наступал черед Олейника. Кроме автомашин с прицепами к «спасательной» опушке стекались бежавшие из Вехтуя полураздетые вражеские вояки.

— Хлопцы, фашисты замерзли, надо погреть их трошки, — подшучивал комроты.

Наличие тут танков для врага было совершенно неожиданным. Сначала танкисты пулеметными очередями остановили головную и замыкающую машины. Затем, приблизившись на поражаемое огнем расстояние, лейтенант Олейник скомандовал:

— Первый выстрел без зажигания (не открывая крана «пито»), второй — с зажиганием, огонь!

Сначала горючая смесь без огня разлилась на снег. Затем, через несколько секунд, огненная струя ударила далеко вперед, воспламеняя горючую смесь. Возникло ужасное зрелище: горит снег, пылают автомашины, бегают горящие люди. Белоснежное поле моментально почернело, местами образовались лужи.

— Не знал, що хфашисты такые дурни. Прут прямо на ладонь, — обрадованно заговорил всегда молчаливый механик-водитель Немировский.

— Да, поколошматили мы их тут с самого утра, — добавил Гарин.

Особенно приводили в ужас фашистов удачно

расположившиеся на левом фланге экипажи сержантов А. И. Дирябина и Г. Д. Миланича. Они, пропустив колонну, ударили по хвостовым машинам. Тем самым закрыли путь к отступлению и начали уничтожать оказавшихся в западне гитлеровцев.

В это время танки Василия Зайцева, Николая Рублева, Константина Ласмана вместе с танкодесантной ротой лейтенанта А. Д. Санкова расстреливали, давили гусеницами, выбивали фашистов из блиндажей уже в хуторе. Вскоре, устранив повреждение, подошел и Василий Ежаков.

Оборона противника была смята, его колонна уничтожена. Снег потемнел от крови и пороховой гари, покрылся обломками машин и трупами фашистов. Траншеи были набиты замерзшими гитлеровцами. Поэтому пленных оказалось лишь 27 человек.

— Товарищ генерал, по лесу бегают фрицы. Разрешите, мы их переловим, — обратился Санков к командиру бригады.

— Не следует тратить время. Дрались вы тут, лейтенант, на славу. Обещаю награды. А фашистские «цырики» и так долго не продержатся. Быстро покончит с ними трескучий мороз. Вон сколько валяется мерзлых! — показал комбриг на траншеи.

— Товарищ генерал, зато они не имеют право на нас обижаться. Мы всю ночь, не сомкнув глаз, «охраняли» фашистам сон, — вставил комиссар мотострелкового батальона старший политрук Н. А. Борисов.

— Это верно. Полюбуйтесь, на кого они похожи, чучела огородные, — махнул рукой генерал на стоящих в стороне дрожащих и передергивающихся от мороза пленных.

— Вот вам хваленые гитлеровские завоеватели, — вступил в разговор комиссар бригады Литвяк. — Вид у каждого настолько захудалый, что хуже некуда. Мороз-то — не более десяти дней, а они уже страдают от него. Напялили на себя не только мужскую, но и женскую одежду. Вон тот, крайний справа, под свою тоненькую шинель одел старенькую бабью дубленую шубенку, а стоящий рядом — шерстяную портянку намотал на шею.

На следующий день танкистам капитана Олиферко предстояло атаковать населенный пункт Кайвакса. Командовать танками непосредственно в боевых порядках было приказано старшему адъютанту батальона М. Е. Пятикопу. Вызвав к себе командиров рот, он обратился к Олейнику:

— Ты, Иван, из Полтавщины, як я. Давай зробымо нимецьким бисам що зробив Петро Перший пид Полтавой, — и хитро улыбнулся другому командиру роты.

— Буде зроблено, товарищ старший лейтенант, — твердо ответили ротные.

— Извлекаемо корень з фашистов, — произнес вдобавок свое любимое выражение Олейник.

Михаил Пятикоп со своими танками занял исходные позиции на опушке леса западнее Кайваксы, а другая рота — восточнее. Легкие танки Олейника сосредоточились левее роты Ласмана.

Старший лейтенант открыл люк, поднес к глазам бинокль и стал внимательно осматривать местность. Впереди в полутора километрах у горизонта, на небольшой высоте, прижалась к земле Кайвакса. Ветра почти не было. От этого избы в деревне издали казались подвешенными к небу серыми дымными канатами. Кругом — леса, а поле покрыто глубоким снегом. Да, тут простора для маневра маловато. По дороге двигаться нельзя — она наверняка заминирована и прикрывается огнем.

Михаил Евгеньевич полной грудью вдохнул свежий морозный воздух, еще раз оглянулся и только теперь заметил: на полпути справа и слева стоят две большие скирды: «Хороший ориентир на всякий случай», — подумал он и захлопнул люк башни.

Погода меняется, метет вихрастая снежная поземка, обнажая возвышенности. Мороз пробирает до самых костей, густеет смазка в баках.

В 14 часов 30 минут наши танки с десантом пехоты на борту, оставляя за собой снежную бурю, ринулись в атаку, с ходу ведя огонь из пушек и пулеметов. Сливаясь воедино с раскатами пушечных выстрелов, пулеметных очередей и пронзительным свистом вихрастого ветра, прокатилось громкое «Ура-а-а-а!». Это устремились в атаку за танками мотострелковые роты старшего лейтенанта Георгия Чаадаева и лейтенанта Анатолия Хижняка. Впереди, воодушевляя бойцов и командиров, с возгласом «Коммунисты и комсомольцы, впере-е-д!» бежали политрук роты Георгий Зарецкий и секретарь комсомольского бюро мотострелкового батальона младший политрук Василий Шарапа.

До начала боя ни наши разведчики, ни захваченный «язык» не могли установить всю систему обороны гитлеровцев. Многие огневые точки «оживали» лишь с появлением наших танков. Теперь засверкали вспышки и поднимались клубы дыма почти из каждой избы, сарая. Автоматные и пулеметные очереди плели над головой паутину, от которой наши пехотинцы все чаще прижимались к земле.

Смело атаковало врага отделение сержанта Игоря Соколова. Душой бойцов были коммунист с 1928 года Георгий Владимирович Шикин и комсомолец Николай Швайкус.

— Почему прекратил огонь? — крикнул лежащему на снегу Швайкусу Соколов.

— Товарищ сержант, в деревне бегают в тулупах. Должно,

наши партизаны!

— Ты что? Посмотри как следует на рогатые каски! Натуральные фрицы, понятно?!

— Пали по ним! — крикнул сосед слева Шикин.

Фашисты сопротивлялись как фанатики. Вначале они ударили по нашему левому флангу, где находились легкие танки Олейника.

— Гриша, осколочным! — послышалась команда Олейника.

С первого же выстрела орудие перевернулось, а оставшийся в живых расчет забежал в избу. Последовали еще выстрелы. После боя в этой избе обнаружили двух убитых и трех раненых фашистов.

На северной окраине деревни показалась тридцатьчетверка с номером «24» на башне. «Это лейтенант Василий Ежаков», — облегченно подумал Олейник.

Да, это был он. Обнаружив фашистский танк, замаскированный в крайней избе, комвзвода и ударил два раза подряд бронебойным по вражеской машине, потом послал вдобавок два осколочных. Танк моментально вспыхнул. Теперь гитлеровцы не могли ни стрелять, ни выскочить из танка. На него рухнуло перекрытие деревянного дома, которое запылало вместе с танком…

Все это наблюдал в перископ старший лейтенант Пятикоп.

— Молодец, Вася! Жми вперед! Встретимся около школы! — передал он по рации.

Ежаков, как и другие командиры машин, продолжал уничтожать одну огневую точку за другой. До населенного пункта оставалось не более трехсот метров, как почти одновременно два удара потрясли танк — заглох мотор, заклинило башню, запахло гарью.

— Горим! — крикнул башенный стрелок Омельченко.

— Ни с места! — приказал Ежаков, чтобы не допустить опрометчивого выхода экипажа наружу. Но убедившись, что орудие наводить на цель нельзя, так как вражеский снаряд напал в ствол орудия и повредил спаренный пулемет, скомандовал:

— Радисту прикрывать огнем пулемета, а остальным выйти из танка и гасить огонь!

Под разрывы мин и свист пуль накинули на мотор лежавший на борту разорванный и исполосованный осколками брезент, затем закидали двигатель снегом. Огонь погас. Оказалось, что пробит левый борт, выведены из строя наружные баки и незначительно поврежден мотор.

Во время спасения танка осколком мины ранило радиста-пулеметчика Слепенка. Только начали перевязку, как перед

танкистами вырос «скопинский комсомолец». Так любовно прозвали безгранично смелого санинструктора Ивана Тихоновича Курганова, уроженца села Князево Скопинского района Рязанской области. Ему в ту пору шел двадцать девятый год, но он не желал расставаться с комсомолом.

— Разрешите, помогу, — широко улыбнувшись, спокойно произнес он.

Несмотря на сложную обстановку, Ежаков начал приводить в боеготовность свою машину. Поодаль стояли два наших легких танка, которые были повреждены. Его волновало: где же Пятикоп?

В это время на западной окраине Кайваксы показалась наша тридцатьчетверка. Это был танк Пятикопа. Ворвавшись в деревню и оказавшись один во вражеском стане, он действовал дерзко и смело. Маневрируя между домами, чтобы не подставить борт, огнем из пушки и пулеметов крушил метавшихся в панике по снежной улице фашистов. Вот он в упор ударил из пушки по сараю и тот вспыхнул с находящимся в нем орудием.

Ежаков дважды пытался вступить в связь с Пятикопом, но тот молчал. «Ему сейчас не до меня. Не теряя времени, надо ехать к нему на помощь, хотя бы поработать гусеницами», — решил он.

Но подошедшие замкомполка майор Кузьменко с комиссаром полка старшим политруком Тарасовым остановили его и приказали отъехать в укрытие, чтобы, окончательно не разбить машину.

— Воевать на подбитой машине с неисправным вооружением и плохо работающим мотором — значит обрести себя на верную гибель, — сказал майор Кузьменко.

В это время Михаил Пятикоп огнем и гусеницами продолжал крушить гитлеровцев. Против столь дерзкого танка остервеневшие фашисты повернули несколько противотанковых орудий. От попаданий снарядов и, пулеметных очередей в башне стоял грохот, искрило в глазах. Однако отважный танкист продолжал стрелять. Вот танк сильно тряхнуло, он вспыхнул и, проехав несколько метров, остановился. Механик-водитель, башенный стрелок и радист-пулеметчик погибли. Пятикоп пытался погасить пламя, однако ничего не выходило. Он сел на место механика — мотор не заводился.

Фашистам хотелось захватить советского танкиста живым. Окружив танк, они стали горланить: «Рус, ставайс!» Заскрипел люк башни. Крикнув: «Желающих сдаться нема!», Пятикоп громко запел «Интернационал», одновременно начал бросать в разные стороны гранаты.

Вражеские солдаты истошно загалдели. С десяток из них намертво растянулись на снегу. Пятикоп, воспользовавшись

замешательством гитлеровцев, выскочил из горящей машины и с пистолетом в руках залег около гусениц. Фашисты вновь стали приближаться к танку, но их встречал меткий огонь отважного танкиста. Кончились патроны. Теперь Михаил Евгеньевич один вступил в рукопашный бой против 22 вражеских солдат. В этой неравной схватке он пал смертью героя.

Однако атака продолжалась. Танки роты старшего лейтенанта К. Ласмана вместе с мотострелками выбили гитлеровцев из Кайваксы и к исходу дни ворвались в Березовик.

Гитлеровские захватчики в этом бою потеряли убитыми более 120 солдат и офицеров, 6 орудий, минометную батарею, около двух десятков пулеметов. Был подорван склад с боеприпасами, сожжены 4 автомашины и бензовоз. Мужественно дрались танкисты Коверин, Колесник, Семенов, Высоких, Малиновский, Романовский и другие.

По мере продвижения к Тихвину сопротивление гитлеровцев нарастало. 13 ноября танкисты трижды атаковали совхоз «Смычка». Захватчики, неся тяжелые потери, вынуждены были отступить. В бою получили ранения командир мотострелкового батальона старший политрук А. И. Демин, комиссар старший политрук Н. А. Борисов и начальник штаба старший лейтенант И. Г. Баранов. Во время третьей атаки смертью храбрых погибли вновь назначенный комбат старший лейтенант Григорьев и начальник штаба младший лейтенант Волков.

Танковая группа под командованием майора А. Д. Маркова разбила гитлеровцев у деревни Нов. Погорелец. Оставив на поле боя до 200 человек убитыми и потеряв склад с боеприпасами, противник отошел.

Мощными укрепленными пунктами на подступах к Тихвину были также Усть-Шомушка и Горелуха. На рассвете 27 ноября мотострелковый батальон, поддерживаемый восемью танками, атаковал их.

Ворвавшись в Горелуху, танкисты и мотострелки истребили до роты пехоты противника, спалили пять автомашин и четыре танка, захватили ценные документы. Но фашисты успели сжечь дом, в который согнали со всей деревни детей. Однако освободить полностью Горелуху и Усть-Шомушку нам не удалось.

«Надо дождаться разведчиков. Противник, наверное, подтягивает резервы», — подумал комбриг Копцов.

Не страшась ни мороза, ни глубокого снега, умело используя лес и болота, наши разведчики часто пробирались во вражеский тыл. На задание шли с желанием, хотя рисковали своей жизнью больше, чем другие бойцы, а при возвращении испытывали большие перегрузки. На себе приходилось тащить не только

«языка», но зачастую и своих раненых, убитых.

— Возвратились? Что, за вас я буду докладывать начальству? — выпалил посыльный генерала первому попавшемуся командиру бронемашины, Василию Артемьеву. Тот кувалдой поправлял створки радиатора.

— Знаем без тебя, что нам делать. А ну, скройся, а то могу задеть.

— Тогда скажи, где ваш командир?

— Парень, чего ты пристал? Без тебя мы умаялись. Чеши вон к костру! — показал рукой Артемьев.

Там около двух закоченелых фрицев хлопотали разведчики. Перемерзшие фашисты не могли ни идти, ни разговаривать. Один, сильно пьяный, тут же скончался. Другой, рослый, располневший мотоциклист, быстро пришел в чувство. Открыв свои безбровые глаза, мелко стуча зубами, он озирался по сторонам.

— Опять помяли горло? — напустился комбриг на разведчиков.

— Товарищ генерал, мы через дорогу перетянули канат, а мотоциклист налетел на него своим горлом — и в сугроб, доложили разведчики.

— Ничего! Допросить сумеем, — сказал генерал.

Пленный показал, что в сорока километрах западнее Усть-Шомушки он на мотоцикле обогнал колонну своих войск.

Генерал Копцов приказал перерезать дорогу и уничтожить вражескую колонну. Для этого под командованием майора Кузьменко был организован разведотряд в составе трех легких танков старшего лейтенанта Ф. З. Семенного, трех средних — лейтенанта В. И. Ежакова, младших лейтенантов В. М. Зайцева, Н. Т. Рублева с десантом и саперами на бортах.

Под прикрытием темноты танкисты по лесным просекам, тропам, а чаще всего напрямик начали продвигаться в неприятельский тыл. Впереди, прокладывая путь, шли средние танки, а за ними — легкие. Майор не стал тратить времени для инструктажа, лишь сказал:

— Требую четкости в действиях. Глаза и уши держать востро!

Перед рассветом танкисты остановились возле опушки леса. Стояла тишина. Лишь изредка были слышны глухие пулеметные очереди.

Майор Кузьменко, сдвинув на затылок танкошлем, достал из кармана гимнастерки танковые часы. Было ровно семь. Потом вытащил из-за пазухи карту. Изучая ее, обратил внимание на валяющиеся пучки хвороста, связанные проволокой.

— Михаил Васильевич! Скажи, пожалуйста, зачем такой хлам

понадобилось закручивать металлической проволокой? — спросил Кузьменко у Зайцева.

— В этих местах такими связками хвороста осуществляют дренажирование почвы. Закладывая их в землю, отводят избыток влаги.

— Ну, молодец, Вася! Не зря прозвал тебя наш генерал «профессором хлеба». Теперь внимание, товарищи! — сказал майор, оглядев открытую местность. — Мы находимся вот в этой точке, — ткнул пальцем в карту. — Направо — Усть-Шомушка, налево — Овино, впереди в трехстах метрах — дорога, а за спиной — река Тихвинка. Следите в оба, тут будем ждать «гостей».

Прошли томительные минуты ожидания. Сначала по дороге в тыл врага проскочила санитарная машина. Видимо, везла раненых. Прошло немного времени, и показалось до двух десятков пар огоньков.

— Ну, дают фрицы! С чего это они чешут с зажженными фарами? — удивился Федор Семенной.

— Это нам на руку, — сказал Ежаков. — Они дальше своих фар ничего не видят.

— Ежакову уничтожить головную машину! Рублеву ударить по хвосту! Когда колонна остановится, бейте всех подряд! Требую четкости! Не стрелять, пока не открою огня сам, — негромко скомандовал Кузьменко.

Впереди шла бронемашина, за ней, метрах в ста, тянулась колонна автомашин с прицепленными к ним орудиями. Высунувшийся из люка бронемашины гитлеровец заметил расположенные на опушке леса танки и стал разворачиваться. «Не уйдешь, гадина», — прошептал про себя Ежаков.

Загремели первые выстрелы. Бронемашина врезалась в сугроб и остановилась. Из нее выпрыгнули двое. Со второго выстрела машина вспыхнула. Одного из фрицев пристрелили, а второго, раненного, удалось схватить. Это был унтер-офицер. Он имел при себе секретную радиотаблицу, ключи к ней и руководство по расшифровке.

Вся колонна, за исключением нескольких мотоциклов, которым удалось развернуться и скрыться, была сожжена. С опозданием захлопали оставшиеся орудия. После нескольких выстрелов прекратили свое существование и они.

Этот бой разведчиков был коротким, но напряженным. Танкисты испытали удовлетворение от чувства выполненного долга.

За исключением огнеметчиков, им не пришлось вести огонь — расстояние было большое.

— Зачем вы нас взяли, товарищ майор? — каким-то обиженным тоном проговорил Семенной.

При возвращении настроение поднялось и у него. В сумерках на западной окраине Горелухи, почти на берегу Тихвинки, среди кустарников Семенной заметил продолговатую деревянную постройку с дымящей трубой и огоньком в окошке. Пока размышлял о том, что это может быть, оттуда выскочили два голых человека и быстро бросились обратно.

— Треба им устроить вторую баню, — проговорил Семенной и выпустил горючую смесь в направлении бани. Та вспыхнула словно жаркий костер. Огненные языки охватили моющихся фашистов.

— Вы, Федор Захарович, пожалели бы голых фрицев-то, хотя бы дали возможность им одеться, а то сразу начали опаливать, — рассмеялся Ежаков.

— Поэтому-то и палю, что «жалею» мерзавцев, — ответил Семенной.

Танкисты возвратились в свое расположение без потерь. Карта майора Кузьменко была испещрена разными пометками о противнике.

Выслушав доклад майора, генерал Копцов сказал:

— Благодарю, Николай Николаевич, вы сделали большое дело. — Однако, склонившись над картой, задумался и тихо проговорил: — В боевых порядках противника имеются большие резервы. Надо воспользоваться ими. Создать огневую группу, устроить засады и ударить с тыла по отходящим от Тихвина фашистам, — ткнув пальцем на две точки, показал комбриг майору Шнейдеру.

— Это идея. В образовавшиеся бреши в труднодоступных местах необходимо проникнуть во что бы то ни стало, — согласился начальник штаба.

Майор Шнейдер, вызвав командира разведроты капитана Разумного, командира минометного взвода лейтенанта Котляра и командира огневого взвода лейтенанта Анисимова, поставил задачу. Там же были разведчики и саперы.

Автомашина на прицепе тащила два семидесятишестимиллиметровых орудия и боеприпасы к ним. За ней, погрузив на себя по 20 килограммов груза (три восьмидесятидвухмиллиметровых миномета и 36 мин), следовали минометчики. Кроме того, каждый имел вещмешок, противогаз и карабин. А разведотделение с саперами впереди прокладывали путь. Итак, огневая группа, следуя через лес под прикрытием темноты по бездорожью и глубокому снегу шаг за шагом, к рассвету проникла в стан гитлеровцев на глубину до 4

километров. При движении с тяжелым грузом на плечах декабрьский мороз сначала почти не чувствовался, а когда заняли огневые позиции в засадах и пришлось ждать, холод пронизывал до костей. О костре не могло быть и речи.

Тяжелый бой развернулся на рассвете следующего утра. Послышались автоматные очереди по позициям наших разведчиков и саперов. Это была вражеская разведка. Вскоре появилась колонна, впереди шли четыре легких танка.

Вдруг раздался взрыв — направляющий танк подорвался на установленных нашими саперами минах. Два других были сожжены нашими артиллеристами, а четвертый — скрылся в лесной чаще. Минометчики обрушили огонь на колонну.

Рота гитлеровских пехотинцев развернулась в лесу и стала цепью обходить наши позиции с фланга и тыла. Обстановка исключала использование орудий и минометов.

Вдруг метрах в тридцати перед лейтенантом Федором Котляром из-за толстого ствола дерева показалась голова в большом клетчатом платке. «Откуда появилась тут женщина?» — подумал лейтенант. Поднятый пистолет опустился. Голова исчезла, а высунулось дуло автомата.

— Ах, ты, проклятый фриц! В бабу превратился?! — выругался Котляр и тут же резко выстрелил по нему.

Фашист строчил наугад, не высовывая головы. Тут над ухом раздался выстрел из карабина. Это наводчик чуваш Беляев ударил но врагу. Ему было удобнее. Гитлеровец, заорав, уронил автомат. Теперь Беляев начал строчить из автомата.

Огневая группа наших бойцов смело отразила яростную атаку врага. При этом пять человек были тяжело ранены. Во время ремонта своего миномета получил ранение в плечо сержант Д. И. Журавлев. Боеприпасы были на исходе, а поэтому группе было приказано возвратиться обратно. В пути одно орудие, проломив лед, провалилось в реку Нудакса.

— Боевая задача выполнена полностью, — похвалил участников рейда начальник штаба бригады.

Утро 28 ноября. Морозно. Танкисты совместно со стрелковыми подразделениями атаковали Усть-Шомушку и Горелуху. На КП полка приехал генерал Копцов. Он выглядел уставшим и был не в настроении. Сильно беспокоила раненая нога. О госпитале или санчасти не хотел и слышать.

— Доложите обстановку, — потребовал он от находящегося на КП начальника штаба бригады майора Д. Г. Бацкиаури.

— Атака приостановилась, товарищ генерал. Танки идут, а пехота лежит на снегу. Измучила ее артиллерия, — доложил майор.

— Докладом не удовлетворен. Сами-то там были?

— Мне доложили…

Майор Бацкиаури понял, что надо быть на переднем краю самому и пошел к атакующим танкам. Он приполз к находящемуся в 150 метрах от вражеской пехоты наблюдательному пункту на северной окраине Усть-Шомушки. Один наблюдатель лежал убитый, а другой перевязывал рану себе. Майор, уточнив у него вражеские огневые точки, скомандовал:

— По артиллерийской батарее фашистов огонь!

Через несколько минут на левом фланге прокатилось громкое «Ура-а-а!» Но вдруг кинжальный огонь ударил с фланга. Пехота опять залегла, а танки пошли вперед. Комиссар Тарасов знал, как опасен отрыв пехоты от танков.

— Василий, — сказал он своему связному, — ползя по снегу в колее танка и забросай гранатами этого пулеметчика.

— Товарищ комиссар, убьют же начисто, не подпустят.

— Я буду следить за тобой, прикрывать, если что. Буду рядом. Иди, не бойся. Ты везучий в бою. Знаешь, в прошлую ночь разведчик Бикенов обнаружил дзот и забросал гранатами, при этом уложил пятерых гитлеровцев.

— Круглолицый казах Сейткерим, товарищ комиссар?

— Точно, комсомолец Сейткерим Бикенов.

Боец пополз по глубокому, слепящему белизной снегу и скрылся в танковой колее. Через несколько минут впереди лихорадочно затрещали пулеметы.

«Неужто Вася нарвался?» — подумал Тарасов и поторопился к нему на помощь. Однако перед ним пули подняли бело-бурую пыль. Но в это время впереди раздались два взрыва, пулемет умолк. Пехотинцы закричали «Ура!» и стали догонять танкистов.

Василий, счастливый, стоял и ждал приближающегося комиссара, который обнял и по-отечески поцеловал его. Никто в это время не знал, кроме комиссара, какое важное задание выполнил его связной, не щадя жизни, ради победы над врагом.

Политрук Зарецкий был дважды ранен, но мужественный воин не пожелал покинуть поле боя. От третьего ранения он погиб.

— Друзья, мы потеряли такого человека! Отомстим за него! Вперед, советская комсомолия! — громовым голосом воскликнул комсорг роты, остроносый, всегда настороженный сержант Егор Воробьев. В Горелухе он лично истребил 12 фашистов и гранатой уничтожил расчет станкового пулемета врага.

Горячие призывы комсомольского вожака роты огнем обожгли сердца воинов. Ринулись вперед коммунист Георгий

Шикин, комсомольцы Игорь Соколов, Николай Швайкус. Теперь и на правом фланге над снежным полем прокатился боевой клич русской армии: «Ура-а-а-а!»

Ранило Зубнова и Швайкуса. Их вынес с поля боя Шикин. Вражеские пули оборвали жизнь комсорга роты Егора Воробьева. Пробиты орден Красного Знамени и комсомольский билет. Раненый замполитрука Мостяев с трудом прочел вложенную в билет записку Егора Прокопьевича боевым друзьям. Там было написано:

> «Любимая Родина! Родная комсомолия! Воевал я старательно, как мог, себя не жалел. Погибаю, любя свой народ, и глубоко убежденный в нашей победе. Думаю, свой долг, как член Ленинского комсомола с 1935 года, выполнил. Ваш Егор Воробьев».

На могиле комсорга секретарь бюро комсомола батальона младший политрук Шарапа сурово сказал:

— Клянемся отомстить за тебя, Егор!

— Клянемся, клянемся, клянемся! — громко повторили комсомольцы второй роты лейтенанта Полищука.

Враг сопротивлялся отчаянно. Майор Бацкиаури в лихорадке боя рискованно поднялся во весь рост на бруствер блиндажа с телефонной трубкой в руке. Наблюдая в бинокль, продолжал корректировать огонь наших артиллерийских батарей. С места можно было видеть взлетевшие на воздух бревна вражеских укреплений. Вскоре фашистский снайпер оборвал жизнь майора Дмитрия Георгиевича Бацкиаури. Все, кто пошел за ним, также были убиты.

— Немедленно выследить и уничтожить сволочь! Кто желает? — спросил генерал Копцов.

— Разрешите мне, товарищ генерал, — отозвался командир взвода Семен Урсов.

Этот молодой лейтенант за пять месяцев войны стал известен всей бригаде как отважный командир. Кроме нашего автомата, он носил финский автомат «Суоми». Чтобы выследить притаившегося снайпера, ему пришлось пролежать на снегу в трескучий мороз битых два часа. Впереди виднелось много черных квадратиков и прямоугольников, похожих на амбразуры. Вдруг метрах в четырехстах, на опушке леса, одна из подозреваемых амбразур засветилась. «Что это значит? Может быть, открыта дверь дота, а снайпер отошел?» — размышлял Урсов. Стоп, опять потемнела амбразура. Стало быть, он подошел и своим телом закрыл ее.

Последовала очередь из «Суоми» — и амбразура сразу

засветилась. Затем несколько снарядов подбросили туда и артиллеристы. В результате дот был разрушен до основания.

Танкисты старшего лейтенанта Ласмана и Семенного стремительно продвигались вперед. Действующий на правом фланге танк Василия Ежакова по еле заметной проселочной дороге поднялся на небольшую возвышенность. Не останавливая машину, лейтенант решил в бинокль окинуть местность. Кругом было бело. Впереди полукругом темнел лес. «Неужто немцы отсюда смылись?» — подумал командир. Неожиданно с опушки загремел залп. Ежаков только успел заметить две вспышки и захлопнуть люк, как около танка поднялась снежная буря.

— Денисенко, подай машину назад, — спокойно проговорил Ежаков. Он, чем больше обстановка осложнялась, вел себя спокойнее.

Впереди на снегу остались четыре черных воронки. Снова четыре разрыва раздались возле танка. Потом еще и еще. И вот он уже вышел из поля зрения фашистов. Наши пехотинцы залегли.

— Нарвались на засаду. Что будем делать? — обратился Ежаков к экипажу. Потом, не дождавшись ответа, открыл люк. Слабый ветер дул в сторону противника.

— Омельченко, подожги две дымовые шашки и швырни в одно и то же место! — приказал командир.

Поле заволокло дымом. Тем временам танк повернул влево и, преодолевая глубокий снег, медленно стал продвигаться вперед. Вскоре удалось выйти на небольшую лесную просеку. Пехотинцы в белых халатах пробирались по опушке леса, а остальные — возле танка. Впереди лихорадочно затрещали автоматы и пулеметы.

— Товарищ лейтенант! На опушке два орудия! — доложил подбежавший командир стрелкового взвода Санков.

— Отводи своих назад! — крикнул Ежаков и процедил сквозь зубы: — Теперь-то уж отыграюсь.

Тридцатьчетверка, выдвинувшись вперед, почти в упор открыла огонь сначала по вражеским орудиям, а затем и по пехоте. Противник не успел развернуть орудия. Наши стрелки постарались добить разбежавшихся вражеских артиллеристов.

— Товарищ лейтенант, тут где-то остались еще два фашистских орудия. Как быть? — обратился башенный стрелок Омельченко.

— Искать не будем, — ответил командир.

— Тогда я проеду по лафетам орудий, — послышался голос Денисенко.

— Не смей! Они и так отвоевались, — не отрываясь от прицела, строго проговорил Ежаков. — Вон что-то выползает из

леса, — заметил он и тут же скомандовал: — Осколочным!

Вражеский бронетранспортер выполз быстро из леса, но на обочине дороги застрял. Наши танкисты без единого выстрела захватили его, насадили в него раненых пехотинцев и на буксире доставили в расположение батальона. Огневая система гитлеровцев рушилась, живая сила таяла с каждым днем. Не выдержав натиска наших наступающих подразделений, гитлеровцы начали отступать.

— Преследовать противника! — приказал командир полка майор Косогорский лейтенанту Олейнику.

Наши легкие танки ринулись за отступающими гитлеровцами. Впереди, расстреливая огневые средства врага, шли пушечные, а за ними, извергая пламя по разбегающимся фашистам, — огнеметные танки. Вскоре на дороге стали попадаться разбитые или сожженные орудия, прицепленные к тягачам, искореженные автомашины, обгорелые трупы гитлеровских вояк.

Танкисты ворвались в Овино. Впереди шел сам комроты Иван Олейник. Он расстреливал вражеские орудия, ведущие огонь слева. Однако гитлеровцы успели сосредоточить здесь значительные огневые средства. Удар из-за дома справа с близкого расстояния остановил машину Олейника. От прямого попадания в моторное отделение она загорелась.

— Покинуть машину! — послышался голос командира.

Раненный в голову механик-водитель Николай Немировский, пытаясь выскочить, повис в своем люке.

— Гриша, помоги Николаю! — крикнул комроты Гарину.

— Сейчас, товарищ лейтенант! — отозвался тот, который в это время набивал сумки от противогазов патронами для пулемета.

— Дай мне пулемет, а сам тащи Немировского, — приказал лейтенант.

Выполнив приказ, Гарин передал раненого командиру. Но тут выбежавшие из изб фашисты лихорадочно открыли огонь из пулеметов и автоматов. Над головой засвистели пули.

— Ползите быстрее, я прикрою вас! — и Гарин открыл огонь по фашистам.

Взвалив на шину механика-водителя, Олейник медленно пополз по танковой колее в сторону опушки леса.

— Петрусь, заверни махорки. Не хочу умереть, не покуривши, — застонал Немировский.

— Я, Микола, не Петрусь, а командир роты.

— Як живе мамо, сынок? Не болеет? — опять прошептал тот над ухом.

Понял Олейник, что Немировский бредит. «Пусть подымит, может, полегчает ему», — подумал он. Лежа пошарил у себя курево, но папиросы оказались истертыми в порошок. Тогда достал из кармана ватных брюк раненого махорку, свернул самокрутку и засунул ее в рот Немировского. Несмотря на мороз, Олейнику было жарко. Он снял с себя замасленную и почерневшую шубу, прикрыл ею раненого и пополз дальше.

Пальба на поле боя продолжалась. Гарин строчил беспрерывно. Бросил в наседавших фашистов несколько гранат. Вдруг ротному обожгло шею, а лицо залило кровью. Подумав, что чиркнула нуля, Олейник на мгновение остановился. Но тут же, сказав «Нехай тече» и проведя замасленным танкошлемом по лицу, пополз дальше.

— Микола, ты жив? — спросил ротный.

Механик-водитель молчал. «Видно, не слышу из-за пулеметной трескотни», — подумал Олейник. Голову Немировского пробила вторая пуля. Выпавшая изо рта самокрутка обожгла шею лейтенанта. Это было уже на опушке леса.

Наши стрелковые подразделения закрепились на занятом рубеже.

29 ноября. Еле пробивающееся через облака солнце еще не скоро перевалит за полдень. К выкрашенному в белый цвет тяжелому танку командира роты прибежал посыльный.

— Лейтенанта Карташова и политрука Кузьмина — к командиру бригады! — крикнул он.

В штабной машине за продолговатым столом сидел командир бригады генерал Копцов. Он внимательно изучал лежавшую на столе карту и что-то помечал на ней карандашам. В широкой консервной банке дымила его трубка с длинным чубуком. В углу стояли костыли. Левая раненая нога была одета в большой чулок. На противоположной стороне стола сидел командир полка майор Н. Г. Косогорский. Тут же были комиссар бригады старший батальонный комиссар Литвяк, комиссар полка Тарасов и другие штабные офицеры.

— Как состояние машин, самочувствие экипажей? — строго, не отрываясь от карты, спросил комбриг.

Командир и политрук доложили, что рота к выполнению боевых задач готова.

— Ну, добро. Теперь смотрите на карту.

Командир полка подробно объяснил сложившуюся обстановку и задачу.

— Вот лесной кордон Спасский, — показал он на небольшой

населенный пункт. — Противник метрах в 500—600 от кордона на небольших высотах создал опорный пункт с большим количеством противотанковых орудий. Проходы на танкодоступных местах минированы. Вашим тяжелым танкам предстоит по сделанным саперами проходам прорваться в населенный пункт, вызвать на себя огонь вражеской батареи и пулеметных точек — тем самым раскрыть систему обороны врага. За вами в атаку пойдут с десантом на бортах тридцатьчетверки.

— Задача ясна? — подняв голову от карты, спросил комбриг и, взяв трубку, стал постукивать ею по столу.

— Ясна, выполним с честью, — ответили командир роты и политрук.

— Товарищ генерал, разрешите выполнять задание вместе с ротой, — обратился старший политрук Тарасов.

Генерал подумал немного и произнес:

— Третьего дня товарищ Косогорский в боевых порядках вручал танкистам партийные билеты. При возвращении с передовой фашисты окружили его и потребовали отдать шубу для своего генерала. Товарищ Тарасов атакует врага и освобождает отстреливающегося из снарядной воронки командира полка. А вчера комиссар танкового полка Тарасов водил в атаку стрелковые подразделения. Что?! Было некому? — сурово спросил генерал.

— Так получилось.

— А как получилась у Бацкиаури? Под носом противника корректировал огонь артиллерии! Теперь придется хоронить.

— Не разрешаю, справятся без вас. Не позволю опрометчиво подвергать себя опасности! — решительно ответил комбриг, что даже трубка затряслась во рту.

— Ты, Михаил Кузьмич, поговори с народом, — предложил тогда Тарасов.

— Понятно, товарищ комиссар, — ответил Кузьмин, и они ушли.

Через несколько минут политрук уже разговаривал с коммунистами, комсомольцами и расчетами экипажей.

Итак, тяжелые машины, кивая стволами пушек, устремились в сторону врага. Фашисты не замедлили открыть ураганный огонь. Но наши танки настойчиво продвигались вперед. Пехота захватчиков — в смятении и панике. Офицеры пытаются остановить своих солдат, бросающих позиции. Советские танкисты пулеметным огнем косят бегущих фашистов.

— На правом фланге — закопанные танки! — доложил лейтенант Юрий Погребов и тотчас же сам обстрелял их.

Гитлеровские машины были сожжены.

— Разбита ходовая, — вскоре послышался голос младшего лейтенанта Дмитрия Волкова.

— Прикройте огнем с места продвижение остальных, а затем — ремонтироваться! — приказал по рации комроты.

Несмотря на тридцатиградусный мороз в машине душно от интенсивной стрельбы. Соленый пот жжет лицо, заливает глаза.

— Миша, бронеколпаки-то снарядами не возьмешь! — крикнул Карташов политруку.

— Давить их! — предложил Кузьмин.

Танк раздавил два колпака. Увлеченный боем КВ политрука Михаила Кузьмина оторвался от остальных и потерял с ними зрительную связь.

— Нет, не передавить всех головорезов, — беспрерывно ведя огонь, зло выругался комроты.

— А стараться надо, — только и успел вставить политрук. Из глаз посыпался сноп искр, застучало в голове и загудело в ушах. Нанесен сильный удар по танку, и он остановился. На несколько секунд в машине воцарилась тишина. Приложив руку к голове (она ударилась обо что-то), политрук крикнул:

— Братцы, живы?

Ответа не последовало. Бездыханное тело командира роты Якова Карташова медленно сползало на боеукладку, а другие расчеты были оглушены. Политрук Михаил Кузьмин прижался к окуляру прицела.

— Мы еще повоюем! Вперед! — произнес механик-водитель, и машина ринулась на врага.

— Справа сарай, жми на него! — послышался суровый голос политрука.

Отпрянувшие от сарая немецкие автоматчики угодили под свинцовую струю танкового пулемета. Кузьмин долго вел огонь из пушки и пулемета. Даже после второго попадания, когда все товарищи погибли, он не прекращал огня и то и дело повторят: «Мы еще повоюем!»

Третья пробоина — в борт и топливный бак. КВ горел. Нельзя и некому было спасти его. Задыхаясь от дыма, обожженный танкист думал не о смерти, а о том, как бы больше уничтожить фашистов. Переключив рацию на себя, политрук передал:

— Веду огонь, все убиты, танк горит…

Через несколько минут в наушниках послышался его хриплый голос: — «Это есть наш последний и решительный бой…»

Услышав голос политрука, к нему на помощь устремился лейтенант Юрий Погребов. Но не доехал — его машина подорвалась на фугасе. По неподвижному танку гитлеровцы стали бить из орудий, и КВ вспыхнул. Однако экипажу удалось

погасить огонь и спасти танк.

Фашисты из лесного кордона были выбиты. Боевая машина политрука Михаила Кузьмича Кузьмина, вся черная, истыканная десятками снарядов, гордо стояла с высоко поднятой пушкой.

Увидев наших, молча подошли к танку двое: старик в изорванной черной шубенке, шапке с оторванным ухом и старуха в старой ватной стеганке и шали. На их исхудалых, землистых, черных лицах светилась радость.

— Ребята бились дерзко. Из танка сыпались искры от ударов снарядов, а он усе идет вперед. Фашисты, окаянные, подожгли его, а они усе палят из пушки. Потом, как гром, услышали «Интернационал». Не удержались мы со старухой, заплакали, — рассказывал старик. Потом попросил закурить.

— Вы-то где живете? — спросил старший политрук Тарасов.

— Мы-то? Вона, в погребе, — показала старуха на полуразваленную крышу. — Избу, окаянные, сожгли. Все ограбили, из живности остались лишь собака и кошка. Ничего не оставили из теплых вещей…

Танк политрука капитан И. А. Лаврененков и воентехник А. П. Алпатов эвакуировали, а геройски погибших товарищей похоронили.

Днем 1 декабря 1941 года к танкистам приехал командующий армией генерал армии К. А. Мерецков. В бекеше, настроение бодрое. Не удалось ему побывать во всех батальонах — помешали «юнкерсы».

— Сражаются ваши танкисты с мотострелками, Николай Григорьевич, отчаянно, — похвалил командарм.

Командир танкового полка майор Косогорский у генерала армии К. А. Мерецкова пользовался особым авторитетом. Они, как советские добровольцы, вместе участвовали в войне испанского народа против фашизма. За боевые подвиги майор был награжден орденом Красного Знамени.

— Особую похвалу заслужили вы за разгром вражеской колонны. Не представляете, что вы натворили?! Лишили Тихвинский гарнизон гитлеровцев подкрепления. Там теперь поднялась паника. Спасибо вам за это, товарищи танкисты! — благодарил генерал армии. Затем он обнял майора Косогорского и комиссара полка Тарасова. — Теперь надо совместно с подразделениями стрелковой дивизии нанести удар по противнику с запада от города на Лазаревичи и далее, чтобы ворваться в Тихвин с юго-запада. Думаю, и эта задача будет выполнена вами, товарищи танкисты, — сказал командарм и уехал.

Перед сумерками танки заняли исходные позиции на берегу

Тихвинки, а с наступлением темноты началась переправа. Было тихо и спокойно. Далеко впереди поднимались осветительные ракеты и раздавались звуки одиночных выстрелов.

— Николай Николаевич, неужели противник проморгает нас? — проговорил комиссар Тарасов.

— Быть не может. Это даже неинтересно, — поправляя повязку на раненой правой руке, улыбнулся замкомполка майор Кузьменко. Он еще 3 ноября был ранен. В санчасть обратился лишь для перевязки. Теперь он тут был старшим.

— А тебя, Александр Александрович, попрошу на тот берег. Будешь принимать и направлять танки к местам их сосредоточения. Предупредишь, чтобы остерегались мороза, вон как жмет, и чтобы замаскировали следы.

— Я тоже думаю, одному надо быть там, — ответил комиссар и повел первый легкий танк по льду. За ним пошли второй, третий. Переправилась вся рота старшего лейтенанта Семенного. Двинулись тридцатьчетверки лейтенанта Ласмана. Но тут на льду одновременно загремели разрывы нескольких снарядов и мин, от которых поднялись смешанные со снегом фонтаны земли.

— Огонь не прицельный, переправу продолжать, — приказал подъехавший на бронемашине генерал Копцов.

Майор Кузьменко, не обращая внимания на обстрел, продолжал направлять к переправе танк за танком. Подошел к спуску взвод лейтенанта Ежакова. В этот момент неподалеку от его машины грохнул снаряд. Высунувшийся из башни лейтенант успел заметить, как майора отбросило в сугроб. Он выпрыгнул из танка.

— Товарищ майор, что с вами?

— Ничего особенного, лейтенант. Выполняйте приказ, — запинаясь, сквозь зубы процедил майор.

— Товарищ майор, разрешите, перевяжу вас?

— Выполняйте приказ, — опять послышался дрожащий голос.

Что же делать? Приказ есть приказ.

— Санитары! Сюда! — крикнул он и, увидев, что к майору бегут командир полка Косогорский и два бойца с санитарными сумками, побежал к своему танку.

За каких-нибудь полчаса лед стал темным от воронок. Чтобы танки не угодили в них, командиры бежали впереди своих машин.

— Вы почему опоздали? — спросил у Ежакова комиссар Тарасов.

— Товарищ комиссар, ранило майора Кузьменко, — доложил лейтенант.

Огорченный Тарасов стоял молча. К нему подошел комиссар

танкового батальона, похожий на былинного богатыря с добрыми глазами, старший политрук Г. М. Бударин.

— Товарищ комиссар, командир полка просил вас заменить майора Кузьменко. За вас тут буду я, — басистым голосом доложил он.

Старший политрук Тарасов со своим связным побежал на противоположный берег Тихвинки.

— Будьте осторожны, сильно бьет! — крикнул им вслед Бударин.

Майор Кузьменко, пролежав в санчасти два дня, встал в строй.

Атаку Лазаревичей было решено начать с рассветам следующего дня. А пока младшему лейтенанту Василию Зайцеву командир полка приказал выяснить огневые точки и силы противника в этом населенном пункте.

Время — за полночь. Однако на фоне белого снега видимость неплохая. Зайцев со своим экипажем и четырьмя бойцами на борту тронулся в разведку.

Пройден Стар. Погорелец. Теперь до окраины Лазаревичей надо пробираться лесом. Командир взвода Ежаков предупредил, что менее опасно следовать по лесной тропе, нежели просеками. Гитлеровцы, как правило, минируют в основном их. Командир ехал, высунув голову из люка башни, то и дело раздвигая колючие и мохнатые ветки елей. В лесу было тихо. Боевая машина скрытно и медленно продвигалась словно под огромной крышей. Остановились в глубине леса. Зайцев с двумя бойцами вышли к опушке, залегли и стали наблюдать за находящейся на небольшой возвышенности деревней.

— Товарищ лейтенант, не видать тут ни одного фрица. Они или дали тягу, или дрыхнут без задних ног, — тихо проговорил рядом лежащий боец.

— Погоди, не спеши. Надо иметь терпение. Время и погода для разведки подходящие. Ночью фашисты дрыхнут после дневного разбоя. И брать хорошо их под утро, — проговорил Зайцев и тут же добавил свои любимые строки:

Мой друг, отчизне посвятим
Души прекрасные порывы.

Взлетевшая в темное небо ракета осветила лес, поле, деревню, и с двух сторон послышались длинные очереди автоматов. Зайцев отчетливо увидел справа и слева удобно расположенные два бугра. «Наверное, доты. Впрочем, надо подождать еще ракету», — подумал командир танка. Через

некоторое время послышался далекий шум моторов. Вот взвилась очередная ракета, и отчетливо вырисовывались ближние огневые точки, стрелковые ячейки, откуда фашисты то и дело бегали в ближайшие избы, очевидно, греться. Набросав схему вражеской обороны, экипаж Зайцева перед рассветом по своим же следам возвратился в расположение части.

Раннее морозное утро. Танкисты приготовились к атаке на Лазаревичи.

— Николай Григорьевич, надо бы поговорить с коммунистами, — обратился комиссар к командиру полка.

— Сколько потребуется времени? А то погода-то летная, — задрав голову к небу, произнес Косогорский.

— Минут пятнадцать, не более.

— Не возражаю. Только сразу же после завтрака, — согласился командир.

Комиссар Тарасов, собрав под раскидистой елью коммунистов, как всегда, предельно лаконично сказал:

— Впереди Тихвин. Прошу по-прежнему высоко нести звание коммуниста-ленивца.

Вручая лейтенантам Н. Т. Рублеву, С. А. Маркину, сержанту А. Н. Денисенко партийные билеты, поздравил их и пожелал удач в предстоящем бою. Короткими были и ответы молодых коммунистов: «С честью оправдаем звание члена Ленинской партии». Затем парторг полка старший политрук П. В. Давыдов зачитал заявление младшего лейтенанта В. М. Зайцева: «Прошу принять меня кандидатом в члены партии…» Тут же уставший после ночного поиска стоял сам Зайцев.

— Знаем мы Василия Михайловича. Командир отчаянный, — крикнул один из коммунистов.

Но тут раздалась команда:

— Возду-у-у-ух! Возду-у-у-ух!

— По местам, товарищи коммунисты! — скомандовал комиссар и сам побежал. Над головами загудели, закружились «юнкерсы». От разрывов бомб лес загудел, застонал. Вблизи от своего танка комиссар упал. Потом взрывная волна отбросила его к дереву. Оказавшись на спине, комиссар увидел удаляющиеся самолеты.

— Сколько насчитал, комиссар? На, одень, а то простудишь раненую голову, — подал ему слетевший с головы танкошлем подошедший Косогорский. Он видел, как кинула Тарасова взрывная волна.

— Штук десять. Фу, начисто отбило дыхание, — схватившись рукой за окровавленную голову, проговорил Тарасов. Он еще не знал, что осколок прочертил спину и задел валенок. Комиссара

повели в санчасть на перевязку.

Под шум бомбежки лейтенант Ежаков первым повел свой взвод в атаку на Лазаревичи.

— На северо- и юго-западной окраинах — артиллерийские точки, — предупредил всех Зайцев.

Действительно, гитлеровцы, выкатив противотанковые орудия, три раза пытались ударить прямой наводкой по мчавшимся вперед машинам. Но от меткого огня танкистов их расчеты простились с жизнью, сумев сделать свои последние выстрелы.

— Теперь действуйте самостоятельно. Уничтожайте вражескую технику. А мне приказано выйти к сараю. Рублев пусть перережет железную дорогу Тихвин — Волхов, — распорядился по рации Ежаков и направил свою машину на северную окраину деревни. Там уже стоял наскочивший на мину танк лейтенанта Корлякова. Командир, тяжело раненный, вскоре скончался.

По снежной улице мчалась тридцатьчетверка Василия Зайцева. Несколько фашистских солдат, подняв руки, с искаженными от ужаса лицами бежали к нему, а остальные бросились в огороды, блиндажи. Он бил по блиндажам прямой наводкой.

— «Береза»! Я — «Дуб»! Я — «Дуб»! Молодец, Вася! Ко мне вкатываются беженцы из твоего «гарнизона». Я их не обижаю, укладываю, — послышался голос Ежакова.

— Мерзавцы засели в домах, банях, овинах и огнем застопорили нашу пехоту, еду к ней, — доложил Зайцев своему взводному.

Бой продолжался. Когда Зайцев вторично понесся по улицам, туда уже вошла наша пехота. Теперь гитлеровцы бежали без оглядки, стремясь по льду перебраться на другую сторону реки. Многие нашли здесь свою смерть.

— Товарищ командир, вон в избушку с палисадником забежали фашисты, — доложил радист-пулеметчик Андрей Ращупкин. Его пулемет ни на минуту не прекращал огня.

— Кузьмич! «В гости» к фрицам! — скомандовал Зайцев механику-водителю Ивану Кривоусу.

Водитель развернул танк и направил его на дом. Пробив станы, стальная громадина раздавила вражеских солдат, проскочила дом и понеслась к реке. Там, с противоположного берега, вели огонь несколько пулеметов. Зайцев заставил навсегда замолчать их. Он уже разворачивал машину, чтобы ехать дальше, как вдруг с правого фланга ударило орудие. Тридцатьчетверка вздрогнула и остановилась. Вдали показались бегущие фашисты.

— Всем покинуть машину! Укрыться в окопах! — скомандовал Зайцев.

Механик-водитель Кривоус и башенный стрелок Овчинников, выскочив, залегли в нескольких метрах ют горящего танка.

— Где же командир и радист? Почему задерживаются? — забеспокоился Овчинников.

В это время Василий Зайцев и радист-пулеметчик Андрей Ращупкин, почти ослепшие от едкого дыма, закрыли руками и тряпками лица от языков пламени, ловили в прицел подбегающих к машине фашистов. Уверенные в полной безопасности, те не маскировались.

Вызвал по рации Ежаков, но в ответ лишь услышал сердитый голос Зайцева:

— Врешь, не возьмешь!

Поняв, что случилось что-то неладное, командир взвода устремился в Лазаревичи.

Гитлеровцы окружили подбитый танк и с любопытством глазели, как он горит. Кривоус и Овчинников, раненные, лежали в траншее.

— Получайте, гады! — выдавил сквозь зубы Зайцев, почти потерявший сознание от едкого, удушливого дыма, и нажал крючок спускового механизма танкового пулемета. Опять загремели выстрелы. Гитлеровцы в ужасе шарахнулись в сторону.

В самую последнюю минуту Ращупкин радировал командиру полка:

— Горим, но огня не прекращаем. — Затем в микрофоне послышалось хриплое пение «Интернационала»…

Первым на помощь к горящей машине на своей избитой вражескими снарядами тридцатьчетверке подъехал Василий Ежаков. Героически сражавшиеся младший лейтенант В. М. Зайцев и сержант А. И. Ращупкин уже были мертвыми…

— Прощай, Вася! Любил ты нашу землю, растил хлеб. За нее ты отдал свою жизнь. Прощай, бывший студент Андрей! Вышел бы из тебя хороший инженер, — тихо проговорил лейтенант Ежаков, и глаза его повлажнели.

Танкисты. — лейтенанты К. Г. Ласман, И. С. Павленко, младшие лейтенанты М. Т. Рублев и С. С. Нестеров — окончательно очистили Лазаревичи от гитлеровцев.

На следующий день группа танков под командованием майора А. Д. Макарова вышла на Волховское шоссе. В 4.00 9 декабря танки бригады совместно с другими частями полностью освободили город Тихвин. В бою на подступах к нему был сражен вражеской пулей шедший впереди наступающей роты секретарь комсомольского бюро мотострелкового батальона младший

политрук Василий Фомич Шарапа.

После небольшого отдыха в батальонах прошли митинги, на которых был зачитан приказ по бригаде, посвященный освобождению Тихвина. В нем говорилось: «…за месяц продолжавшихся боев за город уничтожено большое количество живой силы и техники немецких захватчиков…». Воевать на тяжелых и средних танках в лесисто-болотистой местности в осенне-зимнюю погоду было нелегко. Несмотря на исключительно тяжелые условия личный состав бригады сражался мужественно, стойко, проявляя беспредельную преданность Родине и массовый героизм. За это комбриг всему личному составу объявил благодарность. Многие отличившиеся в боях бойцы и командиры представлены к награде… Приказано в течение дня приводить в порядок боевую матчасть, затем начать преследование отступающих на запад немецких захватчиков.

Танки бригады 11 декабря подошли к поселку Черенцово. Погода еще с вечера испортилась. Сначала повалил большими хлопьями снег, а к полуночи по-настоящему разыгралась вьюга.

Глубокой ночью на КП полка приехал комбриг Копцов. Кроме водителя вместе с ним был молодой старший лейтенант Семен Урсов. Комбриг любил слушать донесения из уст непосредственных участников боев. Часто беседовал с расчетами танковых экипажей.

— Вроде кто-то разговаривает? — внимательно прислушиваясь, обратился комбриг к командиру полка Косогорскому.

— Впереди на опушке леса занимают оборону наши стрелковые подразделения. С вечера было слышно еще отчетливее. Теперь гасит пурга, — доложил командир полка комбригу.

Видя, что генерал в такую пургу собирается побывать непосредственно в подразделениях, Косогорский начал было докладывать о расположении танков.

— Не докладывайте, мы с комиссаром Тарасовым лучше посмотрим сами. А комбат покажет нам их. Так, Андрей Данилович? — Копцов повернул голову в сторону майора Маркова, который явился докладывать обстановку.

— Разумеется, Василий Алексеевич! — ответил комбат. Они на реке Халхин-Гол вместе воевали против японских самураев и друг друга всегда величали по имени, отчеству.

Танки были сосредоточены в лесу в 400—500 метрах позади нашей пехоты.

— Чья машина? — показал генерал на крайний Т-26.

— Старшего лейтенанта Олейника! — послышался голос выросшего перед генералом командира роты. Он издалека распознал приближающихся и побежал навстречу комбригу.

— Сектор обстрела, маршрут выхода в атаку намечены?

Командир роты доложил и это.

— Почему дежуришь ты сам?

— Товарищ генерал, отдыхать-то всем хочется одинаково.

— Это верно. Где, в машине?

— Нет. Поскольку противник ведет лишь редкий беспокоящий огонь далеко в тыл, то я разрешил им расположиться около танка, — доложил комбат.

— Правильно. Но не вижу, где же спят?

— Вон, — показал Марков на небольшой белый бугорок на противоположной от противника стороне танка.

Бойцы натаскали веток, постелили брезент и им же укрылись. Теперь на них навалило снегу. Комбриг поднял край брезента. Оттуда обдало теплым паром.

— Настоящая баня, — прошептал он.

— Закройте дверь! — послышался чей-то грозный голос из-под брезента.

— Ну что ж, Николай Григорьевич, по части расположения и охраны замечаний не имею. Танковые следы, думаю, до утра пурга сравняет. Проверяйте почаще дежурных: уставшие могут уснуть. А завтра, разумеется, — в бой, — сказал генерал командиру полка по возвращении на КП и уехал.

На обратном пути надо было преодолеть небольшую речку. Гитлеровцы успели артснарядом разрушить мост. А водитель в такую метель не мог это заметить — и машина провалилась. Пришлась немало потрудиться, чтобы ее вытащить. К тому же комбригу слегка поранило голову осколком снаряда. Это было его третье ранение под Тихвином.

Наутро погода начала восстанавливаться. Сначала еще низко висели черные тучи. Казалось, что их держат вершины леса. А часам к десяти они стали рассеиваться, и сквозь них проглянуло солнце. Командование полка находилось уже в подразделениях.

— Летят «стервятники» попрощаться с Тихвином, — усмехнулся комиссар Тарасов, услышав нарастающий гул вражеских самолетов.

— Нет, Александр Александрович, похоже, кружатся над нами. Следов-то от танков нет — замело. Вот и ломают голову, — с улыбкой заметил майор Кузьменко.

На самом деле, заснеженные поля, леса и выкрашенные в белый цвет танки слились в один цвет. Не обнаружив танков, вражеские самолеты улетели. Через несколько минут от

содрогания земли стали сыпаться с веток серебристые снежинки. Это где-то в нашем тылу освободились от груза «юнкерсы».

«Пора начать атаку», — подумал командир полка и скомандовал по рации:

— По машин-а-а-ам! Завод-и-и-и!

Танки, поднимая снежную бурю, с десантом на бортах устремились в бой. До опушки леса их провожал майор Кузьменко. На переднем танке ехал комиссар батальона Бударин.

— Герман Матвеевич, я тебя догоню! — крикнул вслед ему Кузьменко. Комиссар в ответ помахал рукой.

Старший политрук Бударин был безупречным политработником и командиром. Своим кругозором, внешним видом, кипучей энергией и деловитостью он внушал всем доверие. Как-то, понаблюдав за взаимоотношениями комбата Макарова с комиссаром Будариным, Тарасов сказал:

— Приятно смотреть, когда дружат сильные люди.

Даже комбриг генерал Копцов не мог разговаривать с Будариным без улыбки. «Гордость русского народа», — отзывался он о нем.

За комиссаром двинулись старшие лейтенанты Олейник, Семенной, Ежаков, лейтенанты Рублев, Богомолов, Дьяченко.

— Во избежание потерь от авиации противника — атаковать развернутым строем, — радировал майор Косогорский.

Предвидение командира полка подтвердилось незамедлительно. Как только началась атака, с тыла из-за леса появились самолеты. Фашисты опоздали — наши танки уже развернулись и, ведя за собой стрелковые подразделения, продвигались вперед. Когда начинали рваться бомбы, машины останавливались, а пехотинцы, опасаясь от осколков, быстро забирались под танки.

Налет кончился, ни один танк не пострадал. Тяжело ранило вышедшего наружу из укрытия мотострелков комбата майора А. Д. Маркова. Теперь батальон повел в бой комиссар Бударин.

Поселок Черенцово освобожден. Гитлеровцы поспешно отступили. А наша танковая колонна двинулась вперед. К головной машине остановившейся в лесу колонны подошли генерал Копцов и комиссар Литвяк. Вызвав командиров подразделений, они предупредили, что активно действует авиация противника и марш придется совершать в вечернее и ночное время. Поэтому надо быть предельно внимательными, чтобы не просмотреть минированные участки.

Только прозвучала команда «По машинам!» и тронулся направляющий танк, как лес потряс сильный взрыв. Всех, окружавших комбрига, разбросало взрывной волной, а его

молодой и смелый ординарец Николай Федорович Радин погиб.

К трем часам ночи танковая колонна вплотную подошла к поселку Валя. Всем хотелось отдохнуть в теплой избе, однако майор Косогорский приказал:

— Танкам и экипажам — сосредоточиться в лесу. — Он не хотел подвергать риску людей и технику, зная, что возможен налет на поселок вражеской авиации.

Не гас тусклый огонек в натопленной избе, где расположилось командование полка. Ждали возвращения начальника инженерной службы бригады старшего лейтенанта Л. А. Громыко. А пока майор Косогорский рассказывал, как сражались наши добровольцы-танкисты в республиканской Испании. Особенно подробно вспоминал о тяжелых боях на реке Хараме, под Гвадалахарой. Рассказывал о «Петровиче» — генерале армии К. А. Мерецкове, с которым сражались вместе, о встрече с Долорес Ибаррури…

— Прошло ровно пять лет со времени кровопролитных боев за Испанскую республику, а все свежо в памяти, — тяжело вздохнув, сказал командир полка.

Его рассказ слушали с большим вниманием. Перелистывая заявления бойцов и командиров с просьбой о приеме в партию, одновременно слушал и комиссар Тарасов.

— Завтра, то есть теперь уже сегодня, придется разобрать еще 24 заявления, Николай Григорьевич, — проговорил комиссар, когда кончил командир полка.

Не успели выслушать доклад возвратившегося из разведки Громыко, как постучал в завешенное плащ-палаткой окно часовой.

— Товарищ комиссар, самолеты! — громко произнес он.

— Возду-у-ух! Возду-у-ух! — пронеслось по поселку.

Еще через несколько секунд десятки фонариков (осветительные ракеты на парашютиках) и загоревшиеся деревянные постройки осветили поселок. Теперь со страшной силой стали рваться бомбы, стоял сплошной гул. Косогорский побежал в лес к танкам. Выбежали майор Кузьменко и его связной. Вот с треском разорвалась бомба как раз напротив избы. Посыпались стекла, осколок расколол чугунный горшок, и какое-то пустое ведро со звоном влетело в избу.

Комиссар Тарасов, поспешно рассовав по карманам разложенные на столе документы и приготовленные для вручения партийные билеты, выскочил во двор. Перепрыгнув через лежащего у крыльца убитого часового (оторвало голову) и сделав несколько прыжков, комиссар упал около калитки. Почувствовав, что по лицу течет что-то горячее и задергались щеки, он провел

рукой по лицу.

Корниенко молча начал тащить комиссара к сараю.

— Ну, что тебе, Миша? — строго спросил Тарасов.

— Дайте перевяжу, у вас ведь кровь…

— Пустяки. Осколки срикошетили. Ты лучше разыщи Кузьменко!

Корниенко бросился в калитку, но там встретился со связным Кузьменко.

— Ранило майора, Миша! Помоги! — в ужасе крикнул тот.

Майор, истекая кровью, лежал в сугробе около забора. Через несколько минут его затащили во двор.

— Куда вы его? — спросил Тарасов.

— В огороде — колодец, — последовал ответ.

— Вы что, сдурели?

— Он неглубокий, засохший.

Оказывается, Корниенко заранее прикинул, где можно прятаться в случае чего.

Кузьменко, еле шевеля губами, то и дело просил пить. Потом раздраженно произнес:

— По Дерибасовской-то гуляют гитлеровцы!

— Воды — ни в коем случае, потрите ему губы снегом и только. Видите, он бредит, вспомнил родной город Одессу и его главную улицу, — прошептал комиссар.

Увидев окровавленного Тарасова и его разорванную шубу, командир полка предложил ему отправиться вместе с Кузьменко в госпиталь.

— Ранение легкое, под глазом. А голову, обе ноги полечат наши медики, — сказал комиссар. Очень серьезным оказалось ранение Кузьменко.

— Осколок затолкал в живот майора кусок шубы. В его печени полно шерсти, вряд ли протянет до утра, — тревожно сказали суровую правду комиссару военные врачи Н. А. Рыжов и Н. П. Назаров. — Если б не мороз (40 градусов!), наверняка истек бы кровью. Чудес на свете не бывает, но постараемся сделать все возможное, — добавили доктора и в лесу же начали оперировать потерявшего сознание майора.

Чудо свершилось. Майор Кузьменко не только вылечился, но и снова встал в боевой строй. До конца войны еще много раз участвовал в кровопролитных сражениях.

— Вечно благодарен нашей славной медицине, — уже позднее, через много лет, скажет генерал-майор танковых войск в отставке Николай Николаевич Кузьменко.

От удара вражеской авиации танки, за исключением трех машин, не пострадали. Раненых было около двадцати человек,

погиб только один — красноармеец Егоров. Он обеими руками так крепко держал карабин, что не удалось разжать их.

— Настоящий русский характер. Как исключение, — похоронить вместе с личным оружием, — распорядился комиссар Литвяк. Комбриг похвалил командира полка Косогорского за то, что танки сосредоточил в лесу.

Наше наступление продолжалось. Весь путь от Тихвина до реки Волхов был усеян трупами фашистов и множеством разбитой немецкой техники. Взорвано около полутора десятков минных полей врага. Немалые потери понесли и мы. Например, из тридцатьчетверок в боевом строю осталась лишь одна с номером «24» на башне. Освободили станцию, поселок Мыслино и десятки других населенных пунктов. В ночь на 17 декабря вплотную подошли к Пчеве.

— Атаковать село! — радировал командир полка.

Ежаков на своем Т-34 вместе с бойцами мотострелкового батальона А. Д. Санкова неожиданно для врага ворвался в Пчеву. Гитлеровцы яростно сопротивлялись. Убедившись в шаткости своего положения, стали поджигать уцелевшие постройки. Вскоре появилось около двадцати очагов пожара, стало светло как днем.

— Вася! Около церкви орудия! — крикнул Ежакову комбат Санков.

Вскоре от церкви осталось одно основание.

— Теперь надо взять в клещи, — предложил Ежаков. Сам левой стороной по огородам понесся вперед, расстреливая метавшихся фашистов. Улицы села были заминированы. Вражеские солдаты забрасывали дерзкий советский танк гранатами, противотанковыми минами. При этом от огня танкистов и мотострелков они несли большие потери.

Группу бойцов по правому флангу в тыл вражеской батареи повел политрук роты Тимофей Жовтонос.

— Товарищ старший лейтенант, в бане наши! — доложил комбату боец.

Санков побежал в сторону, откуда раздавались крики. Гитлеровцы загнали в баню около тридцати жителей села.

— Сволочи, бежали с факелами к нам, но наши пехотинцы всех их уложили, — со слезами радости и благодарности рассказывали освобожденные советские люди.

Вражеские орудия расстреляны, уцелевшие расчеты бросились к реке, но там их тоже встретили огнем. Тридцатьчетверка выскочила на освещаемый заревом берег реки.

— Впереди мины! — яростно крикнул механик-водитель Макаров и резко остановил машину.

Командир почти из-под гусениц вытащил две противотанковые мины. Отвернув аккуратно запалы, бросил их под откос. Но тут же совсем неожиданно раздался сильный взрыв. Видимо, обезвреженная мина ударилась об запал другой. Ежаков отделался множествам больших и малых дырок в шубе и ватных брюках.

Гитлеровцы бросились в сторону Киришей и на противоположный берег Волхова. Наши стрелковые подразделения устремились за ними. Через некоторое время впереди и на левом фланге развернулся бой, стало подниматься зарево пожаров.

Утро 18 декабря. Порывистый ветер гонит снежную пургу вдоль реки, пригибает низко ветви прибрежного тальника. Изрытая в ночном бою земля покрылась белым покрывалом, а над крутыми берегами реки стали образовываться острые откосы сугробов.

— Ну, что ж, товарищ Ежаков, попробуем проскочить на тот берег, — словно советуясь, обратился комбриг.

— Не выдержит лед, товарищ генерал, прежде надо бы усилить, — попытался возразить Ежаков.

— Что же делать? Война! Придется рискнуть, требует этого

обстановка. Вон что творится на том берегу. Наши завладели плацдармом, а фашисты, как видишь, ерепенятся. Правда, не радует погода. За хорошей погодой знаешь кто гоняется?

— Бабы, товарищ генерал.

— Неужели они? Теперь слушай: в машине оставь механика, остальные пусть идут сзади танка на удалении, а сам — впереди.

— Понятно, товарищ генерал.

Тридцатьчетверка плавно тронулась. Метров пятнадцать прокатилась по льду, потом он треснул, и танк провалился под лед. Оказавшийся на обломанной льдине командир оказался в воде. Ежакова вытащили быстро. А голова механика-водителя появилась лишь через несколько секунд. Он был уже без сознания. В открытый люк механика хлынула вода, которая и вытолкнула Макарова через башню.

— Ничего, не расстраивайся, Ежаков. Ты тут не виноват, — успокаивал генерал. — Искупавшихся — немедленно в теплое помещение, на печку, и выдать по кружке водки! — распорядился комбриг.

Утонувший танк был вытащен через неделю силами экипажа водолазов и техников.

— Товарищ Косогорский, надо переправить легкие танки Олейника, — приказал Копцов.

Легкие танки второго батальона благополучно перебрались по льду через Волхов. Нанеся гитлеровцам большие потери, батальон занял станцию Андреево, тем самым намного расширил плацдарм. Захватчики неоднократно пытались сбросить наши подразделения с правого берега Волхова. Однако танкисты старшего лейтенанта Ивана Олейника вместе со стрелковыми подразделениями отбили все контратаки гитлеровцев. К полудню на вторые сутки бой почти стих. Во многих машинах израсходованы боеприпасы, их надо было пополнить. Тем временем подвезли горячий обед. Экипаж, примостившись около танка под густой елью, собрался на обед. Башенный стрелок Гарин стал открывать банку с тушенкой. Политрук роты, невысокого роста, красивый, всегда улыбающийся парень Владимир Дугин, налив каждому по сто граммов водки (по положенной норме) в крышки от котелков, сказал:

— Товарищи, сегодня нашему Григорию Анатольевичу Гарину исполнился двадцать один год. Поздравляем его с днем рождения и желаем…

Но тут метрах в двадцати разорвался вражеский снаряд. Все растянулись в танковой колее.

— Живы? — тревожно спросил Олейник.

Все подняли головы. Изо рта прислонившегося к ведущему

колесу танка Гарина шла кровь. Около валялась крышка от котелка. Он, неестественно улыбнувшись, тихо прошептал:

— Теперь Гарин Родину не защитит, — и уронил голову…

Казалось, не только около танка, но всюду воцарилось безмолвие. Несколько минут стояли посуровевшие танкисты, смотря на боевого товарища.

— Нет нашего Гриши. А у него под закрытыми глазами появились янтарные бисеринки слез, — тяжело произнес комроты Олейник и вдруг отвернулся. Отвернулись и другие.

Погиб тот самый, который мог всегда пошутить, спеть и рассказать что-нибудь веселое. Это был мужественный, сибирской натуры человек.

— Огненный был комсомолец, — сказал Николай Мощенко. — И какой смертью погибнуть ему пришлось! Он бы со временем наверняка совершил героический подвиг. Ведь у него каждая кровинка лезла в самое пекло боя. Был он смелым и находчивым.

— Прощай, Гриша. Мы за тебя отомстим фашистам сполна. Клянемся отстоять Родину, — тихо произнес политрук.

Не успели решить, где похоронить, прибежал почтальон:

— Гриша, пляши — тебе письмо! — простуженно прохрипел он. Но, заметив суровый вид танкистов, притих.

Письмо пришло Гарину от его «пригожей». Так он называл свою невесту.

— Давайте прочитаем, — предложил кто-то.

— Читать чужие письма не годится. Положите ближе к его сердцу, в левый карман гимнастерки, — строго сказал Олейник.

Танкисты, заправив свои машины боеприпасами и горючим, сначала потеснили рвавшихся к реке гитлеровцев, а затем завяли оборону в засадах.

19 января 1942 года. Обычно перед строем говорят о делах и задачах в подразделении. Но на этот раз старший лейтенант Олейник, построив впервые за несколько месяцев боев свою роту, проговорил:

— Посмотрите, товарищи, какой выдался сегодня денек. На что ни посмотришь — красиво: солнце, не холодно и не жарко, кругом тихо и бело. Это все наша родная природа…

Действительно, всю ночь свирепствовала метель, а на утро — абсолютное безмолвие. Макушки могучих сосен почти голые, а вот ели и лесная молодь оделись в легкие белые шубы. На полянах, опушках, оврагах выросли вихрастые сугробы.

Олейник повел свою роту на общее построение. Ведь у танкистов и мотострелков сегодня праздник — приехал для

вручения воинам правительственных наград Член Военного Совета 4-й армии дивизионный комиссар И. В. Зуев.

Старшему лейтенанту М. Е. Пятикопу, политруку М. К. Кузьмину, младшему лейтенанту М. В. Зайцеву и сержанту А. И. Ращупкину Указом Президиума Верховного Совета СССР от 17 декабря 1941 года было присвоено звание Героя Советского Союза.

— Я восхищаюсь вашим безграничным мужеством… — сказал комиссар, вручив награды.

С ответным словом выступил замкомбрига П. П. Павлов. Он заверил, что личный состав бригады и впредь будет самоотверженно защищать Родину, проявляя героизм, до полного изгнания гитлеровских захватчиков.

21 января во всех подразделениях прошли беседы, посвященные Дню памяти Владимира Ильича Ленина. Содержательную беседу в батальоне майора Тезикова провел Василий Ежаков. Перед войной он окончил танковое училище на родине Владимира Ильича. Часто посещал музей В. И. Ленина и прослушал немало лекций о его жизни и деятельности.

В морозный день 17 февраля на лесной поляне у деревни Стремно выстроился личный состав для принятия гвардейского знамени. Настроение у всех приподнятое. И когда пронеслась команда «Под знамя смирно-о!» и над поляной поплыло, играя золотом шитья и пышной бахромой, боевое гвардейское знамя, все дрогнули, гордо почувствовав, что пришла завоеванная слава.

Высокий гость — командующий бронетанковыми и механизированными войсками Волховского фронта генерал А. В. Куркин — сообщил, что приказом Верховного Главнокомандующего товарища Сталина от 16 февраля «за проявленную отвагу в боях за Отечество с немецкими захватчиками, за стойкость, мужество, дисциплину и организованность, за героизм личного состава 46 отдельная танковая бригада преобразована в 7-ю отдельную гвардейскую танковую бригаду». Затем торжественно вручил гвардейское знамя генерал-майору танковых войск В. А. Копцову, который обратился к бойцам с краткой речью.

После этого воины, встав на колени, повторяли слова комбрига:

— Я, гвардеец Краснознаменной танковой бригады, принимая боевое знамя, клянусь не позорить воинское звание гвардейца и гвардейское знамя!

Вслед за тем гвардии старший лейтенант Федор Семенной, получив знамя от генерала, в сопровождении двух бойцов пронес его перед всем строем. Преобразование бригады в гвардейскую

явилось большим событием для бойцов и командиров. А клятва призвала воинов на подвиги в грядущих боях.

21 февраля в Стремно состоялась тактико-техническая конференция бригады. Комбриг Копцов подвел итог боев за Тихвин. Командиры выступили с ценными предложениями, повышающими эффективность применения танков в бою.

Старший лейтенант Олейник обратил внимание на необходимость проведения тщательной разведки при боевых действиях в условиях лесисто-болотистой местности, где резко ограничена возможность маневра. О партийно-политической работе говорил комиссар бригады Литвяк.

Коммунисты и комсомольцы бригады всегда были примером мужества в бою. Многие отличившиеся в боях бойцы и командиры приняты в партию и комсомол.

Начало марта 1942 года. Местами появляются проталины. Стало больше солнечных дней. В то же время иногда так начнет сквозить стужей, что холод пронизывает до самых костей. Боеспособных машин у нас осталось мало. Как бы ни оживляли ремонтники поврежденные машины, однако обеспечить полностью потребность в танках им не удалось. Поэтому в начале месяца для получения новой техники подразделения бригады передислоцировались под Бол. Вишеры. Сдав в другую часть легкие танки, прибыла и рота Олейника.

Поздно ночью майор Тезиков с Ежаковым и несколькими техниками поехали встречать эшелон с танками.

Прифронтовая станция. Кругом гробовая тишина, ни огонька. Внешне жизни на станции нет. Но это только кажется. Осунувшиеся и закоченелые железнодорожники трудились круглосуточно. Днем часто совершала налеты вражеская авиация. Поэтому работа в основном закипала с наступлением темноты. Разгрузят один эшелон — на подходе другой. Отправлялась поврежденная техника, ремонтировалось после налета вражеской авиации полотно.

Глубокая ночь. Танкисты шли вдоль подготовленного к отправке в тыл длинного состава с трофейной техникой: танками, тягачами, орудиями.

— Вася, узнаешь? Едет на капиталку, — слегка ударил по плечу Ежакова Тезиков.

Все обратили внимание на стоящий рядом состав. Там на одной из платформ гордо возвышалась тридцатьчетверка с номером «24» на башне. Истыканная не одним десятком снарядов, опаленная минами, исчирканная пулями и осколками, машина как бы говорила: «Я изранена, но жива и врагу нанесу еще

немалый урон».

— Моя родненькая, — проговорил Ежаков и ловко поднялся на платформу. Перешагивая через крепления, обошел кругом. Похлопал пушку, башню. Потрогал шаровую установку с погнутым стволам пулемета. Потом снял пробитый пулями черный танкошлем. Он прощался со своей боевой машиной.

По возвращении в часть Ежаков в «Боевом листке» своей роты под названием «Танковый таран» написал стихотворение:

Прости-прощай, подруга боевая…
Нас, четырех испытанных друзей…

До рассвета все сорок новеньких тридцатьчетверок уже стояли в лесу.

Через несколько суток, совершив 140-километровый марш, бригада сосредоточилась в районе Тигоды и поступила в подчинение 2-й ударной армии.

14 марта сводная рота танкового батальона А. Г. Олиферко совместно с подразделениями стрелкового полка успешно атаковала противника в районе Красной Горки. Уничтожив 10 дзотов и блиндажей, отбросила его на правый берег реки Сичевы. Во время атаки после тяжелого ранения умер старший адъютант батальона, неоднократно отличившийся в боях старший лейтенант Константин Геннадьевич Ласман, был ранен начальник разведки бригады Георгий Михайлович Беспалов.

Атака продолжалась. Командир роты Борис Карамышев лично уничтожил два средних танка, один тягач, подбил легкий танк, разбил четыре орудия и разрушил 17 блиндажей. В бою отличились также лейтенанты Киселев, Азевич.

Танковая группа лейтенанта Титова уничтожила 3 пушки, 5 дзотов и расстреляла до 40 солдат противника. Танк комроты был подбит и загорелся. Огонь был потушен, и поврежденная машина отбуксирована.

Смело сражался танковый взвод младшего лейтенанта Богданова. Взвод уничтожил 3 пушки, 6 блиндажей. Разбито и сожжено 4 полевых склада с боеприпасами. При отражении одной из контратак захватчиков пали на поле боя командир мотострелкового батальона бригады капитан Александр Демьянович Санков, секретарь партбюро Василий Иванович Большаков, начальник связи старший лейтенант Кузнецов и кавалер ордена Ленина санинструктор Иван Тихонович Курганов.

Тридцатьчетверка Гринченко во время атаки застряла в ручье. Неоднократные попытки вытащить ее оказались безуспешными. К утру фашисты подтянули на расстояние прямого выстрела

несколько противотанковых орудий и открыли огонь по танку. Экипаж мужественно вел неравный бой. За день дважды пополнялся боеприпасами. К вечеру танк получил четвертую пробоину. Оборвалась жизнь лейтенанта и башенного стрелка Харченко. Ранило механика-водителя в обе руки, истекал кровью радист.

К концу марта 1942 года положение нашей армии осложнилось. Этому предшествовало быстрое продвижение ее вперед и освобождение большой лесисто-болотистой территории между двумя отходящими от Новгорода на Ленинград и Чудово железными дорогами. Очертание прорыва напоминало кинжал — длинный, но узкий. Коммуникации растянулись, обеспечение войск боеприпасами, горючим и продовольствием затруднилось. Поэтому наша наступающая армия была вынуждена перейти к обороне.

Гитлеровское командование не замедлило воспользоваться создавшимся положением и, подтянув свежие силы, перерезало все пути отхода.

Наша гвардейская танковая бригада получила задачу: совместно с подразделениями стрелковой бригады разгромить крупную группировку гитлеровцев в районе Мясного Бора и освободить на этом участке дорогу Новгород — Чудово. Для выполнения этой задачи подразделения бригады 26 марта, совершив 65-километровый марш по разбитым заснеженным дорогам, к рассвету сосредоточились в лесу западнее Новой Керести и поступили в подчинение командующего армией И. Т. Коровникова. А в ночь на 27 марта подразделения заняли исходные позиции для атаки.

— Атаку начать на рассвете, чтобы наша артиллерия накрыла противника в его землянках, блиндажах, — приказал начальник штаба бригады майор И. Ф. Левин.

Под прикрытием артиллерийского огня повел в бой свой танковый батальон П. П. Тезиков. Всю ночь дул теплый ветер. Поэтому глубокий снег был мокрым. Однако танки шли легко. Удобно было следовать по их колеям и нашим мотострелкам. Они уничтожали выбегающих из блиндажей с котелками фашистов и указывали танкистам замеченные огневые точки. Впереди, воодушевляя своим примером, шли политработники В. В. Степанов, Т. А. Жовтонос, И. И. Каменев, В. Ф. Дугин, комиссар танкового батальона старший политрук П. Н. Белый, командир танко-десантной роты П. А. Заивин и другие.

Предыдущие атаки наши части предпринимали с востока, поэтому противник свою оборону по фронту обратил в основном

на восток. Теперь было решено ударить с запада, внезапно, массированно. И двигаться не по дорогам или просекам (они были заминированы), а развернутым строем, ломая деревья.

От массированного артиллерийско-пулеметного огня, треска падающих деревьев, скрежета гусениц танков, врывающихся на огневые позиции, громкого «ура-а-а!» в лесу стоял неимоверный шум. Все это вызывало во вражеском стане дикий ужас.

Вот первая радиограмма от лейтенанта Владимира Николаева:

— Раздавил три блиндажа. Фашисты вылетают как пули.

Командир роты Олейник ответил:

— Николаев, постарайся, чтобы они вообще не вылетали, или раскладывай их поаккуратнее рядами на снегу. Пусть не мучаются. Ясно?

Об успешном продвижении докладывали Гвоздиков и Макаров.

Часом позже положение несколько осложнилось. Гитлеровцы успели перестроить свою огневую систему и стали сопротивляться с особым остервенением. Они поняли, что отступать им почти некуда — с фронта и тыла теснят советские атакующие подразделения, на правом фланге — незамерзающее Бол. Замошское болото, а на левом — уже глубоко вбит клин.

— Олейник! Около тебя воет «чертова скрипка» (шестиствольный реактивный миномет гитлеровцев). Накрой его! — послышался в микрофоне голос комбата Тезикова.

Вблизи меж деревьев блеснули огненные языки, и поднялся белесый туман, а по лесу прокатился скрипучий звук.

— Братцы, орут «ишаки»! — крикнул ротный и нотой толкнул в левое плечо механика-водителя Николая Мощенко.

— Осколочным готово! — доложил башенный стрелок Хусаинов.

Но стрелять мешали деревья. Мощенко, поняв знак командира, сделал крутой левый разворот и словно спрыгнул с трамплина на батарею реактивных минометов. Вскоре послышался скрежет металла. Все три установки оказались вмяты гусеницами в мягкий, почти болотный, грунт. А их расчеты от огня Медведева и Хусаинова остались висеть на высоком штакетнике, которым была огорожена батарея.

Танк шел легко, Мощенко бросал его прямо на блиндажи, подминал и разворачивал их, а затем атаковал следующую точку противника. Олейник и Хусаинов вели непрерывный огонь по сумевшим выбежать из землянок и блиндажей фашистам. Тридцатьчетверка выскочила на небольшую поляну.

— Самолет! — словно по команде крикнули все.

Самолет связи делал разбег по площадке. Когда он начал отрываться от земли, раздался выстрел, и от фашистского стервятника остались одни обломки.

— Слева орудие! — послышался громкий голос Хусаинова, когда они опять вошли в лес.

Искусно замаскированное за высоким, выстроенным из горбылей забором стояло тяжелое орудие. Произошел редкий случай: одновременно два выстрела — из танка и вражеского орудия. Тяжелый осколочный снаряд пробил бортовую броню. Башня моментально наполнилась едким дымом. Танк, развернувшись, устремился к орудию. Проломив забор, проехал по лафету. Затем выскочил на другую сторону и остановился.

— Теперь, кажись, гарно, — прошептал Мощенко и сник…

От сильного удара заклинило люк башни.

— Мощенко, подай кувалду! — прохрипел Олейник. Но механик-водитель был уже мертвым. Остальных ранило и контузило. Кувалду подал Медведев. Люк открылся от одного удара. В это время танк вспыхнул. Был пробит топливный бак. Загорелись замасленные телогрейки, комбинезоны, танкошлемы, обгорели руки и волосы у танкистов.

Крикнув «Пулемет! Магазины! Гранаты!», Олейник бросился в свой люк. Но, высунувшись наполовину, повис: не вытащена вилка шлемофона. Пришлось вернуться в башню.

Выскочив из танка, Медведев с Хусаиновым обтерли снегом лицо и открыли огонь из пулемета по бегающим с дикими воплями фашистам. Сильно контуженный Олейник пока мало что соображал. Медведев подбежал к танку.

— Не удалось вытащить тезку из бушующего пламени, — сказал он и прослезился.

Кончились патроны. Что делать? Вдруг Хусаинов увидел метрах в двадцати наш станковый пулемет. Расчет был убит. Теперь танкисты открыли огонь с двух сторон.

Успешно прорвала вражескую оборону на правом фланге танковая рота старшего лейтенанта Семенного. Впереди, круша огнем и гусеницами фашистов, шли взводы Ежакова, Маркина, танки Дьяченко и Богомолова.

Гитлеровцы часто прятались от нашего огня в убежищах, а потом пытались поджечь советские танки гранатами. Видя это, Ежаков воскликнул:

— Нет, братцы, так дальше не пойдет! Надо подъезжать к убежищам со стороны входа. Сначала пулеметным огнем застопорить выход, а затем и прихлопнуть.

Противник, спасаясь от свинцового града пуль наших пехотинцев и танкодесантников, разлетавшихся во все стороны

тяжелых сучьев, крон и вершин деревьев, группами прятались в блиндажах и землянках, надеясь, что танкисты не заметят их. Теперь механик-водитель Денисенко с радистам Слепенком штурмовали вражеские жилища, а командир с башенным стрелком Омельченко били по огневым точкам.

— Андрюша, видишь слава, — толкнул в правое плечо Денисенко сидевший рядам с ним Слепенок и дал короткую очередь по входу в блиндаж. Большой любитель «разглаживать» гусеницами неприятельские позиции, Денисенко нажал на газ. Тридцатьчетверка только въехала на блиндаж, как вдруг высунулись обмотанные платками головы фашистов. Один держал ручные часы, другой — большую сигару, а у третьего — глиняная бутылка шнапса.

— Идиоты, просят не давить, — подумал Денисенко и машинально затормозил.

— Ты что, уснул? Задумал провалиться в нишу? — крикнул на него командир.

— Не-ет, «пузырёк»-то пропадает, — не то в шутку, не то всерьез ответил механик-водитель.

— Пожалел фашистских «цыриков», что ли?

В этот момент, качнувшись, машина рухнула в метровую глубину ниши блиндажа. Но, выскочив без особого труда, она рванулась вперед…

Прошло немного времени.

— Сижу на пне, — радировал Семенной.

Заметив неподвижную машину, гитлеровцы открыли по ней минометный огонь. Подъехавшие комбат Тезиков с механиком-водителем Кривоусом начали накидывать на крюк серьгу буксирного троса. Но один из них упал.

— Ранило майора! — крикнул Кривоус и был отброшен взрывной волной в сторону.

Тезиков, пораженный осколками в шею и левую лопатку, был уже без сознания.

— Садись на машину комбата и командуй батальоном, а мы решим, что делать с Тезиковым и танком, — приказал Семенному прибежавший начальник штаба бригады Левин. Когда Семенной вступил в бой, вражеский минометный обстрел прекратился. Некоторые танки стали выходить из боя, чтобы заправиться боеприпасами.

— Чья это машина? — постучал в башню Левин.

— Младшего лейтенанта Макарова, — отозвался кто-то.

В открытом люке башни медленно показалась голова командира. Василий Макаров был тяжело ранен.

— Товарищ майор… — начал он докладывать, приложив к

танкошлему левую руку (правая была оторвана). Когда его прервали, стал падать…

Бой продолжался. К 18 часам ударная группа вышла на рубеж реки Полисть. Продвигаясь вперед, несли потери и наши наступающие подразделения. Возглавляя разведку, погиб помощник начальника штаба бригады по разведке капитан П. П. Корольков. Погибли лейтенанты С. А. Маркин, Г. Б. Богомолов, механик-водитель И. К. Кривоус, подорвался на фугасе старший адъютант батальона А. Г. Калинин. Тяжело ранило В. А. Николаева.

К 19 часам оборона гитлеровцев была прорвана на всю глубину. А поздно вечером танкисты и пехотинцы соединились с восточной группой. Северная дорога была полностью освобождена от противника.

Экипаж Ивана Олейника, оставаясь около своего танка, сражался до последнего патрона, гранаты. Затем укрылся недалеко от танка в большой, но еще теплой снарядной воронке, которую с одной стороны прикрывал большой пласт дерна, свисавший с корней валяющегося дерева. Из образовавшейся слабо засыпанной снегом ямы шел своеобразный прелый запах. Идти они не могли — были изранены, контужены. Немного больше сил было у Хусаинова. К тому же обгорелое обмундирование разорвалось, а валенки стали как полуботинки.

— Посидите здесь, а я пройду вперед, может, встречу кого-либо из своих, — сказал Хусаинов и осторожно зашагал в сторону.

Сколько просидели танкисты в воронке, никто не знал. Башенного стрелка Сергея Медведева мучили ожоги. Олейник от тяжелой контузии, невыносимой боли в спине начал бредить. В глазах его продолжали мелькать вспышки разрывов, раздавленные орудия. Собственная голова ему показалась настолько большой, что не пролезет в люк. Вот перед ним — его родной хутор Старая Михайловка, сад. Танкист сидит на скамейке с братьями Михаилом и Миколой. Поодаль — его невеста Оксана.

— Мамо, — вдруг проговорил Олейник. Сделав небольшую паузу, продолжил: — Мамо, правда, Оксана — дивчина хороша?

После окончания военного училища Олейник собирался на побывку домой, на Полтавщину. Но нет. Получив назначение, за неделю до начала войны прибыл в танковую часть.

— Скажи пожалуйста, я думал, Иван Яковлевич сражается, а он тут жениться собрался, — полушутя проговорил подошедший Ежаков.

Узнав голос своего задушевного друга и радиста Хусаинова,

Олейник словно проснулся. Бред прошел, и он прошептал:

— Чувствуешь, Вася, какой дивный запах морозной хвои! А тишина-то какая! Просто не верится, что часом назад, словно на волнах, колыхалась тут наша земля. Теперь лес стоит как завороженный.

Ежаков на тракторе «Ворошиловец» приехал, чтобы отбуксировать поврежденную машину. Хотя ночь была лунная, он с великим трудом добрался сюда. В лесу все перемешалось. Всюду валялись разбитые вражеские орудия, танки, трупы гитлеровцев. Чернели развороченные землянки, траншеи. Ежаков никогда не видел Олейника таким. На кого стал похож этот доброго нрава, красивый, задумчивый командир? Переборов свое волнение, оборвал еще о чем-то говорящего Олейника:

— Долго ты тут будешь нюхать этот запах и жениться? Поедем!

29 марта 1942 года танковая бригада совместно со стрелковыми частями очистила от противника южную дорогу и соединилась с подразделениями стрелковой дивизии. В дальнейшем, преодолевая упорное сопротивление врага, отражая его многочисленные контратаки, танкисты продвигались вперед.

В итоге столь успешно проведенных двенадцатидневных наступательных боев, с 27 марта по 8 апреля, гитлеровцам был нанесен колоссальный урон, как в живой силе, так и в технике: разрушено свыше 180 дзотов и блиндажей, разбито и захвачено до 40 разных орудий, 20 минометов, 12 тяжелых и легких пулеметов, сбито два самолета.

Воины бригады сражались отважно, по-гвардейски. Трудно перечислить фамилии лучших, наиболее отличившихся. Многие отмечены правительственными наградами.

Навсегда в памяти сохранятся имена мужественных воинов — комиссара танкового батальона старшего политрука П. Н. Белого, политруков И. И. Каменева, В. В. Степанова, Т. А. Жовтоноса, командира роты П. А. Заивина и других наших фронтовых товарищей, павших в боях, защищая Новгородскую землю.

В июле сорок второго бригада была переброшена под Кириши. Немецкие захватчики превратили этот город в мощный опорный пункт на реке Волхов.

На рассвете 17 июля танки под командованием капитана Семенного ринулись в атаку. Несмотря на лесисто-болотистую местность, наши танки успешно продвигались вперед. Саперы под сильным автоматно-пулеметным огнем врага разминировали нужные участки, укладывали гати, строили настилы и тем самым обеспечивали наступление наших танков. Боевая задача была

выполнена: мы овладели рощей «слон», химическим комбинатом и кирпичным заводом.

В бою смертью героя погиб неоднократно отличившийся в боях кавалер орденов Ленина, Красного Знамени и Красной Звезды командир батальона капитан Федор Захарович Семенной.

Несколько танков оказались поврежденными и остались на поле боя. Тяжелый снаряд разорвался перед КВ № 500, и тот по инерции скатился в глубокую воронку. Выйти своим ходом было невозможно. Взять на буксир — светло, да и местность сильно простреливалась. Часом позже наша оборона подверглась налету авиации. Застрявшая машина пострадала еще и от него. От прямого попадания разбило 12 траков и три верхних поддерживающих катка. Корпус танка накренило в левую сторону.

Пробившись сюда вечером, помкомандира роты по техчасти Ф. Г. Шуршилин с отделением саперов и оставшимися в живых из расчета экипажа в семидесяти метрах от вражеской обороны трудились несколько часов, чтобы отбуксировать неисправную машину.

Другую группу ремонтников возглавил помпотех батальона Анатолий Чистов. Ползком но грязи, в дождь им удалось добраться до застрявшей машины. В ней, скрываясь от губительного огня, к тому времени набилось вместе с экипажем 11 наших пехотинцев.

— А ну, освободите машину! Займите оборону впереди, а мы будем ее ремонтировать! — приказал Чистов.

Противник не прекращал огня. Правда, был он неприцельным. В полночь фашисты завели пластинки. Сначала крутили «Катюшу», а затем — «Дубинушку».

— Пойте, пойте, — говорит работающий кувалдой радист Старостин.

— Это нам на руку. Под звуки музыки они не услышат нас, — добавил Шуршилин.

На буксирном танке приехал майор Лаврененков. Застрявшая машина была вырвана из болотного плена. К утру почти все поврежденные машины были поставлены в боевой строй.

В дальнейшем воины бригады участвовали в боях местного значения, в районах Макарьевская Пустынь — Смердыня — Васькины Нивы. Зачастую эти бои приобретали довольно тяжелый характер.

Тогда мужественно и умело сражались танкисты И. И. Гребенников, И. И. Коцур, В. И. Азевич, Н. Ф. Брагин, В. М. Боярчиков, Б. А. Карамышев, Ф. Т. Куликов, С. Е. Водопьянов, Н. П. Сашин. Старшина С. С. Плотников,

воевавший на танке № 308, лично расстрелял 15 гитлеровцев.

На участке возле Мостков оборонялся мотострелковый батальон бригады. Передний край обороны проходил по лесисто-болотистой местности. Боеприпасы и продовольствие доставлялись на плечах с левого берега раки Волхов по топким болотам. Причем только в ночное время, так как днем шныряли «юнкерсы».

На нейтральной полосе — насыпи железной дороги был расположен наблюдательный пункт батальона. Как-то ранним утром знойного лета оборвалась связь. Посланные для восстановления два связиста не вернулись.

— Немедленно восстановить связь и выяснить обстановку, — приказал начальник штаба бригады подполковник Б. И. Шнейдер командиру комендантского взвода Ананию Иванченко.

Взяв с собой сержанта Белых, лейтенант пополз вдоль линии связи. Когда переползали через «поляну смерти» (зона сильного огня противника), сержант погиб. Устранив в трех местах разрыв линии, Иванченко дополз до наблюдательного пункта, который находился в окопе на нашей стороне насыпи железной дороги. Появление лейтенанта подбодрило находящихся там трех наблюдателей.

— Товарищ лейтенант, в двухстах метрах от нас, вон на той стороне леса, сосредотачивается около роты вражеской пехоты, — доложил связист.

Положение было критическим. Враг вот-вот пойдет в атаку. Все смотрели на лейтенанта — ждали, какое он примет решение.

— Будем сражаться, если даже погибнем. Наблюдайте в оба за фрицами. Доложу обстановку начальству, попрошу подбросить туда огонька, — распорядился лейтенант.

Смелое решение взводного ободрило наших бойцов. Иванченко, доложив комбригу обстановку, соединился по телефону с командиром минометного дивизиона.

— Вы надежно защищены? — спросил минометчик.

— Накидали на НП шпалы, впрочем, выдержим, — ответил лейтенант.

И тут началось… Взметнулись вверх десятки бурых фонтанов болотной смеси. Зазуммерил телефон.

— Ну как? — послышался хриплый голос минометчика.

— Кроете правильно, но пощадите нас, перенесите метров на сто вперед! — ответил Иванченко.

— Мы не можем отрегулировать огонь до ста метров.

— Тогда валяйте, валяйте! — и взводный положил трубку.

Через некоторое время Иванченко докладывал по телефону начальнику штаба:

— Товарищ подполковник, связь с наблюдательным пунктом установлена. Скопление вражеской пехоты уничтожено полностью.

— Сами-то как, уцелели? — озабоченно спросил Шнейдер.

— Чудом, товарищ подполковник, — улыбнулся Иванченко.

— Молодцы! — похвалил начальник штаба.

На следующий день танкисты совместно со стрелковыми подразделениями в районе Мостков прорвали оборону гитлеровцев по фронту шесть километров и углубились на три. Затем заняли оборону.

Вскоре подполковник Шнейдер заменил комбрига Копцова, который стал командовать 15 танковым корпусом. Нам не хотелось расставаться с генералом. Мы все уважали его за ум и беспредельную храбрость. Через несколько месяцев, 3 марта 1943 года, когда корпус вел тяжелый бой с превосходящими силами гитлеровцев, генерал-майор Василий Алексеевич Копцов был смертельно ранен. Похоронен он в городе Первомайске Харьковской области.

После прорыва блокады Ленинграда в начале февраля сорок третьего года боеспособные танки стояли в засадах, неисправные — восстанавливались. В один из морозных дней начальник штаба бригады Н. Н. Юренков приказал командирам танкового взвода молодому лейтенанту В. К. Мерецкову и взвода автоматчиков лейтенанту В. Е. Крылову ликвидировать окружающую командный пункт стрелковой дивизии вражескую группировку.

Бой шел недолго. Танки и автоматчики, развернувшись, начали расстреливать врага, который вскоре был полностью уничтожен. Находившийся на командном пункте Маршал Советского Союза Климент Ефремович Ворошилов объявил благодарность танкистам и автоматчикам за их смелые и решительные действия.

В июле, после длительных боев, бригада расположилась на отдых в пяти километрах от станции Войбокало. Она нуждалась в пополнении боевой техникой и личным составом.

До линии фронта было около тридцати километров, однако вражеские самолеты навещали часто.

Несколько дней личный состав приводил себя в порядок, а потом началась боевая и политическая учеба. По мере прибытия боевой техники приводились занятия в составе взвода, роты и батальона. На занятиях обращалось особое внимание на взаимозаменяемость, взаимопомощь расчета экипажа, согласованность действии танкистов и автоматчиков.

Отрабатывались боевые действия танковых подразделений в лесисто-болотистой местности, населенном пункте, городе. Одним словом, шла усиленная подготовка к предстоящим боям. В подразделениях проходили партийно-комсомольские собрания и семинары актива. Личный состав нередко слушал доклады, лекции представителей политотдела армии, политуправления фронта. Очень часто с докладами выступал начальник политотдела подполковник И. В. Жибрик. По вечерам в клубе-шалаше смотрели кинокартины, устраивали концерты.

Стояли знойные июльские дни 1943 года. В один из таких дней с утра пронеслась радостная весть о приезде Государственного эстрадного оркестра РСФСР под художественным руководством Леонида Осиповича Утесова. Этот день для всех был настоящим праздником.

Концерт прошел с огромным успехом. Леонид Осипович сначала исполнил песни «Заветный камень», «Служили два друга», потом прозвучала песня «Барон фон дер Пшик попал на русский штык». В зале — взрыв аплодисментов. Пять раз просили повторить.

В сердцах воинов навсегда остались незабываемые впечатления от встречи с Леонидом Осиповичем.

14 января 1944 года. Волховский фронт, взаимодействуя с Ленинградским и 2-м Прибалтийским, начал Новгородско-Лужскую операцию.

Стояли морозные дни. Изредка разыгрывалась пурга, а иногда наступала непривычная для января оттепель. Наша танковая бригада, переброшенная из района Войбокало и Малые Вишеры в Подберезье, готовилась к очередным боям.

А танкисты 421 отдельного батальона уже четвертые сутки громят гитлеровцев. Однако из-за бездорожья и возросшего сопротивления противника дальнейшее продвижение задержалось.

Наши саперы всю ночь гатировали топкое болото. Когда наконец стали проходить танки, повалил неприятный липкий мокрый снег. Две танковые роты прошли сравнительно спокойно. Но когда началась переправа третьей роты и подошли орудия, то гитлеровцы, заметив появление наших танков, не замедлили открыть по гатированному участку дороги минометный огонь.

— Капустин! Пропускай остальных, я поехал! — приказал комбат начальнику штаба и сам ринулся в бой.

Зампотех батальона Чистов в это время вытаскивал застрявшую впереди машину. Удачно проскочили еще несколько тридцатьчетверок.

— Ранило начштаба, — взволнованно доложил Чистову прибежавший связной.

— Где?

— Вона, там! — показал тот в сторону гати.

— Найдите военфельдшера!

— Он около него!

Капитан Капустин, закрыв веки и тяжело дыша, лежал без сознания на снегу под раскидистой елью, с веток которой то и дело шлепались на землю комки мокрого снега. Осколок мины ударил в левую часть груди, ниже его ордена Красной Звезды. Задел край кармана гимнастерки. Партийный билет и некоторые другие документы были пробиты.

— Сволочи, угодили в сердце, — тревожно проговорил Чистов.

Раненого начальника штаба вместе с другими бойцами на танке отправили в госпиталь.

От действующих впереди танков поступали все новые и новые радиограммы об успешном продвижении вперед.

Через два дня Анатолий Чистов со старшим техником-лейтенантом Михаилом Насоновым поехали в госпиталь, где лежал начальник штаба.

— Капитан Капустин еще без сознания. В его сердце осколок. Состояние весьма тяжелое, — сказал капитан медслужбы приехавшим на свидание. Танкисты, оставив раненому на всякий случай записку с пожеланиями быстрейшего выздоровления, молча вышли из госпиталя.

— Видать, дела у Жени плохие, — тяжело вздохнув, шепнул Чистов.

Кружа в воздухе, валились большими хлопьями пушистые снежинки. Обведя глазами полуразрушенное, приспособленное под госпиталь одноэтажное здание, танкисты сели в машину и уехали.

Капитан Евгений Капустин в госпитале лечился долго. Когда ему сообщили, что бригада выходит на переформирование и будет получать новую матчасть, то он, не долечившись, умудрился выписаться в часть. Через несколько дней на танкодроме во время обкатки танка Евгений Иванович потерял сознание…

Капустин мечтал посвятить свою жизнь служению в армии, но не вышло. Огненные закаты четвертого военного лета уходили с каждым днем на запад. А ему в госпитале доктор с жиденькой бородкой сказал:

— С вами, молодой человек, все в порядке.

— Можно в часть? — обратился он.

— Нет. Теперь вы ее забудьте. Пойдете в военный комиссариат, категорически запрещается вам, товарищ капитан, волноваться, заниматься физическим и умственным трудом, а также и спортом, — порекомендовал военврач.

— Чем же в таком случае заниматься?

— Рыбалка на мелких рыб, прогулка…

Временами ему казалось, что больше не хватит сил выдержать все это. И вот инвалид войны в сентябре 1944 года снова стал студентом Московского университета, с первого курса экономического факультета которого он призывался в армию.

— Женечка-а-а! С возвращением! — обрадовались девчата. Многие из них уже заканчивали университет. А у Женечки на душе скребли кошки, а в сердце — металл от фашистской мины.

В настоящее время бывший танкист Евгений Иванович Капустин — член-корреспондент Академии наук СССР, директор института экономики АН. Он является автором 250 научных трудов, депутатом Московского Совета народных депутатов. К орденам Красной Звезды, Отечественной войны второй степени и многим медалям, полученным в войну, прибавились ордена Октябрьской Революции, Трудового Красного Знамени и Знак Почета.

Комбату пришлось радировать, что направляющий танк подорвался на мине, и сообщить точные координаты. На поиск поврежденной машины с помпотехом роты Милованом направился капитан Чистов. Танк, словно завороженный, стоял на «ничейной» земле в нескольких десятках метров от неприятеля.

Вражеский огонь не прекращался. Мины ложились около танка шахматным порядком. Следовать быстро мешала волокуша, на которой лежали запасные части.

— Танкисты молчат. Должно, остались без боеприпасов, — заговорил разговорчивый Милованов.

— А может быть, пушка с пулеметом неисправны? — предположил Чистов.

Оба оказались правы. Танкисты помочь огнем не могли. Да подавить минометную батарею врага, сосредоточившуюся на дне оврага, из танковой пушки было практически невозможно.

— Я, кажется, придумал. Идиотов заставлю замолчать, — проговорил Милованов, увидев невдалеке противотанковую пушку врага.

Пока ремонтники прилаживались к поврежденной машине, Милованов открыл огонь из пушки. Ему, прикипевшему душой к технике, было достаточно несколько минут, чтобы разобраться во вражеской пушке. Боеприпасы лежали неподалеку.

Фашисты были ошеломлены, когда «заговорила» их пушка. Ремонтные работы подходили к концу. Неожиданно почти рядом с Миловановым разорвалась мина. Замполитех, схватившись за грудь, пошатнулся, присел на лафет, затем упал на снег.

Прибежавшие Чистов и старшина Старцев его, смертельно раненного, на руках понесли, к танку. Вся грудь Милованова была пробита осколками. Орден Красного Знамени на его гимнастерке — в крови.

— Прости, Анатолий, не успел, опередили… — последний раз обведя глазами боевых друзей, процедил сквозь зубы Милованов и застыл на руках своих побратимов.

Ясным утром 20 января в боевом строю стояли танкисты батальонов Платицына и Цешковского с автоматчиками моторизованного батальона Нефедова. Четкая команда начальника штаба бригады, стройного, сурового на вид подполковника Юренкова «Бригада, р-р-равняйсь!» прокатилась по скованному морозом лесу. В этот момент не то от далекого орудийного, раската, не то от легкого ветерка с некоторых веток начал осыпаться выпавший ночью свежий пушистый снежок.

Среднего роста, плечистый, немного сутуловатый комбриг генерал Б. И. Шнейдер, приняв доклад Юренкова, сказал:

— Войска Ленинградского и Волховского фронтов под Ленинградом и Новгородом прорвали глубоко эшелонированную оборону гитлеровцев. Наша бригада для развития успеха наступающих частей вводится в прорыв…

Танкисты и автоматчики, преодолевая яростное сопротивление противотанковой обороны врага, стремительной атакой ворвались в Григорово. Тем самым они отрезали пригороды Новгорода от центра и начали уничтожать рвавшихся из города на шоссе гитлеровцев. Их автомашины, тягачи с прицепленными орудиями не могли свернуть с дороги — мешал глубокий снег.

Дорога была завалена вражескими трупами и разбитой техникой. Новгород нашими частями опоясывался железным кольцом почти со всех сторон. К этому времени осталась единственная дорога в направлении Кшентицы — Сутоки, по которой противник в панике отступал на Лугу — Уторгош. Что он мог сделать, когда наши танкисты с автоматчиками отрезали и эту дорогу?

В разгаре боя комбат Платицын запрашивал по рации у командира второй танковой роты капитана Григория Телегина:

— «Легендарный-2» (Платицын своих командиров рот называл «легендарными»), почему стоишь на месте? Полетела гусеница?

Ротный ответил:

— Вытаскиваю фрицевские лапсердаки из гусениц.

Действительно, вражеских солдат и офицеров валялась столько, что нельзя было продвигаться на танке, не наезжая на них. Танкистам приходилось или самим, или просить пехотинцев, наступающих вместе с ними, вытаскивать или вырубать топором намотавшееся на гусеницы обмундирование вражеских солдат.

Не хотелось мне писать эти строки. И все же решился, под влиянием воспоминаний о горестных днях нашего отступления в начале войны, когда, отстаивая каждый метр родной земли, геройски гибли, горели боевые товарищи. Тогда мы поклялись отомстить фашистам. И мстили беспощадно. Пусть знают живые, что ждало гитлеровцев, навязавших нам войну.

Особенно кровопролитными были бои в поселке Мясокомбинат, где дислоцировалась авиационно-полевая дивизия Гитлера. Внезапно ворвавшиеся танки с пехотой на борту вызвали неимоверную панику во вражеском стане.

Однако гитлеровцы, в серо-зеленых шинелях с голубыми погонами, не думали сдаваться. Они, пытаясь спастись, несколько раз контратаковали. Но каждый раз мощным огнем были отброшены с большими для них потерями. Оставшиеся в живых, не сумев убежать, а многие в одних кителях, пьяные, попрятались в подвалах, сараях, снежных сугробах, под брезентом, которым было накрыто авиатехническое имущество. Их вылавливали.

Комсорг автоматной роты старший сержант Лысяков, раненный в левую руку, стрелял одной рукой. О своем ранении не доложил никому, хотелось бить захватчиков.

Комбат Платицын несколько раз приказывал по рации своим «легендарным»:

— Прикройте противнику выход на дорогу: по глубокому снегу далеко не уйдут. — Потом запросил у «легендарного-2»: — Доложи, где находишься?

Ответ последовал немедленно:

— Нахожусь в ресторане, мучаюсь с окосевшими.

У комбата даже сердце екнуло. Подумал: «Неужели наши автоматчики перепились в ресторане?» Платицын и не мыслил, что допустил непорядочность сам Телегин. В это время в микрофоне послышалось беспорядочное дудение в трубу. «Надо еще раз уточнить, а потом следовать туда самому», — решил комбат.

— «Легендарный-2», доложи толком, что за дудение у тебя и кто — окосевшие? — еще раз запросил он Телегина.

— Тут фрицевское казино. Много пьяных фашистов, даже не могут выговорить «Хайль Гитлер!» — последовал ответ.

Наконец-то Платицын облегченно вздохнул.

Начало смеркаться. Лейтенант Лавренов приказал автоматчику Юсупову Муллагалею Тунбагалиевичу (смелого и шустрого автоматчика любовно величали в части «Михаилом Гавриловичем») охранять духовые инструменты и гитлеровцев, выволоченных из подвала ресторана. А сам со взводом собрался вылавливать других уцелевших фашистов.

— Вон, смотри, похоже, кухня мчится с ужином к нам. Встречай ее с музыкой, а то может проскочить вперед, — уже на бегу в шутку бросил Лавренов.

В сумерках со стороны Новгорода приближалась какая-то машина с прицепом.

«Командир якши пошутил — встречай кухня на музыка. Будет много почет повару. И кто будет играть? Я больше понимаю шашлык. А в подвал сколько баран, ай-ай! Но как же остановить кухню? Если самому выйти на дорогу, то могут убежать фрицы. Идти вместе с ними, — заберут или пробьют пулями блестящие никелированные трубы», — подумал Юсупов.

— Ай! Раз командир приказал, мой юрта на краю, ешь последняя шашлык, только не подавись, — вслух пробормотал он и строго приказал пленным, показывая на лежавшие трубы:

— Айда ду-ду песня «гоп со смаком»!

Гитлеровцы не понимали, что от них требуется, тупо смотрели на автоматчика. Юсупов изменил приказ:

— Айда ду-ду «Катюша», тогда никс пу-пу.

Попытался сам спеть куплет, На этот раз один из немцев догадался, что русский автоматчик приказывает играть «Катюшу», тогда расстреливать не будет. Пленные быстро напялили на шею трубы и заиграли. Оказалось, что они были из музыкальной команды и знали мотив «Катюши».

Почти совсем стемнело. Белоснежная территория поселка от разрывов и обильно пролитой крови стала черно-багряной. Юсупов вывел оркестрантов на дорогу вовремя: из-за строения показалась ожидаемая им кухня. Но что такое? Возле него остановился танк комбрига Шнейдера с прицепленной к нему трофейной немецкой зенитно-автоматической тушкой «Эрликон». Пленные музыканты, увидав танк, налегли на свои трубы, что есть духу.

Юсупов, получивший позже нагоняй от начальства, старался никому не рассказывать о своей ошибке. Но шила в мешке не утаишь.

Поздно вечером бригада сделала остановку в нескольких километрах от города. Надо было уточнить обстановку, пополниться боеприпасами, горючим и подтянуть тылы. В

направлении Сутоки — Богданово была выслана подвижная разведывательная группа под командованием начальника разведки бригады капитана С. М. Урсова.

Пробираясь по лесам и болотам, разведчики по глубокому снегу в морозную ночь прошли десять с лишним километров и на рассвете осторожно подошли к Сутокам.

— А ну, останови машину! — махнув рукой механику-водителю, спокойно проговорил Урсов и спрыгнул с борта легкого танка. Тут же к нему подбежали командир роты автоматчиков Гребцов, взводные Крылов, Когут, Железнов и Манчинов, командир роты противотанковых ружей Иванченко с командиром взвода Ильиным.

Наш разведчик был молод. Чем сложнее обстановка, тем интереснее было ему. Он становился еще спокойнее, как казалось его товарищам. В такое время у Урсова появляется особый азарт к разведке. Он медленно сдвинул на затылок танкошлем, поправил на замасленной шинели поясной ремень. Потом развернул на лобовой броне танка карту, сначала внимательно посмотрел на нее, затем — на местность в бинокль.

— Вот те на, не только наличие противника, но и признаков жизни в Сутоках не обнаруживается. Это меня интригует по уши, — еле слышным голосом проговорил Урсов и задумался. Он видел, что берега протекающей поперек деревни реки Веронды крутые. Кое-где над рекой поднимался редкий туман.

— Значит, она местами не замерзает, а дно илистое. Сомневаюсь я, что фашисты ушли так далеко. Вон какие свежие следы, — пнул ногой комок снега. — Не может быть того, что они не постараются встретить нас. Поэтому непременно враг может зацепиться за водный рубеж, — продолжая наблюдать в бинокль, вслух размышлял разведчик. Медлить было нельзя с решением. Если там противника нет, то он сможет подойти в любую минуту.

— Гребнев, скрытно расположи своих гвардейцев левее и правее моста. Саперам — Обследовать состояние перекинутого через Веронду моста, наличие мин и грузоподъемность. Тут что-то неладно. Чую нутром: фашисты могут нам напакостить, — посмотрев довольно строго на командира роты автоматчиков, приказал Урсов.

Барич, Маркин и Соловьев поползли. Подходя к находящейся метрах в сорока от моста избе, один из саперов, увидев поспешно выскакивающих оттуда солдат противника, неожиданно закричал:

— Немцы!

Лихорадочно затрещали автоматы наших и немецких солдат.

Лейтенант Крылов в это время устанавливал в полуразрушенном дзоте пулемет. Услышав пальбу, он стремглав

побежал к избе, откуда били автоматы.

— Оставьте «языка-а-а»! Позарез нужен, понятно?! Наши-то все целы? — кричал на бегу Крылов.

— Из наших погиб один да еще троих саперов срезали гады автоматной очередью, — показал командир отделения Иосиф Яблонский в сторону моста.

Вокруг избы распластались на снегу восемнадцать убитых гитлеровцев.

— А ты почему на снегу сидишь, «Михаил Гаврилович»? Ранило, что ли? — напустился комвзвода на сержанта Юсупова.

— Выясняет личность! — бросил один из автоматчиков.

— Товарищ командир, я на немца сидеть! Он убил нашего Кольку Слапогузова. Говорит: «Швайн!», а я ему говорю: «Ты сам шайтан». Долго не дает ловить своя горла. Хулиганит нету спасу, плюет мой лицо и кусается, — дрожа от ненависти, выпучив черные глаза, пробормотал сержант, вцепившийся словно орел когтями в немецкого офицера.

— Факт! Будешь огрызаться и ты, если сядут на тебя, затолкают голову в снег и станут хватать за яблочко. Забери его! Учиним допрос! — зло бросил лейтенант и спихнул Юсупова с немца.

Поодаль, выставив стеклянные глаза на облачное небо, на спине лежал смертельно раненный автоматчик ефрейтор Николай Александрович Слапогузов. Парню из Новосибирска не было еще и девятнадцати. В комсомол приняли перед самым штурмом Новгорода.

— Шибко хочется жить, — произнес он, еле шевеля губами. — Напишите, напишите… — послышалось еще через несколько минут.

— Кому, Коля? — нагнувшись, спросил Крылов. — Девушке твоей?

— Нетука…

— А кому, сынок? Маме? Ты еще поправишься, напишешь сам, — успокаивая, проговорил пожилой сибиряк Яблонский.

Слапогузов беззвучно пошевелил губами. Потом он левой перевязанной рукой, раненной накануне, провел по пушистому подбородку (он еще не брился), хотел вытереть покатившиеся слезинки. Но не смог: рука упала на окровавленный снег.

— Прощай, Николай! Вчера от огня твоего автомата полегли десятки фашистов и столько же — сегодня. Мы отомстим за тебя, — твердо произнес лейтенант Крылов.

Николай Слапогузов первым загородил путь выбегавшим из избы фашистам. Последним с пистолетом в руках выскакивал офицер.

— Колька! — крикнул строчивший из автомата Юсупов. Но офицер уже выстрелил по Слапогузову. Не успев вставить новый магазин, сержант прикладом выбил пистолет из рук офицера и, бросившись, подмял его под себя.

Находящийся на правом фланге Урсов, услышав автоматную трескотню, приказал роте немедленно занять оборону. Сам побежал к мосту, откуда «заговорили» автоматы. Поскольку достаточными данными о противнике не располагал, он сразу приступил к допросу пленного. В этом у него была своя манера. К знатокам немецкого языка он не принадлежал, но вопросы задавал всегда остро и довольно разумно.

Вот перед нашим разведчиком в заброшенной холодной крестьянской избе стоит тощий низкорослый офицер, разглаживая горло. Отросшая борода и его рыжие волосы истрепаны, а лицо исцарапанное — Юсупов постарался разукрасить его. Возраст трудно определить. Что только не натянул он на себя (и шерстяной клетчатый платок, и нашу телогрейку) под зеленый лапсердак. Крылов мимикой показал ему: чего, мол, чухаешься, как поросенок — перед тобой русский офицер. Фашист, поняв, перестал скоблить себя.

— Садитесь, горе-завоеватель. Мне необходимо разговаривать с вами, — спокойно сказал Урсов пленному на немецком языке.

— Уберите вашего горлодера! — присаживаясь на скамейку, произнес он и показал на стоящего у двери Юсупова.

— «Михаил Гаврилович», выйдите! — приказал Урсов.

Гитлеровец наглел.

— Ненавижу вас! Ненавижу коммунистов! Проклинаю вашу грязную и нищую Россию! — орал он.

— Очень плохо, господин офицер, с такими нервами на войне. Успокойтесь, выпейте воды, — одернул Урсов пленного.

— Если у нас грязно и мы бедные, то почему же вы к нам лезете? — Почти крикнул сидящий рядом с капитаном командир взвода лейтенант Лунев и положил на стол свой огромный кулак. У гитлеровца моментально глаза округлились.

— Захар, убери руку со стола, — сирого сказал Луневу Урсов.

— А знаете ли, господин офицер, Россию и ее народ? Не знаете. Так как же? Будете вести себя, как ярый фашист или как строитель будущей новой Германии, без фашистов? — спокойно произнес Урсов. — Правда, вначале придется потрудиться, как вы сказали, в «проклятой России», а потом — и на своей Родине!

— Значит, вы меня не расстреляете?

— Нет! — решительно сказал Урсов.

Немец, почувствовав надежду на жизнь, заметно повеселел.

— Найн фашист! Найн фашист! Я, я… — заговорил он и

поднял вверх правую руку, выпрямив три пальца — большой, указательный и средний. Это означало, что он сразу расскажет правду и только правду. Только, мол, сохрани ему жизнь.

Привели еще несколько захваченных фашистов. Пленные рассказали, что их пехотный полк бежал из-под Новгорода. Были в десяти километрах от Суток, в селе Кшентицы, но спохватились, что забежали далековато, и вернулись. Измученные солдаты только уснули, как появились наши. Полк понес большие потери, осталось около батальона живой силы и батарея противотанковых орудий, которые находятся на той стороне речки. В Кшентицах — сильный опорный пункт гитлеровцев. Там занимает оборону противотанковый артиллерийский полк 8-й гренадерской дивизии с большим количеством артиллерии.

О наличии противника в Сутоках — Богданове и Кшентицах немедленно пошло донесение в штаб бригады. После этого Урсов приказал танкистам проутюжить оборону врага, не давать ему закрепиться.

Взвод легких танков лейтенанта Сергея Кужлева, ведя огонь с ходу, приблизился к мосту. Проскочить его не удалось. Встреченные огнем зенитных орудий, потеряв две машины, танкисты отошли.

Наша подвижная разведгруппа поспешно заняла оборону и вступила в бой с вражеским мотопехотным батальоном.

Иванченко, расположив взвод противотанковых ружей лейтенанта Валентина Ильина на левом фланге, сам с одним расчетом поднялся на чердак и, проделав дыру в покрытой дранкой крыше, стал разыскивать зенитные орудия, из которых противник бил по нашим танкам.

— Петр Васильевич, тоже наблюдай в оба. Видишь — кругом бело. Чернеют лишь узкие полоски стен изб. Фашисты замаскировались искусно, — шепнул Иванченко командиру отделения сержанту Рыбину. Поскольку сержант был намного старше, то командир его всегда величал по имени и отчеству.

У сержанта глаза наметаны. Он мог сидеть сутками без еды и курева, чтобы подкараулить врага.

— Товарищ старший лейтенант, гляньте, гляньте: из избы показался кто-то, — торопливо заговорил Рыбин.

— Вижу, вижу. Натуральный фриц, зараза. Побежал к дороге в белом халате, — отозвался Иванченко. Сам на ту точку, где скрылся фриц, навел прицел. — Сколько туда метров, Петр Васильевич?

— Не более четырехсот.

— Я тоже думаю — примерно столько же. Кажется, обнаружил окно предохранительного щитка пушки, — радостно

шепнув про себя, Иванченко сделал первых два выстрела. Через несколько секунд трое гитлеровцев отпрянули от пушки и скрылись за углом дома.

«Значит, угодил», — подумал старший лейтенант, и тепло пробежало по его телу. Загремел еще выстрел. Теперь у вражеской пушки поднялся небольшой дымок, что-то загорелось. В низу дома заголосили, но Иванченко лишь уловил слова: «Здорово! Слезайте быстрее!» Но бронебойщики уходить не собирались. На обочине дороги, около забора, блеснула вспышка выстрела другого немецкого орудия. Иванченко выпалил еще раз. Похоже, пуля срикошетила. Сделать пятого выстрела не успели. Осколочный снаряд снес угол избы, и тяжело раненный Иванченко с Рыбиным свалились в сугроб…

Неравный бой продолжался всю ночь. Узнав, что против стоит лишь небольшая группа разведчиков, гитлеровцы стремились смять их. Особенно досталось обороняющемуся в центре взводу Василия Крылова. Его гвардейцы, зябко поеживаясь, подпускали поближе подползавшую к мосту пехоту, расстреливали ее и забрасывали гранатами. Затем автоматная трескотня поднималась то на левом, то на правом флангах. Каждый раз гитлеровцы откатывались назад, оставляя на снегу десятки убитых.

В три часа ночи Крылов медленно шел по глубокому снегу вдоль линии обороны.

— Чье отделение? — спросил комвзвода.

— Сержанта Матыева! — послышался глухой голос.

— А-а-а, Уркунчу?

— Так точно, товарищ лейтенант!

— Где же твои гвардейцы?

— В траншее.

— Успели выкопать? — удивился взводный.

— Никак нет, расчистили старые.

— Молодцы! Смотри ты у меня, не прокарауль «молодчиков»!

— Никак невозможно, товарищ лейтенант! — доложил Матыев и спрыгнул в неглубокую траншею.

Крылов только отошел метров двадцать, как перед ним разорвалась граната и просвистели пули. Окровавленный, он свалился в сугроб.

— У-у-бит «хватлей»! — с сердцем выдавил Авилов и бросился к комвзвода. За смелость и храбрость бойцы любовно прозвали своего командира взвода хватким лейтенантом, а сокращенно просто «хватлей».

— Карим, ты чего разорался? Я же не убит, только царапнуло. Беги, передай бойцам, чтобы ни с места! Я буду в дзоте.

Авилов, недовольный тем, что «хватлей» гонит от себя, короткими перебежками бросился к расположению наших бойцов.

— Гвардейцы-ы! — кричал он, оглядываясь по сторонам. — По пехоте! Бей сволочей! Они подползают к на-а-а-ам!

Крылов вначале лежал животом вниз. Голова кружилась, и на какое-то время потемнело в глазах. Показалось, будто автоматная пальба удаляется. Только было трудно разобраться, в какую сторону — в нашу или противника. На самом деле стрельба только разгоралась. На левом фланге застучали противотанковые ружья Спиридона Плотникова и Петра Рыбина.

Командир взвода, почувствовав холод, медленно повернулся на спину и, перевязав, как мог, самого себя, пополз в полуразрушенный дзот. Там беспрерывно строчили из станкового пулемета Иван Катков с Николаем Косоваровым.

— Диски! — закричал Катков.

Косоваров подал ему диск в руки. Сквозь трескотню он услышал голос раненого Крылова:

— Подпускайте ближе! Ближе! Бейте в упор!

Прибежал в дзот Урсов.

— Жив, Вася?! Что с тобой? — взволнованно спросил он Крылова.

— Поцарапало малость руку и лицо.

— Тебя на танке отправим в тыл.

— Товарищ капитан, прошу оставить здесь. До утра выдержу, а потом, может, и уладится.

— Что с тобой делать? Хорошо, только смотри ты у меня, не выползай! Пошлю к тебе бойца, — согласился Урсов.

Отбита и эта атака врага. Однако самое тяжелое оказалось впереди. Гитлеровцы, пополнив свои ряды, подтянули несколько орудий и с рассветом пошли на штурм наших позиций. Теперь бой развернулся не только на окраине деревушки, но и на флангах.

Гвардейцы держались стойко, везде было слышно:

— Не-е-ет, нас не возьмешь, вражья сила! Теперь вам не сорок первый!

Танкисты с бронебойщиками расстреливали вражеские орудия. Метко бил фашистов командир отделения противотанковых ружей П. В. Рыбин. Он несколькими точными выстрелами вывел из строя пушку и уничтожил около двадцати гитлеровцев.

Вражеская пуля оборвала жизнь мужественного ленинградца, коммуниста с тридцатого года Петра Васильевича Рыбина. Из его ружья тут же открыл огонь лейтенант Валентин Ильин.

— Не пожалею себя за твою жизнь, Петя! — воскликнул

неразлучный друг Рыбина, тоже коммунист с тридцатого года, командир отделения ПТР Спиридон Плотников.

Вскоре геройски погибли наводчики ПТР А. А. Савин и С. И. Полетаев. Перед траншеями отделений И. И. Яблонского и Уркунчу Матыева стояли сплошные разрывы гранат и снарядов.

— Молодцы, гвардейцы! Рубите с плеча! Громите фашистов, чтобы другим неповадно было. Помните слова Александра Невского: «Кто с мечом к нам войдет — от меча и погибнет!» — продвигаясь, где бегом, где ползком по цепи, подбадривал бойцов капитан Урсов.

Не удержался и раненый лейтенант Крылов, пополз к траншеям. В этот момент несколько фашистов под огнем автоматов бросились вперед. Лейтенант выстрелил в одного — удачно. Вражеский солдат, схватившись за грудь, кособоко шагнул несколько метров и растянулся на снегу.

Сержант Матыев, чтобы бросить подальше гранату, поднялся на бруствер траншеи. Его глаза налились густой, как смола, чернотой. От ожесточения он потерял голос. Даже не мог крикнуть, только злобно кусал дрожащие губы.

Несколько гитлеровцев незаметно пробрались с правого фланга и неожиданно оказались перед Матыевым.

— Уркунчу-у-у! — крикнул Крылов и бросил гранату. Двоих уложил. Третьего разорвала граната Матыева. Но раненый фашист успел ударить по нашему сержанту…

Оборвалась жизнь командира отделения омича Иосифа Иосифовича Яблонского. Он за ночь истребил сорок пять фашистов. Погибли автоматчики комсомольцы А. П. Соловьев, Н. С. Косоваров, И. Н. Барич, коммунист Б. В. Холухин. Имели потери и танкисты — убиты командир башни В. А. Мотов и пулеметчик М. Г. Кузнецов.

Сутки вели неравный бой разведчики. Не было времени даже перекусить. Лежа на снегу, продрогли до костей. Однако устояли до подхода наших главных сил. На рассвете в бой вступил второй танковый батальон майора Цешковского.

— За вторым пойдете вы, товарищ Платицын. Езжайте с Юренковым и со своими «легендарными» и понаблюдайте за боем, местностью, — приказал комбриг генерал Б. И. Шнейдер командиру первого танкового батальона.

Танк комбата только выехал на опушку леса, что восточнее Суток, как резанули вражеские зенитные орудия. Над башней просвистело несколько болванок.

— Николай Николаевич, гады напрашиваются. Зарядите осколочным, — попросил комбат начальника штаба.

Двумя выстрелами зенитка была разбита. Но открыли огонь

другие орудия. Танкистам пришлось выйти из вражеского поля зрения.

— Переправиться тут Цешковскому вряд ли удастся, — проговорил Платицын, просматривая по карте местность.

— Пожалуй, ты прав, — согласился Юренков.

Действительно, через три часа боя командир второго батальона доложил:

— Переправиться через Веронду пока не удается. Враг режет противотанковым огнем.

Противник на подступах к Кшентицам остановил продвижение наших передовых частей. Чтобы ударить по ним, комбриг решил ввести в бой первый танковый батальон.

— Товарищ генерал, дайте мне новый участок. Тут фашисты пристреляли за сутки каждый кустик. В этом мы с Николаем Николаевичем убедились только что, — сказал комбат Платицын.

Комбриг всегда считался с мнениями своих подчиненных. Однако как бы недовольно передернул плечами, снял меховые краги, бросил их на правый борт танка, достал карту.

— А сумеешь переправиться? — водя глазами по карте, сухо спросил комбриг.

— Сумею, товарищ генерал. Только для прикрытия во время переправы дайте мне две батареи самоходных установок.

— Артиллерия — не проблема. Вот она, — и комбриг показал на командира полка самоходно-артиллерийских установок Буряченко. — Мы находимся здесь, — сказал он и ткнул пальцем левее Суток. — Лучшего места для переправы вряд ли найдешь.

Платицын посмотрел на свою карту, показал это место замполиту Бровко и молча сложил карту.

— Время наступления, товарищ генерал?

Правее, в нескольких десятках метрах от танка, почти одновременно грохнули два тяжелых снаряда, подняв седые столбы снега и земли. Все окружающие комбрига попадали в рыхлый снег. Благо что это было на той стороне танка.

— Выступить немедленно. Вон дьяволы подтянули тяжелую артиллерию, — переведя дыхание, почти крикнул комбриг и устремился в башню. — С артиллеристами согласуйте в танке, — добавил он, высунув голову из люка.

Второй батальон продолжал теснить врага на участке Сутоки — Богдановo. В это время первый батальон под прикрытием артиллерии и взвода противотанковых ружей лейтенанта Ильина километра на три южнее Суток начал переправу через Веронду.

Когда первая рота была на том берегу, комбат подошел к головной машине, закрутил «козью ножку» и позвал к себе

комроты Литвинова.

— Вот что, «легендарный». Время подпирает. Не будем ждать, когда переправится рота Телегина. Продвигайся на Кшентицы по этой просеке, — показал комбат по карте. — А я — за тобой. Имей в виду: огонь открывать через секунду после обнаружения противника, ясно?

— Ясно, товарищ майор!

Ночью было морозно. Дул ветер. А к утру потеплело. Снег стал почти липким. Над головой низко плыли серые облака.

— Жаль, что нам сегодня не могут подмогнуть «Илюши», — вздыхая, проговорил один из автоматчиков.

Проехали не более двух километров, как впереди застучали танковые пулеметы, затрещали автоматы.

— «Легендарный-1», доложи обстановку! — запросил комбат.

— Догнал бежавших гуляк из казино, — послышался в микрофоне спокойный голос Литвинова.

Теперь по сторонам от танковых следов стали попадаться распластавшиеся на снегу, в одних кителях, уцелевшие солдаты и офицеры разгромленной авиационно-полевой дивизии гитлеровцев.

— Смотри, товарищ лейтенант! Кто-то к елкам бежал, а обратно не бежал! — показывая на идущий от танковой колеи след, усмехнулся сидевший на танке комбата вездесущий сержант Юсупов.

— А ну, проверь палкой, что там за елками?

Лейтенант передал березовую палку, в конце которой был привязан ржавый штык. Ею проверяли толщину льда на реке. Сержант осторожно по следам зашагал к заваленным пушистым снегом трем маленьким елкам. Сначала хотел прострочить из автомата. «А вдруг там лежит наш раненый?» — подумал он. И два раза ткнул палкой. Кто-то страшно заорал, и перед Юсуповым, славно из-под земли, вырос с поднятыми вверх руками огромного роста мордастый фельдфебель.

— Хитлер капут! Хитлер капут! — завопил тот.

От такой неожиданности самого Юсупова вначале бросило в дрожь. Он чудом не нажал на спусковой крючок автомата.

— Не Гитлер, а Адольф Гитлер. Уважать должна, балбес, свой фюрер, ферштейн? — вырвалось у Юсупова. Он знал два немецких слова — «капут» и «ферштейн». Фельдфебель, видимо, понял.

— Я, я, Адольф капут, нох Хебельс капут.

— А-а-а, когда тебе дали по мягкому месту, сразу заговорил «капут». Твой оружий тоже капут? — шлепнул сержант ладонью о свой автомат.

Видя, что Юсупов учиняет полный допрос и, разозленный, может застрелить пленного, командир роты автоматчиков Шевченко крикнул ему:

— «Михаил Гаврилович», веди сюда пленного!

Гитлеровец рассказал, что вечером он пьянствовал в казино. Вдруг ворвались советские танки в расположение Мясокомбината. Он бежал, не успев захватить ни оружия, ни шинели. Притворился убитым.

— Видишь, Шевченко, как хитрят гитлеровские вояки. Вели своим гвардейцам проверять на снегу их останки, предложил комбат лейтенанту.

Действительно, среди десятков валяющихся трупов вражеских солдат нашли притворившихся убитыми.

От переправы с боями пройдено десять километров. Посмотрел Платицын на часы — был полдень. Стало быть, прошло полтора часа. До цели оставалось менее трех километров. Вот показалось и село Кшентицы. Танки к селу подошли с юго-восточной стороны. Уже отчетливо виднелась тянувшаяся двухкилометровая лента из ста двадцати дворов. На восток шла дорога Вашково — Новгород, на запад — Видогощь — Менюши. Вдоль противоположной стороны села протекала речка Веронда. На подступах к селу находилась поросшая кустарниками низина. Однако танки шли легко, оставляя ровно вырезанные глубокие колеи.

— Надо попортить обед фашистам, — сказал комбат сидевшему на танке лейтенанту Шевченко.

До села — не более километра. Внешне было все спокойно. Дымились три кухни, около некоторых построек медленно разгуливались коровы, лошади. Пальба шла где-то в районе Суток. Вскоре забегали меж домами, в руках у них мелькали автоматы.

— Мать пресвятая, фашисты! — крикнул лейтенант Шевченко. А было их в селе немало.

Майор Платицын, вступив в связь с командирами рот, открытым текстом радировал:

— Развернуться в линию. Роте Литвинова отрезать дорогу на Вашково и с северо-восточной стороны ворваться в село. Телегину — атаковать село с юго-запада, оседлать дорогу на Видогощь.

Танки, развернувшись в линию, стремительно ринулись на село.

— Автоматчики и бронебойщики, к бою-ю-ю! — крикнул командир роты Шевченко.

Начался кровопролитный бой. Командир батальона, следуя за

ротой Литвинова, доложил комбригу:

— Атакую Кшентицы! — и сам вступил в бой.

Появление наших танков было для противника неожиданным: из опорных пунктов Сутоки и Богданово ничего не успели сообщить. Причем судя по тому, что большинство противотанковых орудий было направлено в сторону Вашково, наших танков со стороны он не ожидал. К тому же было время обеда, поэтому около некоторых орудий находилась лишь охрана.

Рота Владимира Литвинова, ворвавшись в село, огнем и гусеницами начала крушить врага. По пути ротный на своем правом фланге заметал замаскированную батарею противотанковых орудий. Расчета около них не было, вражеские артиллеристы сломя голову бежали на огневые позиции. Радист Басов и автоматчики скосили их без особого труда.

— Тратить снаряды не будем, проезжай по лафетам! — приказал командир механику-водителю Тонанову.

Через несколько минут послышался душераздирающий скрежет, все орудия были изуродованы и вдавлены в болотный грунт. Сначала было трудно понять, кто и куда стреляет. Гитлеровцы расположились везде: в избах, сараях, на чердаках, деревьях возле построек.

Вот из крайней избы выбежали несколько солдат с ручными пулеметами в руках и залегли около бани.

— Я им, сволочам, устрою баню! — выругался командир отделения ПТР Спиридон Плотников и застучал из ружья.

— Молодец, Спиридон Степанович! Сбил угол бани и накрыл пулемет, — похвалил его комвзвода Иван Сюткин.

Такие же ружья лейтенанта Александра Грамалина осаждали орудия, которые вели огонь по нашим танкам. Рядом с бронебойщиками из танковой колеи били автоматчики Николай Давыдкин и Иван Заварзаев. Они никогда не унывали. И теперь подшучивали.

— Тут тебе, Николай Егорович, не коров лечить да поросят кастрировать, — улыбаясь и продолжая стрелять по фашистам, бросил своему земляку Заварзаев. Ему было сорок один, а Давыдкин — на несколько лет моложе.

— Думаю, Иван Иванович, печь булки в пекарне намного легче, — засмеялся Давыдкин. — Я четверых фашистов уже поклал, а ты?

— Трепаться-то брось ты, Николай, — взглянул на земляка Заварзаев.

— Ей-богу, не лгу нисколечко, — внимательно следя за двумя крайними сараями, ответил Давыдкин.

Два земляка из Мордовии — ветфельдшер Давыдкин и пекарь

Заварзаев — были неразлучными друзьями.

Снова застучали противотанковые ружья, левый сарай почти развалился. Тут же два фашиста выбежали из него и, преследуемые огнем автоматчиков, бросились в колодец, что находился в огороде.

— А-а-а, гадюки! Как пули — в колодец, должно быть, засохший. Не выпущу их теперь оттуда, — засмеялся подползший командир отделения Мусурман Муратов.

Выскочил другой солдат. Одним прыжком он хотел перепрыгнуть изгородь, но Заварзаев ушел дать короткую очередь — и вражеский вояка повис на штакетнике.

— Ай да молодец, земляк! — подбадривал Давыдкин.

Бой за село становился ожесточеннее с каждой минутой. Комбату Платицыну хотелось самому вырваться вперед и сражаться вместе с другими, но он прекрасно понимал, что успех батальона заключается не в том, сколько уничтожил противника лично он, а, прежде всего, в разумном использовании огневой мощи всех танков батальона. Поэтому, ведя огонь по противнику, он строго следил за действиями каждого экипажа. Непрерывно держа с ними связь, как бы дирижировал всем ходом боя. В необходимых случаях, показывая пример, сам вступал в бой с противником. На этот раз он заметил, что вся четырехкилометровая дорога на Видогощь забита колоннами в панике отступающего противника.

— Догнать, разгромить вражескую колонну и занять Видогощь немедленно! — приказал он по рации «легендарному-2» — Телегину.

Телегин, громивший в это время вместе с автоматчиками и бронебойщиками гитлеровцев на юго-западной окраине села, ответил:

— Понял, повернул на Видогощь.

Когда танки роты Литвинова уже разбили с десяток противотанковых и зенитных орудий (а их было там немало — батарея от батареи стояли в двухстах — трехстах метрах друг от друга), уничтожили пулеметным огнем много вражеской пехоты, комбат Платицын неожиданно заметил, что гитлеровцы открыли огонь с тыла.

Выяснилось, что по сторонам дороги на Новгород стояли три противотанковые батареи. Одну, самую ближнюю, раздавил своим танком Литвинов, а две, тщательно замаскированные в густых кустарниках (поскольку огня они по нам не открывали, так как орудия были направлены в сторону Новгорода и расчеты были на обеде), остались нами незамеченными. Теперь, повернув орудия в сторону села, они открыли огонь по нашим танкам с

тыла.

— Литвинов, Литвинов! Сзади тебя появились две батареи, накрой левую, а правой займусь я, — радировал комбат ротному.

Литвинов передал комбату:

— Понял, атакую!

Майор Платицын с дистанции не более шестисот метров начал расстреливать батарею. Орудия друг от друга стояли близко. Гитлеровцам вести огонь по танку комбата было неудобно — требовалось разворачивать орудия.

Приняв радиограмму, Литвинов не стал посылать для уничтожения батареи фашистов другой танк, так как сам был ближе всех к ней и вражеские орудия сильно палили по нему. Он вырвался на окраину села и, несколько продвинувшись вперед, повернул в сторону Веронды, затем открыл огонь по вражеским орудиям. Так началась дуэль одного нашего танка с четырьмя орудиями противника. На танк посыпались снаряды. Один из них, выдрав кусок брони, срикошетил. Ротный бил снайперски, разворотил подряд два орудия. Взял на прицел третье. Только успел произвести два выстрела, как сильный удар потряс машину. Едва удержался на сиденье. Одновременно два попадания — в мотор и башню. Башня моментально наполнилась дымом, осветительный плафон погас. Застонали раненые.

— Тонанов! Продвинь к правому кустарнику, — скомандовал Литвинов механику-водителю, не отрываясь от налобника прицела.

Но парторг роты Тонанов, опустив пробитую осколком голову, молча сидел на своем месте. Тупая боль растеклась по его телу. Команду ротного он слышал, но не соображал, кому она и к чему…

— Мы с механиком ранены, — доложил старший лейтенант Иван Пугач.

— Выйти из танка и вытащить Тонанова сумеешь?

— Постараюсь, — еле слышным голосом ответил Пугач.

Выбравшись из машины, старший лейтенант вытащил Тонанова и положил его на снег. Безуспешно пытался погасить огонь, поняв, что одному с огнем не справиться. Теперь, помогая друг другу, по колее танка оба танкиста поползли в сторону села.

— Вам помочь? — спросил, когда они были уже недалеко от сарая, лейтенант Лавренов.

— Постараемся сами, — ответил Пугач.

Башня наполнилась едким дымом. Сидеть в машине становилось невыносимо. Однако капитан Владимир Григорьевич Литвинов и не думал покинуть ее.

— Провалиться мне на месте, если не сотру этих негодяев с

лица земли, — выругался комроты.

— Басов! Осколочным! — послышался злобный голос ротного. Еще два снаряда полетели в сторону врага. После того, как снова последовал удар по башне, Литвинов все-таки чудом успел нажать ногой на педаль пушки. И этот выстрел, последний, решающий, уничтожил четвертое вражеское орудие. Сам, с распоротым животом, согнувшись от невыносимой боли, почерневший, облокотился о казенник пушки.

— Теперь, кажется, в расчете. Сделал, что мог. Гранаты… пулемет… — сквозь зубы процедил командир роты.

От ранения в голову Басов на несколько секунд потерял сознание. Когда огненные языки из моторного отделения дотянулись до него и лизнули лицо, он соскочил с боеукладки и закричал:

— Товарищ капитан! Горим, горим!

— Зачем гореть, кто за нас будет воевать? — закашлявшись от дыма, с трудом проговорил ротный, пытаясь выбраться из пылающей машины.

Савелию Басову все же удалось вырвать своего командира из пасти пылающего огня. Ползти или идти самостоятельно Литвинов не мог. Кругом по полю, как ошпаренные, убегали из села гитлеровцы.

Услышав по рации последние слова Литвинова и крик Басова, Платицын поспешил на помощь к ротному. Но, сражаясь с противотанковыми орудиями, задержался. Поскольку Литвинов не отвечал, комбат решил вызвать Томашевича.

— Где ты? Какого дьявола молчишь? — спросил он.

— Сижу по башню в воде! — послышался в микрофоне голос командира танка.

— Эх, ситуация! Час от часу не легче! Да ты что! Никак решил порыбачить?! Кто тебя просил проваливаться? Отвечай! — шумел по рации расстроенный и вышедший из терпения комбат. Однако тут же, несколько успокоившись, передал: — Николай, гренадеры отступают в вашу сторону. Угостите их огоньком. А вас вытащим.

Первым своего комроты разыскал зампотех Алексей Сергеев. Вскоре подъехал на танке Платицына начальник политотдела бригады подполковник Жибрик. Обнаружили Литвинова в двадцати метрах от догорающего танка. Он, сжавшись в комок, вытянул руку с пистолетом, с простреленной головой, лежал в глубокой колее. Около него валялись две гранаты. В пяти метрах от него находился с простреленной грудью пулеметчик старшина Басов. Недалеко от них валялись трупы трех разорванных гранатами немецких автоматчиков.

Жибрик, Платицын, Бровко и Сергеев понесли на руках к танку Литвинова и Басова.

— Потяжелел ты, Володя, — проговорил Платицын, и глаза его увлажнились.

Начальник политотдела Жибрик, который в боевой обстановке не имел привычки сидеть в штабе и постоянно находился в боевых порядках танков, неся воинам страстное большевистское слово, подавая пример мужества и стойкости, доложил из танка комбата комбригу Шнейдеру обстановку и передал о героическом подвиге и гибели командира первой танковой роты капитана Владимира Григорьевича Литвинова. Потом, вступив в связь со всеми танками, передал им радиограмму:

— Товарищи гвардейцы! В боях за село Кшентицы геройски погиб командир роты Владимир Григорьевич Литвинов. Смерть его гитлеровцам обошлась дорого. Только противотанковых орудий его экипаж уничтожил восемь! Отомстим фашистам за смерть наших боевых соратников!

Бой за село продолжался. Гитлеровцы яростно сопротивлялись. Стремились любой ценой остановить продвижение наших танков и автоматчиков. Из окон домов били по триплексам, прицелам танков. Швыряли бутылки с горючей жидкостью, связки гранат, противотанковые мины.

Вести огонь одновременно по противотанковым орудиям и пехоте врага танкисты не успевали. Поэтому в уничтожении пехоты большая доля выпала на автоматчиков.

— Два пулемета не дают поднять голову, — доложил командир второго взвода автоматчиков Булыгин командиру роты Ивану Шевченко.

— Вася, ты атакуй левым флангом вон туда, где дымит, — показал рукой комроты Булыгину. — А мы разделаемся с пулеметами.

Лейтенант Сюткин по правому флангу подполз почти к изгороди. Бронебойщики из расчета Спиридона Плотникова и Григория Сальникова ударили по пулеметным точкам врага, расположенным между большими, занесенными снегом камнями. Уцелевшие расчеты были расстреляны автоматчиками. Сюткин и Плотников, сделав несколько больших прыжков, оказались на соседнем огороде. Здесь был прострочен из автомата старшина Спиридон Степанович Плотников.

Гвардейцы особо переживали эту утрату. Плотников лежал на мокром снегу около изгороди между засохшими кустами крыжовника, жил он не более минуты. Обведя помутневшими глазами своих боевых товарищей, успел сказать:

— Вот и довоевался. Не ругай меня, Прасковья Яковл… — и раздался его последний тяжелый вздох…

— Спиридон попрощался с нами, — тихо проговорил лейтенант Сюткин.

Омич Спиридон Степанович Плотников находился в бригаде с октября сорок первого. За это время был ранен семь раз. В боях под Мостками он расстрелял 37 фашистов, под Киришами — 14, а всего — 76 вражеских солдат. За это он был награжден тремя орденами и медалью. Часом позже погиб и его командир — лейтенант Иван Ефимович Сюткин.

Смело сражался на левом фланге Василий Булыгин. Находясь возле танка, он заметил, как несколько гитлеровцев выскочили из бани с гранатами в руках, чтобы швырнуть их в танк.

— Ваша не возьмет! — развернув свои широкие плечи, крикнул Булыгин и сам кинул в них гранату. Не разглядев, что произошло, бросил вторую. Два гитлеровца остались лежать на снегу, а остальные успели забежать во двор. Танк, подмяв изгородь, устремился на улицу. В это время у сарая раздался крик. Комвзвода побежал туда. Во дворе около дымящей кухни суетилось несколько гитлеровцев. Шум и ругань слышались в избе. Булыгин, заметив, что его бойцы бегут за ним, закричал:

— Гвардейцы, сюда-а-а-а!

Ни один из врагов не собирался уходить или сдаваться в плен. Наоборот, сражались с яростью. В избу забежал сержант Мусурман Муратов. Одного солдата, в длинной, с пристегнутыми за ремень полами шинели, он прострочил сразу. Но из-за печки выскочил другой, рослый, в рогатой каске, с автоматом на животе. Он нажал на спусковой крючок автомата. Пули просвистели мимо прижавшегося к печке Мусурмана и разбили оконные стекла. Муратов догадался, что фашист не заметил его, а стрелял с испуга, и тут же нажал на спуск своего автомата. Произошел лишь один выстрел — последний патрон! Однако израненный фашист, крякнув и уронив на пол автомат, упал.

— А-а-а! Попался на капкана, шайтан! — закричал Мусурман. Его глаза горели огнем. Раненый заметил, что русский солдат достает магазин. Охватив автомат, он пнул ногой сержанта. Муратов, пошатнувшись и не успев вставить новый магазин, тигром бросился на немца.

— Каюк тебе теперь, керемету!

Увидев засверкавший над головой финский нож, фашист опустил руки.

— Ты чего тянешь резину, Мусурман? — послышался за спиной голос старшины Петра Казакова.

— У барана кровь пускают в горло, а куда у фашиста, не

знаю. Где у него сердце, тоже не понимаю, — вполне серьезно проговорил Муратов.

Гитлеровец, передохнув, вновь схватился за свой автомат. Но его опередили гвардейцы.

Простроченный пулеметной очередью из соседнего двора, погиб коммунист, старший лейтенант Василий Григорьевич Булыгин. Был он способным командиром, добрым, простым русским человеком, умеющим улыбаться даже в самые тяжелые минуты.

— Вася, ты всегда будешь жить в памяти твоих боевых друзей, в их благородных сердцах, — сказал на прощание старший лейтенант Михаил Мельников.

Несколько раз на каких-нибудь полчаса или час бой стихал, а затем разгорался с новой силой. Танки Николая Томашевича, Андрея Куделя, Николая Кожина, Владимира Боярчикова, Онуфрия Загоруйко и других беспощадно косили, подминали под гусеницы вражескую пехоту и огневые средства. Вышла из строя пушка у танка Боярчикова, самого его ранило в спину. Не доложив о своем ранении, истекая кровью, он продолжал громить врага.

Танк лейтенанта Михаила Шматко провалился в засыпанную снегом огромную воронку и завяз. Вскоре подъехал замполит роты Алексей Сергеев. К тому времени гитлеровцы окружили танк и начали его обстреливать. Несмотря на это мужественные танкисты с боем вырвали машину из болотного грунта.

Командование первой ротой принял старший лейтенант Онуфрий Загоруйко. Танкисты, воодушевленные призывом начальника политотдела Жибрика, мстили сполна фашистам за смерть Литвинова и других боевых товарищей.

Часть пехоты противника, не выдержав огня танков и автоматчиков, группами бежала по глубокому снегу в направлении к лесу. Было нелегко преследовать бегущих.

Николай Томашевич, выйдя во вражеский тыл, подавил несколько орудий и начал расстреливать барахтающихся в снегу немцев. Потом, с ходу одолев Веронду, окончательно загородил путь убегающему противнику. В разгаре боя под автоматным огнем он вытащил застрявший в болоте танк. При этом погиб механик-водитель Яков Сергеевич Сергеев, а командиру обожгло лицо. Теперь за рычаги управления сел сам Томашевич. Увлекшись боем, командир не заметил, как сам провалился в речку по башню. О быстрой эвакуации не могло быть и речи: град пуль не давал выйти наружу.

— Ну, погодите, гады! — выругался командир и, перебравшись в башню, стал косить приближающихся

гитлеровцев. Те, не считаясь с потерями, хотели любой ценой поджечь танк. Напрасные хлопоты. Вот они подкатывают орудия. Фашисты стали бить из сарая. Томашевич это заметил. Несколькими выстрелами сарай был разрушен, и орудие умолкло. Танк быстро наполнялся водой.

— Что будем делать, товарищ лейтенант? — заговорил радист-пулеметчик Петр Туманов.

— Кто не надеется выдержать холодной воды, разрешаю покинуть машину, — строго проговорил командир, плотно задраив люк башни.

Покинуть танк никто не собирался. Отважный экипаж, находясь по пояс в ледяной воде, продолжал уничтожать гитлеровцев. С наступлением темноты Туманов вышел из машины и пополз к своим. А еще через два часа перед осажденным танком три раза моргнул небольшой огонек. Это ехал на помощь на тягаче замполитех Сергеев.

Комбат долго вызывал по рации командира второй роты Телегина, которому было приказано разгромить колонну противника и занять Видогощь. Ротный почему-то молчал. Чтобы выяснить обстановку, комбат решил проскочить туда. Но, выехав на южную окраину села, он обнаружил четыре вражеских орудия. Они стояли в густых зарослях недалеко друг от друга. Расчеты поспешно разворачивали их в сторону Кшентиц.

— Товарищ майор, в кустах немцы и орудия! — закричал механик-водитель Царев.

— Не кричи, вижу сам! Откуда, дьяволы, взялись? Должно, были на обеде и отсечены нашими автоматчиками. Проскочить-то, пожалуй, не успеть… — ответил комбат. Потом скомандовал башенному стрелку Глебу Кривокорытову: — Осколочным! — Одновременно застрочили из пулемета радист-пулеметчик Дмитрий Лысенко и из автомата — сидящий на танке командир роты автоматчиков Иван Шевченко.

Вначале немцы бросились бежать. Но офицер так резанул из автомата по двум своим артиллеристам, что быстро скосил их, а остальные вернулись к орудиям и открыли огонь. По танку комбата в упор засвистели снаряды. Застигнутые врасплох артиллеристы вели беспорядочный огонь. Первое попадание сильно потрясло танк. Раненый лейтенант Шевченко упал в сугроб, но продолжал стрелять. Перед глазами впившегося лбом в триплекс Царева блеснуло пламя, он стукнулся головой о броню.

— Отломился угол лобовой брони, образовалась дыра, — сообщил механик-водитель.

— Голова цела?

— Цела, только лицо горит!

Платицын, маневрируя по глубокому снегу, посылал снаряды точно в цель. Но еще не все пушки врага были уничтожены. Еще одно попадание в наш танк.

— Глеб, загляни в люк, что-то загремело?

— Полетел запасной бак, — доложил башенный стрелок, выглянув ив башни.

— Бог с ним, там горючего нет, не страшно.

Зазуммерила рация:

— «Хром»! Я — «Бульвар»! Я — «Бульвар»! Прием.

Это капитан Телегин вызывает комбата, а тому некогда отвечать. Комроты догадался об этом и радировал:

— У меня все в порядке. Колонну противника перемололи, остатки валяются в кюветах. Видогощь наша, дорога на Менюши открыта. Потерь в танках нет.

Платицын облегченно вздохнул и проговорил:

— У меня, должно быть, тоже все в порядке, — смахнул танкошлемом липкий пот с лица и продолжал палить из пушки и пулемета.

— Ослабла левая гусеница, должно быть, поврежден каток! — доложил механик-водитель. Комбат не придал значения этому.

Через несколько секунд сбило шаровую установку, погнуло пулемет.

— Сережа! Заклинена башня! Выезжай во фланг, надо давить гадов! — крикнул комбат механику-водителю Цареву.

— Товарищ майор, разрешите, попробую ломом, — послышался голос Кривокорытова.

— Не смей, скосят наверняка!

— Давить негодяев! — приказал комбат.

Царев обрадовался:

— Есть давить!

Танк с натужным ревом вырвался вперед, и через несколько минут орудие, лафет которого продавил мерзлую корку грунта, было раздавлено.

Гитлеровцы настойчиво продолжали сопротивляться. Цеплялись буквально за каждый сарай в селе. Оживали, казалось, брошенные их орудия. Разрушая и сжигая строения, можно было бы покончить с противником гораздо быстрее. Но комбат строго приказал:

— К такому приему боя прибегать в исключительных случаях.

Обстановка осложнялась тем, что к Кшентицам подходили отступающие со стороны Вашково — Изери вражеские подразделения. Командир роты Загоруйко докладывал о недостатке боеприпасов. Нуждались в патронах и автоматчики. Их обеспечением, эвакуацией раненых занимались постоянно

находящиеся в боевых порядках, поддерживающие связь с танками, командиром батальона и тылом начальник штаба Зевцов-Лобанов и замполит Бровко.

Комбриг Шнейдер сообщил Платицыну, что, по данным разведки, от Суток на Кшентицы движется артиллерийская колонна гитлеровцев, приказал встретить ее огнем танков и разгромить.

Платицын, пересев на исправный танк, немедленно связался по рации с Телегиным и приказал ему возвратиться в Кшентицы для встречи артиллерийской колонны. Затем обстановку и о принятых мерах доложил командиру бригады и просил ввести в бой второй танковый батальон.

Генерал Шнейдер сообщил, что майор Цешковский переправляется через Веронду и через два часа прибудет в Кшентицы.

Телегин с ротой, не заходя в село, свернул на дорогу в сторону Суток. Действующий впереди танковый взвод старшего лейтенанта Георгия Смолина с ходу расстрелял артиллерийскую колонну противника. Через два часа после получения приказа командир роты доложил:

— Разделали под орех восемь тягачей с прицепленными к ним орудиями и сидящей в кузовах прислугой.

Возвращаясь, танк Телегина вступил в село. Проехал не более ста метров.

— Слева — орудия! — оглушительно крикнул радист-пулеметчик Шелонин, который увидел метрах в семидесяти во дворе крайнего дома три орудия с хлопотавшими около них гитлеровцами.

Башенный стрелок Пирогов, не дожидаясь команды ротного, уже послал в ствол осколочный снаряд.

— Молодец, Саша! Откуда только берутся, окаянные? — изрек комроты и сделал выстрел.

Снаряд поразил среднюю пушку. Троих из расчета разнесло, несколько человек забежали в сарай. Однако настырные офицеры, подбежав к заряженным орудиям, успели произвести одновременно два выстрела. Танк дрогнул. Механик-водитель Николай Иванович Жук и радист-пулеметчик Шелонин были убиты, а башня заклинена.

— Саша, помоги оттащить на боеукладку Жука. Передавлю я сволочей, покажу им, как русские умеют воевать и умирать, — вырвалось у Телегина, и они с Пироговым начали оттаскивать механика-водителя с сиденья.

Танк словно с трамплина бросился на вражеское орудие, но из другого — последовал удар…

Ротный с Пироговым, набив карманы гранатами, побежали во двор к уцелевшим орудиям. Пирогов, сраженный автоматной очередью, упал замертво около танка. Капитан, крикнув: «А ну, гады, у кого покрепче нервы?», стал забрасывать орудия гранатами. Перепуганные гитлеровцы бросились в темный сарай. Выхватив пистолет, Григорий Телегин кинулся за ними…

В сумерках вступил в бой подошедший второй танковый батальон бригады. Его легкие танки с ходу бросились в атаку, часть — на Видогощь, другая — в сторону школы, откуда фашисты еще продолжали отстреливаться. Туда же устремились взвод автоматчиков лейтенанта Георгия Лавренова и пэтээровцы Александра Грамалина.

— Товарищ лейтенант, фрицы с огнем бегают у школы! — доложил Лавренову лежащий рядом Федор Мягков.

— А ну, ударь туда! Видимо, намереваются поджечь! — крикнул комвзвода.

Застучали противотанковые ружья и автоматы. Не выдержав нашего огня, гитлеровские вояки бросились бежать. А школа все же запылала. В свете пламени замелькали фигуры гитлеровских вояк с автоматами на груди.

— За мно-о-ой! — послышался голос Лавренова.

Около входа в школу он почти столкнулся с выскакивающим гитлеровцем. Тот после яркого света не разглядел в темноте Лавренова. А этого было вполне достаточно, чтобы нажать на спусковой крючок автомата. Туша вояки рухнула прямо на лейтенанта.

— Пошел ты… — выругавшись, Лавренов с силой оттолкнул его в сторону. Эсэсовцы бежали к Веронде.

— За мно-о-ой! — крикнул опять командир взвода.

Гвардейцы настигли вражеских солдат недалеко от школы. Нелегко бежать по глубокому снегу. Днем была оттепель, а вечером подморозило и образовалась снежная корка. Наши косили противника огнем из автоматов, фашисты же отбивались гранатами, потому что остались почти без патронов.

— Лейтена-а-ант! — крикнул один из автоматчиков, заметив, что в сторону Лавренова враг метает гранату.

Лейтенант сам, только что размахнувшись, пустил гранату, как почти под его ногами разорвалась вражеская. Лавренов, закрыв руками лицо, упал.

— Товарищ лейтенант, ранило? — взволнованно спросил Федор Мягков. Но лейтенант молчал, только махнул рукой. Его ранило в грудь, лицо, пуля прошила язык, выбило несколько зубов. Мягков, перевязав Лавренова, отвел его в санчасть. От вражеской пули погиб лейтенант Александр Ипполитович

Грамалин.

Прибыв в Кшентицы, командир второго танкового батальона в первую очередь решил разыскать среди ведущих бой танк Платицына.

— Живой, Володя! Как дела? — пожимая руку Платицына, хитро улыбнувшись, спросил у него Цешковский.

Платицыну показалось, что впервые за всю войну он так смертельно устал. От мелких броневых осколков, от копоти и соленого пота жгло лицо. Тем не менее, он, как и всегда, старался быть бодрым, веселым. «Умение держаться в любой сложной обстановке, быть уравновешенным, — говорил Владимир Васильевич своим подчиненным, — рождает в человеке здравые мысли».

— Как видишь, живой, Иосиф Павлович! — ответил Платицын и шлепнул по рукам Цешковского. — Дела неплохи. Гренадеры выдыхаются. Теперь их атаки стали гораздо слабее. Шутка ли, мои гвардейцы разбили около сорока орудий! Тут стоял 26-й гренадерский полк противотанковой артиллерии 8-й гренадерской дивизии. Разгромили штаб полка, автоматчики захватили его знамя. Отдали какому-то механику протирать гусеницы, — засмеялся Платицын.

— Бывает же иногда и на поле боя такая абсолютная тишина, — прислушиваясь, проговорил Цешковский.

— За день боя такое затишье наступало несколько раз. Потом опять загремят выстрелы.

— Потери большие?

— Нет, небольшие. Две машины сгорели, две требуют ремонта. Беда — в другом, Иосиф Павлович. Остался без своих «легендарных». Днем геройски погиб Володя Литвинов, а теперь, час от часу не легче, замолчал и Гриша Телегин.

Разговор комбатов перебили прибежавшие начальник штаба Зевцов-Лобанов и замполит Бровко. Они доложили, что все машины боеприпасами пополнены, раненые эвакуированы.

Вскоре подъехал комбриг Шнейдер. Генерал приказал штурмом овладеть селом.

К одиннадцати вечера вместе с подошедшими стрелковыми подразделениями село было освобождено. Несколькими часами позже взяли и Видогощь. При этом смертью героя погиб командир танкового взвода старший лейтенант Андрей Матвеевич Куделя.

Наши автоматчики во главе с командиром роты Мельниковым (он принял командование ротой после ранения Шевченко) вместе со стрелками других подразделений всю ночь проверяли избы, подвалы, сараи, склады, прочесывали лес вокруг села, вылавливая притаившихся эсэсовцев. Одновременно искали

капитана Телегина, судьба которого была неизвестна. Автоматчики возвратились в село лишь на рассвете. За ночь переловили немало гитлеровцев. Поэтому, несмотря на усталость и голод, да и промокли изрядно, настроение у них было бодрое. Правда, его несколько испортил прибежавший Юсупов.

— Товарищ старший лейтенант, на подвале много немца, — взволнованно доложил он ротному.

Мельников невольно задумался: «Как же так, осмотрели досконально и вдруг…»

— Где?

— Где генерал!

— Чудно, на КП бригады — противник! — возмущался комроты.

— Товарищи! Побежали! — махнул рукой Мельников. — Оружие у них есть? — спросил он на бегу.

— Автоматы есть, патрона у иха ек — нет.

— Сам-то там был?

— Был, орут «Хайль Хитлер!»

Еще вчера КП бригады разместился в продолговатом здании. Поскольку вход в подвал был завален ящиками, бочками из-под овощей и другим хламом, то его никто не проверял. Вдруг курящий возле него посыльный Юсупов услышал немецкий разговор. Он пробрался в подвал. Там, согнувшись в три погибели и бормоча о чем-то, стояло около десятка эсэсовцев, худых, бледных, долговязых, с дубовыми листьями и буквами «СС» на рукаве, во главе с офицером. Юсупов поспешил доложить командованию об этом. В подвал был послан Мельников. Едва только оказавшись в нем, еще не успев осмотреться в полумраке, он натолкнулся на увешанного несколькими крестами вражеского офицера. Сделав три четких шага вперед, тот вплотную подошел к нему и высокомерно проговорил:

— Мы воевали в Голландии, Бельгии, Франции! В Кшентицах — наше первое поражение.

Ударив себя в грудь и крикнув во все горло: «Хайль Хитлер!», «Хайль Хитлер!», схватил Мельникова за воротник шубы и плюнул ему в лицо. У гвардейцев моментально щелкнули затворы автоматов.

— Не стрелять! — дрожа от ненависти, скомандовал Мельников.

В этот момент другой гитлеровец ударил своего капитана так, что тот покатился в темный угол подвала.

— Антифашист! Антифашист! — пробормотал он и виновато отошел в сторону.

«Гитлеровские вояки начинают лупить друг друга. Это —

признак неплохой. Они должны знать о судьбе капитана Телегина», — подумал Мельников и спросил об этом у поднимавшегося с пола немецкого офицера.

— О, капитен, капитен! О, ком, ком! — облегченно заговорил уже совсем другим тоном офицер.

Пленный офицер привел к почти сгоревшему сараю. Там, придавленный толстыми балками, среди одиннадцати сгоревших немецких солдат, лицом к земле лежал гвардии капитан, Григорий Георгиевич Телегин. Его узнали по почти нетронутому огнем лицу и пистолету, в котором не было ни одного патрона.

На допросе пленный офицер рассказал более подробно. Перепуганные эсэсовцы, опасаясь, забежали в темный сарай, где лежали шесть человек своих же раненых. Неожиданно сюда ворвался русский танкист и с ходу уложил из пистолета троих.

В убийстве Телегина эсэсовец так и не признался. Остальные пленные подтвердили, что именно офицер пристрелил нашего капитана и поджег сарай.

К бездыханному телу Телегина подошел майор Платицын. Он сиял свой танкошлем и, переполненный скорбью, задумался. В 1938 году они вместе окончили с отличием Саратовское танковое училище. Два года вместе били фашистов, были неразлучными друзьями. Радость и горе делили пополам.

— Прощай, боевой друг. Мы за тебя отомстим фашистам, — глухо произнес майор. И по его щекам потекли крупные слезы.

— Погибших героев похороним в Новгородском Кремле, — сказал начальник политотдела Жибрик.

Итак, пал еще один крупный опорный пункт гитлеровцев. Когда совсем рассвело, перед глазами открылась мрачная картина. Поле боя изрыто разрывами, исполосовано танковыми гусеницами. Всюду валялись распластавшиеся эсэсовцы. Вся десятикилометровая дорога от Изери до Видогощи была забита исковерканной техникой, брошенным оружием. А сколько было в машинах вещей, награбленных гитлеровцами в Новгороде! Чего только не было там в кожаных чемоданах и тюках.

После боев за Кшентицы фронтовая газета опубликовала стихотворение журналиста Павла Шубина «Гвардейцы». Вот некоторые строки:

…Что болото, что снега?!
Им победа дорога,
Их отцы ходили к Плевне,
Деды брали Измаил,
Бой за Кшентицы — деревню
Им прославиться сулил…

В той деревне каждый дом
Пулеметным стал гнездом;
Немцам выбраться бы в лес,
Да на свете нет чудес;
По бугру и по ухабу
Шьет свинцовая строка, —
Точка. Тихо. Крышка штабу
Гренадерского полка.

Наши потери в танках и личном составе были незначительны. Отличившиеся в боях танкисты и автоматчики награждены орденами и медалями. Командиру первого танкового батальона майору Владимиру Васильевичу Платицыну, командирам рот — капитану Владимиру Григорьевичу Литвинову (посмертно), капитану Григорию Георгиевичу Телегину (посмертно) и командиру танка младшему лейтенанту Николаю Николаевичу Томашевичу присвоено звание Героя Советского Союза.

Составляя передовой отряд армии, бригада после непродолжительной остановки для осмотра и заправки танков продолжала преследовать отступающего противника. Двигались по бездорожью: лесам, болотам и полям — в глубокий тыл гитлеровцев. Мастерски действуя вместе с танковым десантом, передовые части внезапно появлялись там, где враг их не ожидал. Удары наносили быстрые и ошеломляющие.

Противник готовился к встрече на дорогах, а бригада по бездорожью вдруг появлялась в глубоком тылу, перерезала коммуникации, наводила страх, ужасы и панику, громила застигнутые врасплох части противника.

Впереди и по флангам, на определенном удалении, шла наша разведка, возглавляемая капитаном Урсовым. Впереди главных сил, как правило, ехали замкомбрига подполковник Д. Е. Клепко и начальник политотдела подполковник Жибрик с командиром батальона Платицыным. Проехав около двадцати километров, капитан Урсов доложил:

— Товарищ генерал, навстречу со стороны Острова идет противник с противотанковыми ружьями.

— Сколько единиц? — быстро разворачивая карту, спросил комбриг.

— Насчитали двадцать ПТР.

«Примерно рота», — подумал комбриг. К его танку подошли комбаты.

— Так… где мы находимся, товарищ Платицын? — взглянув

на комбата, проговорил ом и повел рукой по карте. Видимо, генерал решил проверить, как ориентируется тот. Но майор Платицын в этом деле всегда был на высоте. Кроме того, до войны он несколько лет служил в этой местности. Потому знал ее характер, рельеф.

— Вот в этом квадрате, — показал комбат. — Что вас волнует, товарищ генерал? — вдруг тут же спросил он.

— Меня ничего не волнует. Определил правильно. Хочу просто заметить, что нам нельзя ошибаться, — с еле заметной улыбкой ответил генерал.

— Товарищ генерал, Владимир Васильевич, как и я, — выпускник Саратовского танкового, ориентируется превосходно, — к чему-то заметил начальник штаба бригады Юренков.

— Наши легкие танки идут впереди, а теперь вперед надо пропустить тридцатьчетверки и расстрелять противника. Очень важно взять языка, — приказал командир бригады.

Вскоре противотанковые ружья вместе с расчетами были расстреляны прямой наводкой. В живых остался лишь один фашист. Он, бросив ружье, бежал впереди танка.

— Товарищ майор, разрешите, я его одним выстрелом… — обратился старший лейтенант Мельников.

— Догоню и раздавлю, — грозился лейтенант Романюта.

— Не стрелять и не давить! Он по такому снегу далеко не уйдет, — строго сказал комбат.

Действительно, гитлеровец, пробежав не более двухсот метров, прыгнул под елку и стал закапываться в снег. Майор подошел к нему. Это был дрожащий с перепугу юнец. «Жалко тебя, молодого дурака», — подумал он и улыбнулся. На лице юнца выступили красные пятна. Генерал Шнейдер, хорошо владея немецким языком, пленного допросил сам. Тот рассказал, что в деревне Остров имеется пехота без артиллерии, а что в Теребони — он не знает. Пленный еще сказал, что их командование полагало, что русские пойдут на Остров, а не на Теребони.

Вождение танка в лесисто-болотистой местности было сопряжено с большими трудностями. Требовалось немало энергии от механиков-водителей, которым приходилось подолгу сидеть за рычагами управления. Поэтому они сильно уставали. Когда колонна останавливалась, многие из них не могли от усталости подняться со своих мест и без посторонней помощи выйти из танка. Времени для отдыха не было. На фоне снега видимость и в лесу даже ночью была неплохая.

— Мороз-то начинает пробирать, — шепнул один из сидящих

на левом борту танка автоматчик.

— Начал крепчать еще с вечера, — чиркнув спичкой и прикурив, проговорил другой.

— Кого это пробирает мороз? А ну, слезайте живо, пошагайте за танком и согреетесь, — послышался голос с другой стороны танка. Все обернулись и увидели подполковника Жибрика.

— А вы почему курите? Известно вам, что пробираемся во вражеский тыл?

— Изве-е-стно! — пробасил кто-то.

— Коль так, то надо соблюдать светомаскировку! — потребовал начальник политотдела.

— Товарищи, я же вас предупреждал не курить. Если невтерпеж, то можно в руку, — заметил высунувшийся из башни старший лейтенант Загоруйко.

— Верно говорит ваш командир роты, — согласился Жибрик. Потом он заглянул в люк механика-водителя.

— Сергеев, ты почему за рычагами? Где Селезнев? Ранен? — спросил он.

— Решил дать ему возможность отдохнуть, — доложил зампотех роты.

— Решение разумное. Это надо практиковать и в других подразделениях, — сказал Жибрик и пошел дальше.

Теперь, чтобы дать возможность водителям отдохнуть, начальник политотдела приказал подменять их другими расчетами экипажа, танковыми техниками. В помощь механикам-водителям брали одного из автоматчиков, который наблюдал за противником, следил за маршрутом, предупреждал о всех замеченных опасных участках — крутых поворотах, ухабах, пнях.

Танковые моторы часто перегревались и работали на предельном режиме. Танки Т-70 часто застревали в болоте. Поэтому скорость движения, особенно ночью, была небольшая.

— Зампотеха Сергеева к комбату, — передал прибежавший автоматчик.

Сергеев, передав рычага управления Селезневу, побежал в голову колонны.

— Эх, ситуация! Час от часу не легче, — проговорил комбат простуженным голосом, увидев прибежавшего зампотеха роты.

Танк лейтенанта Романюты, проломив лед, уткнулся передней частью в дно безымянной речушки. В открытый люк механика-водителя хлынула вода. Туда же поплыл и кусок льдины, но застрял. Захлебнувшегося водой и прижатого льдом Шевченко экипаж спасал через люк башни.

— Придется вытащить танк буксиром, — сказал Платицын.

— Товарищ майор, разрешите, попытаюсь без буксира. Мотор

работает, лишь включить скорость и газануть, — обратился Сергеев.

— Попробуй, только разденься, а то сушить-то негде, — согласился комбат.

— Понятно, товарищ майор.

Алексей Сергеев, в совершенстве владевший танковой техникой (его называли «броневым доктором»), был беспредельно храбрым и находчивым специалистом. Вот и на этот раз он быстро разделся до нижнего белья, забрался в танк и, находясь по шею в ледяной воде, сумел включить скорость. Машина сама выбралась на берег.

К десяти вечера подразделения бригады скрытно подошли к реке Луга. На противоположной стороне — населенный пункт Теребони.

Комбриг подъехал к головному танку, посмотрел на часы, потом — на карту. Затем спросил у начальника штаба Юренкова:

— Разведчики давно ушли?

— Вот-вот должны вернуться, — доложил Юренков.

— Ничего, подождем (рядом с ним стояли подполковник Жибрик и комбаты). Как раз подойдут легкие танки Цешковского, — сказал комбриг. — Ударить по противнику, не зная ни его силы, ни состояния моста через реку, опасно.

Через полчаса возвратились разведчики и доложили, что, по показанию партизана, в деревне располагается небольшой гарнизон во главе с полковником — для охраны моста и дороги от партизан. Вечером остановился неприятельский обоз с боеприпасами, продовольствием и награбленным имуществом. На мосту часового нет.

— В некоторых избах пищат губные гармошки, орут песни, должно, гуляют, — добавил разведчик Николай Хмелев.

— А может быть, мост вообще не охраняется? — заметил генерал. — Что скажут инженерные разведчики? — обратился он к саперам.

— Мост деревянный. Потому пропускать по нему средние танки рискованно, — доложил один из них.

Комбриг засомневался.

— Товарищ Платицын, проверьте сами. Возьмите Мельникова, он, кажется, хорошо разбирается в плотницких делах.

— Так точно, работал, — отозвался тот.

— Может, удастся проскочить? Ведь наш рейд в тыл врага тоже связан с риском, — улыбнулся генерал.

Майор Платицын с командиром роты автоматчиков сначала прошли по мосту, а затем — по льду. Осмотрели, проверили

твердость настила, слег, измерили ширину.

— Товарищ генерал, мы перед войной по нему переправлялись даже в ливень. Думаю, вполне выдержит, — доложил Платицын.

— Вы что, служили тут?

— Служил, товарищ генерал.

— Ну, что ж, тишину прямо-таки нарушать жалко. Однако придется — будем переправляться и ударим сто гулякам. Полковника надо взять живым! — приказал Шнейдер и повернул голову в сторону Мельникова.

Первыми прошли легкие танки, затем повели свои тридцатьчетверки лейтенант Михаил Терещенко, механик-водитель Алексей Селезнев. А замполитех роты Алексей Сергеев, управляя движением, шел впереди танка. Гусеницы свисали, так как мост был уже ширины танка. Местами он прогибался почти до самого льда. Но все машины прошли благополучно.

Ворвавшись в деревню, танкисты прикрыли пути отхода, а автоматчики группами начали расстреливать в панике выскакивающих из домов в одних кальсонах и рогатых касках гитлеровцев. Многие были пьяными, пытались скрыться в сараях, подвалах.

Комроты Мельников с партгрупоргом роты старшим сержантом Лысяковым и сержантом Гусевым побежали за немецким полковником. Когда ворвались в штаб, Мельников крикнул:

— Полковника — живым!

Невысокого роста, одетый в новенький мундир, с жестоким лицом, полковник, видимо, понял ротного. Моментально схватил автомат, тряхнул темным клоком волос, спадавшим на широкий лоб, а вот нажать на спусковой крючок не успел. От пистолетного выстрела Мельникова он распластался на полу.

После короткого боя застигнутый врасплох вражеский гарнизон (1-й дивизион 28 артполка) был уничтожен. Пленных автоматчики повели в штаб бригады.

— Сколько человек? — спросил комбриг у Мельникова.

— Двадцать шесть, товарищ генерал!

— А в мешке-то полковник?

— Никак нет, лимоны, товарищ генерал!

— Тьфу, надо же, вместо полковника — лимоны? — раздраженно сказал комбриг, косо посмотрев на Мельникова.

— Он убит вместе со своей овчаркой. Вот его кресты и именные часы, — словно оправдываясь, сказал Мельников.

— Силен бандит. «За заслуги на восточном фронте от Гитлера», — прочитал на часах генерал.

После Кшентиц танки по бездорожью прошли около сорока километров. Горючее и продовольствие были на исходе. Поэтому продвижение по правому берегу Луги без наличия соответствующего их запаса было опасным. О создавшейся обстановке доложили командующему армией генерал-лейтенанту И. Т. Коровникову.

Командарм приказал немедленно переправиться обратно на левый берег Луги и двинуться в сторону Острова.

Решительной и внезапной атакой противник был выбит из Острова. Вся дорога была завалена вражеской техникой и убитыми гитлеровцами. К полудню наши танки подошли к аэродрому. А через два часа на нем приземлилось несколько самолетов ПО-2. Они доставили горюче-смазочные материалы, боеприпасы, продовольствие — сахар, сало, табак, папиросы. Военный совет армии поздравил специальным письмом бойцов и командиров с успешным рейдам во вражеский тыл. В ответ Военному совету армии бойцы написали:

> «Благодарим за поздравление и посылки. Задание будет выполнено».

Рейд во вражеский тыл продолжался. 26 января 1944 года установлена связь с народными мстителями из 5-й партизанской бригады К. Д. Карицкого. В этот же день ударная группа танков с автоматчиками под командованием заместителя командира первого танкового батальона майора В. Е. Калитовского, сбивая наспех организованные заслоны гитлеровцев, освободила железнодорожные станции Передольская и Кчера, тем самым перерезала дорогу Ленинград — Дно.

В бою геройски погиб находящийся в разведывательном дозоре командир второго танкового батальона Иосиф Павлович Цешковский. Он стоял на сидении командира своей тридцатьчетверки и наблюдал за противникам. Снаряд попал ему в грудь.

Танкисты потеряли замечательного командира, воина исключительно храброго и опытного. Цешковский вырос в бригаде от командира танка до командира батальона. В действующей армии был с первого дня войны. Три раза был отмечен правительственными наградами — орденами Красного Знамени, Отечественной войны первой степени и медалью «За отвагу». Батальоном начал командовать замкомбата капитан Т. И. Обливанцев.

Танк комсорга первого батальона лейтенанта Михаила Терещенко ворвался в деревню Лунец. При этом его танк расстрелял 4 ПТО, 3 пулемета, 2 противотанковых ружья и 30

вражеских солдат. В этом бою комсорг Михаил Павлович Терещенко погиб смертью храбрых.

Наиболее тяжелый характер приняли бои под Великим Селом. Поскольку с боями было пройдено по тылам противника около 150 километров, боеспособных танков осталось мало. Значительные потери в них имел и второй батальон. Его легкие танки часто застревали в болотах. Хозяйственные подразделения по бездорожью не успевали следовать за передовым отрядом. Поэтому регулярное снабжение всем необходимым несколько нарушалось. Горючего оставалось мало, приходилось переливать из машины в машину. Боеприпасы также были на исходе. Сбрасываемые с самолета боеприпасы, горючее и продовольствие не могли удовлетворить в полной мере все потребности.

В решении этих важных вопросов огромная ответственность была возложена на начальника штаба бригады подполковника Юренкова и капитана интендантской службы И. Ф. Марушкина. Мудрость и находчивость проявляли помощник командира первого танкового батальона по снабжению капитан интендантской службы Ф. Ф. Метелкин и начальник штаба капитан Зевцов-Лобанов. Они, постоянно находясь в боевых порядках, знали потребности материальных средств и на трофейных тяжелых тягачах, гусеничных мотоциклах доставляли все необходимое в подразделения, регулярно подвозили кухни с горячей пищей.

Танки бригады, ворвавшись ночью в Великое Село, учинили полный разгром гарнизона гитлеровцев. Однако утром со стороны Луги к Великому Селу подошла отступающая под натиском действующих на другом направлении наших войск танковая дивизия противника и повела наступление.

Наши танки и автоматчики заняли оборону. В одиннадцать часов дня развернулся неравный бой. Танкисты с автоматчиками отбивали атаку за атакой противника. Первой встретила колонну врага рота старшего лейтенанта Онуфрия Загоруйко. Танки, удачно расположившись в засаде, начали расстреливать рвавшиеся вперед вражеские машины. Сам командир роты поджег три танка и уничтожил около тридцати немецких солдат и офицеров. После нескольких часов боя остановился и его танк. Снаряд попал в левый борт, пробил бак, к счастью, там не оказалось горючего.

— Завести сможем? — не отрываясь от прицела, спросил командир.

— Постараюсь. Перебито электрооборудование, — спокойно доложил механик-водитель Алексей Селезнев.

Опытному танкисту удалось воздухом завести машину. Она

опять стала маневрировать и расстреливать вражеские машины, но их было гораздо больше, чем наших. Толчок по танку повторился. Тяжелый снаряд угодил ниже люка водителя. От обломков брони Селезневу переломило правую ногу.

— Ранило Алексея! — успел крикнуть радист Николай Колдырев, как третий снаряд ударил в моторное отделение.

— Подайте огнетушитель! — послышался голос командира.

Селезнев, протянув его, сам повис в люке. Загоруйко с командиром орудия стали отстреливаться. К танку подходила вражеская пехота. Колдырев потащил Селезнева, который в это время получил второе ранение — пуля задела ему голову.

— Коля, на тебе мой партбилет и пистолет, прикончи меня, — бледнея, процедил Селезнев.

— Да ты что?! — разозлился Колдырев и отобрал у него пистолет. Позже он доставил Алексея Ивановича Селезнева в партизанскую землянку.

Загорелся танк Платицына. Однако комбат продолжал вести огонь.

— Эх, ситуация! Час от часу не легче. Ни черта не вижу! — вырвались у него привычные слова. Хотел приподняться, чтобы открыть люк, но на него упала рука командира танка лейтенанта Романюты.

— Ты чего, Федя? Выскакивайте! — проговорил комбат. Федор Романюта успел тихо сказать:

— Товарищ май-о-ор… — и свалился на боеукладку. Остальные молчали.

Стоящий на борту танка радист Дмитрий Колмогоров предложил свою помощь.

— Ты спасай машину и экипаж, а я сяду на другую, — сказал комбат и, взяв из рук радиста приготовленный индивидуальный пакет, прыгнул вниз. Пламя уже выбивалось наружу, и проникнуть в машину было невозможно. Погибшие командир танка Федор Иванович Романюта, механик-водитель Михаил Михайлович Шевченко и башенный стрелок Николай Афанасьевич Нельзин остались в горящем танке.

Платицын провел по лицу рукой и увидел на ней кровь. «А я-то полагал, что залился потом», — подумал он и свалился около танка.

Прибежавшие начальник штаба капитан Зевцов-Лобанов, замкомбата Калитовский и военфельдшер Михаил Колоненков, перевязав комбата, на руках понесли его в медсанчасть бригады. Батальоном стал командовать майор В. Е. Калитовский.

Гитлеровцы, пытаясь окружить наши подразделения, обходили с флангов. Мы все время маневрировали, меняли

огневые позиции. Одному танку одновременно приходилось сражаться против нескольких. Напряжение нарастало с каждым часом. Село горело, кругом гремели выстрелы, раздавались крики «Ура-а-а-а!». Стонали раненые. Гвардейцам после столь успешного продвижения не хотелось отступать ни на шаг. Командир минометной роты коммунист старший лейтенант Тимофей Поздеев непрерывно вел огонь по пехоте. Гитлеровцам удалось окружить огневые позиции. Погиб командир отделения Василий Филиппович Аброскин. Теперь Поздеев сам заряжал и стрелял. Он несколько раз громко крикнул: «Погибнем, но не отступим!» Тимофей Зотеевич погиб в рукопашной схватке.

Рядом с минометчиками мужественно сражался взвод станковых пулеметов лейтенанта Ивана Манчинова. Его взвод вместе с автоматчиками отразил несколько вражеских контратак. Душой бойцов был сорокадвухлетний коммунист командир отделения Анатолий Федорович Лысаков и комсомольский вожак батальона лейтенант Михаил Скляренко. Они призывали гвардейцев: «За Родину! За семью и детей умрем, но не отступим!» Лысаков с группой автоматчиков пополз к противотанковому орудию и гранатами забросал его, а семь человек из расчета захватил в плен. В рукопашной схватке погиб лейтенант Михаил Скляренко. Вместе с ним до конца выполнили свой долг — отдали жизнь комсомольцы сержант Петр Блохин, ефрейтор Владимир Холодков, коммунист сержант Степан Березовский и другие.

Еще до начала этого боя разведгруппа под командованием капитана Н. Ф. Брагина направилась в район Городец с задачей отрезать старую Варшавскую дорогу Луга — Псков. Разведчики, избрав малонаселенный лесисто-болотистый маршрут, тронулись в путь. В середине дня соединились со стрелковым батальонам.

— Вася, слышишь, гремят выстрелы? — проговорил на одной из остановок лейтенант Николай Бордюг.

Крылов, сдвинув повязку, стал прислушиваться.

— Это тебе кажется, — улыбнулся он.

Василий Крылов слышал плохо. Не прекращался шум в голове. После ранения в Сутоках две недели пролежал в медсанбате. Всех эвакуировали в тыловые госпитали, а Крылову удалось остаться и выписаться. Лицо у него осунулось, побледнело.

— Чем ты там занимался? Наверно, спал беспробудно? — усмехнулся Бордюг.

— Быстрее засну вон тут, под этой елкой, чем там. Нанюхаешься разных медикаментов и не до сна. Когда занимаешься чем-то — подкладываешь в печку дрова, читаешь

газеты, — еще ничего, — обиженным тоном ответил Крылов.

Возвращению взводного автоматчики обрадовались. Только сутки прошли, как выписался Крылов, а посвежел он неузнаваемо.

— Прибыл наш «хватлей»! — с радостью воскликнул Юсупов.

Звуки далекого боя усиливались.

— Это в Великом Селе, — высказал предположение Брагин.

Танкисты пытались настроить рацию, но почему-то никто не отвечал. Что делать? «Надо выполнять приказ», — решил капитан Брагин и поднялся на борт танка.

— Товарищ капитан, подождите! — неожиданно послышался чей-то усталый голос. Обернулись — бегут старшина Голощапов и сержант Юсупов.

— В Великом Селе на бригаду напали фашисты силой до двух танковых полков. Юренков приказал возвратиться, — переведя дыхание, торопливо передал Юсупов.

Разведчики со стрелковым батальоном к шести вечера, когда совсем стемнело, достигли опушки леса перед деревней Заречье. Ниже расположилось Великое Село. Картина боя ужасная: село горит, на истыканном снарядами поле то тут, то там чернеют трупы вражеских и наших воинов.

Вскоре впереди появилось множество огней. Расстояние до них — около трех километров.

— Надо уточнить, что за техника движется со стороны Луги? — приказал Брагин Крылову.

Через полчаса автоматчики доложили, что слышали стоны раненых, немецкую речь.

— Стало быть, мы в тылу врага, — проговорил Бордюг.

— Мы и так две недели во вражеском тылу. Давайте решим, что нам делать? — перебивая лейтенанта, предложил Брагин.

Разведчики под плащ-палаткой с фонариком и картой оценили обстановку и решили: подпустив колонну на близкое расстояние, внезапно дать ей бой. Если не удастся уничтожить, то во всяком случае необходимо было расстроить ряды противника и быстро продвигаться вдоль опушки параллельно дороге в направлении станции Батецкая. Впереди должны идти легкие танки, а за ними — средние.

Когда до направляющей машины осталось метров шестьсот, загремели выстрелы трех наших тридцатьчетверок. Они какое-то время били без передышки. Фашистская колонна остановилась, загорелись одновременно несколько машин. Пехота рассыпалась по обе стороны большака. Гитлеровцы открыли огонь, но наугад.

Пока во вражеской колонне было замешательство, наши танки развернулись и двинулись по намеченному маршруту. Проехав километра два, один легкий танк застрял в болоте. Под

прикрытием огня танков и автоматчиков машину удалось вырвать из болотной топи. Проехав еще семь километров, разведчики соединились с нашей пехотой и заняли круговую оборону.

Если накануне вечером было сравнительно тепло, то утро выдалось холодное и ветреное. Один край небосвода очищался от черной тучи, а другой — темнел. Несколько берез, которые стояли на опушке леса, сильно качались, вступив в противоборство с набегавшим ветром.

Ровно в семь утра 6 февраля 1944 года началась психическая атака фашистов. Около трехсот человек несколькими рядами шли на нас.

— Дураки-шайтаны пьяные! — выпучив черные глаза, закричал Юсупов. Танкисты и автоматчики не успевали менять магазины в автоматах и пулеметах.

— Непонятно. Это им сорок первый год что ли? Лезут напролом, — возмущенно проговорил Крылов.

— Братцы! Давайте больше огня! — высунув голову из башни, кричал Брагин.

Вдруг исчез сержант Юсупов. По рации передали: «Пропал «Михаил Гаврилович». Бой продолжался, быстро редели ряды фашистов. Неожиданно к танку Бордюга по снегу подползли двое.

— Где лейтенант? Получайте! — негромко сказал Юсупов.

Ему никто не ответил, все были заняты.

— Некому сдать шайтана, — пробормотал он и, обессиленный, привалился спиной к танку. Послышался голос Крылова:

— «Михаил Гаврилович», кого приволок?

— Вон ворочается в снегу. Наверно, хочет рот своя развязать. Трясется как мерин на морозе. Тяжелый шайтан, мокрым потом вспотел, — устало повел глазами сержант. — Товарищ лейтенант, почему фриц так крупно дрожит?

— Ладно, пусть трясется. От него разит водкой, должно, проходит хмель, вот и мучается. — С кем ты был, один?

— Нет. Мы были с Тещей, — без шутки ответил Юсупов.

— Я серьезно спрашиваю!

— Мы были с ефрейтором Тещевым Николаем.

— Где же он?

— Он погиб, остался вон там, — Юсупов показал в сторону оврага, что на левом фланге.

— Надо же, своего оставил, а фашиста притащил! — возмутился Крылов.

— Я его не тащил, он сам тащил себя.

— Ладно, за Николаем Тещевым пошлю.

Поскольку больших знатоков немецкого языка не оказалось,

то небыстро удалось заставить говорить пьяного пленного солдата. Когда ему потерли уши, чтобы побыстрее прошел хмель, он стал дергаться, кричать. Потам заплакал.

— Погоди, придет время, зарыдает и твой фюрер, — усмехнулся один из автоматчиков.

Пленный рассказал, что их дивизия отступает почти из-под самого Ленинграда. Потери большие. В Великом Селе погиб командир танкового полка гитлеровцев. Вчера вечером наши самолеты сбросили грузы с продовольствием (пленный вытащил из кармана и показал кусок сала). Но с того места советские подразделения уже ушли, и все это досталось им. Немецкое командование разрешило выпить и приказало идти в атаку, чтобы наших окружить и взять живыми.

Неравный бой продолжался более суток. Силы у нас были на исходе. Боеприпасов почти не осталась. Танкистам приходилось делиться снарядами. Подошедшие части мощным огнем артиллерии и танков остановили наседавшего противника и вынудили его отступить с большими для него потерями.

Глава II
ЗА КРАЙ ПОЛЯРНОГО СИЯНИЯ

О людях, оживляющих танки. — Начало штурма. — Что ни шаг — то мина. — Уома — Питкяранта — Ухта. — За край полярного сияния.

Наша танковая бригада после изнурительных боев в пригороде Новгорода, Сутоках, Кшентицах и 150-километрового рейда во вражеский тыл, нанесшего ему значительный урон, нуждалась в пополнении боевой техникой и личным составом. Поэтому группа офицеров, в том числе и я, отправилась в Москву на танкоремонтный завод за боевыми машинами. Старшим был капитан Урсов.

В Москву приехали во второй половине дня 13 апреля. Стоял весенний теплый солнечный день.

Жизнь в столице течет, как в мирное время: ходят трамваи, автобусы, толпы народа на улицах. Вид у горожан по сравнению с прошлым годом стал намного бодрее. Наши вооруженные силы в наступательных операциях зимой и весной 1944 года на всех фронтах одержали крупные победы.

У заводских ворот мы встретили русоволосого, одетого по-

рабочему, лет сорока, усталого на вид мужчину.

— За техникой? — спросил он.

— Так точно! — ответил капитан.

Мужчина достал из кармана потрепанный блокнот.

— Полевая почта № 37212? — уточнил он.

— Так точно!

— Проходите в казарму переменного состава. Там вас ждет представитель штаба округа, — показал он нам на продолговатый желтый барак.

Чуть позже мы узнали, что это был начальник производства завода Василий Дмитриевич Страмнов. Он оказался очень требовательным, способным организатором и отлично знающим бронетанковую технику человеком.

Чтобы попасть в казарму, надо было пройти почти всю территорию завода. Нетрудно было понять, что работа тут кипит: шум станков, скрежет кранов, стук молота, рев моторов. Одни танки после ремонта сходят с конвейера, другие — возвращаются после испытаний. Вид у каждого рабочего усталый, осунувшийся, серьезный.

Мы остановились возле ожидающих ремонта поврежденных машин.

— Обратите внимание на башни. Истыканы десятками снарядов, а пробоин почти нет, — проговорил капитан Урсов.

— Факт, наша броня намного крепче гитлеровской, — заметил я.

— Это верно, — согласились все.

Неподалеку была свалка разбитых желто-полосатых немецких танков. Туда мы не стали заходить — насмотрелись досыта на фронте.

В казарме двумя шеренгами стояли только что прибывшие экипажи. Их инструктировал майор в ладно сшитой, стального цвета шинели.

— Самое главное для механиков-водителей — эксплуатация и уход за техникой! Возьмите себе в привычку: прежде чем сесть за рычаги, обязательно осмотрите машину. Независимо от обстановки постарайтесь найти для этого время, — твердил майор.

Мне показался очень знакомым его голос. Вспомнить не успел: нас вызвал офицер отдела кадров Московского военного округа. Побеседовав с некоторыми офицерами, спросил у меня:

— У вас глаза целы? — при этом внимательно разглядывал мое лицо со следами ранения.

— Зрение нормальное, — ответил я ему.

— А ну, прочтите сообщение Совинформбюро, — предложил

мне подполковник.

Я прочел как полагается. Потом кадровик сказал:

— Предлагаю вам, товарищ Семенов, остаться в Москве на этом заводе. Выбирайте любую должность взводного: танкоремонтного, демонтажного, автотракторного…

«Наша армия наступает на всех фронтах, а я должен сидеть в Москве», — мелькнула мысль, и я наотрез отказался. Только отошел от кадровика — слышу:

— Здравствуй, Коля! Боевой друг по защите Ленинграда. Полагаю, приехал за машиной с экипажем. Выбирай любой. Экипаж — ребята, что надо! — улыбаясь, толкнул меня в плечо подошедший сзади майор.

Поправив сдвинутую пилотку, поднял голову и вижу: передо мной стоит бывший наш помпотех батальона майор Иван Макарович Голушко. После блокадного пайка заметно поправился.

— Отойдем в сторону, присядем и поговорим. Тороплюсь. К концу рабочего дня надо явиться к начальнику штаба Бронетанковых войск, понятно? — Когда майор расстегнул шинель, на его гимнастерке блестели три ордена.

— Понятно, понятно…

— Знаешь, кто начальник штаба?

— Не имею понятия, Иван Макарович.

— Генерал Павел Ильич Пинчук.

— Бывший наш комбриг?

— Точно, он.

— Ну, что ж, мы очень любили его. Знали и тогда, что он долго не засидится в бригаде. Меня, может, и вспомнит, если ему напомните кое-что.

— А что? — поинтересовался майор.

— Летом сорок второго во время тактических занятий на Карельском перешейке я прыгнул на идущую с большой скоростью «бетушку» и повис на стволе пушки. А он тогда был начальником штаба бригады. Заметив такое, подбежал. Но я уже был в машине. Приказал вылезать. «Ну, погоди, проучу тебя, ловкача. Мог же сорваться и — под танк!» — подкручивая свои усы, грозил он тогда мне.

— Похоже это на Павла Ильича, — засмеялся Голушко.

Иван Макарович на Невском пятачке был тяжело ранен в руку. Поэтому я спросил:

— А как теперь с рукой, беспокоит?

— В общем-то ничего. Правда, иногда ломит. Думаю, со временем перестанет.

Рассказывал о лечении в госпитале, окончательном прорыве

блокады Ленинграда, о том, что после был направлен в танкоремонтную базу начальником, а теперь — замкомандира учебно-танкового толка.

— Желаешь, поедем ко мне, — предложил он.

— Нет, Иван Макарович, тянет на фронт. После шестимесячного лечения в госпитале попал в гвардейскую часть. Этому был очень рад. По сей день еще, кажется, пахнет лекарством. Когда лежал в тяжелом состоянии, вроде, не чувствовал, а как стал передвигаться, чутко реагировал на медикаменты.

— Ладно, будет тебе. Знаю сам, чем пахнет в госпитале, — перебил меня Голушко.

Вспомнили боевых товарищей.

— Ну, что ж. Встречей доволен. По секрету: скоро будешь воевать на новенькой машине. Хороша по всем статьям, — опять улыбнулся Иван Макарович, и мы, обнявшись, попрощались.

Вечером в конце смены начальник завода генерал Савинов пригласил нас на заводскую планерку. Вначале уточнялись: явка на работу, есть ли жалобы на питание, медицинское обслуживание. Докладывали начальники цехов, замполит капитан С. И. Рузов, парторг С. С. Гипсман, комсорг лейтенант Смирнов, председатель местного комитета. Затем, достав из кармана свою книгу-график, сделал сообщение начальник производственного отдела.

Выступили мастера по ремонту боевых машин С. П. Жучков и М. Н. Фетисов. По всему чувствовалось, что они — «профессора» своего дела. Говорили и о правильной расстановке рабочей силы. Затем поднялся остроглазый, с орденом Красной Звезды на груди молодой офицер.

— Старший лейтенант Гвоздев. Разрешите? — Обратился он к генералу. Тот кивнул головой:

— Покороче.

— Мы приехали за танками. Естественно, желаем получит их как можно быстрее и — на фронт. Поэтому просим закрепить нас поэкипажно к машинам. Кроме ремонтных работ, танкисты будут помогать в разгрузке, демонтаже, вплоть до чистки и протирки деталей.

В этот день мне везло. Недавно попрощался с Голушко, а теперь вижу земляка Алексея Федоровича Гвоздева. Впервые встретились с ним еще в прошлом году на танкостроительном заводе в Сибири. Тогда мы уже уезжали, а он только что прибыл.

Прежде чем дать ответ офицеру, генерал повернул голову в сторону Страмнова. Тот понял его и, вытащив из кармана свою книгу, доложил:

— Поэкипажная расстановка имеется. Собирался объявить на утренней оперативке.

Несмотря на множество вопросов, решались они быстро и деловито. Когда работа подходила к концу, начальник завода информировал о последних новостях на фронтах. Зачитывал несколько писем танкистов-фронтовиков, которые хорошо отзывались об отремонтированных танках. На этот раз зачитал такое письмо:

> «Воевал я на новой тридцатьчетверке, а теперь фашистов бьем на отремонтированной вами машине. Спасибо вам, машина ваша не уступает новой, а мотор — что зверь!»

— Таких писем мы получаем немало. Танки для фронта нужны как воздух для человека. Что касается качества, то вам за это честь и хвала, — закончил начальник завода.

— Танки для фронта будут! — заявили присутствующие.

После ужина ко мне подошел Алексей Гвоздев.

— Похвастайся, земляк, где сражался после Нижнего Тагила-то? Я тебя давно заметил, но ты был занят, — обратился он ко мне. — А то завтра, как «запрягут», будет некогда. Тут не то, что получать новые машины. Мороки хватает.

— Прав ты, Алеша. Как я понимаю, им тяжелее, чем на танкостроительном. Там встал на главный конвейер и глядишь: вскоре на пустом месте вырастает новая машина. Здесь же придется перебрать каждую деталь, агрегат поправить, испытать на прочность, приварить пробоины и т. д., — согласился я. — После той встречи три месяца воевал на Украине. Дважды ранило, горел. Один раз угораздило так, что полгода провалялся в госпитале.

— Орден Отечественной войны первой степени у тебя за Украину?

— Да, за Киев. Теперь надо получить машину и — опять на фронт, — быстро сказал я.

В этот момент к нам подошел черноволосый, смуглолицый старший сержант с медалью «За боевые заслуги».

— Здравия желаю! — ловко и несколько залихватски произнес он и, вытянувшись, поприветствовал. Потом, заметив старшего по званию, попросил разрешения обратиться ко мне.

— Валяй, валяй, — улыбнулся тот.

— Товарищ младший лейтенант, вы мой земляк. На Невском пятачке воевали? — спросил он у меня.

Я, несколько удивленный и даже вынужденный задуматься, сразу не мог ответить. Потому и не знал, с чего начать: с того ли,

что заявился еще земляк, или же с воспоминания страшной картины войны на Невском пятачке?

— Коль земляк Николаю, то и мне земляк. Будем знакомы. Алексей Гвоздев, косолаповский, — пожал ему руку Алексей.

— Малинин Демид Сергеевич, из колхоза «Трактор» Параньгинского района, — ответил старший сержант.

— Николай Семенов, моркинский, — протянул я руку и спросил: — Как узнал, что я из Марийского края?

— Просто. Капитан Урсов, ознакомившись со списком прибывших танкистов, сказал мне, что у меня тут имеется земляк и показал на вас. Теперь вспомнил другое, — продолжал Малинин. — Вы до армии в Нурумбальском лесопункте работали? Я там бывал неоднократно как представитель Параньгинского райкома партии. Контролировал работу лесозаготовителей нашего района. А о втором вопросе немного погодя, — с улыбкой сказал Малинин. Не стал допытываться и я.

— Рад нашей встрече, земляки. Вот бы удалось нам попасть в одну часть и вместе встретить День Победы. Это было бы здорово! — тяжело вздохнув, проговорил Алексей.

Он старался говорить с улыбкой, но у него, как я заметил, не получалось. Вид был озабоченным. Словно спешил куда-то. Все же я не выдержал:

— Алеша, у тебя тяжко на душе? — задал ему вопрос.

— А тебе весело?

— Попаду на фронт — будет веселее.

— В сорок первом, командуя танковым батальоном на московской земле, положил голову мой родной брат Николай Федорович. Он в тридцать восьмом окончил Ульяновское танковое. По его примеру пошел в танковое и я. Сегодня исполнилось два года, как я остался без отца. После этого откуда у меня возьмется веселье? Ведь будто вчера разговаривал я с отцом в училище. Он приехал за два месяца до своей смерти навестить меня. «Сынок, отомсти фашистам за своего брата Николая», — сказал он мне тогда. Когда папа стал садиться в автобус, по его одышке я понял, что он, бывший боец блюхеровской армии, тяжело болен. С тех пор и по сей день я не могу прийти в себя, — тяжело еще раз вздохнул Алеша.

«Скоро исполнится одиннадцать лет, как я остался без отца», — подумал и я.

— Наша деревня Малые Коршуны — в трех километрах от Косолапова. Все ее двадцать дворов расположены на одной стороне, — продолжал свой рассказ Гвоздев. — Опустишься с горы, а там среди соснового бора протекает извилистая, со сказочными берегами река Буй. На ней — водяная мельница.

Отец частенько брал меня с собой туда. «Алеша, приготовь удочку, завтра поедем», — говорил он мне. Пока мелется зерно, мы на плотине ловим рыбу. А потом купаемся, собираем землянику, смородину, грибы. Шести лет вместе с сестрами Александрой и Марией в Пумаринскую начальную школу пошел учиться.

«Ты еще маленький, зачем пришел?» — спрашивает учитель.

«Знать науку», — отвечаю я.

«Тогда садись», — вежливо сказал учитель.

Почти всю зиму ходил. Слушал рассказы учителя, тех, кого он спрашивал.

«А почему меня не спрашиваете?» — обратился я к учителю.

«Ты, Алешенька, и так знаешь хорошо», — отвечает учитель.

Я, довольный, киваю головой. Когда учился в пятом классе, осенью на обратном пути домой, в километре от деревни, меня начала трясти малярия. Прилег на траву. Быстро прибежал отец. Нес меня до самой деревни на руках. Нет, земляки, до сего времени по-настоящему мне не удалось исполнить заветы отца. Вы счастливее меня, машины получите раньше и уедете на фронт. А мне еще тут придется загорать. Поверьте: не пожалею ничего, а наказ исполню! — дрожащим голосом произнес Алексей. Его глаза горели, тело словно раздалось.

Мы с минуту сидели молча. Потом я решил восстановить правду.

— Стало быть, Алексей, тебе звездочку дали за «здорово живешь»?

— То есть? — машинально взглянул он на свою грудь.

— То есть: завета отцова не выполнил, а орден имеешь?

— Теперь дошло, — улыбнулся он. — Дело было в феврале прошлого года на Воронежском фронте. Ворвались мы в населенный пункт Каменка и на окраине настигли длинную отходящую колонну гитлеровцев, — начал Гвоздев. — Колонну разделали, как говорится, под орех. Горели грузовики, валялись орудия и фашистские вояки. Затем через два дня ворвались в Нижний Нагольчик. И там шло все, как по нотам. Но неожиданно засверкали вспышки из дзота. Первым снарядом мы его не разрушили. Пока долбили, сами получили повреждение. Что же делать? Стрелять из пушки нельзя: башня заклинена, а сволочи удирают. Упустить жалко. Мы их — гусеницами да из пулемета. Потом механик с фланга наехал на дзот. Вручая мне звездочку, комбриг полковник Красноголовый сказал: «Вам, товарищ Гвоздев, за нанесенный урон фашистам».

Рассказ Алексея Гвоздева мы слушали с большим вниманием. Попросили продолжить, но он посоветовал идти на отдых: ведь

завтра — на работу.

Мы пошли в казарму.

Танковые экипажи попали на участок мастера С. П. Жучкова, человека среднего роста, плотного телосложения, с обгорелым лицом. Нас прикрепили к слесарям по сборке машин П. И. Кузнецову и Н. Д. Зенчеву. Не преувеличивая, можно сказать, что они были большими специалистами по танкам.

За день дважды к нам подходил начальник производственного отдела Страмнов. Василий Дмитриевич каждый раз, вытащив свою потрепанную книгу-график, делал пометку о готовности того или другого агрегата. Если заметит задержку, потребует немедленного улучшения дела. Мы скоро поняли, что отличным знанием всех отечественных марок танков, справедливой требовательностью и организаторской способностью он завоевал глубокое уважение всего коллектива завода.

— Наши трудятся старательно. Однако в конечном счете воевать-то придется вам. Убедитесь сами в прочности каждой детали, ритмичной работе всех механизмов, — советовал он нам.

Первый рабочий день подходил к концу. Я спросил мастера Фетисова, на каком фронте получил ожог лица Жучков. Узнал, что на фронте он не был, а досталось ему тут.

Более подробно об этом нам рассказал заместитель начальника завода по политической части капитан С. И. Рузов. Семен Исаевич — фронтовик, на завод прибыл после лечения в госпитале. Вот что он сообщил.

Стояли знойные дни июля сорок первого года. Уже месяц советские воины героически отражали натиск гитлеровских полчищ, отстаивая каждую пядь нашей земли. С фронтов поступали недобрые известия. Расположенные в южных районах предприятия перебазировали на восток.

22 июля до позднего вечера продолжалось производственное совещание инженерно-технических работников танкоремонтного завода. Решался вопрос об эвакуации завода. В десять вечера, как только стали расходиться, вдруг из радиорупора послышались сирена и объявление: «Воздушная тревога!» Еще через несколько минут стал слышен нарастающий гул приближающихся к центру города самолетов. Грохнули зенитные орудия. Фашистские стервятники развернулись, и вскоре стали падать связки зажигательных бомб. Через несколько минут территория завода была объята пламенем и дымом: загорелись деревянный забор, столовая, материальный склад, инструментальный цех. За «зажигалками» полетели бомбы. Одна, полутонная, пробив потолок и пол, врезалась в землю на глубину 8 метров. К счастью,

она не разорвалась. Выпущенная из пулемета на бреющем полете пуля попала в комплектовщика Романа Покидко.

Коллектив завода спасал от огня и разрушений цеха, технику, людей. Н. Д. Зенчев, П. А. Орлов, М. К. Кондратов, А. И. Буцков вместе с пожарниками ликвидировали очаги пожара. П. И. Кузнецов ловко поднялся на крышу моторного цеха и с работающим на заводе студентам стал сбрасывать зажигательные бомбы. Одна из них разорвалась в руках юноши. Он упал с крыши и вскоре скончался. С большой нагрузкой работал возглавляемый Александрой Колосковой отряд Красного Креста, который оказывал медицинскую помощь раненым и обожженным. При этом отличались Анастасия Канадцева, Мария Егорова, Варвара Холодкова, Мария Рогожина, Полина Данилкина и другие.

Загорелся цех оборки. Уже горели шторы и маскировочные занавески. Огонь угрожал стоящим там двадцати боевым машинам, многие из которых были уже разобраны. Рабочие цеха, мастера Жучков, Фетисов во главе с начальником производства Страмновым грузили двигатели, ставили на колеса корпуса.

— Выгонять матчасть! — крикнул прибежавший заместитель начальника завода Геда Семенович Ревис.

Жучков и Фетисов стали выводить из цеха машины в безопасное место. Жучков вывел пять танков, сел на последний Т-26. Он пока был без башни. Налет авиации продолжался. Гудели самолеты, ночное небо бороздили лучи сотен прожекторов. Над городом вспыхивало зарево пожаров. Несмотря на все усилия, не удалось полностью ликвидировать очаги загорания на заводе. Слышались стоны, крики, разные команды. Сергей Жучков только выехал из ворот цеха, как поблизости кто-то крикнул:

— Жучков! Самолет!

Он машинально повернул голову в сторону. В этот момент раздался страшный взрыв. Танк оказался в огромном пламени. Впереди его рухнул на землю подбитый нашими зенитчиками «юнкерс» и взорвался.

Охваченный пламенем Жучков выскочил из танка. Горела спецодежда, волосы…

— Сандружину сюда! — крикнул кто-то.

Девчата накрыли горящего старым брезентом и повели в убежище.

Борьба с огнем продолжалась всю ночь. Такие воздушные налеты гитлеровцы совершали неоднократно. Но сломить волю рабочих, разрушить завод, тем самым затормозить выпуск боевых машин, им не удалась. Каждый раз, ликвидировав последствия воздушного нападения, завод продолжал ремонтировать

бронетанковую технику.

Танки приходилось направлять на фронт под деревню Крюково, в города Истру, Можайск. Гитлеровцев отбросили далеко от столицы. Но железная дорога не была еще восстановлена, и танки, следуя на фронт, совершали марш своим ходом до трехсот километров. Машины хорошо выдерживали такое испытание.

Много интересного о заводском коллективе рассказали нам секретарь партийного бюро завода инженер-химик С. С. Гипсман и комсорг лейтенант Смирнов. Комсомольский вожак завода оказался фронтовиком. Бывший командир танка под Сталинградом, он был тяжело ранен в левую руку, которая теперь висела как плеть.

Мы прослушали беседу с большим вниманием. На утро наша работа продолжалась. Все трудились до седьмого пота, чтобы побыстрее восстановить машины. Дело спорилось. Рабочие старались показать, что им достается не меньше, чем на фронте. А мы — свое умение не только воевать, но и работать.

Когда люди привыкли к нам, стали расспрашивать: откуда мы, приходилось ли воевать на отремонтированных ими танках. Многие изъявляли желание отправиться на фронт. Они завидовали нам, потому что на фронте решалась главная задача — победоносное завершение войны. Мы понимали прекрасно, что без кропотливого труда рабочих в тылу невозможно сражаться с врагам. Трижды за всю войну мне приходилось получать на заводах танки и каждый раз я убеждался, насколько велика была заслуга тружеников тыла в разгроме врага. Они трудились, не жалея сил, недоедая и недосыпая.

— Петр Иванович, когда же ваш рабочий день кончится? — спросил я у щупленького, невысокого роста слесаря-сборщика Кузнецова.

— Дома не был ровно десять суток. Пойду отдыхать, как скажет Матвей, — с улыбкой ответил он.

Подошел мастер Матвей Фетисов.

— Петя, хватит с тебя на сегодня. Иди, отдохни в котельной, там тепло, слегка хлопнув по плечу Кузнецова, устало проговорил он.

Родина высоко оценила труд рабочих, инженерно-технических работников, наградив многих орденами и медалями. О том, как трудился коллектив завода в то трудное время, вспоминают его ветераны.

Кавалер орденов Ленина и Знак Почета В. Д. Страмнов:

— Над бронетанковой техникой работал 60 лег, т. е. с самого

появления ее. Люди у нас были золотые. Не считались ни со временем, ни с трудностями. Знали, что наш труд вливается в общий поток, который приближает победу. Поэтому не было случая нарушения графика ремонта боевых машин. К запланированному времени подачи платформы подходили на погрузку отремонтированные машины. Вся сила коллектива направлялась на выполнение боевого задания — выпуск машин. Женщины — учетчицы, аппаратчицы, работники планово-финансового отдела — помогали убирать прибывшие на ремонт машины, демонтировали отдельные узлы, красили корпуса и т. д. Если требовалось, то жертвовали обеденным перерывом, чтобы выполнить правительственное задание.

Кавалер ордена Знак Почета мастер С. П. Жучков:

— На заводе работаю по сей день. Опаленный огнем от взорвавшегося фашистского самолета, стал инвалидом первой группы. Долго лечился и возвратился опять на родной завод. Вначале было тяжело, а потом привык. Работали много, не выходя из цеха по несколько суток.

Кавалер ордена Красной Звезды мастер М. Н. Фетисов продолжает работать на заводе и сейчас. Он вспоминает:

— Когда испытывали двигатели, то в цеху образовывалась большая загазованность. Зимой приходилось выскакивать из цеха и бросаться в снег, а летом — нюхать нашатырь. Бомбили нас часто. Иногда некоторые танки приходилось доделывать прямо на платформе.

Александра Косолапова, завскладом:

— На заводе работаю с 1932 года. Приходили составы с техникой. Тяжело было во время разгрузки. Убирали поврежденные машины. Выдержали и тяжесть, и голод. Теперь не верится самой, откуда только брались силы?

Десять дней напряженной работы на заводе прошли незаметно. Все тридцать танков были на ходу и обкатаны. Заводской механик-водитель Николай Бучнев сказал:

— Все узлы и агрегаты работают безукоризненно. Уверен, что машины будут работать с перевыполнением нормы моточасов.

Мы выезжали из заводских ворот на погрузку со словами благодарности коллективу завода, преклонялись перед его мужеством, стойкостью за то, что он подлинно героическим трудом внес огромный вклад в дело разгрома врага и полной победы над фашистской Германией.

Перед самой погрузкой прибежал Алексей Гвоздев и сообщил, что его вызывали в отдел кадров и приказали остаться на заводе для формирования нового эшелона с танками, а затем — ехать в Молдавию.

Это известие нас, его земляков, расстроило порядком, еще больше — самого Гвоздева. Потом он сам, успокаивая себя, сказал:

— Приказ есть приказ. Какая разница, на каком фронте защищать Родину.

Так разошлись наши фронтовые дороги. Однако дружбу с ним мы поддерживали через письма. После нашего расставания он участвовал в Ясско-Кишиневской операции. В августе 1944 года первым ворвался в город Тыргу-Фурмос. При этом уничтожил 6 дзотов, 4 пушки с расчетом, 2 зенитки, минометную батарею и 9 пулеметных точек.

Танкисты продвигались вперед. Вскоре путь преградил противотанковый ров. Было преодолено и это препятствие. Гвоздев с ходу расстрелял 3 дзота, один дот и одно орудие. Наши части подошли к городу Роман. Планом советского командования предусматривалось: танкам на предельной скорости проскочить через весь город, захватить мост через реку Серет и удержать его до подхода своих частей. И эту задачу танковый взвод Гвоздева выполнил образцово. Гитлеровцы не могли смириться с потерей моста. Подтянули танки, самоходно-артиллерийские установки и пехоту. Завязался кровопролитный бой. Командир взвода с ходу уничтожил несколько орудий, противотанковых орудий и пулеметов. В перестрелке вражеский снаряд пробил башню с правой стороны.

— Товарищ командир, вы ранены? — крикнул башенный стрелок Бекасов.

— Нет, не ранен! Бронебойным! — скомандовал командир.

— Бронебойным готово!

— Еще! Медлишь! Медлишь!

Башенный стрелок, обняв бронебойный снаряд, лежал на боеукладке. В его правом виске торчал крупный осколок. Дважды, он тихо повторил: «Осколочным готово…»

С лица (была рассечена бровь), обеих рук командира текла кровь, жгло спину. Узнав, что командир и башенный стрелок ранены, механик-водитель Романов стал разворачивать машину. В этот момент снаряд угодил в мотор и танк вспыхнул.

Приказав вытащить Бекасова, командир пересел на танк младшего лейтенанта Чугунова и продолжал сражаться до тех пор, пока не пришло подкрепление.

За отвагу и мужество, проявленные в бою, весь экипаж был награжден орденами, а командиру Алексею Федоровичу Гвоздеву Указом Президиума Верховного Совета СССР от 23 марта 1945 года присвоено звание Героя Советского Союза.

Наконец, с наступлением темноты наш эшелон тронулся. Данными о пункте назначения мы не располагали. Некоторые новички проявили любопытство, но начальник эшелона капитан Урсов строго предупредил:

— Прошу не кудыкать! Дальше фронта не уедем.

— Расскажите тогда, товарищ капитан, о боевых традициях части, в которую мы едем, — обратился к Урсову один танкист.

— Это дело другое, — довольно улыбнувшись, согласился капитан.

Урсов в бригаде — с первого дня войны. Поэтому отлично знал ее боевой путь. Слушая его рассказ, воины радовались, что едут в прославленную часть.

Экипажи в основном были укомплектованы из фронтовиков, прибывших из госпиталей после излечения. На груди у многих сверкали ордена и медали.

Например, командир роты, двадцатисемилетний, стройный, с черными кудрявыми волосами капитан Александр Филиппович Чернега имел уже три ордена. На Курской дуге, под Понырями, он был тяжело ранен, поэтому заметно прихрамывал.

Командир взвода, молодой, невысокого роста крепыш с загорелым лицом, веселыми серыми глазами и озорными повадками, лейтенант Алексей Ерохин имел также три награды, в том числе — орден Ленина. За что получил, не говорил, потому что вообще не любил рассказывать о себе. Тогда мы с таким вопросом обратились к командиру роты Чернеге, а ему ничего не оставалось, как исполнить просьбу танкистов.

— Для рассказа о всех подвигах Алексея Ерохина потребуется много времени, потому сообщу только о некоторых. Помню, морозным мартовским утром 1943 года шесть тридцатьчетверок с автоматчиками на броне ринулись в атаку на село Александровское, что на Орловщине. Гитлеровцы лихорадочно запалили по нашим танкам и пехоте. Вижу: на самой возвышенности машина Алексея остановилась. Не успел отругать его за то, что остановился на виду у противника, как из танка повалил черный дым. Но он ведет огонь из пушки. «Выскакивайте, можете сгореть!» — радирую я ему. Слышу моментально в микрофоне: «Это не мы горим…» Хотел было передать: «Шутить будете после боя», но над башней моего танка один за другим просвистели два снаряда. Пока я вел огонь по противотанковым орудиям гитлеровцев, Ерохин под прикрытием дымовых шашек устранил неисправность машины, разбил три вражеских орудия.

На одной высоте фашисты закрепились и буквально задавили огнем нашу пехоту. Попытки наших захватить высоту оказались

безуспешными.

Алексей Ерохин рано утром Первого Мая под покровом густого тумана с тремя легкими танками и автоматчиками на борту внезапно ворвался на высоту и начал «разравнивать» гусеницами вражеские траншеи, а автоматчики поливали их свинцом.

— Они больше колотили их по рогатым каскам, стоял звон, — засмеялся механик-водитель Ерохина Михаил Михеев.

— Товарищ капитан, может, хватит расхваливать меня, — проговорил Ерохин.

Вместо ответа Чернега спросил:

— Где у тебя журнал «Огонек»?

Ерохин достал из кармана небольшой клеенчатый мешочек и передал ротному. Там была вырезка из номера 31—32 от 10 августа 1943 года. Все увидели фотографию Ерохина, а под ней сообщение о том, что он в первом же бою уничтожил шесть вражеских самоходно-артиллерийских установок «фердинанд».

— Вы представляете? — продолжал Чернега. — Алексей вызывается на самые опасные дела и, надо сказать, выполняет их с великой хитростью и осторожностью. Именно сочетание этих двух свойств и позволило ему больше всех в дни битв под Курском насолить фашистам. Он все-таки ухитрился и нашел способ сжечь, казалось бы, неуязвимые немецкие машины.

Когда гитлеровцы начали наступление, а мы к вечеру занимали исходные позиции, машина Ерохина была ведущей. Она шла в головной походной заставе, впереди батальона. Ему предстояло первому встретиться с фашистами, и надо сказать, что он был рад этому. Он должен был завязать с противником бой, тем самым прикрыть развертывание батальона. Кругом уже гремела артиллерия, а гитлеровских танков еще не было видно. И вдруг по машине Ерохина кто-то стал стрелять явно прямой наводкой. Он тихо развернулся и поставил свой танк в кусты. А там поднялся на башню и впереди, километрах в полутора, увидел вылезающую из-за холма немецкую машину.

— Я бы, на первый взгляд, не сказал, что это танк. Танк — не танк, а здоровая все-таки коробка, — вступил в разговор сам Ерохин. — И чувствуется, как снаряды летят, что бьют подходяще. «Ну, что же, Степаненко? — сказал я башенному. — Давай попробуем». Прикинул дистанцию: 1400 метров, бить можно. И мы дали первый выстрел. Я попал фашисту в лоб, но чувствую: бесполезно. Не задымил он, леший, и не остановился, а только стал потихоньку пятиться назад. Второй снаряд пошел мимо, а третий — опять угодил ему в лоб, и снова безрезультатно. Тогда я сманеврировал между кустами, вышел немного в бок и стал

гвоздить по нему снаряд за снарядом. Пятясь, тот становился углом ко мне, и все лучше попадали в него мои снаряды. На шестам он не то, чтобы вспыхнул, но пошел из него легкий дым. Я вогнал в него еще два снаряда, когда он отползал за высоту. Через несколько минут мы увидели, что он все-таки загорелся, — закончил Ерохин.

— «Путь свободен», — передал он нам по рации, — продолжал комроты. — Батальон стал разворачиваться, занимая слева и справа заранее намеченные позиции для поддержки пехоты в случае атаки гитлеровцев.

Вскоре правее хорошо видного нам дымного столба показались другие немецкие танки. Первый из них выскочил на высоту. Мы сразу же дали по нему залп всей ротой, и он, подбитый, остановился, не стрелял. Остальные повернули обратно. Затем, развернувшись, встали в лоб к нам и с места повели огонь. Попросив разрешения, Ерохин направился влево, маскируясь кустами и холмами, чтобы попробовать зайти немцам во фланг. Это ему удалось сделать. Затем он высунулся из-за высоты, тщательно пригляделся, проверил прицел и один за другим, не теряя времени, дал пять снарядов по ближайшему вражескому танку. Пятым — пробил его, и тот задымил. Другие танки сразу, пятясь, начали отползать, потому что башни у них не вращались. Когда я зашел во фланг, у них получилось невыгодное положение. Если танки противника стреляли бы по Ерохину, то подставили бы свои борта остальным нашим танкам, а если бы оставались в прежней позиции, то Алексей мог бы свободно вести огонь по ним. Поэтому они и стали отползать. Начало темнеть, и атака у фашистов сорвалась. К ночи все затихло. Наши танки остались на своих позициях.

— Теперь, Алеша, расскажи, как вы осматривали подбитый танк, — попросил комроты.

— Мы со Степаненко решили пойти поглядеть, что за чудо я подбил. Добрались я увидели, что в броню, в самую середину, выше ходовой, врезались четыре моих снаряда и сделали в нем большие язвы, но насквозь не пробили, потому что дистанция была большая. А он все-таки сгорел, — рассказывал Ерохин.

— Это вы начисто загнули, товарищ лейтенант, — буркнул сидящий на второй полке смуглолицый сержант.

— Как ваша фамилия?

— Сержант Поносов.

— Чистая правда, товарищ Поносов.

В вагоне прокатился смех.

— Не Поно́сов, а По́носов. Ударение — на первом «о», — поправил сержант лейтенанта.

— Ты лучше скажи, как тебя звать, а то ударю опять не туда, куда надо, — с улыбкой сказал Ерохин.

— Филипп.

— Так вот, Филипп, слушай. Через круглый задний люк мы влезли в машину и тут обнаружили причину: внутри, как раз в том месте, куда попали снаряды, были дополнительные бензобаки. Видимо, бензин в баках от страшных ударов и от детонации взорвался, и «фердинанд» сгорел, даже не будучи пробитым насквозь.

— А их убило кого-нибудь? — спросил Филипп.

— Нашли один сапог с широким голенищем, — ответил улыбающийся лейтенант. — Ночью мы подзаправились горючим, пополнили боекомплект и стали ждать утра, обсуждая, как сподручнее воевать с тяжелыми танками врага.

Утром гитлеровцы пошли в новую атаку. Впереди двигались двадцать «пантер», а сзади густо шли автоматчики. Часть наших танков стала отсекать огнем немецкую пехоту, а мы с командиром роты, — Алексей показал рукой на капитана Чернегу, — выбрали еще с ночи удобную позицию за холмиком, засели там и стали дожидаться, когда немецкие машины еще немного выдвинутся вперед и станут под огонь бортами. Прежде чем мы дали первый залп, две «пантеры» уже кончили свое существование, налетев на наши фугасы. Оказывается, тут наши минеры сработали. До этого я никогда не видел, как буквально на глазах разваливались «пантеры».

Должно быть, на остальные фашистские экипажи это произвело сильное впечатление, и они притормозили ход. Это только нам и надо было, — хитро подмигнул Алексей. — Мы ударили им по бортам я запалили еще две машины. А потом у пятой разбили гусеницы, и она остановилась. После второго попадания «пантера» замолчала, а после четвертого — открылся люк башни, и оттуда выскочили пятеро из экипажа. Но я, решив довести дело до конца, продолжал бить, пока танк как следует не задымился. Потам мы отвели свой танк в укрытие и вместе с башенным поползли обратно на холм поглядеть, в каком виде фашист. Все было в порядке, он горел, как и полагается, в полную силу. И стоит сказать, что в этих «пантерах» сгорели два немецких механика — не успели выскочить, — и Алексей замолк.

— Надо учесть, товарищи, — продолжал командир роты, — что «пантеры», «фердинанды» — звери известные, в поединке с ними в лоб лезть не стоит. Тут для напрасной лихости места нет. Машины — здоровые. Пока ее в лоб возьмешь, могут самого тебя расколотить. Но зато они неповоротливы, любят пятиться задом, а если начнет разворачиваться, так делает это битых полчаса.

Надо подскакивать к ним на большой скорости и класть им в борт снаряд за снарядом с близких дистанций. К примеру, пока «фердинанд» развернется против тебя, можно хоть плясать вокруг него, честное слово. Не подумайте, что преувеличиваю. Так оно и есть. Фашисты хитрые, а Алексей Ерохин перехитрит их все равно. Вот я и думаю: может быть, прадедом его был как раз тот самый тульский левша, который блоху подковал? — вызывая всеобщий смех, засмеялся и сам комроты. — В танковой бригаде его прозвали «охотником за «пантерами». Думаю, разжаловать мы его не имеем право и это «высокое» звание он сохранит и тут.

Танкисты дружно захохотали.

— Где вы сражались, товарищ старший сержант? — задал вопрос моему земляку Демиду Малинину Урсов.

— На Ленинградском фронте, товарищ капитан, — ответил тот.

Вдруг я вспомнил, что Демид Сергеевич еще на заводе спросил у меня: «А на Невском пятачке воевали?» Теперь у меня вырвалось:

— А в какой части и где?

— В 107 отдельном танковом батальоне на Невском пятачке. Если ты там был, то в ночь на 1 января 1942 года перевязывал меня, — задрав гимнастерку, показал он шов на животе.

Такое совпадение удивило всех. Несколько позже мы с Демидом Сергеевичем поговорили более подробно.

13 июня 1944 года наш маршевый батальон белой ночью разгрузился и сосредоточился в хвойном лесу в двух километрах севернее Симовичей.

Куда ни глянь — кругом сосны да ели. Многолетние сосны взметнули к голубому небу свои кроны, и, плавно раскачиваясь от налетевшего ветра, поднимают шум, будто над головой пролетает пчелиный рой.

В новом районе расположения, кроме встречающих нас представителей штаба бригады, никого не было. Не теряя времени, занялись осмотром своих машин. Прошло около семи месяцев со дня ранения, поэтому изрядно я соскучился по танку. Хотелось еще раз проверить работу всех механизмов. Вообще была укоренившаяся привычка — следить постоянно за боевой готовностью доверенной техники. Ведь впереди предстоят бои.

Карелия и часть Заполярья были еще в руках противника, их надо освобождать. Оставшееся время посвятили письмам и другим делам личного порядка.

— Коля, давай напишем Катюше в Москву, — предложил мне молодой черноглазый, черноволосый парень из Горького лейтенант Иван Демидов, с которым я подружился на заводе,

когда получали танки.

— Когда ты успел познакомиться? — опросил я его.

— Во время погрузки, — улыбаясь, ответил он.

Примостившись на замшелом пне, все же написали письмо. Оно начиналось так:

> «Судьба забросила нас в дикий край, где одни леса, болота, реки, озера и гранитные скалы…»

К исходу дня двумя эшелонами прибыли, разгрузились и сосредоточились в лесах Лодейного Поля и другие подразделения бригады. Боеспособных танков было мало.

Развернулась работа по приему техники и личного состава. Первым, в сопровождении замполита батальона старшего лейтенанта Ивана Михайловича Калистого, экипажи обошел начальник политотдела бригады Жибрик. С каждым экипажем беседовал и что-то записывал в блокнот.

— Доложите, товарищ младший лейтенант, о состоянии танка и экипажа, — приказал мне Жибрик.

Доложил как полагается.

— Имейте в виду, воевать придется в сложных условиях, на сильно пересеченной лесисто-болотистой, покрытой валунами местности, — предупредил он.

Хотел было доложить ему, что Карелия мне знакома, но воздержался — боялся, что посчитает за хвастовство.

— Какая партийная прослойка? — задал он еще вопрос.

— Два коммуниста, два комсомольца, — доложил я.

— Ну, добро, об остальном поговорим завтра, — сказал Жибрик, попрощался и ушел.

На следующий день действительно поговорили о многом. Утром избрали меня партгрупоргом нашего взвода и направили на однодневные семинарские занятия. Пошел на сборы агитаторов и башенный стрелок Михаил Пономаренко. Ушел с утра на совещание механиков-водителей старший сержант Илья Пакулин. Радист Алексей Пудовкин трудился над выпуском «Боевого листка».

В течение дня узнали о международном положении, последних новостях на фронтах, о боевом пути бригады и об отличившихся в боях танкистах.

— Звание «гвардейская» нашей бригаде дано за храбрость, героизм и боевое мастерство, — сказал Жибрик. — Эту славу и честь нам надо умножить умелыми и сокрушительными ударами по врагу до его полного разгрома.

Рассказали нам о предстоящих боях, что воевать придется в суровых условиях карельской местности. Партгрупорги делились

опытом ведения партийной работы в бою. Механики-водители говорили о своих делах: как удалось им сберечь и умело применить технику в бою. Особенно полезными были рассказы мастеров вождения Григорьева и Горина, которые имели по 40—50 боевых выездов.

Возвратившись перед ужином в свое расположение, начали делиться мнениями о проведенных занятиях. Я прихватил с собой последние номера армейской, фронтовой и центральной печати. Пакулин принес специальную памятку по правилам вождения танка в этой местности. Пономаренко был рад, что ему дали для танковой библиотечки четырнадцать книг, и с интересом перелистывал книги.

— Товарищ младший лейтенант, что самое дорогое у человека? — вдруг, улыбаясь, «просил он у меня.

Я заметил среди принесенных им книг «Как закалялась сталь» Н. А. Островского. Еще заметил 37 том В. И. Ленина, который сразу взял механик-водитель Пакулин: он готовился вступать в партию. Вспомнив клятву Павла Корчагина, я ответил на вопрос:

— «Самое дорогое у человека — это жизнь. Она дается ему один раз, и прожить ее надо так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы, чтобы не жег позор за подленькое и мелочное прошлое и чтобы, умирая, мог сказать: вся жизнь и все силы были отданы самому прекрасному в мире — борьбе за освобождение человечества».

— Откуда вы знаете?

— Я эту клятву выучил еще в пятом классе.

Как я заметил, Пономаренко очень полюбил эту книгу. Для хранения их он достал мешок.

Мы остались весьма довольны занятиями, которые принесли нам, а через наши рассказы и всему составу подразделений, неоценимую пользу. В последующие дни проходили занятия по боевой подготовке. С механиками-водителями провели тактико-техническую конференцию, где изучали боевой опыт по лучшему использованию техники. Через пять дней прибыл еще 21 танк для второго танкового батальона.

Почти круглосуточно занимаемся тактической подготовкой — штурмуем опорные пункты, преодолеваем препятствия, болота, водные рубежи. Занятия проводились и в ночное время, когда стояли белые ночи. К полудню, когда яркие солнечные лучи легче пробивались сквозь высокие деревья на землю, а тени сжимались до предела, мы вместе с саперами до семи потов мостили трудно проходимую лесную дорогу.

Неожиданно в районе Лодейного Поля загудела артиллерийская канонада. Над головой со свистящим шумом

летели наши бомбардировщики. Мы все облегченно вздохнули: наконец-то началось наше наступление… Значит, с завоеванием и расширением плацдарма, наведением моста через Свирь тронемся и мы.

В батальоне провели партийно-комсомольское собрание с повесткой дня «Об авангардной роли коммунистов и комсомольцев в бою». Механика-водителя Илью Пакулина приняли в партию, а Михаила Ивановича Асеева — в кандидаты.

Илья Пакулин в своем заявлении написал:

> «После победы Октябрьской революции В. И. Ленин призвал пролетариат довести революцию до конца. Он сказал, что конечная цель революции — победа пролетариата. На нашу землю напали немецкие фашисты. И теперь наша конечная цель — победа. Поэтому буду сражаться до победного конца или погибну. Прошу принять меня в партию Ленина».

В 4.00 24 июня, совершив своим ходом марш, передислоцировались ближе к Лодейному Полю. А в час ночи следующего дня, после рекогносцировки, заняли исходные позиции для переправы через Свирь. Помнится, в начале войны, проезжая через этот город, я видел его красивым, утопающим в зелени. Во что превратили его теперь варвары — осталось лишь одно название. Домов почти нет. Вдоль изрытых снарядами и бомбами улиц тянулись траншеи…

В годы войны мне приходилось переправляться через Неву и Днепр.

Впереди — река Свирь (шириной 350 метров), которую предстоит форсировать. Над рекой стоит еле заметный белесый туман. Стрельбы почти не слышно.

— Чувствуется, далеко погнали наши фашистов, — проговорил стоящий около танка комроты Чернега.

— Далеко не уйдут, товарищ старший лейтенант, догоним, — усмехнулся механик-водитель Пакулин.

Минут через сорок прибежал с переправы замкомбата капитан Лодвиков.

— На переправу! — скомандовал он и по подразделениям начал направлять танк за танком на понтонный мост. Переправой руководил замкомбрига Д. Е. Клепко.

Пока бригада с приданными ей частями переправлялась, впереди действовала разведывательная группа. По возвращении начальник разведки Урсов доложил комбригу, что до Олонца противника нет. Маршрут движения — труднопроходимый не только для колесных машин, но и для танков. Все мосты через

реки разрушены. На ряде участков дорог имеются завалы, взорванные дорожные дефиле. Наши успели разминировать лишь проезжую часть дороги, и то не везде. Что касается обочин, они сплошь в минах. Выслушав доклад Урсова, комбриг срочно вызвал к своему танку командиров батальонов.

— Здесь каждый куст, каждый камень, бугорок могут принести неприятности, — сказал комбриг. — Надо немедленно заготовить и вооружиться щупами.

— Вот такими, — показал начальник инженерной службы бригады майор Громыко на полутораметровую палку с забитым на конце длинным металлическим штырем.

— По два-три таких щупа иметь на борту танка! Без них — ни шагу и ни по какой нужде! Не забывайте: всюду — мины, — строго приказал комбриг полковник Юренков.

Когда мы двинулись в путь, убедились в этом сами. На обочинах дороги в направлении на Олонец через каждые 70—100 метров лежали еще не убранные горы извлеченных из земли нашими саперами противотанковых и противопехотных мин. Каких только ловушек не наставили супостаты! Вот в траве протянута стальная проволочка. Трудно заметить ее, если даже смотришь под ноги. Попробуй, задень, — так треханет мина! Если лежит на земле или в траве какой-либо предмет — никелированный разводной ключ, портсигар, финский автомат, велосипед и т. д. — не подходи близко: от них тянутся незримые проволочки к противопехотной мине — и можешь остаться без рук, без ног. Ехавшая сзади нас автомашина штурмового инженерного батальона задела повозку с кухней, которая покатилась в кювет и, налетев на противотанковую мину, подорвалась — в результате погиб один человек и лошадь.

Вместе с танкистами следовали и наши стрелковые части.

— Титан, Титан! — подгонял свою лошадь командир полка, пожилой подполковник.

А Титан — ни с места, только фыркает. Не помогает и плетка.

— Товарищ подполковник, Титан что-то учуял, — доложил его связной.

Посмотрели внимательно. Метрах в двух впереди торчит запал плохо замаскированной мины. Когда обезвредили ее и убрали, лошадь тронулась.

Преодолевая всевозможные препятствия, мы двигались вперед. В этом была большая заслуга инженерного и мостового батальонов, а также разведывательной группы бригады, возглавляемой начальником инженерной службы майором Громыко, помощником начальника штаба по разведке Урсовым и помощником по оперативной работе капитаном Краснянским.

Они, проделывая вместе с инженерными подразделениями во вражеских заграждениях проходы, по дорогам, лесным тропам прокладывали путь нашим частям.

Первый узел обороны врага встретили на северном берегу реки Олонки в районе Олонца. Когда подходили к реке наши танки, на противоположном берегу стрелковые подразделения добивали оставшихся фашистов. Горел склад с боеприпасами. Снаряды часто рвались и разлетались во все стороны. Саперы проделывали для танков проходы в минных полях.

На переправу танков с большим интересом смотрели наши пехотинцы. Многие из них не видели ни разу нашу тридцатьчетверку. И то, что такая стальная громадина, погрузившись по башню в воду, выбрасывала над собой огромный фонтан воды и шла по дну, вызвало у них большое удивление. Когда танк механика-водителя Ивана Якушина, грузно вынырнув из воды, первым вышел на берег, его моментально окружили наши пехотинцы и с любопытством стали рассматривать машину. Затем начали расспрашивать Якушина о там, каким образам он смог переправиться через реку.

— Не боязно было идти по воде? Не сдрейфил, что утонешь? — спрашивал у Ивана смуглолицый пехотинец.

Иван Сергеевич Якушин был смелым танкистом. Он отлично знал технику и водил танк классно. Был веселым, любил пошутить с бойцами, рассказать анекдоты.

— Ничуть не боязно. Только радист забыл заткнуть прицельное отверстие лобового пулемета. Представляете, в это отверстие попадали мелкие рыбешки и вылетали через выхлопные — уже в жареном виде, — улыбнулся Якушин.

Все окружающие моментально повернули головы в сторону Олонки. Затем раздался оглушительный хохот, от которого испуганно вздрогнули стоящие недалеко кони.

Поспешно отступая под ударами наших передовых частей, противник упорно сопротивлялся. На заранее подготовленных узлах сопротивления — реках, озерах, высотах — он стремился остановить наше продвижение.

Первый заслон врага около озера Пало-ярви встретила наша танковая разведка, возглавляемая майором Урсовым. После короткого боя передового отряда под командованием майора Платицына противник был сбит и отброшен на правый берег реки Тулома-йоки, но мост через реку он успел взорвать.

Майор Урсов с начальником штаба Зевцовым-Лобановым отыскали брод. Приданный бригаде самоходно-артиллерийский полк переправил вброд свои тяжелые самоходные орудия. А через

четыре часа под прикрытием танков и автоматчиков саперы восстановили мост, и по нему переправилась наша техника.

В ночь на 5 июля 1944 года передовой отряд, составленный из второго танкового батальона майора В. Е. Калитовского, совместно с третьим батальоном морской пехоты и ротой автоматчиков бригады лейтенанта Когута, встретил укрепленный узел противника на высоте 68,6.

После двухчасового боя почти полностью уничтожен 21-й пехотный батальон 8-й пехотной дивизии, дивизион артиллерии и три минометных батареи финнов. В этом бою погибли парторг танковой роты старший лейтенант Я. Ш. Гельфанц, лейтенант М. Г. Когут и некоторые другие.

Противник далеко не ушел. Закрепившись в пяти километрах — на высоте 84,0, сильным артминометным и ружейно-пулеметным огнем он остановил наше продвижение.

Теперь в передовом отряде действовал батальон Платицына. Чтобы подавить на высоте вражескую артиллерию, комбриг приказал сделать огневой налет по ней прямой наводкой батареи СУ-152. Предварительно рота автоматчиков Михаила Мельникова и взвод противотанковых ружей лейтенанта Владимира Рогова, обойдя по болотам высоту справа, вышли к ее северным скатам, преградив путь отхода противнику.

Потеряв около двух рот убитыми, оставив все огневые средства, побитые велосипеды, уцелевшие вражеские вояки разбежались по болотам.

В этом бою особенно отличился механик-водитель комсомолец Ибрагим Бядратдинов. Он, проскочив с ходу через мост, гусеницами раздавал два дзота и прикрывающих огнем мост восемь солдат врага. Огнем из другого дзота его танк был подбит и загорелся. Тяжело раненный командир не мог выйти из танка. Бядратдинов, сам контуженный, сквозь пламя и дым, под автоматным огнем вынес из горящей машины командира. Отстреливаясь, сумел перевязать его и оттащил в укрытие. За этот подвиг комсомолец Ибрагим Желалдинович Бядратдинов был награжден орденом Красного Знамени.

Третьи сутки по просекам, лесным тропам, а порою по бездорожью, по мере гатирования саперами участков маршрута движения, прикрывая их работу огнем танков, продвигаемся вперед. Сопротивление противника нарастает.

Преодолев прикрываемый сильным огнем минированный участок и обив вражеские заслоны на высоте 98,8, передовой отряд к полуночи 7 июля вышел на шоссейную дорогу Кясняселькя — Леметти и подошел к пятому по счету узлу сопротивления врага — реке Пенса-йоки.

Мост через реку взорван. Подступы к ней прикрываются огнем около десяти артминбатарей с высоты 103,0 и расположенных на противоположном берегу дотов. Кроме того, переправа находится под непрерывным огнем автоматов и пулеметов. Все это в значительной мере затрудняло работы по наведению нового моста. Автоматчики и легкие танки Т-37 (амфибии танкового полка майора Кротова) форсировать реку вброд из-за быстрого течения не могли.

Артиллеристы передового отряда вступили в бой с противником. Тем временем под прикрытием пехоты и танков на левом фланге саперы взвода И. А. Кухтенкова вместе с разведчиками отыскали брод для средних танков.

Переправившиеся первыми через Пенса-йоки вброд танковая рота старшего лейтенанта О. И. Загоруйко, взвод парторга второй роты старшего лейтенанта Г. Д. Смолина, танки лейтенанта А. Ф. Макеева и младшего лейтенанта П. М. Лебедева вместе с самоходными орудиями, выйдя на шоссе, стремительной атакой продвинулись вперед на три километра. С ходу захватив переправу через Уксун-йоки, танкисты в упор стали расстреливать вражеские огневые точки. Затем, взаимодействуя со стрелковым полком, форсировали с боем Уксун-йоки и Уома-оя, а утром 8 июля овладели Уомой.

В этом бою большую огневую поддержку наступающим подразделениям оказывала выдвинутая во вражеский тыл минометная рота лейтенанта П. С. Зайцева. Противник потерял под Уомой до двух рот пехоты, оставил на поле боя свою артиллерию и много стрелкового оружия.

Наличие множества минных полей, противотанковых рвов, каменных завалов, проволочных заграждений и сидящих на деревьях снайперов — «кукушек» в районах западнее Соппи и Кумолы в значительной степени замедлило продвижение наших частей.

Кроме саперов нередко разминированием занимались и танкисты. Комбинированные — противотанковые и противопехотные — минированные участки осложняли работу. При извлечении мивы из земли тяжело ранило командира танкового взвода лейтенанта Д. И. Кихтенко.

Передовой отряд нашей бригады вместе с приданными инженерными и артиллерийскими частями под командованием майора Платицына, проделывая проходы в сплошных минных полях, дефиле (узкие места), расстреливая каменные завалы, подавляя прикрывающие их огневые средства противника, а также длинными пулеметными очередями освобождаясь от «кукушек», настойчиво продвигался вперед: занял Соппя, вышел

западнее Кумолы.

Двигаясь впереди танков, комбат Платицын, вооружившись щупом, лично принимал участие в разминировании. Через узкие проходы во всевозможных искусственных и естественных препятствиях он пропускал танки, самоходные орудия. Это вызывалось обстановкой: саперные подразделения имели большие потери, а дело требовало продвижения.

По рации осуществлялась связь с танками и командирами приданных частей. А с остальными взаимодействующими — артиллерийско-минометными, инженерно-саперными, разведывательными, хозяйственными и другими подразделениями — связь поддерживалась штабами. Поэтому в передовом отряде был почти весь штаб бригады и батальона.

Начальник штаба майор Н. Н. Назаренко, замначштаба по оперативной работе майор Н. Н. Кабанов, помначштаба С. В. Краснянский, начальник штаба первого танкового батальона капитан Л. Н. Зевцов-Лобанов в любой боевой обстановке четко организовывали работу оперативной группы, увязывали, согласовывали взаимные действия между подразделениями и частями. Порою они непосредственно руководили боем танковых групп, работой инженерных подразделений по устройству проходов, разминированию минных полей, разведкой бродов через реки; уточняли, куда и кто должен вести огонь.

Редко видели в передовом отряде бригадного разведчика Урсова. Он со старшиной Василием Черниковым, сержантом Николаем Соколовым и другими бойцами «пропадал» впереди или на флангах, следуя как тень за противником, собирая о нем необходимые данные.

Как-то колонна главных сил догнала передовой отряд.

— Семенов! Иди вперед, уточни, почему остановились, — приказал мне наш ротный Чернега.

Мы с адъютантам штаба батальона Алексеем Болотовым побежали вперед. Видим: впереди комбат Платицын вместе с саперами в поте лица вытаскивают из земли и укладывают в штабеля противотанковые мины, а танковые пулеметы и автоматчики, прикрывая разминирующих, ведут огонь по макушкам деревьев, где находились снайперы противника. Вижу: среди саперов, засучив рукава, роется в песке, вытаскивая мины, заряжающий танка Демид Малинин.

— Здорово, земляк! Стараешься?

— Салам, Коля! Где ты запропастился?

— На фронте, — засмеялся я.

— Вон сколько вытащили, — показал Малинин на штабель противотанковых и противопехотных мин. — Нам положено по

уставу, а вот посмотри на начальство, — показал он на подполковника Жибрика.

— Ничего себе, сам начальник политотдела, как крот, роется в земле, — шепнул мне Золотов.

— Позавчера я видел, как он помогал одному экипажу вытаскивать застрявшую машину, — добавил я.

Увидев нас, Жибрик взял в руки щуп:

— А ну, идите сюда! — позвал он. — Желаете попасть на прицел снайпера? Идите к своей машине. Наступит и ваша очередь обезвреживать мины, — вежливо проговорил он.

Тому, что начальник политотдела впереди, мы не удивлялись. Его щуплую фигуру в эти дни мы часто видели среди танкистов и автоматчиков в самой гуще боя. Для нас это был образ простого, опытного солдата войны. Вид у него был неизменным в любой боевой ситуации. Правда, когда он замечал недостойное поведение со стороны некоторых бойцов или командира, то смущенно говорил: «Сердце кровью обливается…» Начальником политотдела мы всегда гордились, дорожили им.

Несмотря на ограниченное время, я опять подошел к Демиду Малинину.

— Что нового? — испросил я его.

— Нового ничего. Выпил бы с удовольствием сегодня.

— В честь чего?

— Моей Аннушке сегодня исполнилось двадцать девять. Очень соскучился и по ней, и по дочери, — вздохнул Демид Сергеевич.

— Поздравил?

— Поздравил. Написал, что воюем там, где одни камни, леса и болота. Просил беречь нашу радость — доченьку Лизаньку. Ей пошел шестой годик.

Минное поле преодолено. Передовой отряд продвинулся еще на несколько километров. Вот впереди противотанковый ров. По нему медленно плывет какая-то жижа.

Майор Платицын, перескочив через него, следуя впереди танка, указывал ему путь. Когда, уже почти преодолев ров, его машина коснулась дороги, внезапно раздался потрясающий взрыв. Майор с окровавленной головой и обожженными глазами рухнул на землю.

— Эх, ситуация! Час от часу не легче… — вырвалось у него.

Под танком разорвалась закопанная в землю авиационная бомба… К комбату подбежали Жибрик, замполит батальона Бокун, командир танка Желтунов и другие.

Ввиду ранения майора Владимира Васильевича Платицына бригада лишилась одного из лучших командиров батальона. Его

лично знал Маршал Советского Союза К. А. Мерецков. Вот что он пишет в своей книге воспоминаний «На службе народу»:

> «Говоря о тех, кто своей кровью способствовал освобождению Советской Карелии, нельзя обойти имя командира 1-го танкового батальона 7-й отдельной гвардейской танковой бригады В. В. Платицына. Его хорошо знали в войсках. 16-летним юношей Владимир сумел настоять, чтобы его приняли раньше, чем положено, в танковое училище. Он сражался еще с белофиннами в 1939—1940 годах и тогда же стал краснознаменцем. С первых дней Великой Отечественной войны Владимир Васильевич находился в действующей армии, командуя танковым взводам, ротой, батальоном… Особенно отличился он под Новгородом, в Карелии…»

Комбриг Юренков дважды по рации вызывал Платицына, но рация молчала: все были вне танка, оказывали помощь комбату.

— Степан Алексеевич, съездите к Платицыну, уточните обстановку, если нужно, то окажите помощь, — приказал комбриг своему заместителю подполковнику Панову.

Замкомбрига, не доезжая до действующих танков, вдруг увидел мчавшуюся навстречу тридцатьчетверку с номером «100» на башне. «Зачем Платицын устремился в тыл? Надо уточнить», — решил он и остановил свой «виллис».

— Сто-о-ой! В чем дело? — крикнул Панов.

— Товарищ подполковник, тяжело ранило комбата, — доложил высунувшийся из люка башни командир танка Желтунов и показал рукой на надмоторный люк. На нем лежал с перевязанной головой комбат Платицын.

— Володя, что с тобой? — взволнованно спросил Панов.

— Ничего особенного, Степан Алексеевич. Час от часу не легче. Есть шансы остаться без зрения, — тихо ответил комбат.

Замкомбрига минуты две стоял молча, сбивая то на затылок, то на лоб свой танкошлем. Потер индивидуальным пакетом вспотевший лоб и повлажневшие глаза. Вот уже два года они вместе сражались с фашистами. Теперь приходится расставаться и, может быть, навсегда.

Степан Панов взял правую, не раненую руку Платицына и, прижав ее к своему сердцу, спокойно, но твердо сказал:

— Володя, будем надеяться, что восстановишься. Твой организм переборет недуги. Желаю тебе быстрейшего выздоровления. Где бы ты ни был — разыщу тебя…

— Спасибо, Степан Алексеевич. Возьмите. Там карта с

обстановкой. — Он снял с себя планшетку и передал ее замкомбригу.

Потом подполковник Панов из танка Платицына доложил комбригу обстановку и сказал, что принял командование батальоном. Командир бригады тут же ответил:

— Решение правильное.

Долго боролись врачи за зрение Платицына. Оно катастрофически терялось. Ранение давало знать о себе с каждым днем. Прослужив еще три года, Владимир Васильевич был вынужден покинуть армейскую службу навсегда.

— Надюша, милая моя! Ты у меня одна, как же будем жить? Я ведь здоров, но не вижу белого света, — с горечью говорил он жене.

— Володя, как ты смеешь так говорить? У нас есть Родина, партия, народ. У тебя немало друзей, с которыми шел рядом в боях, с которыми делишься своими заботами и теперь, хотя не видишь сегодня их убеленные головы, исковерканные осколками лица. Ты еще сможешь приносить пользу людям, — успокаивала его жена.

Нелегко сложился жизненный путь Платицына в послевоенные годы. Без зрения он закончил с золотой медалью среднюю школу, а затем с отличием — юридический факультет Московского государственного университета. И вот уже шестнадцать лет работает адвокатом.

— Продолжаю служить Родине, — говорит подполковник в отставке, инвалид Отечественной войны первой группы, Герой Советского Союза Владимир Васильевич Платицын.

С рубежа озера Сари-ярви в передовом отряде состоял третий танковый батальон под командованием капитана Сергея Александровича Устинникова.

Наш танк был направляющим. Только прошли с километр, как страшной силы взрыв потряс машину. Несколько развернувшись вправо, танк остановился. Последовал еще взрыв. Голова закружилась, в ушах зазвенело. Какое-то время все молчали.

— Вот так долбануло-о-о! — послышался в ТПУ (танковое переговорное устройство) голос радиста Алексея Пудовкина.

Вижу: башенный стрелок молча сидит на своем месте.

— Илюша, ты-то живой? — спросил я механика-водителя. Он, пробормотав разозленно о чем-то, открыл свой люк и вышел из машины.

Облегченно вздохнув, что все живы, выпрыгнул из башни и я. Подъехал комбат Устинников.

— Хорошо, что экипаж цел, а танк восстановим. После ремонта догоните нас, — сказал он и повел остальные машины в поход.

Мина вырвала один каток у правой ходовой нашего танка, а у левой — лопнул один нерабочий трак. Видимо, при первом взрыве танк, делая по инерции разворот, гусеницей задел мину. Вот уже который час экипаж вместе с ремонтниками восстанавливает повреждение.

— Как дела? — поинтересовался подошедший со щупом в руках начальник штаба батальона капитан Смак. Рядом с ним стоял лейтенант Демидов.

— Потребуется еще часа три, — доложил зампотех роты Клушин.

— Товарищ Семенов, вместе с Демидовым явитесь к комбату. Замените раненых командиров взводов, — передал Смак.

— А как с машиной?

— Восстановят без тебя.

— Где находится комбат?

Уточнили по карте его координаты. Он сражался в трех километрах. Вроде недалеко, но пробираться по бездорожью туда было тяжело.

Только мы с Демидовым вышли на узенькую проселочную дорогу, как впереди нас загремели одновременно несколько разрывов. Мы лишь успели броситься в сложенные рядами метровые дрова. Нельзя было поднять даже головы.

— Чувствую, что это может затянуться надолго, — сказал Демидов.

— Бьет, должно, по танкам, но у них перелет, — согласившись с Иванам, проговорил я.

До рассвета постепенно над нами образовалась гора из метровых чурок (а их там было несколько сот кубометров). Когда канонада прекратилась, переложив более 30 чурок, мы выбрались и добрались до цели.

Очередное препятствие мы встретили между озерами Иля Лава-ярви и Ала Лава-ярви. Там был взорван узкий проход (дефиле) между этими озерами.

Действуя впереди, взвод старшего лейтенанта Андрея Соколовского с четырьмя танками — Федора Кичигина, Михаила Бронникова, Ильи Денисенко — из роты старшего лейтенанта Чернеги обошли озеро Иля Лава-ярви, вырвались на шоссе и решительным броском к вечеру заняли Лава-ярви.

В результате противник, потеряв четыре противотанковых орудия, три миномета, несколько разрушенных дотов и до двух рот пехоты, поспешно начал отходить вдоль шоссе на запад.

В этом бою отличились механик-водитель М. Ф. Михеев, башенные стрелки К. М. Баулин, Д. Я. Горелов, Т. И. Пыженко, И. Т. Ежкин, командир взвода автоматчиков младший лейтенант Н. Е. Просвернин, сержант С. Ф. Сумароков и многие другие.

К трем часам дня 10 июля 1944 года усиленный первым танковым батальоном передовой отряд подошел к реке Рямен-оя и в нескольких стах метрах от нее ураганным артиллерийско-минометным и пулеметным огнем противника с западного берега реки был остановлен.

По месту сосредоточения танков и по всей глубине расположения наших частей, особенно по дороге, мощная

артиллерийская пальба велась всю ночь. Укрыться от огня не только меж огромных валунов, но и под танком было опасно. Поэтому все боевые машины до отказа были набиты людьми — автоматчиками, саперами, находящимися без танка офицерами.

Минут через двадцать слышим стук в люк запасного выхода. Под танком был начальник политотдела Жибрик и раненый замполит нашего батальона И. М. Калистый.

Когда они забрались в танк, Жибрик приказал:

— Мотор без предупреждения не заводите и не разворачивайтесь — под днищем много народу, можно подавить. Потом он связался по рации с командным пунктам командира бригады. Какой был у них разговор, я не успел уловить, лишь услышал: «Николай Николаевич, у нас тут горит земля…» Комбриг обещал выслать за ним танк.

Жибрик рассказал о последних новостях на фронтах. Мы узнали, что успешным наступлением Карельского фронта Советская Армия вынудила Финляндию выйти из войны.

Прибывший с КП танк подогнали люк к люку к нашему. Жибрик с Калистым пересели на него и убыли на КП бригады.

Утром, когда артиллерийская канонада притихла, осмотрелись кругом. Торчали обломанные, обожженные вершины деревьев, без сучьев, ветвей. Раздувало ветром обгорелые листья и рыжую траву. На левом борту нашего танка лежал убитый автоматчик.

Ночью досталось больше всех нашему военфельдшеру, круглолицему, большеглазому двадцатидвухлетнему старшему лейтенанту медицинской службы Андрею Евменьевичу Урде. До чего же был он смелым, находчивым и заботливым медиком. Не взирая на огонь, мог пробраться к любому танку, чтобы оказать медицинскую помощь и оттащить в укрытие раненого. Одев крест-накрест две санитарные сумки, с автоматом на шее и несколькими заткнутыми за ремень «лимонками», вместе со своими санитарами Кирьяновым и Неверовым бегал он всю ночь под разрывами снарядов и мин, оказывая медицинскую помощь бойцам и командирам. За ночь танкисты потеряли семь человек ранеными, а автоматчики и саперы — несколько больше.

Вместо выбывших командиров башен на их место временно посадили радистов-пулеметчиков. Начальник связи батальона старший лейтенант Иван Федорович Жданов сам стал радистом на танке комбата. В течение двух суток на одном танке обязанности радиста-пулеметчика выполнял ранее работавший связистом завдел-казначей батальона лейтенант Николай Иванович Марфутин.

Обстановка была неясной. Комбриг Юренков приказал

начальнику разведки Урсову срочно произвести разведку противника и достать «языка».

Ранним солнечным утром 10 июля автоматчики взвода Василия Крылова во главе с майором Урсовым стали пробираться к переднему краю противника. Прошли стороной километра два по лесу, без шума сняли финского дозорного. Пройдя вперед около двух километров, головной дозор заметил следующих по просеке в нашу сторону двенадцать солдат.

— Разведка противника. Пока не стрелять, пропустить, — приказал Урсов.

Когда финны сравнялись с нашими рассредоточившимися группами, автоматчики ото команде Урсова разом открыли огонь. Одиннадцать человек сразу распластались на земле, а легко раненный один из них был захвачен в плен. Он оказался из финского самокатного батальона. Пленный сообщил, что впереди, в 800—900 метрах, для обстрела нашего передового отряда разворачивается минометная батарея и на конной тяге находятся еще четыре орудия.

Урсов приказал Крылову проверить достоверность этих показаний, а сам с двумя бойцами повел пленного на КП бригады. Показания подтвердились. Вскоре подошедшие танки Андрея Соколовского, Ивана Демидова, Михаила Бронникова и Ильи Денисенко, выйдя во фланг, расстреляли разворачивающиеся артминбатареи врага.

Из сообщения пленного также стало известно, что впереди передового отряда, по западному берегу реки Рямен-оя почти до Ладожского озера проходит построенная еще до войны оборонительная полоса противника. Во время финской кампании она была разрушена, но в начале войны — восстановлена.

Смешанный хвойный лес повсюду хранил следы сражений. Встречались воронки от снарядов, обожженные участки, отрытые на скорую руку окопчики, где стояла вода. В них виднелись валяющиеся винтовки, гранаты, кожаные подсумки с позеленевшими патронами. Попадались собранные в кучи по 60—70 штук пробитые пулями и осколками каски, фляги, лыжи. Кое-где возвышались мраморные могилы. Вдоль восточного берега реки тянулась густо минированная вырубка с высокими, до полутора метров, пнями. Минные поля прикрывались огнем из множества дотов и дзотов. Поэтому возможность разминировать их почти исключалась. Наши саперы, ползая по болотистой грязи, пытались очистить участок, но результаты были далеко не утешительными.

Танковые роты старших лейтенантов Чернеги, Загоруйко и капитана Ткаченко при поддержке самоходных орудий СУ-152,

продвигаясь с большим трудом меж пней по минированному полю, стали расстреливать доты и дзоты противника.

Онуфрий Загоруйко, воодушевляя личным примерам свою роту, расстреливал из пушки вражеские мины, обходил высокие пни, прокладывал себе путь и, вырвавшись вперед, начал крушить врага огнем почти в упор. Он уничтожил несколько дзотов. Однако от попадания снаряда загорелся и его танк. Механик-водитель с радистом стали гасить огонь, а Загоруйко с исполняющим обязанности командира орудия младшим лейтенантом Лебедевым вели огонь из пылающего танка, на который обрушились десятки снарядов и мин. Последовал удар — взорвался бак с горючим. Облитые газойлем и охваченные пламенем командир танковой роты старший лейтенант Онуфрий Иосифович Загоруйко, младший лейтенант Петр Митрофанович Лебедев и механик-водитель сержант Хабибрахман Закирович Зарыпов сгорели вместе с танком.

Старший лейтенант О. И. Загоруйко был талантливым командиром. За боевые заслуги его наградили орденами Красного Знамени, Александра Невского, медалью «За отвагу». За последний бой экипаж полностью награжден орденами, а командир — посмертно орденом Отечественной войны первой степени.

Отец Онуфрия Иосиф Филимонович также погиб в бою вскоре после гибели сына. Брат Онуфрия Петр Иосифович и младшая сестра Ольга Иосифовна писали мне:

> «Все мы очень рады, что хотя через долгие годы узнали о фронтовых делах нашего брата Онуфрия. Писал он о себе очень скупо. Первые годы войны не имели о нем никакой вести. Мы посвятили себя воспитанию молодого поколения — учительствуем…»

Командир танка младший лейтенант Айдабеков сражался вместе с командиром роты Загоруйко. Он, находясь на минном поле, метр за метром продвигался вперед. Однако обойти все мины и обезвредить их не удалось. Его танк подорвался. Несмотря на это, он продолжал разить противника огнем с места. Через некоторое время снаряд пробил броню, но стрельба из танка не прекращалась. Последовал еще один мощный удар по танку: тяжелый снаряд пробил лобовую броню. Однако Айдабеков, контуженный, высадив раненых, продолжал вести огонь из пушки, которая еще была исправна. Герой бился с врагом до последнего дыхания и сгорел вместе с танком. Младший лейтенант Агзам Абрахманович Айдабеков посмертно был награжден орденом Отечественной войны первой степени.

В бою отличились и многие другие танкисты, особенно «охотник за пантерами», кавалер ордена Ленина лейтенант Алексей Ерохин.

Несмотря на настойчивые атаки, решительные действия танкистов, автоматчиков и артиллеристов, без основательной обработки переднего края огнем артиллерии и авиации, без разрушения большого количества железобетонных дотов и дзотов, бронированных колпаков, разминирования минных полей прорвать заранее подготовленную, сильно укрепленную полосу противника на участке реки Рямен-оя не удалось. Огневые средства приданных бригаде частей для осуществления прорыва были далеко недостаточными. Не хватало нам и царицы полей — героической пехоты.

Поэтому, чтобы избежать излишних потерь в боевой технике и личном составе, командир бригады полковник Юренков решил глубоким маневром, обходя противника слева, выйти на рубеж Ниемеля, что северо-восточнее Питкяранта.

По намеченному маршруту была выслана разведывательная группа под командованием майора Урсова и капитана Краснянского. Вслед за ней для подготовки труднопроходимых участков (гатирования, разминирования) начал действовать отряд обеспечения движения под командованием начальника инженерной службы бригады майора Громыко. К шести часам вечера маршрут был подготовлен.

Передовой отряд — второй танковый батальон майора В. Е. Калитовского, пройдя по лесам и болотам около пятнадцати километров, к шести утра 12 июля вышел к южному берегу озера Ниет-ярви. Встретив на этом рубеже прикрываемое сильным огнем стрелкового оружия оплошное минное поле, отряд дальнейшее продвижение прекратил. Саперы инженерного батальона и нашей бригады под прикрытием огня танков и батареи СУ-152 немедленно приступили к разминированию участка.

Майор Калитовский, организовав взаимодействие со стрелковым полком и ротой автоматчиков мотострелкового батальона нашей бригады, повел танки на решительный штурм укрепленной полосы врага.

Танки взвода лейтенанта Михаила Худокормова проделали проходы в проволочном заграждении противника и ворвались в его оборону. Ведя огонь из пушек и пулеметов, они прокладывали путь нашей пехоте. Лейтенанты Михаил Мельников и Василий Крылов пробирались по болотной грязи и, воодушевляя своих автоматчиков, с возгласам «За Родину!» первыми ворвались во вражескую траншею и завязали рукопашный бой.

Бесстрашие и героизм проявил тогда командир отделения комсорг роты старшина Василий Татарников. Он уничтожил несколько вражеских снайперов. Получив ранение, сам перевязал руку и короткими очередями бил противника в его же траншее.

После шестичасового боя нашим удалось вклиниться во вражескую оборону лишь на восемьсот метров. В дальнейшем им преградили путь мины, от которых в основном повреждалась ходовая часть. Стрелковые подразделения встретились со шквальным огнем артиллерии и пехоты противника.

В половине шестого утра 14 июля наша танковая бригада с приданными ей частями была выведена из боя и сосредоточилась в Лава-ярви. Через три дня она передислоцировалась в район Уома.

После выхода из боя весь технический персонал бригады, а также экипажи подбитых и подорвавшихся танков сразу занялись ремонтно-восстановительными работами. За семнадцать дней наступательных боев по бездорожью, болотам, тяжелому каменистому грунту было пройдено 120 километров. Поэтому не только подбитые и подорвавшиеся, но почти все машины нуждались в тщательном осмотре.

Свободный от ремонта машин личный состав приступил к боевой учебе. На занятиях особое внимание обращалось на тактическую и инженерную подготовку. Изучались минно-подрывные противотанковые и противопехотные заграждения противника и способы обезвреживания их.

Занятия по инженерному делу проводились офицерами отдельного инженерно-штурмового батальона. После нескольких занятий от личного состава были приняты зачеты.

Произошли изменения и в составе командования батальона. Нашего комбата капитана С. А. Устинникова перевели во второй батальон. Вместо него батальоном теперь командовал капитан Виктор Андреевич Лодвиков. Знали мы его хорошо: он был замкомбата. С первого взгляда он казался очень суровым и крутым командиром. На самом деле был добрым, довольно общительным. Очень любил четкость в выполнении приказаний, точность в выражениях.

Прибыл новый замполит батальона капитан Николай Иванович Бородулин. Он оказался страстным пропагандистом, любителем проводить политбеседы. Даже в ротах всегда проводил их лично.

Как-то в теплый июльский вечер, после ужина, расположившись на лужайке меж кустов, мы проводили общее собрание батальона. На нем присутствовал начальник политотдела Жибрик. Наш комбат подводил итоги боев. Отметил

отличившихся бойцов и командиров. Говорил и о имеющихся недостатках, необдуманных поступках некоторых бойцов. Например, парторг взвода обеспечения старшина Михаил Селиверстов с шофером Егором Копыловым 10 июля везли боеприпасы во время сильного артиллерийского обстрела. Надо было подождать, а они лезли напролом под огонь. Хорошо, что осколками повреждены лишь провода зажигания. Эту неисправность они устранили быстро. Но ведь могло случиться гораздо худшее. Старшина батальона Иван Чернобай и повар Кормишин в это же время везли к танкам кухню с ужином. Остановили машину вне зоны обстрела, а ужин в термосах потащили на себе, попали под шквальный огонь врага.

— Я их понимаю, — сказал комбат. — Они старались выполнить приказание помпохоза Лыкова и поэтому рисковали. Но риск — дело благородное в том случае, если он разумный и необходимый.

Затем командир батальона рассказал о той колоссальной работе, которую выполняли наши инженерные подразделения. В период боев они вместе с танкистами обезвредили около тысячи противотанковых мин, еще больше — противопехотных и двадцать фугасов, построили и отремонтировали 21 мост, сделали шесть километров настила. Ими произведена инженерная разведка 65 километров дорог с целью выявления мин.

Выступивший на собрании начальник политотдела дал высокую оценку боевым действиям батальона. Отметил большую партийно-политическую работу в бою.

— В этом большая заслуга замполита Калистого и секретаря партийного бюро Зинкевича, — сказал Жибрик. — Из 126 человек, принятых в партию в период боевых действий, 46 — из третьего танкового батальона.

Собрание подходило к концу. Коммунисты и комсомольцы, собравшись отдельно, начали разбирать заявления о приеме в партию и комсомол. В это время над расположением появился самолет. Он так низко и медленно кружил, что чуть не задевал макушки деревьев. Сначала мы подумали, что это наш У-2 с зелеными и красными опознавательными лампочками.

— Самолет не наш. Почему же молчат зенитчики? — возмутился Жибрик. Но тут минуты через три затрещали наши автоматические зенитные орудия старшины Николая Короло. Самолет загорелся и упал. Это был вражеский разведчик «Кертис Р-36».

Полтора месяца прошли очень быстро. Весь июль 1944 года был знойным. В начале августа стало прохладно, особенно ночью.

Получил от матери первое письмо по новому адресу. Написал мне письмо и брат Александр. «Служу и воюю в истребительной артиллерийской бригаде», — сообщил он, но на каком фронте, не указал. Был очень рад Иван Демидов. Он получил письмо из Москвы от Катюши.

С момента окончания боя все поврежденные машины были или эвакуированы, или восстановлены. В конце августа начали готовиться к переезду. В последние дни гул на переднем крае стал стихать.

4 сентября 1944 года с раннего утра не было слышно ни одного выстрела. Было очень подозрительным такое затишье. Утром, когда солнце только бросило косые лучи на макушки деревьев, мы с лейтенантом Алексеем Ерохиным, прервав утренний сон, вышли на дорогу к мосту через реку Уксун-йоки. Дыша прохладным воздухом и наслаждаясь приятным хвойным ароматам, стали прислушиваться. Кругом тихо. Лишь журчала быстрая река. По ней плыли уже пожелтевшие листья, промелькнуло несколько ящиков из-под снарядов. Остановили идущую с передовой автомашину.

— Что, кончились боеприпасы? — спросили мы у сидящего в машине огромного, похожего на цыгана капитана-артиллериста.

— Еще ночью финны прекратили огонь, — ответил он.

Мы, с этой новостью побежали в свое расположение.

Часов в десять утра в бригаду приехал командующий бронетанковыми войсками армии, бывший командир нашей бригады, генерал Б. И. Шнейдер. Он побывал во всех подразделениях бригады. Нам стало известно, что финские парламентеры с белыми флагами стали прибывать на наши командные пункты. Генерал также сообщил, что Чрезвычайной государственной комиссией расследованы и установлены злодеяния немецких захватчиков и их сообщников на территории Карело-Финской ССР. Например, в Петрозаводске они варварски разрушили памятники В. И. Ленину и С. М. Кирову, сожгли и разграбили университет, научно-исследовательский институт культуры, публичную библиотеку, Государственную филармонию, Дворец пионеров, музыкальное училище, два педагогических училища, взорвали и сожгли все мосты, свыше 485 жилых домов, в том числе дом знаменитого поэта XVIII века Г. Р. Державина. Враги полностью уничтожили промышленные предприятия города, разрушили железнодорожный узел и флот Беломорско-Онежского государственного пароходства, взорвали, сожгли и разрушили 7 электростанций, 3 плотины. Вывезли оборудование всех 20 цехов Онежского металлургического и машиностроительного заводов. Разрушили крупнейшую в.

Советском Союзе лыжную фабрику.

Захватчики объявили советских людей пленными и заключили их в специальные концентрационные лагеря. В Петрозаводске было организовано шесть таких лагерей, в которых содержалось до 25 тысяч стариков и детей.

Концентрационные лагеря для мирных жителей были организованы также в Медвежьегорске, близ города Олонец, в совхозе Ильинском и других местах республики. Советских людей фашистские палачи подвергали невероятным истязаниям и пыткам. Жгли пятки каленым железом, били резиновыми палками, расстреливали.

Танкисты гневно осуждали зверства фашистов. Воины дружно заверили генерала, что отомстят фашистам за зверства над советскими людьми.

Во второй половине дня боевые подразделения, совершив 110-километровый марш, прибыли на станцию Эссойла.

Через несколько дней бригада с приданными частями и подразделениями сосредоточилась в трех километрах севернее Ухты и вошла в оперативное подчинение стрелковой дивизии.

После почти 300-километрового марша-броска многие машины нуждались в текущем ремонте. Особенно сносились катки с резиновыми бандажами. Поэтому мы с максимальным напряжением использовали время для приведения материальной части в боевую готовность. Параллельно штабами бригады и батальонов проводился весь комплекс работ по подготовке бригады к боевым действиям.

Через несколько часов после сосредоточения наш комбат Лодвиков повел командиров рог и взводных на рекогносцировку местности, где оборонялись части 18 горнострелкового корпуса противника.

На переднем крае стояла мертвая тишина. Наши пехотинцы сидели в траншеях и покуривали. Видим, как со стороны противника выползают наши разведчики во главе с майором Урсовым и командиром разведвзвода Крыловым.

— Противник часа два тому назад снялся, — проговорил Урсов.

— Вот нахалы! Не предупредив наших пехотинцев, смылись, — усмехнулся комбат Юренков.

Когда Урсов доложил о результатах разведки, у комбрига задергались нервы на щеках. Был недоволен разведкой, будто именно она виновата, что противник ушел. А разведчики, первыми приехав, успели облазить весь передний край.

— Хуже нет — ждать и догонять, — смущенно проговорил комбриг. — Дожили. С кем теперь будем воевать, Иван

Васильевич? — обращаясь к начальнику политотдела Жибрику, нехотя усмехнувшись, проговорил Юренков.

— Без противника, Николай Николаевич, — это не война. Видимо, надо его догонять, — ответил Жибрик.

Потом полковник Юренков приказал нашей разведке:

— Сесть на хвост противнику, следовать постоянно за ним и докладывать обстановку!

Трудная задача: попробуй догони врага, когда, отступая, он заминировал единственную проложенную к государственной границе дорогу и имеющиеся по ее сторонам сооружения, деревья. Более того, узкие насыпные участки дороги (дефиле) взорваны. В воронку из-под фугаса можно было загнать два танка, но попробуй выскочи потом оттуда.

Гитлеровцы хитрили. Не располагая достаточным количеством мин, местами между ними закапывали деревянные чурки. Вначале через одну мину — чурку, потом — две, три, а потом — одни чурки. Их закапывали так, чтобы создать видимость полного минирования. Натыкали в землю прыгающие мины. Наступишь на такую ногой — она выскакивает из земли метра на полтора, и разлетаются во все стороны сотни свинцовых шариков.

Как и на Олонецком участке, чрезмерная нагрузка легла на инженерно-саперные подразделения, которые круглосуточно занимались обезвреживанием мин и расчисткой путей.

Разведвзвод лейтенанта Крылова настиг противника на рубеже реки Пинко-йоки. Гитлеровцы успели переправить свою отступающую колонну и взорвать мост через реку.

Подошел передовой отряд бригады — второй танковый батальон капитана Устинникова и вступил в бой с противником.

Разведчики немедля начали искать брод для переправы танков, но найти его не удалось. Река оказалась не широкой (15—20 метров), но глубокой. На обратном пути лейтенант Крылов заметил, как выше по течению на пяти плотах, гребя подручными средствами, пытаются переправиться через реку около семидесяти гитлеровцев. Их плоты быстрым течением относило к нашему берегу.

— Надо потопить, — приказал Урсов.

Разведчики, быстро распределив, кто по какому плоту должен бить, открыли дружный огонь из автоматов. Вскоре все было покончено: часть врагов потопили, другую — расстреляли. Особую храбрость при этом проявили разведчики Валентин Голосовский и Сергей Орел. Мы видели эти плоты с лежащими на них трупами. Их до возвращения разведчиков пригнало к разрушенному мосту, где они застряли между сваями.

После непродолжительного боя, при поддержке огнем из танков и самоходных орудий с фронта, стрелковые подразделения обошли противника с флангов, и тот, не выдержав натиска, покинул рубеж обороны.

К утру следующего дня, преодолев длинный заминированный участок дороги, наши танки со стрелковыми подразделениями подошли к реке Корпи-ярви. 60-метровый мост через реку также был взорван. Брода для переправы танков найти не удалась. Отдельный инженерный батальон приступил к наведению моста. А танки передового отряда, часть главных сил и самоходные орудия начали поддерживать огнем работу саперов. Однако отойти от дороги, чтобы занять наиболее удобные огневые позиции, так и не смогли. Обочины дороги, территория бывшего военного госпиталя, располагавшегося на берегу реки, были заминированы. На стенах строений подвешены бутылки с горючей жидкостью, поджечь которые враги не успели. Наводя мост, саперы с танкистами одновременно замялись и разминированием. Большую помощь в этом оказывали командир танкового взвода лейтенант Ерохин и лейтенант Демидов. Они вместе с саперами разгребали руками песок и металлическим крючком, прячась за валунами, извлекали мины из грунта и обезвреживали их.

— Товарищ лейтенант, противник! — закричал один из саперов, заметив меж строений около десяти вражеских солдат. Они намеревались огнем скосить саперов. Танки стояли сзади. Успеть добежать до них и свернуть с дороги было рискованно.

— За мной! — крикнул Ерохин и, схватив в одну руку автомат, в другую — пистолет, побежал за гитлеровцами. За ним последовали другие.

Очень быстро перещелкали лазутчиков. Но Ерохин, перебегая от одного строения к другому, наступил на мину. Раздался сильный взрыв, и он, как подкошенный, повалился на землю.

— Что с тобой, Алеша? — спросил подбежавший Демидов.

— Ух, Ванюша! Поддало так, что трубка моя отлетела куда-то! — проговорил Ерохин. До этого он курил ее. Она валялась в трех метрах от него.

— Вон она, — поднял еще дымящую трубку Демидов.

— Ванюша, набей табачку и отрежь, откинь мою лапу, — достав из кармана финский нож, проговорил Ерохин. Лицо его становилось серым. Демидов набил трубку табаком. Ногу отрезать не стал, а снял с себя ремень и туго перетянул выше колена раздробленную в трех местах правую ногу своего взводного. Затем прибежавший военфельдшер Урда наложил шину потерявшему сознание лейтенанту и на танке повез его в

расположение бригады. Так кончился боевой путь одного из лучших офицеров не только батальона, но и бригады, лейтенанта Алексея Владимировича Ерохина.

Передовой отряд вместе со стрелковыми подразделениями продолжал преследование противника. Впереди неотступно следовали за противникам наши разведчики во главе с Семеном Урсовым. На отдельных участках они действовали совместно с разведкой стрелковой дивизии.

Ночью разведчики подходили к хутору из трех домов, которые подожгли гитлеровцы. При свете пожара заметили несколько лошадей, повозок и гитлеровцев, навьючивающих минометы на животных.

Урсов посмотрел на карте — название хутора не указано, а по западной окраине проходит наша Государственная граница с Финляндией.

— Надо сыграть врагу отбой раз и навсегда. Хотели фашисты нашей земли, так пусть останутся на ней трупами, — как никогда строго проговорил Урсов. — Сержанту Сторонкину с двумя разведчиками выйти скрытно на западную окраину хутора, отрезать путь отхода. Лейтенанту Крылову, сержантам Хмелеву и Лунину занять позиции на правом фланге. Я с сержантами Голосовским и Орлом поползу в лоб. Первым открою огонь по ним я, — распорядился Урсов.

По команде майора затрещали автоматы. 28 фашистов распластались на земле. Если скрылись, то не более двух-трех человек. Остались полностью две батареи минометов, повозки и разное военное имущество.

Разведчики искали пограничный столб, но не нашли. Потом майор достал из кармана красный флаг, о наличии которого никто не знал. Прибил его гвоздями к выточенному на скорую руку флагштоку, который укрепил в грунте. Собравшись у флага, разведчики запели «Интернационал» и дали трехкратный салют из автоматов.

— Пусть услышат наши погибшие товарищи, — проговорил один из них.

— Должно, услышали и птицы, — добавил другой, показывая рукой на чистое небо. Все подняли головы. Там, левой стороной, пролетала стая каких-то крупных птиц. Они покидали родные места гнездований. В просторной холодной вышине синего неба слышались их печальные клики.

— Понимают ли они, что тут война? — не опуская голову, проговорил сержант Голосовский.

— Може, они от войны и улетают, — ответил сержант Орел.

Это было на рассвете 17 сентября 1944 года.

Последний бой противнику на Ухтинском участке мы дали под крупным финским населенным пунктом Юнтусранта. Враг упорно оборонялся. Сильным артогнем прижал нашу пехоту к булыжникам. В этот критический момент находящиеся в боевых порядках пехоты со своим взводом разведчиков Василий Крылов и старший сержант Чирков с возгласами «Ура!», «За Родину!», «Вперед-е-ед!» бросились в атаку, увлекая за собой пехоту. Танки капитана Устинникова интенсивным огнем поддержали атакующие подразделения. К 10.00 противник, оставив на поле боя около ста трупов, отошел за реку Сари-йоки.

Вечером 18 сентября приказом командира стрелкового корпуса наша танковая бригада была выведена из боя и начала готовиться к совершению многокилометрового марша на железнодорожную станцию Ухта, чтобы бить врага на других участках. Одновременно готовились к празднованию юбилея части — трехлетию бригады.

Стояли ясные осенние дни. Иногда по утрам морозило. Березы уже пожелтели. Временами дул сильный ветер, но листья деревьев пока держались. Когда на них падали солнечные лучи, то казалось, что деревья покрыты золотом. Голубой фон неба еще больше усиливал красоту природы.

Хлопот было немало. В какой-то степени отвыкли от строевой подготовки. Командиры подразделений провели несколько занятий по ней. А хозяйственники: начальник тыла бригады Марушкин и помпохозы батальонов Метелкин, Лобов, Лыков — позаботились привести в порядок внешний вид гвардейцев.

Празднование состоялось 22 сентября в Шомбе. На юбилей приехал командующий армией генерал-лейтенант Л. С. Сквирский. Выступая на митинге, он поздравил личный состав с юбилеем, успешным выполнением поставленных перед бригадой боевых задач и пожелал дальнейших успехов в предстоящих боях. После митинга состоялся парад частей и подразделений бригады.

Согласно указанию командующего Карельским фронтом генерала армии К. А. Мерецкова, бригада с приданным гвардейским тяжелосамоходным артиллерийским полком по железной дороге в конце сентября передислоцировалась в район Мурманска.

Наш эшелон медленно останавливается на станции Кола. В открывшиеся настежь двери вагонов-теплушек подул свежий, порывистый влажный ветер. Слева плещутся, оставляя белоснежные кружева пены, волны Кольского залива. Над ним низко плывет жиденький туман. Некоторые бойцы побежали с

ведрами за водой. Но оказалось, что пить ее невозможно: была соленая. Думали: последует команда разгружаться, но нет — состав тронулся. Поехали в Мурманск.

После разгрузки немедля стали переправляться через залив на его западный берег. Переправа несколько затянулась, так как на борт баржи можно было погрузить только шесть танков. Причем, в связи с приливом и отливом менялся уровень воды в заливе. При отливе баржа не могла подойти к разгрузочной площадке. Поэтому приходилось около двух часов ждать прилива. Колесные машины переправлялись, обойдя залив.

Бригада с приданными частями и подразделениями сосредоточилась в лесу, расположенном в 8 километрах западнее Мурманска. Начали готовиться к боям по освобождению Советского Заполярья.

Стояла ненастная осенняя погода. Солнце появлялось редко из-за хмурых туч и тумана. Ветер холодный, влажный, часто дул со снегом. По ночам были заморозки. На земле даже в сухую солнечную погоду не посидишь, не говоря о том, чтобы полежать. Под ногами — обросший мхом и лишайником каменистый грунт, от которого тянет холодом. Местами попадались болота с качающимися кочками. На все эти капризы природы, ее суровые особенности мы не обращали внимания.

На следующий день после прибытия командующий бронетанковыми и механизированными войсками армии полковник Соколов с командиром бригады полковником Юренковым повезли начальников служб, офицеров штаба бригады, командиров батальонов приданных частей и подразделений на рекогносцировку вероятных направлений боевых действий бригады.

Мы круглосуточно занимались подготовкой к предстоящим боям. Командиры батальонов читали доклады на темы: «Действие танков в горах», «Ночной бой в горах», «Оборонительная система противника». Все прочитанные доклады подкреплялись практическими занятиями по тактической подготовке, стрельбе, топографии и т. д. Интересный доклад о богатствах Кольского полуострова прочитал подполковник Жибрик. Иван Васильевич сказал:

— Одной из особенностей Кольского полуострова является то, что он исключительно богат минеральными ресурсами. Здесь в советское время открыто свыше ста крупных месторождений полезных ископаемых. Особенно Мурманская область богата запасом никелевой руды. Наша задача, — сказал в заключение начальник политотдела, — изгнать немецко-фашистских захватчиков и освободить Советское Заполярье.

Когда подготовительная работа была завершена, в ночь на 5 октября бригада, совершив 50-километровый марш, передислоцировалась в район боевых действий — в лес южнее озера Март-явр, которое опоясывали несколько крошечных озер.

— Собери командиров рот и взводов! Комбат повезет на рекогносцировку, — приказал мне после завтрака начальник штаба батальона старший лейтенант Вячеслав Смак.

Случается, что и в Заполярье иногда радует погода — кругом тихо, греет солнце. В один из таких дней наша грузовая машина, по булыжной дороге объезжая массу мелких озер и каменные валуны, пробиралась к переднему краю, который проходил в десяти километрах от расположения. Проехав километра три по чахлому лесу, выезжаем на открытую местность. Впереди — резко выраженная тундра. Виднеется множество высот с рыжими вершинами, обрывистыми скатами. Вся земля усеяна валунами, огромными камнями, среди которых сверкают разной величины озерки.

Нет никакого сравнения с Карелией. Там иногда можно было свернуть с дороги и совершить обходной маневр. Тут же не свернешь. Если даже пришлось бы выпустить по булыжникам боекомплект бронебойных снарядов, вряд ли мы бы продвинулись.

В пути встретились возвращающиеся с рекогносцировки офицеры первого танкового батальона. Начальник штаба капитан Зевцов-Лобанов рассказал нам, где — командные пункты нашего обороняющегося полка, батальона. Мы побывали на командных и наблюдательных пунктах подразделений, немало наблюдали, поползали по траншеям. Нужные данные отмечали на карте.

После проведенной рекогносцировки и изучения разведывательных данных нам стало известно, что опорные пункты противника хорошо оборудованы в инженерном отношении: проволочные заграждения были в виде рогаток в 2—3 ряда, система траншей и окопов — полного профиля, имелись бетонные доты. Все это соединялось ходами сообщения. Каждый опорный пункт приготовлен для длительной круговой обороны, для чего имелись большие запасы боеприпасов и продовольствия. Огневую систему опорных пунктов противник также усовершенствовал. Подступы к высотам заранее пристрелены артиллерией из глубины, Гарнизоны опорных пунктов вооружены пулеметами, минометами, огнеметами и орудиями калибра 75 и 155 миллиметров, которые стояли на прямой наводке. Вторая оборонительная полоса проходила в 6—7 километрах по естественному рубежу реки Петсамо-йоки. В четырех километрах юго-западнее Луостари противник имел аэродром, на котором

находилось до 30 истребителей и 20 бомбардировщиков.

Нашим войскам предстояло преодолеть большое количество водных преград, такие, как Валас-йоки, Петсамо-йоки, Кассюкля-йоки, и множество ручьев с заболоченными берегами и долинами.

Возвратились к обеду. Во второй половине дня командир бригады Юренков на общем построении личного состава вручил правительственные награды отличившимся в проведенных боях бойцам и командирам. Затем вместе с начальником политотдела Жибриком провели беседу с награжденными.

Комбриг нам сказал, что противник намерен упорно обороняться на занимаемых рубежах и во что бы то ни стало удержать никелевые рудники и порт Петсамо. В конце беседы он выразил надежду, что орденоносцы и впредь будут умножать славные традиции гвардейской танковой бригады и в скором времени Советское Заполярье будет очищено от немецких захватчиков.

Приближался день наступления. 5—6 октября мимо нашего расположения шли наступающие части. Они почти все сосредоточивались в лесу южнее и юго-западнее озера Март-явр, потому что впереди до самого переднего края лежала пустынная с дымящимися сопками тундра. Немало досталось к артиллеристам, чтобы подготовить огневые позиции. Им всю ночь пришлось ворочать камни.

Наступило утро 7 октября. Все вопросы были утрясены: машины приведены в боевую готовность, проведены собрания, в батальонах прошли короткие митинги. Настроение у каждого, как всегда перед боями, бодрое, приподнятое.

С утра погода была пасмурная, подкрадывались дождевые тучи. Но это нас не пугало — мы привыкли к ее капризам.

Командир бригады, вызвав к себе командиров батальонов, доставил задачу: с приданным тяжелосамоходным артиллерийским полком подполковника Торчилина во взаимодействии со стрелковой дивизией генерал-майора Х. А. Худалова после овладения пехотой плацдармом на западном берегу реки Валас-йоки войти в прорыв. В передовом отряде — первый танковый батальон под командованием подполковника Панова. Колонну главных сил возглавил третий танковый батальон капитана Лодвикова.

В восемь часов утра задрожала спокойная тундра. Началось артиллерийское наступление. Оно продолжалось два с половиной часа. Хотя до переднего края было километров восемь напрямик, грохот канонады перерос в сплошной гигантский гул такой силы, что услышать рядом стоящего товарища было трудно. От рвавшихся на гранитных камнях снарядов резало в ушах. Вскоре

впереди над горизонтом, сливаясь с тучами, появились черные облака порохового дыма. Когда гул артиллерийской канонады стал удаляться в глубь вражеской обороны, на переднем крае поднялась автоматно-пулеметная трескотня. Это ринулись вперед на Луостари стрелковые полки.

Противник, теснимый нашими частями, оказывал упорное сопротивление. По усыпанной булыжниками, изрытой снарядами и бомбами тундровой тропе загрохотали тридцатьчетверки и тяжелые самоходные орудия. Механикам-водителям на всем протяжении 35-километрового пути приходилось производить крутые развороты, давать предельные обороты моторам, чтобы не повредить гусеницы и ленивцы о гранитные камни или не наехать на них днищем.

Разгорался воздушный бой, и в наушниках танковой радиостанции послышалось: «Володя! Володя! К тебе подкрадывается «мессер», «мессер»! «Сокол»! «Сокол»! Не упускайте вражескую колонну!» Связь с авиаторами у нас была, как говорится, локтевая — в оперативной группе штаба бригады находились два офицера из штаба авиасоединения с радиостанцией. Они могли вызвать в любую минуту нужные нам самолеты.

На дороге увидели плоды трудов артиллеристов, авиаторов, пехотинцев: валялась разбитая техника, трупы врагов. В нескольких местах пришлось опрокидывать на обочины дороги разбитые тяжелые орудия, десятки сожженных нашими штурмовиками автомашин, которые мешали нашему продвижению.

Преодолевая бесчисленные препятствия, танки вплотную подошли к Луостари. Комбат Панов радировал комбригу:

— Мост через Петсамо-йоки взорван, продвижение приостановлено. Принимаю меры.

Вышедшие в район высоты, что юго-восточнее Луостари, гитлеровцы из орудий и батарей шестиствольных минометов открыли мощный огонь по переправам, передовому отряду и колонне танков главных сил бригады.

Чтобы выяснить положение и принять соответствующее решение на месте, комбриг с начальником политотдела Жибриком и начальником штаба Назаренко прибыли на передний край. Комбриг приказал командиру приданного тяжелосамоходного артиллерийского полка Торчилину изо всех САУ-152 ударить по высоте. Туда же открыли огонь орудия всех танков передового отряда. Затем комбриг стал слушать доклад комбата, начальника разведки Урсова и — инженерной службы Громыко. Внезапно около его танка стали раздаваться разрывы.

— Товарищ Панов, в чем дело? Ведь мы стоим за скалой! Откуда снаряды? — возмутился Юренков.

— На вершине скалы фашисты! Они бросают связки гранат! — доложил прибежавший разведчик.

Танкисты роты Смолина дали выстрелов десять по скале, и несколько человек в серо-зеленых шинелях полетели вниз.

Для поиска брода комбриг приказал организовать пять комбинированных групп из разведчиков, саперов и автоматчиков. Понтонно-мостовому батальону было приказано приступить к наведению моста через Петсамо-йоки табельными средствами. Артиллеристы должны огнем прикрывать разведгруппу и работу по наведению моста.

Разведгруппы, возглавляемые майорами Урсовым, Громыко, капитанами Краснянским, Зевцовым-Лобановым и старшим лейтенантом Смаком, по болотам, булыжникам под автоматным огнем фашистов измерили не один километр в поисках брода. Он был найден во второй половине дня 13 октября в четырех километрах юго-западнее Луостари. Однако требовалось проложить дорогу через болота и оборудовать брод через Петсамо-йоки и ее приток Нама-йоки. Эта работа была завершена саперами лишь в ночь на 14 октября.

Рано утром танки передового отряда вброд форсировали эти реки, миновали вражеский аэродром, где тлели несколько разбитых самолетов, валялись горы бочек с горючим, и вырвались на шоссейную дорогу Луостари — Петсамо.

Юго-западнее Луостари одновременно велась работа по наведению понтонного моста через Петсамо-йоки. Поскольку дорога в тыл была загружена, понтонно-мостовой парк к району переправы не могли доставить, и мост был наведен малой грузоподъемностью. Несмотря на это капитан Лодвиков с большим риском к 9 часам сумел переправить все танки главных сил.

Единственная дорога (местами. — лишь расчищенная тропа) на протяжении пяти-шести километров была забита автотранспортом, артиллерией, инженерными средствами, повозками и т. д. Пробраться по ней не могли порою даже легковые машины. Поэтому определенная трудность создалась в доставке горячей пищи действующим впереди танкистам и автоматчикам.

— Вы мне сухариками не отделывайтесь! Надо находить возможность, чтобы доставить на передовую горячую пищу. Иначе прицеплю ваши кухни к танку и поеду, — предупреждал комбат Лодвиков старшин.

Вообще-то старшины батальонов Владимир Николаев, Иван

Чернобай и Павел Елисеев проявляли исключительную заботу о личном составе в любом бою. Но вот вчера с прицепленными к автомашине Сильвестрова двумя кухнями были затерты в середину колонны. Ни проехать, ни объехать. Где выход? Доставить пищу в термосах? Нет людей: все впереди.

— Не горюйте, старшины. Не нее потеряно, выход есть, — моргнул молодой лейтенант Иван Павлюк. Он несколько дней находился без машины, и поэтому дежурил по кухне. Лейтенант отозвал в сторону старшину Елисеева и посоветовал ему стать на одну минуту «полковником». Получив согласие, побежал к артиллеристам.

— Товарищ капитан, вас вызывает полковник! — обратился Павлюк к командиру артиллерийского дивизиона.

— Где он?

— Вот, стоит около кухни. Я провожу вас.

Вскоре лейтенант вместе с артиллеристом стоял перед «полковником» и докладывал:

— Товарищ полковник, ваше приказание выполнил.

Артиллерист видит: стоит краснощекий, в зеленой суконной фуражке, в командирской шинели, подтянутый, серьезный на вид военный без погон. Это был старшина роты Елисеев.

— Здорово, здорово, «бог войны». Слышите, дорогой, впереди идет пальба? — с серьезным видом, но довольно вежливо, пожимая руку капитану, проговорил Елисеев.

— Слышу, товарищ полковник.

— Так вот, там бьют фашистов наши танкисты… с пехотой, разумеется. У них вторые сутки во рту не было ни крошки пищи. Кухня стоит вон где, — показал рукой Елисеев. — А нести в термосах некому. Скомандуйте, пожалуйста, чтобы ваши гвардейцы сдвинули орудия на два штыка правее.

— Есть, товарищ полковник, — отчеканил капитан и побежал.

Через минуту послышалось: «Раз-два, взяли!» Таким путем кухни продвинулись дальше. Горячая пища танкистам и автоматчикам была доставлена еще до начала форсирования реки Петсамо-йоки.

Находящийся в передовом отряде начальник политотдела за своевременную доставку пищи старшин похвалил. Однако, когда узнал, как это было сделано, предупредил, чтобы в дальнейшем к такому методу не прибегали, а обращались бы к командирам с просьбой пропустить кухни, и те бы помогли.

Переправившиеся первыми через Петсамо-йоки танки передового отряда и главных сил, посадив на броню автоматчиков и пехотинцев стрелковых подразделений, не дожидаясь переправы остальных, сбивая заслоны противника, по

шоссейной дороге вихрем ринулись вперед, чтобы захватить перекресток дорог Титовка — Тарнет (к Норвежской границе) и Луостари — Петсамо.

Танки рот старших лейтенантов И. А. Пугача и Г. Д. Смолина к трем часам дня достигли рубежа безымянной высоты (в двух километрах от перекрестка), где вспыхнул очередной бой с гитлеровцами. Организованным огнем танков и пехоты вражеское сопротивление было сломлено. Через час танк младшего лейтенанта А. М. Асрияна с автоматчиками, захватив перекресток, вступил в бой с дотами противника. Враги с открытием огня замешкались. Они думали, что танк повернет влево, вдогонку за вырвавшейся в сторону Норвегии колонной. А он на большой скорости проскочил прямо, в сторону Петсамо, и, выйдя во вражеский стан, начал расстреливать наспех сооруженные доты.

Навстречу Асрияну шла длинная колонна гитлеровцев с пехотой, орудиями на прицепах, груженные боеприпасами автомашины и тягачи, легковые автомашины, мотоциклы. Увидев наш танк, колонна остановилась. Противник поспешно стал разворачивать находящиеся в походном положении орудия.

«Промедление смерти подобно», — прошептал про себя Ашот и, доложив по рации комбату Панову «Встретил колонну противника, веду бой», крикнул механику-водителю Поберезникову:

— Вася, на предельной скорости! Дави! — А сам почти в упор открыл огонь из орудия по колонне. Радист-пулеметчик Севостьянов уже опорожнил несколько магазинов.

После доклада Асрияна комбат Панов хотел было сразу послать роте Пугача на помощь Смолина, но заметил движущуюся со стороны Титовки другую вражескую колонну, которая под прикрытием противотанковых орудий могла бы проскочить с ходу перекресток дорог. Надо было уничтожить ее.

В это время комбат Лодвиков направил танки лейтенантов Павла Третьяка, Пантелеймона Самсонова, младших лейтенантов Федора Кичигина и Ивана Никитина на левый фланг, вдогонку вырвавшейся из Петсамо на дорогу к норвежской границе немецкой колонны.

Тридцатьчетверка Асрияна и младшего лейтенанта Петрова опрокидывает в болотистую обочину машину за машиной. Мелкие — перемалывает гусеницами. От огня пушки переворачиваются и разлетаются орудия, навьюченные на лошадей минометы. Гитлеровцы строчили из пулеметов, автоматов, бросали гранаты. Первое попадание снаряда в левый борт вынудило Асрияна на мгновение остановиться.

— Все живы? — крикнул командир.

— Все! — разом ответил экипаж.

Противник бил из середины колонны, а она тянулась почти до самого Петсамо. Было немало орудий и в хвосте, они только разворачивались.

Посыпались снаряды и по танку. Над башней стоял свист перелетающих снарядов, большинство из который били осколочными. Они накладывали слой черной копоти на броню и создавали глухой звон в машине.

Танк Асрияна, подминая под себя все вражеское, неудержимо рвался вперед и только вперед. Сбиты башенный и лобовой пулеметы. Спустя минут десять повредило прицелы, но стрелять по колонне можно и без прицела. Осколочные снаряды кончились, остались одни бронебойные. Мало оставалось и пулеметных магазинов. Вдруг по танку дважды сильно ударило. Хотел Ашот сделать еще выстрел, но пушка оказалась поврежденной.

— Вася, гони вперед! — приказал командир механику-водителю. Но Поберезников молчал: был мертв. В последние секунды своей жизни он чудом сумел повернуть горящую машину вправо от дороги и направить ее в топкое болото. Послышался слабый голос радиста-пулеметчика Севостьянова, который с оторванной рукой стонал на своем сидении. Ранило и командира башни Дириндеева.

Асриян и Дириндеев вынесли из охваченного дымом танка безжизненное тело механика-водителя и истекающего кровью радиста-пулеметчика, погрузившись при этом по пояс в трясину. Потом начали сбивать бушующее пламя, но безуспешно. Пламя сбивали мокрым мхом. Комбат тут же заметил танк Петрова.

— Петров, вырывайся вперед! — скомандовал ему Панов.

Фашисты в предсмертной злобе нещадно продолжали налить из автоматов, бросать гранаты. Возможность спасения танка исчезла окончательно. У сокрушенного командира танка Асрияна потекли слезы. Плакать, когда гибнет родной танк, танкисту не зазорно. За годы войны не однажды приходилось видеть подобные случаи. Потеря своей машины, на которой громил врага, которая была родным домом, для танкиста так же тяжела, как и потеря близкого человека.

Теперь, расстреливая и подминая под гусеницы технику и живую силу противника, стремительно продвигалась вперед тридцатьчетверка Петрова. Вскоре и у нее оказалась подбита гусеница.

— Березину и Пикунову восстановить ходовую! — послышался в ТПУ зычный голос командира. Сам он с

командиром башни из орудия и пулемета прямой наводкой уничтожал врага.

Подошли машины роты Смолина. Увидев отстреливающихся Асрияна и Дириндеева, а поодаль — ремонтирующий танк экипаж Петрова, танкисты резанули из пушек и пулеметов по засевшим за валунами фашистам.

О погибшем старшине Василии Самуиловиче Поберезникове и раненом Севостьянове позаботились наши санитары, а Ашот Асриян, пересев на другой танк, устремился в Петсамо. Вся дорога была густо усыпана трупами и техникой гитлеровцев.

Наградной лист на младшего лейтенанта Ашота Минасовича Асрияна свидетельствует, что его экипаж в бою за Петсамо уничтожил до 40 автомашин с пехотой и боеприпасами, батарею противотанковых орудий, 5 мотоциклов, 10 легковых автомашин, расстрелял 12 дзотов, 7 противотанковых ружей и до 100 солдат и офицеров гитлеровцев. Вместе с автоматчиками взвода младшего лейтенанта Владимира Милованова взял в плен группу пехоты врага.

На правом и левом флангах от перекрестка колонны гитлеровцев также были уничтожены. Сложнее было догнать устремившиеся к границе Норвегии автомашины, но дорога в этом направлении оказалась менее проходимой для тяжелогруженых колесных машин, нежели для танков. Действующему впереди лейтенанту Павлу Третьяку удалось поджечь идущий впереди бензовоз. Разлившийся бензин образовал огненный барьер и окончательно затормозил движение колонны. Досталось и танку Третьяка. Он дважды начинал гореть, но оба раза экипажу удалось погасить огонь. Всего танковой группой была уничтожена 31 автомашина, не считая бензовоза, бронемашин, повозок и т. д.

Разгромив колонну, танки повернули обратно, ринулись на Петсамо. К тому времени передовой отряд во главе с комбатом Пановым и частью главных сил с капитаном Лодвиковым вместе с гвардейцами стрелковой дивизии сражались в направлении на Петсамо. Туда же с офицерами оперативной группы двигался и начальник политотдела Жибрик.

Комбриг Юренков с несколькими танками главных сил остался на перекрестке. Он контролировал дорогу, идущую на Титовку. По ней пытались проскочить отдельные немецкие машины.

Бой продолжался. Танкисты с пехотинцами подходили к Петсамо. Некоторые машины почти полностью израсходовали боеприпасы.

— Немедленно доставить боеприпасы, — радировал комбат

Панов.

— Что будем делать? Все бортовые машины заняты, — забеспокоился начальник штаба батальона Зевцов-Лобанов.

— Выход есть, товарищ капитан! — доложил старший техник-лейтенант Сергеев.

— Ящики таскать на себе? — засмеялся капитан.

— Нет. Отремонтируем трофейную машину!

У немецкого грузовика наладили зажигание, накачали шины. Желто-зеленые полоски на бортах и капоте соскоблили и замазали, грязью, чтобы танкисты не приняли его за вражеский.

Боеприпасы были доставлены вовремя.

Ожесточенные бои развернулись на ближайших подступах к городу, где противник имел прочные оборонительные сооружения и сопротивлялся яростно. Старшие лейтенанты Иван Пугач, Георгий Смолин, вырвавшись вперед, ведя огонь с ходу, ворвались в город Петсамо. За ними — танки Федора Кичигина, Пантелеймона Самсонова, Михаила Бронникова, Ивана Никитина и другие. Лейтенант Павел Третьяк со взводом автоматчиков Владимира Милованова заняли мост через реку Насюкка-йоки. Удерживая его, автоматчики вступили в рукопашный бой с захватчиками. Лишь один автоматчик — рядовой Жуков прикончил во вражеской траншее около моста пятерых фашистов.

На восточную окраину города ворвались моряки Северного флота.

В два часа ночи 15 октября командир первого танкового батальона подполковник С. А. Панов доложил комбригу:

— Город Петсамо освобожден, продолжаем преследование противника.

Танкисты, выехав на северную окраину Петсамо, с побережья начали расстреливать отчаливавшие рыболовные боты с гитлеровцами.

На рассвете около наших танков остановились три «виллиса». Из первой машины ловко соскочил среднего роста, с усами, в серой поношенной шинели генерал.

— Молодцы, танкисты! Четко выполняете задачи! — громко произнес он.

Танкисты, автоматчики и морские пехотинцы оглянулись. Комбат Панов высунул голову из башни, разговаривая с кем-то по рации. Он, как бывший офицер штаба фронта, сразу узнал заместителя командующего фронтом генерал-полковника Валерия Андреевича Фролова. Быстро спрыгнул на землю и начал было докладывать. Но генерал жестом руки остановил и обнял его.

— Спасибо, Степан! Ваши гвардейцы — и танкисты, и

автоматчики — вовремя подоспели, а дрались выше всякой похвалы! — сказал он. — Вояки Лапландской армии Гитлера бежали без оглядки. Разумеется, уцелевшие. Вон, смотрите, — генерал показал на перевернутую кухню, раздавленные гусеницами чемоданы с разными вещами и две пары боксерских перчаток. — Они хотели нас молниеносно нокаутировать и думали, что нам не под силу преодолеть заполярные хребты. А мы, как видите, преодолели!

Генералу представились комбриг, начальник политотдела, командиры танковых батальонов. Останавливая гвардейцев, он спрашивал, как прошел ночной бой, хватило ли боеприпасов, когда обедали…

— А у тебя кто оторвал ушко танкошлема? — не без улыбки спросил генерал у старшего сержанта Малинина.

— Фриц, товарищ генерал.

— Стало быть, забрались в танк?

— Никак нет — около танка.

— Товарищ генерал, ночью отказал спаренный с пушкой пулемет. Старший сержант устранял неисправность, — доложил комроты Пугач.

— Ухо-то цело?

— Царапины, товарищ генерал.

— А ты «отблагодарил» за такое?

— Ухлопал пятерых, товарищ генерал, — доложил тот же комроты.

— Из какой области?

— Из Марийской АССР.

— Молодец. Не вздумай отдавать дешевле и второе ушко, — вызывая всеобщий смех, заключил генерал.

Вместе с заместителем командующего приехали начальник инженерной службы фронта генерал-полковник Герой Советского Союза А. Ф. Хренов и командующий артиллерией генерал-полковник Г. Е. Дегтярев. Генерал-полковник Хренов разговаривал с бригадным инженером Громыко. Он уточнял, какие трудности были во время преодоления танками разного рода препятствий и т. д. А генерал-полковник Дегтярев интересовался, как «боги войны» обеспечивали бой.

— Товарищ Юренков, как будем преодолевать фьорды? — генерал Фролов повернул голову в сторону комбрига. Тот не успел ответить, как совсем рядом громко зазвучала протяжная песня:

Соловей, соловей-пташечка,
Канареечка жалобно поет…

— Никак, отмечают освобождение Петсамо? — возмутился генерал.

— Товарищ генерал, разрешите разобраться, — обратился Панов.

— Нет. А ну, обегайте, уточните, что за весельчаки появились, — приказал генерал одному из связных. Вскоре связной доложил:

— Товарищ генерал, танкисты еле стоят на ногах…

Замкомандующего посмотрел на комбрига, а тот уставился на комбатов. Потом распорядился:

— Степан Алексеевич, проверьте лично, в чем дело.

Через несколько минут командир батальона доложил, что танк парторга роты младшего лейтенанта Ф. А. Кичигина, увлекшегося боем, еще в ночной мгле на изгибе реки Петсамойоки завяз в болоте. Впереди — река. Отбуксировать его назад было невозможно: мешал большой камень. Прежде чем вытащили, танкисты с автоматчиками шесть часов беспрерывно трудились. Им, уставшим и промокшим, чтобы согреться, выдали по чарке.

— Дайте возможность им отдохнуть. Готовьтесь двигаться на Киркенес, — приказал генерал Фролов, и все уехали.

Бригада сосредоточилась в карликовом заполярном лесу, в трех километрах юго-западнее Петсамо, чтобы подготовиться к следующим баям: Советское Заполярье не было полностью освобождено от немецко-фашистских захватчиков.

В середине следующего дня состоялся митинг, на котором был зачитан приказ Верховного Главнокомандующего по случаю освобождения города Петсамо. Тогда гвардейцы поклялись изгнать фашистов с нашей территории. Начальник политотдела Жибрик, выступая на митинге, сказал:

— Не исключена возможность, что нам придется воевать на территории Норвегии. Мы являемся частью великой армии страны Советов, армии-освободительницы. Поэтому мы, гвардейцы, должны показать образцы примерного поведения и дружественного отношения к местному населению. Попавшим в беду жителям — оказывать помощь.

Подразделения стрелковой дивизии продолжали преследовать отступающего противника.

— Вместе с пехотой надо послать и наших разведчиков с рацией, — приказал комбриг Юренков начальнику штаба. — Им придется следовать по горам и сопкам, поэтому надо подобрать физически выносливых разведчиков и радистов, — предупредил

он.

— Товарищ полковник, наши разведчики все физически выносливые, а из связистов возьмем расчет «снайпера эфира», — доложил начальник разведки Урсов.

— Кубанского казака?

— Так точно!

— Кто возглавит?

— Сам, товарищ полковник.

— Согласен, действуйте.

Наши разведчики были достаточно опытными. Особенно отличались старшины Голосовский и Карповский. Из батальонных радиостанций лучше всех мог развернуть работу в полевых условиях батальон автоматчиков бригады.

— Радиостанция готова для работы в любых условиях боя, — доложил начальник связи батальона автоматчиков Алексей Малахов начальнику связи бригады Гладышеву.

Тут же стоял расчет: начальник радиостанции — невысокого роста, стройный кубанский казак, старший сержант Василий Шабалин. Он еще до войны имел звание радиста второго класса. Боевые друзья за знание радиосвязи, храбрость и находчивость прозвали его «снайпером эфира». Опытными и беспредельно смелыми связистами были сержанты Леонид Тараканов и Серафим Маринин.

Группа в количестве 14 разведчиков двинулась в направлении гор.

— Задача, — сказал майор Урсов, — двинуться вперед по правому флангу, выбрать наблюдательный пункт, установить связь с командным пунктом бригады, нашей пехотой и докладывать обстановку.

Через три часа разведчики оказались высоко в горах и вышли к небольшому ущелью. Оттуда достаточно хорошо открывалась панорама всей долины от дороги, за которую так цепко держались гитлеровцы. Движение разведчиков остановили дозорные противника, которые суматошно открыли огонь из автоматов.

— Занять оборону. Рацию — в укрытие! — скомандовал Урсов.

Вскоре захлопали вражеские минометы, а через несколько секунд стали рваться мины. Противник запоздал с открытием огня. Радисты за выступом и огромными камнями нашли укромное место для разворачивания рации.

— Начальник штаба уже сидит на приеме, скоро развернете? — озабоченно спросил у начальника рации Урсов, посмотрев на часы.

— Товарищ майор, еще минуту. Тараканов с Марининым не могут установить переносную мачту, — доложил Шабалин.

— Где они?

— Вон за тем камнем, на котором карликовая береза.

Майор не успел подойти, как ему доложил Тараканов:

— Фашисты не дают поднять головы. Строчат из автоматов!

— Голосовский! Прикройте связистов огнем из всех автоматов! — крикнул Урсов.

— «Маяк»! «Маяк»! Я — «Кама»! Как слышите? — заговорил вскоре Василий Шабалин.

Засвистела рация. В наушниках послышалось многоголосье звуков — треск, свист, музыка, иностранная речь. В такие минуты думаешь, что где-то далеко еще веселятся, там нет войны. А когда же кончится она у нас?

Шабалин повторил позывные еще раз. Наконец среди шумов послышалось:

— «Кама»! «Кама»! Я — «Маяк»!

Радист Василий Водолажский сообщил, что позывные услышал с первого же раза, но в это время шла бомбежка КП, поэтому произошла небольшая заминка. У Василия Шабалина от радости заискрились глаза, на щеках выступил румянец. Ему вдруг стало так жарко, что он сорвал с головы танкошлем, вытер им виски и курчавый черно-смоляной чуб. В такие минуты радисты испытывают чувство огромной радости и удовлетворения. Забывают на миг все трудности, невзгоды и усталость. Они становятся счастливыми. То, ради чего шли сюда, сбылось. Оправдали надежды, доверие товарищей. Это все придавало им еще больше силы, энергии. Была передана первая радиограмма о противнике.

Наступила ночь. Гитлеровцы освещают долину ракетами, ведут пулеметный и артиллерийский огонь.

— Учуяли гады, что приходит им тут конец, вот и ерепенятся! — зло выругался сержант Тараканов.

— Пусть ерепенятся, а мы вздремнем, — проговорил Серафим Маринин и растянулся на плоском замшелом камне. Ему сегодня досталось больше всех. Один из связистов сказал: «Ленив ты, Симка». Поэтому, как бы оскорбившись, он нес на себе самый тяжелый груз, не отдавая никому.

Заняв круговую оборону и установив дежурство на рации (дежурил сержант Тараканов), разведчики начали выбирать место для отдыха. Как ни устали, но сон не брал. Каждый хотел поделиться своими мыслями. Например, Василий Шабалин, как всегда, ловил момент, чтобы начать очередной рассказ о своем любимом крае: зеленых берегах реки Кубани, о бескрайних полях,

цветущих садах хуторов и станиц, полногрудых чернооких казачках. Как узнал Василий об освобождении родного края, не один десяток писем отправил на родину.

— Товарищ майор, поймал радиостанцию противника. Уж очень часто повторяют слово «рус», — доложил дежурный по рации сержант Тараканов Урсову.

— Пусть повторяют, скоро перестанут.

В пять утра раскаты выстрелов и взрывов возвестили о новом наступлении наших войск.

— Как ложатся наши снаряды? — послышалось в наушниках.

— Толково! — ответил Урсов.

Разведчики следовали за нашей пехотой, постоянно докладывали обстановку. Местами приходилось обивать удачно расположившиеся заслоны врага.

Внизу, на единственной дороге, ведущей на Киркенес, разгорался бой, все больше нарастала артиллерийская дуэль. Вдруг сзади, несколько выше по склону, воздух потрясли раскаты взрывов огромной силы. Посмотрев в бинокль, Урсов сердито проговорил:

— Открыли огонь корабли фашистов. А ну, быстрее вперед! Надо немедленно оторваться от лавины огня и камней! — крикнул он.

Подразделения нашей стрелковой дивизии в трех километрах от Тарнета были остановлены мощным огнем противника. Для непосредственной поддержки пехоты и обеспечения ее продвижения вперед введена в бой танковая рота старшего лейтенанта В. М. Боярчикова из второго танкового батальона.

В 11 часов 22 октября танки ринулись в атаку. Организованным огнем начали подавлять на высотах и их скатах артиллерийские и минометные точки гитлеровцев. Впереди шел взвод кавалера ордена Ленина лейтенанта Н. Бордюга, за ним — старшего лейтенанта А. Ходулина. Ночью танкисты пересекли норвежскую границу.

Гитлеровцы, отступая, применяли самые разнообразные заграждения. Единственную дорогу на Киркенес минировали, взрывали мосты, дефиле. Закапывали в землю не только мины, но и авиабомбы. Причем минированные участки прикрывали массированным огнем.

Саперы приданного бригаде второго отдельного штурмового-инженерно-саперного батальона, обезвреживая мины и восстанавливая разрушенные мосты, дорогу, работали с большим напряжением. Иногда им помогали местные жители — норвежцы. Они указывали минированные места, предоставляли лесоматериалы.

Теперь, не сбавляя скорости, уничтожая огнем с ходу вражеские заслоны, в голове колонны следовал танк лейтенанта В. Небольсина. Неожиданно раздался страшной силы взрыв. Машина развернулась с разорванной левой гусеницей, вырванными двумя катками и встала поперек дороги.

Боярчиков не стал уточнять. И так ясно, что танк напоролся на фугас.

— Бордюг! Объезжай Небольсина слева и поторопись на Тарнет! — скомандовал он по рации командиру первого взвода.

Опять неудача. Пройдя несколько сот метров, подорвался и танк Бордюга. Радист-пулеметчик убит, механик-водитель тяжело ранен и контужен. Саперы не могут пройти вперед, потому что по всей дороге — одни разрывы мин и снарядов, противник режет из автоматов. До Тарнета оставалось с километр.

— «Маяк»! «Маяк»! Я — «Кама»! В Тарнете много фашистов, бегут к заливу Ярфьорден! — послышалось в микрофоне. Это передали на КП бригады наши разведчики.

Прослушав радиограмму и решив, что гитлеровцы будут переправляться через залив, Владимир Боярчиков, не дожидаясь указаний, приказал механику-водителю Самсонову:

— Николай, объезжай Бордюга и жми на полную педаль в Тарнет! Смотри на подозрительные места!

К счастью, до населенного пункта мин больше не оказалось, и машина ротного стремительно ворвалась в Тарнет. Он не ошибся: там, действительно, два катера и самоходная баржа, до отказа нагруженные людьми и техникой, отчалили от берега залива Ярфьорден и уже успели отойти метров на восемьсот.

— Карпенков! Осколочным! Осколочным! — раздался голос командира.

Почти каждые четыре-пять секунд ложились снаряды на вражеские тяжелогруженые катеры. Гитлеровцы тоже открыли огонь по танку из зениток. Их выстрелы были менее удачными, да и бронебойных снарядов у них не оказалось.

Подошедшие танки взвода старшего лейтенанта Ходулина также открыли огонь по отступавшим. Через несколько минут катер и баржа, завертевшись, исчезли с поверхности воды. Второй катер, оказавшийся более быстроходным, получил повреждение, но вышел из зоны прямого попадания и скрылся вдали.

Продвигаясь с боями, рота Владимира Боярчикова, усиленная танками младших лейтенантов Павла Пастухова и Михаила Бронникова из третьего батальона, вместе с пехотой освобождает населенные пункты Вестернес, Пандор, Тернес, Пандорнес.

Когда в освобожденных населенных пунктах утихли выстрелы, стали появляться скрывавшиеся в пещерах местные

жители. Они радостно встречали советских воинов, со слезами обнимали своих освободителей. Однако было заметно, как вначале некоторые бросились к своим жилищам. Мы подумали, что они спасались от нас. Как выяснилось позже, гитлеровцы внушали им, что русские, оккупировав Норвегию, ограбят каждого до ниточки. Они убеждались в лживости гитлеровской пропаганды, потому что оставленная ими домашняя утварь была цела, и с большой радостью вступали в разговоры с нашими воинами, приглашали к себе в гости, жестами рук показывали то на небо, то на нас. Все это означало: «Вот бог послал нам спасители». Потом кулаками грозили в сторону фашистов.

Разумеется, времени, чтобы развернуть в полном объеме разъяснительную работу среди населения, у нас не было. Но все же политработники бригады находили моменты для беседы с местным населением. Рассказывали ему, что Советская Армия выполняет свою освободительную миссию, что мы на норвежской земле находимся временно, очищаем ее от гитлеровских захватчиков.

Как-то в Пандоре, перед вечером, молодые супруги по запомнившимся им приметам разыскивали молодого советского лейтенанта. Позже стало ясно, что они искали командира разведвзвода бригады лейтенанта Василия Крылова. В разгар боя он спас жизнь им и их грудному ребенку. Теперь супруги хотели его отблагодарить.

Командир роты управления капитан Ананий Иванченко организовал питание гражданам, жилье которых гитлеровцы спалили.

Ожесточенный бой завязался на подступах к населенному пункту Тофте. Наши разведчики по горам, сопкам, пробираясь через колючие кустарники, следовали за пехотой. В радиограмме они доложили:

— Противник ведет сильный огонь из тяжелых орудий с высоты 186 и ее скатов, а слева из Стурслоттена поливает из автоматов и пулеметов. От града свинца залегла наша пехота. Гитлеровцы бросились в атаку.

О создавшейся обстановке Боярчиков доложил комбату Устинникову. Через несколько минут комбриг Юренков передал командиру роты:

— Держитесь, поддержит авиация и артиллерия.

Артиллеристы сделали такой налет по высоте 186 и ее скатам, что, казалось, загорелись там камни. Через полчаса низко над головой появилось с десяток наших самолетов. И вообще за все время боев за Луостари, Петсамо, Киркенес в воздухе господствовала наша авиация. Вражеские летчики не только

бомбить, но и приблизиться не могли к нашей наступающей колонне.

Танкисты из пяти пушек открыли огонь по артиллерийским и минометным батареям противника. Потом, ведя огонь с ходу, воодушевляя наших пехотинцев, устремились к Тофте. Головной танк младшего лейтенанта Пастухова подорвался на фугасе, а сам он погиб. У танка Боярчикова снайпер разбил головку прицела, что затрудняло наблюдение. Поэтому ротный распорядился:

— Бронников, объезжай нас и гони вперед! А мы за тобой.

Михаил Бронников, расстреляв с ходу два орудия, ворвался в Тофте. За ним последовали другие машины и стрелковые подразделения. Но на противоположной окраине Тофте тяжелый осколочный снаряд лопал в башню машины Боярчикова. Тяжело контуженный Карпенков лежал на боеукладке. Танк остался на ходу. Командир с трудом удержался на своем сидении. Контуженный, он скомандовал механику-водителю:

— Николай, вперед!

Машина вырвалась вперед, но выстрелы ротного были уже не те, что раньше, да и команды непонятные. Комбат Устинников из доклада по рации понял сразу, что состояние Боярчикова ненормальное. Пришлось выводить его из боя.

К 11 часам 24 октября наши наступающие части достигли Яардфьерботна, затем — Эвре Стурскугена. Переправы через ручьи западнее Яардфьерботна на Мюрслет и через залив Бекфьорд были взорваны. Инженерной разведкой майора Громыко броды не были обнаружены на расстояния в девять километров южнее — и полтора километра севернее Эльбенес. Наименьший уровень при отливе был около двух метров. Командир стрелкового корпуса приказал переправу для танков не наводить и продвижение нашей танковой бригады приостановить. Стрелковые части вместе с отдельным моторизованным батальоном особого назначения (батальон был укомплектован плавающими автомашинами «форд-амфибия»), продолжая наступление, утром 25 октября ворвались в Киркенес.

Итак, Петсамо-Киркенесская операции завершилась. За время боев танкистами и автоматчиками нанесен огромный урон немецким захватчикам. Отличившиеся в боях бойцы и командиры награждены орденами и медалями, а младшему лейтенанту Ашоту Минасовичу Асрияну присвоено звание Героя Советского Союза.

За успешное выполнение боевого задания по освобождению Советского Заполярья Указом Президиума Верховного Совета СССР от 31 октября 1944 года наша танковая бригада награждена орденом Суворова второй степени. Таким образом, на знамени

нашей бригады появился третий по счету орден. С чувством большой гордости и воодушевлением встретили танкисты эту награду.

После завершения боевых действий бригада была выведена в резерв ставки Верховного Главнокомандующего. Какое-то время мы располагались в районе Петсамо, а 26 октября передислоцировались в район станции Кола. Так мы оказались в глубоком тылу. Не летают вражеские самолеты, не слышны канонады, выстрелы. Одним словам, началась мирная жизнь в военное время.

Погода тут своенравная. Если под Петсамо стояли солнечные прохладные дни, то здесь бесконечной чередой тянулись сумрачные тучи. То моросит теплый дождь, словно летом, то падает снег.

Как только передислоцировались в новый район, в гарнизонном Доме офицеров города Мурманска состоялось собрание партийного актива бригады, делегатом которого посчастливилось быть и мне. Мы выслушали доклад командира бригады полковника Юренкова об авангардной роли коммунистов в проведенных боях и дальнейших задачах партийных организаций в окончательном разгроме немецких захватчиков. Коммунисты горячо, по-деловому обсуждали доклад комбрига. Было немало предложений, критических замечаний в адрес того или иного коммуниста. Выступление каждого сводилось к тому, что надо готовиться к решающему удару, поскольку армия Гитлера еще не разгромлена. Для этого — немедленно приступить к боевой учебе, включиться в соревнование за лучшие показатели в боевой учебе, внутренний распорядок между подразделениями, батальонами. Собрание проходило целый день, однако времени для всех желающих выступить не хватило. В одном из пунктов решения собрания партактива было записано:

> «…Личный состав гвардейской танковой бригады проявит еще большую решимость для нанесения удара по немецко-фашистским войскам и сделает все, чтобы раз и навсегда покончить с гитлеровскими захватчиками…»

После собрания состоялся концерт художественной самодеятельности личного состава. За сценой предварительно репетировали и тут же выходили на сцену. Сидит ли в танке с тобой рядом товарищ, стоит ли в траншее — неведомо тебе, какой в нем кроется талант. А вот теперь он поет, пляшет или читает стихи. Концерт прошел с большим успехом.

Воодушевленные решением партактива, мы с энтузиазмом

приступили к боевой учебе. Занимались в основном днем, но проводились и ночные занятия. По вечерам часто организованно посещали кинотеатр на станции Кола или ездили в гарнизонный Дом офицеров. Времени на этот раз хватало и для учебы, и для отдыха.

Боевые машины сдали другим частям. Все наши танки требовали самого тщательного осмотра и ремонта. Шутка ли! По лесисто-болотистой, гористой местности без планово-предупредительных ремонтов они прошли 1084 километра! Из них 181 — с боями. Все моторесурсы были израсходованы давно, истекли межремонтные гарантийные сроки. Гусеницы многих машин держались на трех-четырех катках. Резиновые бандажи с них слетели давно. Если удалось так долго сохранить боеспособность машин, то в этом была большая заслуга технического персонала бригады. Именно он восстанавливал, а порою «оживлял» их буквально из обломков и снова ставил в боевой строй.

Свирепствовала заполярная зима. Но она нас не пугала. Помпохозы давно позаботились о нас. Одели в белые овчинные шубы, ватные брюки, валенки, меховые танкошлемы, теплое белье. Палатки свои утеплили, заготовили немало дров. И питание было организовано лучше некуда. Около перекрестка дорог, что под Петсамо, совместно со стрелковыми подразделениями захватили у противника продовольственную базу 20 Лапландской армии.

Зима под Мурманском довольно своеобразная. С утра — морозище. Кажется, камень превращается в ледяшку. Над заливом в такую погоду низко стелется густой темно-серый туман. А перед сумерками подует теплый ветер, и снег начинает садиться, таять. Или повалит мокрый снег. Еще позже начинают играть на небе сотни ломаных лучей полярного сияния. В такую пору долго не ложились спать.

Как-то, чтобы рассеять тоску тыловой жизни и отведать какое-нибудь морское блюдо, мы, десять офицеров, решили посетить ресторан «Арктика». Посещение было неудачным. Не успели раздеться, как к нам подбегает директор ресторана и просит:

— Танкисты, помогите!

В ресторане шла настоящая рукопашная схватка: американские моряки били своих же моряков-негров. Как только мы появились, негры сразу приблизились к нам. Американцы посмотрели, что перед ними стоят десять здоровых военных в шубах, черных танкошлемах, и усмирились моментально.

Тут старший лейтенант Жора Иванов своим басистым

голосом строго проговорил:

— Господа джентльмены! Хулиганить вам тут не позволим, прошу покинуть ресторан!

Слышим, один из них шепчет: «тэнкерс, тэнкерс». Стало быть, поняли, что мы танкисты, и поторопились в раздевалку.

Наше настроение было испорчено. Выпив по стакану вина и закусив морскими гребешками, покинули ресторан и мы. Больше там мы не появлялись: было противно смотреть на пьяных, задиристых американских моряков. Они всюду пытались проявлять превосходство перед неграми. В городском кинотеатре негры занимали самые задние места. И если кто-нибудь из них осмеливался сесть в середине, то его американцы начинали притеснять.

Около двух месяцев мы настойчиво продолжали занятия. К новому году наш третий батальон занял второе место по боевой подготовке. По вечерам смотрели много кинокартин, слушали концерты. Давно восстановили письменную связь с родными, знакомыми.

Но всех нас тянуло на фронт. Там наши гонят гитлеровцев, а мы занимаемся, да в кино ходим. Счастливые, они в скором времени будут на танках въезжать в Берлин, водружать над рейхстагом Красное Знамя. А мы сидим тут. Эти мысли не давали покоя каждому из нас.

28 января 1945 года. После завтрака командиров батальонов и отдельных подразделений вызвали в штаб бригады. Комбриг дал указание на передислокацию. Во второй половине дня наш воинский эшелон с техникой и танками медленно отошел от станции железной дороги. Подул сильный теплый ветер, а вскоре повалил мокрый снег с дождем. Над Кольским заливом висели низкие черные тучи. Мы покидали край северных сияний.

Глава III
ЗАРЯ ПОБЕДЫ

Перед «Большой Зорькой». — На Берлин! — Размышление после войны.

За ночь Кольский полуостров остался позади, теперь мы ехали по карельской земле. В этих местах за время войны побывал я дважды, но каждый раз — знойным летом. Теперь тут — в полном разгаре зима. Кругом словно все оцепенело в ночной, морозной дреме. За окном нашей теплушки проплывают железнодорожные станции, полустанки, поселки. Белый снег щедро укрыл землю, крыши домов. На бархатисто-зеленых ветках высоких остроконечных красавиц-елей медленно раскачиваются серебристо-белые шапки. Любоваться такой красотой природы — одно удовольствие. Она напоминает мне родные места. И, наблюдая с затаенным дыханием эту красоту, невольно испытываешь тоску по родному краю. В эту пору над скованной морозом родной и милой речкой Юшут склонились одетые в белую пушистую шубу ольха, ивы. Родники Юшута, пожалуй, и теперь не поддаются морозам, никакой силе не заковать их в ледяной панцирь.

Мороз для нашего вагона нипочем. Справно работает жадно пожирающая дрова и уголь печка. Настроение у каждого из нас, как всегда, приподнятое. Мы проникнуты чувством огромной радости, что едем на фронт. Обговорили меж собой обо всем. Теперь разговор идет лишь об одном — где посчастливится произвести последний победный выстрел? Внутренне каждый мечтал сделать это в столице фашистской Германии.

Пункт назначения нам неизвестен. А может быть, вышестоящее командование еще окончательно не решило, на какой участок фронта направить нашу бригаду? На каждой узловой станции мы стараемся узнать, в какую сторону открыт светофор.

Наш эшелон проследовал через Волхов, Чудово, Калинин, Москву, Смоленск, Могилев. Наконец, пробыв в пути ровно пятнадцать суток, рано утром остановились на станции Осиповичи, что в Могилевской области. Это был конечный пункт. К вечеру выгрузились все эшелоны бригады.

Расположились мы в каменных казармах из красного кирпича. Вначале было непривычно. Ведь за три года и семь месяцев войны, если не считать госпиталей, всегда располагались в танке, землянках, палатках. А теперь, как в мирное время, — в казарме, да на персональной кровати. Надо не надо — ворочались, словно маленькие, потому что было интересно. Однако каждый из нас думал и настораживался: надолго ли мы тут расположились?

— Приказано планировать боевую подготовку, — с приятной улыбкой проговорил начальник штаба батальона капитан Смак. Его улыбку я понял сразу. Смак был заядлым штабистом. Любил составлять расписания, всевозможные инструкции и табели постам.

— Товарищ капитан, что нового в штабе бригады? — спросил я у него.

— Новостей много, готовься на другую должность, то есть — изучать новую машину, — хитро улыбаясь, ответил мне Смак.

— Можно поточнее, если не секрет?

— Секретного тут нет ничего. Из батальонов сделают тяжелотанковые полки. В прошлую ночь первый батальон уже получил боевую матчасть. Разгружали всю ночь. Вот и все.

— Когда получим мы?

— Сегодня или завтра.

В это время в коридоре прозвучала команда дежурного по батальону:

— Батальон, смир-р-р-но!

Через несколько минут в казарму вошел начальник штаба

бригады подполковник Н. Н. Назаренко. Рядом с ним был молодцеватый, низкорослый, плечистый незнакомый подполковник и командир нашего батальона капитан Лодвиков, Мы догадались: незнакомый подполковник — наш командир полка. Когда он разделся, на его гимнастерке засверкали пять боевых орденов, в том числе — два ордена Боевого Красного Знамени.

— Ух ты, братцы! — удивился кто-то. Подполковник косо взглянул в ту сторону.

— Я — Ульян Никитович Ермоленко, командир формирующегося тяжелотанкового полка, — представился он, молча пожимая нам руки. Его немигающие серые глаза, строгое лицо, крутой подбородок, широкие брови давали нам право предполагать в нем жесткий, сухой характер. Потом он так же молча обошел все выделенные для батальона помещения.

— Когда расположились, товарищ Лодвиков?

— Часов двадцать тому назад, товарищ подполковник.

— Молодцы! Вижу порядок. За это время больше-то и не сделаешь, — одобрительно сказал командир полка и впервые улыбнулся.

— Соберите, товарищ Лодвиков, свободный личный состав. Надо представиться бойцам и командирам, да заодно побеседовать. Знакомство в строю, на скорую руку, — не дело.

Подполковник Ермоленко прежде всего рассказал личному составу о себе. Затем проинформировал, что наша бригада переходит на новый штат и будет состоять не из батальонов, а из трех тяжелотанковых полков. С завершением формирования и боевого сколачивания танковых экипажей, подразделений бригада отправится на фронт. Машины с экипажами для нас должны прибыть сегодня или завтра. Командир полка особый интерес проявлял к боевым качествам танкистов. Многих расспрашивал. Было задано немало вопросов и ему. Поскольку танки прибудут с экипажами, всех интересовало, не окажется ли прежний состав «за бортом». Командир полка ответил, что в основном будет зависеть от того, с какой подготовкой прибудут маршевые роты, но командование постарается максимально сохранить опытный, испытанный в бою состав.

Знакомство с командиром полка длилось около двух часов. Не подтвердились наши предположения о характере подполковника. Ульян Никитович оказался человеком удивительно простым и душевным, жизнерадостным и общительным. Его высокие командирские качества и боевой опыт стали раскрываться нам каждодневно.

Рано утром следующего дня прибыл эшелон с маршевыми

ротами и для нашего полка. Подполковник Ермоленко повел весь личный состав на его разгрузку. Кроме танков, требовалось разгрузить боеприпасы, горюче-смазочные материалы, запасные части и т. д.

— Товарищ лейтенант, появился земляк ваш, — сказал мне старший писарь Дмитрий Виноградов, показывая именной список прибывших. Там значился командир танка лейтенант Изотов Александр Иванович, из города Козьмодемьянска.

После ужина я хотел сходить в роту к Малинину, чтобы узнать, зачислили ли его в экипаж, и заодно сообщить об Изотове. Но меня опередили. Оба земляка уже были в нашем тускло освещенном коридоре. Вижу: стоит Малинин и рядом с ним чуть пониже ростом — лейтенант. На груди сверкали два ордена Красной Звезды.

— Александр Изотов, из Козьмодемьянска, — протянул он мне руку.

— Низкий поклон земляку. А я собрался к Демиду Сергеевичу, — проговорил я, пожав им руки.

Не стал спрашивать, какими судьбами он оказался среди нас. И так ясно, что привела фронтовая дорога. Приятно встретиться с земляком на фронте. Словно повидаешься с родным братом.

— Ты уже в экипаже? — спросил я у Малинина.

— Да, заряжающий тяжелого танка «Иосиф Сталин» № 435, — гордо ответил Демид.

— Мне дали взвод, — тоже не без гордости сказал я.

— Успел написать письмо Анне Демьяновне, — улыбнулся Малинин.

— Молодец, Демид Сергеевич. Скажите мне ваш адрес, то есть теперь наш. Надо сообщить маме, — обратился к нему Изотов.

Но это не основное. Главное, что нас интересовало — фронтовые пути друг друга. Однако все ждали удобного момента. А когда он наступил, старались говорить о своих боевых делах. У каждого из нас — на лице следы ранения. Изотов то и дело щурил левый глаз. Позже выяснилось, что это — результат четырехкратного ранения. В мягких тканях лица чернели мелкие осколки.

— Надо подымить, днем не было времени, — проговорил Изотов и, вытащив из кармана, положил на стол портсигар.

Я не стал говорить, что у нас не курят.

— Ничего себе! Никак, портсигар издырявила пуля?! — удивился Малинин.

— Угадал, Демид Сергеевич. Это память о первом дне войны, — доставая папироску «Красной Звезды», уточнил

Изотов. — В пять утра 22 июня под Перемышлем сделал первый выстрел. Вижу: гитлеровский автоматчик, нет спасу, строчит с чердака. Я осторожно поднялся туда. Из темного угла крикнул ему: «Хенде хох!» Думал, поднимет руки. Но не тут-то было. Фашист резко повернулся и застрочил по чердаку. Благо, что не с того угла начал. Если б не успел выстрелить из пистолета, то он бы меня накрыл, как пить дать. Вышло, что пострадали лишь портсигар и брюки.

— Ты бы по чердаку-то ударил из танка, — вставил Демид.

— Нет, друзья. Я тогда служил в пехоте, занимал должность помкомвзвода. Затем какое-то время стрелял из 50- и 82-миллиметровых минометов, а потом был направлен в танковое училище.

Наша беседа продолжалась до позднего вечера. Мы поняли, что наш земляк — испытанный в боях командир.

В связи с переходом на новый штат работы прибавилось всем. Штабы полков и бригады по мере прибытия маршевых рот занимались формированием подразделений, учетом личного состава и планированием боевой подготовки. Командиры следили за качественным подбором расчетов экипажей. Одних из вновь прибывших пришлось заменить. Некоторые механики-водители, не посидев в кювете и не сбив деревьев, не сумели довести свою машину даже от железнодорожной станции до расположения части. Тяжелые танки со 122-миллиметровой пушкой были для нас новыми по качеству и конструкции. Потому было важно как можно быстрее начать боевую учебу.

Большая работа легла на партийно-политический аппарат бригады. По сути дела, пришлось начать все с азов. Прежде всего, взять на учет всех вновь прибывших коммунистов и комсомольцев. В экипажах, взводах, ротах необходимо было подобрать агитаторов, создать партийные группы, избрать секретарей партийного и комсомольского бюро и провести с ними инструктивные занятия, организовать партийно-комсомольскую учебу. Кроме того, политработники принимали самое активное участие в определении личного состава на новые штатные должности. Многие вновь прибывшие бойцы и командиры оказались вне штата. Они со слезами просили не направлять их в резерв. Кому хотелось сидеть в резерве? Все рвались на фронт, на последний штурм. Осуществить то, о чем мечтали долгие годы.

Через неделю новое формирование было завершено. Бригада укомплектовалась 65 тяжелыми танками. Весь колесный парк был также обновлен. Теперь в состав бригады организационно вошли три тяжелотанковых полка: подполковников Александра Григорьевича Цыганова, Митрофана Кирилловича Середы и

Ульяна Никитовича Ермоленко. Кроме того, имелся ряд отдельных подразделений.

Когда боевая матчасть была получена и укомплектована личным составом, мы приступили к боевой учебе. Замполитех полка старший техник-лейтенант Иван Никитович Козлов, начальник артснабжения Иван Петрович Козлов, начальник связи капитан Иван Федорович Жданов и командиры подразделений добивались от экипажей танков овладения в совершенстве новой техникой. Танкисты настойчивой учебой готовили себя к решающим боям.

С завершением подготовки экипажей провели ротные учения, затем — тактические учения полков с боевой стрельбой из пушек и пулеметов. Наконец, бригада, совместно с одной из гвардейских танковых бригад, провела двухстороннее учение.

В канун годовщины Советской Армии стояла теплая, почти весенняя погода. Днем таял снег, и под ногами хлюпала снежная каша, а по ночам подмораживало.

24 февраля началась погрузка. Вскоре наш состав по только что восстановленному пути, грузно постукивая на стыках рельсов, направился на Запад. Впереди — Польша, за ней — Германия.

Вот эшелон медленно идет по мосту через Вислу. По мутной воде плывет какая-то снежно-ледяная масса. Виднеются заваленные талым, серым, ноздреватым снегом развалины Варшавы. На что стал похож великий, красивый в прошлом город? Впрочем, досталось не только Варшаве, но и тысячам других больших и малых городов и сел Европы.

Проехали Познань. Без малого часа через два пересекали польско-германскую границу. В вагоне было оживленно. Не сравнить с сорок первым годом, когда нам в пути на Алакуртти объявили о начале войны с Германией.

В центре внимания молодых танкистов, как всегда, — москвич механик-водитель старшина Иван Сергеевич Якушин. На груди у него — ордена Красной Звезды, Славы третьей степени и несколько медалей. Вряд ли кто во всей бригаде так складно умеет рассказывать фронтовые анекдоты. Был он мастером часовых дел. В сумке от противогаза, в банках находилось у него несколько десятков самых разных ручных и карманных часов. На ремонт принимал их безотказно от каждого. При этом каждый раз повторял:

— Механизм у ваших часов починим…

Вот и на этот раз копается он с часами и одновременно «морозит»:

— Вот вам бог! Вот на груди боевой орден Красной Звезды. За что удостоили? За уничтоженный дымовой шашкой немецкий танк Т-3. А «Слава»? Это за зверя, то есть «тигра». Выстрелил в

ствол пушки из ракетницы, ракета по стволу проникла в башню, а там, сами знаете, — снаряды, грохнул взрыв. Я ведь всего-навсего механик-водитель. В моем распоряжении ни пушки, ни пулемета, вот и выкручиваешься… А как гонялся за мной под Курском немецкий снаряд?

Разумеется, старшина Якушин ни шашкой, ни ракетницей танки не уничтожал. Но что он был смелым, находчивым в бою, это мы знали давно. «Красную Звезду» он получил за бои на Курской дуге, «Славу» — за Север.

— Пересекаем немецкую границу, — проговорил, посмотрев на карту, сидящий на второй полке командир роты капитан Иван Максимович Ткаченко. Все бросились к окну и к приоткрытой двери вагона. Перед глазами проплывала территория врага. Несколько минут все молчали, словно в рот набрали воды. Правда, кто-то из молодых, кому не пришлось пока участвовать в танковых боях и сражениях, крикнул: «Ура-а-а!» Даже бросился в пляс. Но, посмотрев на исковерканные осколками, обожженные и закопченные порохом суровые лица бывалых танкистов, на груди которых сверкали по два-четыре ордена и медали, умолк. К тому же Иван Якушин ему шепнул:

— Когда петух поет не вовремя, ему сносят голову.

Нет слов, умудренные боевым опытом танкисты внутренне радовались больше, чем молодое пополнение. Но в эти минуты каждый прошедший войну боец, командир мысленно вспомнил пережитое в годы войны. Каждый из них прекрасно понимал, какие огненные годы привели нас на вражескую землю. Сколько верных сынов нашей Родины погибло, сгорело, выпуская по врагу последний снаряд, патрон, не желая сдаться в плен. Сколько погибло советских граждан в концлагерях и тюрьмах, расстреляно, замучено, повешено. Сколько погибло мирного населения от голода и вражеского огня в блокадном Ленинграде. Два года довелось сражаться на ленинградской земле. Сколько пота и солдатской крови пролито в сорок первом под Молосковицами, Бол. Парицами, Красногвардейском, Пушкином, Тосно, на легендарном, обагренном человеческой кровью небольшом Невском пятачке. Именно на этом крошечном плацдарме полегли храбрейшие из храбрых. Здесь, на обугленной земле, вздыбленной бомбами, снарядами, более четырехсот дней и ночей удерживали врага советские воины ценою собственной жизни, не давая ему намертво блокировать Ленинград. В стужу и слякоть, месяцами не раздеваясь, не разуваясь, полуголодные, бойцы и командиры мужественно, с беззаветной храбростью отражали атаки гитлеровцев.

Это было в тяжелые для нас годы войны, когда мы не имели

достаточного количества самолетов, танков, артиллерии. Теперь мы везем тяжелые танки, чтобы окончательно похоронить фашизм. Ждали мы этого около четырех лет и знали, что рано или поздно час расплаты настанет. Вот которые сутки едем и ни один вражеский самолет не смеет приблизиться к нашему эшелону. Видимо, не подпускают их близко наши истребители или мало осталось у гитлеровцев самолетов. Пожалуй, то и другое.

— Вот и черная, пропитанная фашизмом немецкая земля, — проговорил вдруг кто-то.

— Земля, она не черная. Она такая же, как и наша, — возразил секретарь партийного бюро полка предельно скромный, немногословный капитан Василий Иванович Антонов. — Беда в том, что на этой земле живут еще люди, мозги которых пропитаны духом фашизма, стремлением к мировому господству. Выпустить этот дух — наша интернациональная обязанность.

Разговор в вагоне постепенно оживлялся. Поскольку передний край войны передвинулся на территорию Германии, никто не сомневался в ближайшем победоносном ее завершении. Потому многие заговорили о послевоенных делах, проблемах после увольнения в запас из армии.

В разгаре беседы ко мне подошел земляк Изотов. Ему, видимо, тоже хотелось помечтать.

— Коля, смотри, опять строчит письмо, — показал он на сидящего на верхних нарах около окна Малинина.

— Должно, Аннушке, ведь после того письма прошли уже вторые сутки, — улыбнулся он.

Заметив, что мы смотрим на него, Демид Сергеевич сказал:

— Нет, друзья! Вы — командиры, у вас впереди — академия. А я дальше своей деревни Мари-Кошпая — никуда. Там я родился, там стал трактористом. Помню, первую борозду провел и все лето не слезал со своего ХТЗ. Перепахал я земли нашенские вдоль и поперек. Буду продолжать обрабатывать ее до конца своей жизни. Вырастишь хороший урожай — золотые колосья колышутся на ветру, а в воздухе запахнет солнцем и хлебом. Как все это приятно. Смотришь, потом Аннушка с сынишкой Ваняткой на руках несет тебе обед.

— Товарищ старший сержант, вы часто вспоминаете свою жену, а не секрет, если о ней расскажете, — обратился молодой заряжающий с противоположных нар вагона.

— Что тут секретного? — улыбнулся Малинин. — Женился, как и все. Пришли мы к ней сватать со своим дядей Степаном — колхозным конюхом. Я был в чужом костюме, своего порядочного не имел. Было раннее солнечное утро религиозного праздника

семика. Аннушка доила корову. Поняв, в чем дело, она растерялась.

— Кто растерялась, корова? — вставил механик-водитель Иван Якушин. Это вызвало взрыв смеха.

— Нет, она.

— Корова?

Опять поднялся смех.

— Дай же рассказать человеку, — одернул я Якушина.

— Невеста стеснялась даже взглянуть на меня. Была свадьба. Она скромна, застенчива и очень хозяйственная.

Демид Сергеевич, посчитав, что над ним смеются, притих. Но тут, виновато улыбаясь, Якушин проговорил:

— Я же пошутил, рассказывай дальше, Демид.

— Люблю я нашу землю. Она меня не обижала, надеюсь, не обидит я теперь, — задумчиво вздохнул Демид Сергеевич. — И что вы думаете? К осени заработал 50 пудов хлеба!

— И на базар?! — вставил опять тот же Якушин.

— Для базара не осталось. Надо было купить корову. Помогали брату Егору: у него как раз умерла жена, и он остался с двумя маленькими. Буду жив — буду помогать поднимать свой родной колхоз «Трактор». Если же не суждено, то пусть не поминают лихом, — закончил Демид Сергеевич, сворачивая свое письмо треугольником.

Рассказ Малинина задел душу многих. Несколько озадачились и мы с Изотовым.

— Меня из-за ранения не возьмут в академию. Из армии-то, пожалуй, уволят. Так что и я дальше своего Козьмодемьянска тоже никуда не поеду. Меня там ждет не дождется моя мама Нина Парфентьевна, — высказался Изотов.

— Если уцелеем, то конкретнее посоветуемся, земляки, около рейхстага, — улыбнулся я.

Выпустили «Боевой листок». Он начинался со статьи парторга полка В. И. Антонова «Вперед на Берлин, гвардейцы!» В памяти сохранились некоторые строки из стихотворения лейтенанта Михаила Бронникова:

Славное море — священный Байкал,
Гитлеру пулю бы, чтоб он не скакал!

«Боевой листок» нашего вагона оказался интересным и смешным.

Утрам на десятые сутки следования наш эшелон прибыл на станцию разгрузки Топпер. Колесные машины разгрузились в Швибусе.

Совершая своим ходом 76-километровый марш в район сосредоточения — деревню Маусков, мы миновали немало населенных пунктов. Местного населения — ни одной души. Оно эвакуировалось на Запад.

— Могли ли немцы подумать в сорок первом о такой судьбе, какая постигает их теперь? — проговорил как-то на привале командир полка подполковник У. Н. Ермоленко. — Бежали так, что не успели прихватить даже домашние вещи. Не смейте трогать их. Не за барахлом приехали мы сюда, — строго предупредил командир полка.

В половине двенадцатого ночи части и подразделения бригады: начали сосредотачиваться в сосновом лесу восточнее Маусков. Мы с заместителем начальника штаба полка по оперативной работе капитаном Смаком стали обходить вокруг нашего расположения, чтобы организовать правильно охрану территории.

— Товарищ капитан, правда, что во всей Германии естественного леса нету? — обратился я к Смаку.

— Вон посмотри, какими ровными рядами стоят сосны, — показывая рукой на лес, ответил капитан.

— Стоят-то они ровно и толстые, но наши кряжистее.

— Это верно, — согласился Смак.

Прошли мы еще метров сто по лесу.

— Вон что-то белеет на пригорке, — сказал я капитану.

Когда подошли, увидели: на постеленных под соснами перинах лежат три пожилые женщины. Цвет лица у них серый. Еле шевеля губами, медленно протягивают нам руки.

— Просят есть, — шепнул капитан Смак.

Мне стало не по себе. Вспомнился блокадный Ленинград. Тогда умерших голодной смертью заворачивали в простыни, увозили за город, ложили под деревья и хоронили.

— Николай, ты чего задумался? — спросил меня капитан.

— Да так, глядя на этих беспомощных женщин, вспомнил блокаду Ленинграда, — ответил я.

— Вот что. Пока я набросаю схему, сбегай быстро, доложи замполиту и узнай, что делать с ними. Может, быстро доставить в госпиталь, а то завтра будет поздно! — они окажутся на том свете, — приказал мне Смак.

Я быстро побежал в расположение.

— Товарищ капитан, вы не скажете, где майор Лукин? — обратился я к идущему мне навстречу парторгу полка Антонову.

— В чем дело?

— С капитаном Смаком рядам с расположением обнаружили трех умирающих немок, — доложил я.

— Майор в ротах. А женщин надо спасать, — оказал мне Антонов.

Майора Петра Нестеровича Лукина я нашел в роте технического обеспечения. Присутствовал он там на собрании водительского состава. Дело в том, что при совершении марша две машины наткнулись на придорожные деревья. Поэтому и пришлось разъяснить правила вождения колесных машин на немецкой территории, где узкие дороги обсажены многолетними деревьями. Свернул с метр в сторону — налетел на посадку, покалечил себя и машину.

Когда доложил майору о цели прихода, он сказал:

— Наш враг — гитлеровская армия, правительство, а не мирное население. Поэтому передайте приказание нашему медику Урде немедленно оказать женщинам медицинскую помощь, покормить, спасти им жизнь.

Придя в себя, женщины стали проклинать Гитлера. Говорили, что не могли и подумать о помощи русских. Они рассказали, что эвакуировались почти с польской границы. Имущество везли сами на тележке. Оставшись без продуктов питания, обессилели и легли на землю, чтобы умереть.

С прибытием в новое расположение все подразделения занимались оборудованием мест для боевых машин и личного состава. Когда эта работа была завершена, дали команду всем привести в порядок внешний вид, пояснив, что во второй половине дня состоятся занятия по строевой подготовке.

Перед строем командир полка сказал, что 13 марта — День ввода в строй боевой матчасти. Поэтому состоится общее построение полка. Кто-то из механиков-водителей бросил реплику:

— Товарищ подполковник, может быть, сначала будем штурмовать Берлин, а уже после победы маршировать?

Командир полка сразу строго проговорил:

— Мы будем маршировать, штурмовать, а потом победно еще маршировать!

Несмотря на то, что многие давно не занимались, танкисты показали хорошую строевую выучку. Отличным строевиком и методистом оказался и сам командир полка.

В марте в восточной части Германии обычно стоит солнечная, сухая погода. Снегу нет, но пока не поднялась и трава.

Около десяти утра, в солнечный день наш полк уже стоял на просеке соснового леса в торжественном строю. Когда появились комбриг Юренков, начальник политотдела Жибрик и другие сопровождающие лица, комполка подал команду:

— Смирно-о-о! — Стало так тихо, что были слышны

разговоры приближающихся офицеров. Подполковник Ермоленко подошел с рапортом к комбригу. Юренков, приняв рапорт и поздоровавшись с полком, говорил о замечательных боевых традициях бригады, о том, что долг каждого бойца и командира, вступающего в гвардейскую семью, — бережно хранить и умножать ее славу. Затем комбриг вручил новому пополнению нагрудный гвардейский знак, а награжденным — медали «За оборону Советского Заполярья».

Затем экипажи тяжелых танков получили формуляры машин. Командиры докладывали о боевой готовности. Поздравив нас с правительственной наградой, вручением боевой матчасти и пожелав быть мужественными и беспощадными к врагам в предстоящих боях, полковник Юренков объявил, что с завтрашнего дня приступаем к боевой учебе, чтобы хорошо подготовиться к решительному штурму Берлина. С краткой приветственной речью выступил перед личным составом полка начальник политотдела Жибрик. Потом состоялся строевой смотр.

День выдался отменный. И погода радовала, и настроение бодрое. Все понимали, что впереди — последний, решающий штурм Берлина. После общего построения веселое настроение сменилось заботой о матчасти. Танкисты, переодевшись, пошли к своим машинам. Прежде всего каждый экипаж на левой стороне своего танка старательно нарисовал белилами на фоне пятиконечной звезды белого медведя, номер танка, а на правой стороне вывел слова «Даешь Берлин!».

— Товарищ майор, что значит белый медведь на башне? Почему бы не нарисовать, скажем, волка, зайца? — обратился с вопросом к замполиту полка майору Лукину молодой заряжающий.

Майор ненадолго задумался. Потом ответил:

— Раньше бригада вела тяжелые бои в трудных условиях севера. На боевых и вспомогательных машинах она имела такую эмблему. В боях личный состав показал высокие образцы мужества и умения воевать с врагом. Теперь эта эмблема является символом и гордостью прежних славных боевых традиций, и она будет воодушевлять нас на новые боевые подвиги. А для врага танки с эмблемой белого медведя известны как страшная сила, против которой не могла устоять никакая мощная оборона. Понятно?

— Понятно, товарищ майор.

Так с новой силой забурлила жизнь в подразделениях. Автоматчики, прикрепленные к танкам по 4—5 человек, в свои подразделения уходили только к отбою. Они помогали танкистам

в обслуживании машин, изучали их боевые свойства, тренировались в посадке на танк и высадке с него и т. д. Политработники бригады и полков с подъема до отбоя находились в подразделениях. Не проходило и дня, чтобы не побывал в них начальник политотдела Жибрик. Так, в этот день с личным составом полка проведена беседа о роли и значении действий нашей тяжелотанковой бригады в предстоящем бою. На следующий день политотдел бригады вместе с заместителем командира полка по политчасти, с командирами, парторгами, комсоргами и агитаторами организовал однодневный сбор. На этих занятиях были даны отправные данные для работы с личным составом подразделений в подготовительный период и в ходе самих боев.

Командиры танков и механики-водители присутствовали на показных занятиях по преодолению ручьев и искусственный каналов при помощи изготовленных саперами гвардейской штурмовой бригады барабанов и перекидных колейных мостов. Начальник связи бригады майор Гладышев вместе с капитаном Ждановым от них принимали зачеты по знанию матчасти радиостанции тяжелого танка, умению вступать в связь на кварцевых и плавных диапазонах, практической передаче сигналов, команд и радиограмм.

Двухнедельная работа по подготовке к новым боям осталась позади. 28 марта состоялось собрание партийного актива бригады с повесткой дня: «Задачи коммунистов в решающих боях за Берлин». Партактив подвел итоги подготовительного периода и доложил о готовности коммунистов к предстоящим боям. Горячо и страстно говорили коммунисты о великой чести — участвовать в разгроме гитлеровцев в Берлине. Все гордились этой исторической миссией. Выступивший на собрании Герой Советского Союза лейтенант Асриян сказал:

— Танковый взвод, которым я командую, к решительному штурму Берлина готов. Заверяю коммунистов партийного актива, что с честью выполню любое боевое задание.

Командир роты старший лейтенант Андрей Иванович Хохлов заявил:

— Танкисты роты имеют великое желание скорее вступить в бой и будут драться с беззаветной храбростью. — Он предложил каждой роте иметь красное знамя, чтобы водрузить его над рейхстагом.

В ответ на выступление Хохлова секретарь партбюро капитан Антонов сообщил, что в полку заготовлено шесть красных знамен. С яркой речью выступил начальник политотдела полковник Жибрик.

— Мы — на земле немецкого народа не для того, чтобы убивать невинных старых граждан и детей, — сказал он. — Все это нам, советским людям, не свойственно. Мы и на земле врага должны остаться освободителями. Надо рассказать нашим воинам о немецких социалистах-интернационалистах — Кларе Цеткин, Карле Либкнехте, Розе Люксембург. Все они были друзьями В. И. Ленина. Отметим же, товарищи коммунисты, 75-летие со дня рождения нашего вождя решительным штурмом фашистского логова.

Собирался выступить на собрании и я, но не смог. Во время перерыва мне передали открытку, где сообщалось о том, что моя мать Анна Ильинична, во время перевозки сена сильно простудилась и от воспаления легких 6 января умерла. (В связи с передислокацией открытку получил с большим опозданием.) Ко мне подошел Иван Васильевич. Выразив соболезнование, тихо сказал:

— Крепитесь, товарищ Семенов, день нашей победы близок. Первым поедете в отпуск на родину.

Собрание партийного актива проходило очень живо. Все выступающие коммунисты подтвердили свою готовность к штурму Берлина.

Как-то, дежуря по полку, я стоял около кухни и следил за раздачей пищи подразделениям.

— Товарищ лейтенант, к телефону! — позвал меня посыльный по штабу сержант Петр Григорьев.

— Запишите приказание, — послышался голос оперативного дежурного по штабу бригады. И я записал: «Нарезу» с заместителем к девяти явиться к «хозяину». Подпись — Назаренко».

Когда доложил телефонограмму командиру полка, он приказал предупредить ротных о готовности к передислокации, а сам с майором Лодвиковым побежал в штаб бригады.

Комбриг, собрав офицеров штаба, командиров полков с их заместителями, повез их на рекогносцировку к реке Одер. Возвратились они перед наступлением темноты.

В эту же ночь два танковых полка нашей бригады переправились через Одер. В следующую ночь, плавно покачивая понтонный мост, один за другим устремились на противоположный берег тяжелые танки и нашего полка. Мутные волны Одера тихо касались стальной ленты моста, по которому ходило несколько человек понтонеров. Начинало светать. В воде то тут, то там рвались снаряды. Вижу: недалеко от берега по пояс в воде стоит лет тридцати понтонер. Одной рукой придерживает ломом что-то, другой — подкручивает понтон.

— Что, сломался? — спросил я у него.

— Нет, плохо держится. За ночь-то расшатался, — ответил он.

— Можете простудиться.

— Ничего-оо-о. Не впервой. Только окоченели ноги. Вот у меня лекарство от простуды, — достал из кармана бутылку. Сделав из нее три глотка, улыбнулся и опять засунул в карман.

— Чай горячий?

— Никак нет. По-немецки — шнапс, по-русски — водка, а по-марийски — просто арака, — почти засмеявшись, ответил он.

— Ну, ты дае-е-е-ешь, грамотей!

— А то как же?

— А за арака-то от старшины не попадает?

— Ить он сам мне принес. Говорит: «Пей, сын марийского народа, Василий Игнатьевич Кушаков, маленькими глотками — и не простудишься. Продержись минут десять — заменю тебя другим. Ведь скоро победа, браток!»

— Ты, Василий Игнатьевич, откуда? Я из Моркинского района.

— Из Звениговского, села Сидельниково, на Волге, — весело ответил он и сделал еще два глотка из бутылки. — Тогда, земляк, угости куревом, если богат. Мои промокли, — обратился он ко мне.

— Папиросшо ушо, а тулжо уке (папиросы имею, а огня-то нет), — ответил я ему по-марийски. — Огнем пользоваться-то не разрешается ведь, — предупредил я его и дал штук пять папирос.

— Я закурю потом, когда пройдут танки. — Он быстро расстегнул шинель и засунул папиросы в карман гимнастерки.

Ничего себе, на груди моего земляка блеснули ордена Красного Знамени, Красной Звезды, Славы третьей степени и несколько серебряных и бронзовых медалей.

— Будь здоров, земляк! Молодец! Запомню твой адрес. Поищу на всякий случай около рейхстага. Если останемся в живых, то, может быть, встретимся. А сейчас мне надо идти, — быстро проговорив, зашагал я впереди свое-го танка. Земляк непослушными губами буркнул «ера, ера» (ладно, ладно).

Собирая материал для настоящей книги, уточнил, что Василий Кушаков с первого дня мобилизации служил и воевал рядовым минером, понтонером, сапером в инженерно-саперном батальоне.

Конец апреля 1943 года. На смоленской земле весна в полном разгаре. Наша разведка установила, что гитлеровское командование готовит наступление. Поэтому, чтобы преградить путь вражеским танкам, надо было срочно заминировать

танкодоступные места.

Выполнить эту задачу в районе Красная Нива с тремя бойцами — Василием Кушаковым, Федором Куяровым и Герасимом Никитиным — направился старший лейтенант Тимошенко.

В темное небо то и дело взлетали осветительные ракеты. Одна из них упала почти рядом, и сразу лихорадочно ударили вражеские автоматы. Минеры, не обращая внимания ни на разрывы снарядов, ни на свист пуль над головой, развернули работу: один на раскисшей земле отрывал лунки, двое ползком по грязи подтаскивали и закапывали на положенной глубине противотанковые мины. Когда к рассвету подморозило, работать стало легче. Чуваш Герасим, заметив мелькнувшие в кустах фигуры, прошептал?

— Кажется, фашисты.

— Надо их отогнать, иначе вся наша работа пойдет насмарку, — проговорил мордвин Федор Куяров.

— Это верно. Разнюхают район минирования и расстреляют, — согласился комвзвода. — Кушаков, ты моложе всех, поразведай, — приказал он.

— Есть, товарищ старший лейтенант, Я их, кереметов, отправлю к богу, — Шепотом ответил Василий и с автоматом пополз вправо, к кустарнику.

— Смотри, поосторожнее! Гранаты есть?

— Две.

Василий подполз к гитлеровцам почти вплотную. Услышал немецкую речь. Только трудно было определить, сколько их тут. Приблизился еще. Впереди был овраг, где тихо журчала талая вода.

«Пора кончать с ними. Не поползу же я в воду из-за них, когда и так промок до самого пупка», — подумал Василий Игнатьевич и прошил кустарник из автомата. Бросив вдобавок гранату, пополз обратно. Трудно сказать, всех ли фашистов он уложил, но одно было ясно: ответный огонь не последовая.

Уложив сто мин, минеры на рассвете возвратились в подразделение. В последующие ночи они уложили еще 600 мин.

Август 1943 года. Огненными закатами пылало третье огненное лето. Гитлеровцы, отступая, заминировали дороги. Василий Кушаков, умело пользуясь миноискателем, в течение суток проверил десять километров дороги. При этом обнаружил 185 искусно замаскированных вражеских мин.

На одном из участков фронта продвижение наших войск преградила река Десна. Василий Игнатьевич, обладая плотническим мастерством, в составе своего взвода приступил к

постройке моста через реку. Находясь по пояс в осенней воде, устанавливал опоры. Потом с бойцами своей роты в районе Жданово построил и оборудовал НП начальника артиллерии Западного франта. За это начальник инженерных войск 33 армии гвардии полковник Филатов, принимавший участие в строительстве, объявил ему благодарность и сказал:

— А у вашего Кушакова руки золотые.

На всех фронтах Советская Армия успешно наступала. Враг отброшен за Днепр. Младший сержант Кушаков со своим отделением проводит разведку: отыскивает место для постройки моста через эту широкую реку. Далее он принимает участие в постройке моста через Неман. От вражеских пуль и осколков многие бойцы погибали и падали в воду, но работа продолжалась. Вот что написано в одном из его наградных листов:

> «…На реке Неман младший сержант Василий Кушаков работал один за троих. Работал по грудь в воде и под сильным вражеским огнем, в месте быстрого течения реки он мастерски установил четырехрамные опоры. Работал трое суток без отдыха и сна, прокладывая стокилометровый путь наступающим частям. Своим примером, исключительным трудолюбием, смелостью и настойчивостью воодушевлял своих товарищей на выполнение боевых задач…»

В боях за станцию Сикерка и города Томань и Варта, следуя за боевыми порядками пехоты, Кушаков проводил инженерную разведку мостов и подъездов к ним.

Боевые действия развернулись на вражеской территории. В начале февраля последнего года войны наши наступающие части вплотную подошли к реке Одер. Вскоре завоевали плацдарм на ее левом берегу.

Младший сержант Кушаков с другими бойцами трудился без отдыха в течение нескольких суток: подтаскивал настил, по заполненной водой пойме реки перетаскивал тяжелые лодки, трижды собирал паром; трижды по пояс в ледяной воде работал, закрепляя лодки.

— Надо переправить пушки. Чей расчет пойдет первым? — обратился к личному составу командир инженерно-саперного батальона подполковник Коваленко.

— Товарищ подполковник, разрешите мне! — послышался громкий голос Василия Кушакова. Ведь его только что приняли в партию.

— А сумеешь пробиться?

— Я родился и жил на Волге. А она — не чета Одеру по

ширине, да и берега крутые.

— Хорошо, идите, — после небольшого раздумья ответил комбат и взглянул на часы.

Из-за быстрого течения реки, ее 400-метровой ширины и ледохода было трудно грести. Причем частые и близкие разрывы снарядов и мин, большие льдины ежеминутно могли опрокинуть лодку с пушкой. Однако Василий Кушаков, напрягая все силы, проявляя мужество и бесстрашие, уверенно управляя веслом, лавировал среди льдин. За день расчет Кушакова переправил на левый берег Одера шесть пушек.

Переправившиеся танки поставили в специально вырытые ниши для стрельбы прямой наводкой с места в полосе линии обороны стрелковой дивизии.

Обрывистый западный берег Одера фашисты беспрерывно обстреливают со стороны Франкфурта. Особенно мощным обстрелам подвергался город Лебус и дорога, идущая под обрывом вдоль берега. Более того, с наступлением темноты совершали налет их самолеты. Они буквально сеяли огромное количество мелких бомб и гранат, покрывая большую площадь сплошным опием.

Плацдарм на западном берегу Одера, севернее Лебуса, был пока небольшим. На рассвете второго дня заместитель командира полка майор Лодвиков и заместитель начальника штаба капитан Смак повели нас, командиров рот, взводов, на рекогносцировку. До переднего края добрались ползком, потому что гитлеровцы беспрерывно обстреливали его. Сбивали даже стереотрубу автоматным огнем. Поэтому, хотя по траншеям мы поползали порядочно, однако уточнить наблюдением оборону противника нам все-таки не удалось.

Командир взвода лейтенант Пантелеймон Самсонов, чтобы просмотреть более внимательно оборону противника, несколько раз пытался высовывать голову, но каждый раз вражеский автоматчик брал его на прицел.

— Самсонов, выглядываешь очень неосторожно, — предупреждал его майор Лодвиков.

Лейтенант Пантелеймон Алексеевич Самсонов был смелым танкистом. Неоднократно отличался в боях, награжден орденами Красного Знамени и Отечественной войны первой степени. На этот раз он также проявил большую смелость, но осторожности не хватило. По высунувшейся голове Самсонова фашистский автоматчик выпустил очередь, и тот, сраженный путей, упал в траншею.

Через пять дней мы вернулись на восточный берег Одера.

Совершив 36-километровый марш в районе города Кюстрин, переправились опять на западный берег. К утру 11 апреля сосредоточились на окраине деревни Маншнов и поступили в подчинение командующего гвардейской армией генерала В. И. Чуйкова.

С каждым часом приближался день генерального штурма Берлина. Гитлеровцы это понимали. Поэтому старались предпринять меры, чтобы сорвать, в крайнем случае, оттянуть срок нашего наступления. В день несколько раз пытались разбомбить переправу против Кюстрина, которая играла решающую роль в переброске наших войск на левый берег реки Одера. Осуществить этот план противнику не удалась — в воздухе господствовала наша авиация, а подступы к переправе прочно прикрывали зенитно-артиллерийские части.

Правда, были случаи, когда изредка появлялись вражеские самолеты. Дня за три до наступления помощник начальника техчасти полка старший техник-лейтенант А. П. Сергеев вместе с экипажем и мотористом Казанцевым проводили осмотр матчасти танка Пугача. Только раскрыли люки, как налетели шесть «мессершмиттов» и начали пикировать на расположение танков роты.

— Во-о-оздух! — раздалась команда.

Все устремились в укрытия. А Сергеев, проверяющий трансмиссионное отделение, под шум работы двигателя команду не услышал.

— Алексей, кончай! «Мессера!» — крикнул прибежавший начхимслужбы полка старший лейтенант Александр Баринов.

В это время около танка почти одновременно грохнули две бомбы и просвистели пули. А. А. Баринов, сраженный пулей, упал намертво. Тяжело раненный Алексей Сергеев отлетел в сторону. Прибежавшие механик-водитель Гомерштедт и врач полка старший лейтенант медицинской службы Кононенко перевязали раненую голову Сергеева, а на перебитую кость правой ноги наложили шину.

— Остался без ноги, — скорбно шепнул Кононенко.

— А я-то мечтал завершить войну в Берлине. Лучше бы убило, — придя в сознание, проговорил Алексей Павлович.

Старший лейтенант Шелгунов и старший сержант Товтокорский проводили раненого танкового специалиста Алексея Сергеева в госпиталь.

В этот же день, после обеда, мы с лейтенантом Александром Изотовым сидели около танка, в саду, помогали оформлять «Боевой листок» под названием «Даешь Берлин!» Затем начали писать письма. Изотов — матери, я — сестренке Александре.

Настроение испортилось. В 12 лет остался я без отца, а недавно лишился и матери. Последнее короткое письмо ей написал из Осиповичей. Не стал сообщать, что награжден еще орденом, а написал лишь, что жив и здоров. Только кончили писать, как Изотов неожиданно толкнул меня:

— Коля, Коля! Смотри на небо!

На высоте 500—600 метров правее нас медленно летит двухэтажный самолет — один на другом. Причем, внизу — огромный, а сверху — небольшой. Не понимая, что это такое, мы не отрывали глаз от этой «диковины». Наши зенитки открыли огонь. Тут же верхний самолет, встав дыбом, взмыл вверх, развернулся и улетел, а большой стал медленно планировать вниз.

— Сбили, сбили наши фашиста! — крикнул кто-то восторженно.

Через несколько секунд сзади нас от взрыва сильно содрогнулась земля. К дежурному поста по наблюдению ва самолетами, находящемуся недалеко от нас, прибежал замполит полка майор Лукин.

— Вы почему не объявляете воздушную тревогу? — начал он ругать дежурного.

— Товарищ майор, я не мог разобраться… — начал докладывать дежурный автоматчик.

— Это самолет-снаряд противника, ясно?!

— Товарищ майор, вон еще летят! — крикнул дежурный, увидев в воздухе, почти под нашим расположением, второй самолет-снаряд. За ним показался и третий…

— Воздух! Воздух! Самолет-снаряд! — раздался голос дежурного.

Теперь было не до любопытства — все попрятались в танках, укрытиях. Самолеты-снаряды, как и первый, отрывались от ведущих, летели в сторону нашего тыла и разрывались, потрясая землю. Выяснилось позже, что немцы метили в переправу. Но ни один из снарядов не достиг цели. Разворотили лишь несколько двухэтажных домов в Китце. Больше таких снарядов на нашем участке мы не видели.

По всему было заметно, что час наступления близок. Днем стояла относительная тишина, лишь изредка были слышны пушечные выстрелы и автоматные очереди на переднем крае. Зато по ночам, сзади нас, беспрерывно ревели моторы.

Подготовка к решающему штурму была завершена и в нашем полку. Боевые машины на ходу, заправлены, готовы к заводке. Боеприпасов натаскали по полтора боекомплекта на машину. Однако еще и еще раз проверяли, что упущено в подготовке к

наступлению. С раннего утра наши политработники — заместитель командира полка по политчасти майор П. Н. Лукин, секретарь партийного бюро В. И. Антонов, агитатор полка капитан С. Е. Сандлер, комсорг лейтенант В. В. Мосайкин — на ногах. Они выбрали себе танки, на которых пойдут в бой. Беседовали с экипажами, лично проверяли работу механизмов, приборов, рассказывали экипажам о решении собрания партийного актина бригады, присутствовали на партийных и комсомольских собраниях подразделений. Командование бригады, полков и штабы занимались изучением противника, решением вопросов взаимодействия со стрелковыми частями. Командиры подразделений, танков и механики-водители два раза были на рекогносцировке местности. Уточняли маршруты движения танков на выжидательные и исходные позиции.

14 апреля. Шесть часов апрельского прохладного утра 1945 года. Прибежал посыльный по штабу полка.

— Товарищ лейтенант, вас срочно вызывает командир полка, — передал он.

Через три минуты я был у командира. Он со своим заместителем майором Лодвиковым, разложив на столе карту, сидел в подвале небольшого дома. Рядом, изредка слегка покачиваясь с носка на каблук, стоял заместитель начальника штаба капитан Смак. Они проверяли детали боевой готовности полка и что-то отмечали на карте. За всю ночь им так и не пришлось даже вздремнуть.

— Товарищ Семенов, вы назначаетесь офицером связи от нашего полка. Быстро позавтракайте, берите из комендантского отделения связного и на мотоцикле к 7 часам 30 минутам явитесь на командный пункт гвардейской армии в распоряжение оперативного дежурного, — приказал мне командир полка. Указал на карте место расположения КП, который находился в двух километрах от нас в квадратном, высотой с трехэтажный дом, бункере.

С утра стоит густой туман. Он клубится над Гольцовом, Ной Тухебандом, Ной Вербигом. На КП прибыли без опоздания. Оперативный дежурный, молодцеватый на вид подполковник, записав мою фамилию и часть, указал место, где должны мы находиться. Потом, словно хорошему знакомому, шепнул мне:

— С редута бункера можете понаблюдать за боем нашей разведки. Только аккуратнее — там будет большое начальство. И предупредите своего связного, чтобы он мог быстро вас отыскать.

На часах было без десяти восемь. «Стало быть, скоро начнется разведка боем», — подумал я. Раньше об этом никто не говорил. Однако мы предполагали, что для уточнения системы огня,

возможной перегруппировки, выявления наиболее сильных и слабых участков обороны противника перед крупным наступлением может быть проведена разведка боем.

Туман постепенно, рассеивался. Оставив сержанта Григорьева с мотоциклистом Костей Куприным, я по узкой лестнице быстро поднялся на крышу бункера. На его обращенной в сторону противника стороне был высокий бруствер, а на нем в специально засыпанных землею ячейках установлено десятка два стереотруб. Почти за каждой из них, наблюдая, стоит генерал.

Ровно в восемь началась артиллерийская подготовка. Как мне показалось, в основном били минометы. За все годы войны ни разу не приходилось наблюдать со стороны за артиллерийским огнем. Прильнул к первой попавшейся трубе, но оттуда меня быстро попросил генерал-лейтенант. Нашел на правой стороне, в полуразрушенной будке, другую. Как же хорошо просматривается передний край! Оказывается, высшее командование, наблюдая со своих командных пунктов, видит почти все.

Когда артиллерия перенесла огонь в глубину, на шоссе Кюстрин — Берлин появились шесть тяжелосамоходных установок СУ-152. Они, развернувшись, ринулись вперед. За ними поднялись в атаку два батальона разведчиков. Отчетливо было видно, как из-за домов Ной Тухебанда выползают с крестами на башне несколько «тигров» и «фердинандов». Наши самоходчики это заметили и вступили с ними в бой. Вот за домами появилось зарево, в а тем — второе. Это загорелись ярким пламенем гитлеровские машины. Потом вспыхнула наша самоходка. Выскочившие из нее горящие фигуры упали возле машин. Должно быть, охваченных пламенем артиллеристов фашисты срезали автоматной очередью.

После того, как туман рассеялся, над армейским командным пунктом появилось около десятка «мессершмиттов». Они летели так низко, строча по КП вдоль и поперек, что зенитные орудия не могли накрыть их огнем. Все наблюдающие за полем боя, независимо от ранга, кубарем скатывались с уступа, так как имеющиеся две узкие лестницы не могли быстро пропустить всю массу людей. Так повторилось несколько раз.

По окончании боя разведки оперативный дежурный отпустил меня в часть. Оказывается, офицер связи нужен был на случай прорыва вражеской обороны, когда для развития успеха намечалось ввести в бой танки нашей бригады.

Примерно через два часа командующий гвардейской армией генерал В. И. Чуйков вызвал на совещание командором частей и соединений. По возвращении от командующего командир полка подполковник Ермоленко также собрал офицерский состав.

Вначале Ульян Никитович выслушал доклады начальников служб и командиров подразделений о боевой готовности. Командир саперного взвода лейтенант М. И. Батурин доложил о готовности укрытий и маскировочных средств для сосредоточения танков на исходный позициях.

— Наша бригада, — сказал командир полка, — занимает передовые позиции армии, и перед ней поставлена задача: пробить глубоко эшелонированную оборону противника на участке Ной Тухебанд — Альт Тухебанд и наступать в направлении на Зеелов. По данным разведки и показаниям пленных, на нашем участке фронта противник создал оборону глубиной 12—14 километров. Только первая его оборонительная полоса состоит из трех позиций обороны. Передний край представляет собой сплошную линию траншей с большим количеством стрелковых ячеек и пулеметный площадок. Второй оборонительный рубеж является сильным противотанковым узлом с большим насыщением танков и самоходных орудий, подготовленных для стрельбы прямой наводкой из специально отрытых окопов. — Подполковник Ермоленко также рассказал, что командующий на совещании подробно продемонстрировал на карте прорыв обороны и наступление на Зееловские высоты.

— Что из себя представляют эти высоты в смысле укреплений? — задал вопрос командир роты И. М. Ткаченко.

— Как раз на Зееловских высотах организованы, противотанковые узлы. Артиллеристы огнем должны ликвидировать их. Однако высоты будут, видимо, самыми крепкими «орешками», — ответил командир полка.

После ужина состоялся короткий митинг, на котором начальник политотдела Жибрик зачитал обращение Военного Совета 1-го Белорусского фронта. Слова: «…Кровью завоевали мы право штурмовать Берлин и первыми войти в него, первыми произнести грозные слова сурового приговора нашего народа гитлеровским захватчикам. За нашу Советскую Родину! Перед нами — Берлин! Вперед на Берлин!» — глубоко проникли в сердца бойцов и командиров. Позже мы читали это обращение не раз. Вскоре послышалась команда:

— Завод-и-и!

Только вытянулись в колонну, прибежал земляк Демид Сергеевич.

— Коля, уже снимаетесь? — в приподнятом настроении спросил он у меня.

— Будем занимать исходные, а вы?

— Тоже ждем команду на последний штурм! Настроение?

— Бодрое, — ответил я.

— Желаю удачи. Чувствую, не вовремя пришел. Ну ладно. Коля, если останемся в живых, то встреча — у меня дома. Если останусь навсегда на немецкой земле, то напиши моей Анне Демьяновне, адрес знаешь, — вдруг сказал он мне.

— Нет, Демид Сергеевич, ты должен остаться в живых. У тебя жена, дочь. Вот обо мне плакать некому, разве что сестренка Сашенька…

— А мать твоя?

— Разве тебе не говорил, умерла она в январе…

— Нет…

— Демид Сергеевич, решим, где будем встречаться, как одержим победу.

Мы крепко обнялись и, пожелав друг другу удачи, разошлись.

В ночь на 16 апреля танковые роты заняли исходные позиции для наступления.

Последняя ночь перед штурмом Берлина. Тихий ветерок доносит далекий скрежет гусениц, шум моторов танков и подтягивающихся на исходные позиции артиллерийских тягачей с прицепленными к ним орудиями. Наконец, все затихло. Потянулись мучительные часы в ожидании сигнала атаки. Время в этих случаях, кажется, идет чрезвычайно медленно. Все по-деловому, спокойно справлялись о готовности машин и экипажей в решающей схватке. Каждый полезными советами, практической помощью старался внести свою лепту в общее победоносное наступление.

Запомнилось на всю жизнь, как в пять часов туманным утром 16 апреля 1945 года озарилось темное небо, задрожала земля фашистской Германии. Находящаяся в укрытии многотонная стальная машина закачалась, словно на волнах.

От канонады нескольких тысяч орудий впереди и сзади нас, от снарядов и мин стоял огненный шквал и сотрясающий землю и воздух грохот. В небе был слышен несмолкающий гул нашей авиации.

Когда занимали исходные позиции, позади нас скапливалось несметное количество орудий. Одни «катюши», от которых стояло оплошное зарево вспышек, выстроились рядами в несколько километров по фронту. Море огня артиллерии и авиации над вражеской позицией бушевало полчаса. За это время противник по нашему участку не сделал ни одного ответного выстрела. Это нас радовало и пугало. С одной стороны, заставляло думать о том, что наша артиллерия уничтожила или расстроила огневую систему противника. С другой стороны, можно было предполагать, что гитлеровцы могли заранее оттянуть свою

артиллерию и противотанковые средства в глубь своей обороны.

Орудийные раскаты продолжались, разрывы снарядов откатились вперед. В пять тридцать в небе взвилось несчетное количество ракет, вспыхнул с востока мощный пучок света. Это засветились огни мощных прожекторов. Прорезанная их лучами местность впереди разделилась на сотни клиньев. На небе от вздыбленной артиллерийской канонадой земли висели бурые облака пыли.

— «Броня»! «Нарез»! «Броня»! «Нарез»! Я — «Титан-1»! В атаку впе-ре-е-ед! — раздалась команда полковника Юренкова командирам танковых полков подполковникам Середе и Ермоленко. Танковый полк подполковника Цыганова остался в резерве командира бригады.

Взревели моторы тяжелых танков. «Ура-а-а!» — понеслось со всех сторон. Гвардейцы — танкисты и пехотинцы гвардейского стрелкового корпуса — ринулись вперед на решающий штурм гитлеровской обороны. Было нелегко тяжелым машинам двигаться по развороченному снарядами, бомбами, изрытому траншеями полю боя, преодолевать множество каналов в темноте. Прожектора помогали не всегда, они остались позади. Танки, осветительные фары которых оказались выведенными из строя, образовали впереди себя длинные тени, которые ставили в затруднительное положение механиков-водителей. Чтобы не застрять на поле боя, командирам часто приходилось выходить из танков и, показывая путь, идти впереди.

Несмотря на столь трудные условии, мы успешно продвигались в глубь вражеской обороны. На рубеже первых траншей противник особого сопротивления оказать не мог, так как мало что уцелело у него от столь мощной артиллерийской подготовки. Стремительно преодолевая препятствия, танковый взвод коренастого, всегда спокойного лейтенанта Ивана Соколова на левом фланге полка оказался на полкилометра впереди остальных танков. Неожиданно метрах в пятидесяти правее, между развалин домов, Соколов заметил половину корпуса замаскированного «фердинанда», который поджидал появления наших танков.

— Винников, разверни вправо, а то стрелять неудобно! — командовал Соколов механику-водителю.

Последовал выстрел. Гитлеровская машина, не успев сделать ни одного выстрела, с разваленным ведущим колесом, свалилась на бок. О судьбе расчета «позаботились» танкодесантники. Проехав несколько сот метров, Винников доложил:

— Товарищ лейтенант, барахлит левая ходовая, надо осмотреть.

Окинув глазами местность, Соколов с заряжающим Шкарупой вышли из машины для ее осмотра. От сильного удара был погнут левый кривошип ленивца. Теперь левый разворот возможен лишь через заднюю передачу и правую гусеницу. «На скорую руку не исправить», — подумал Соколов и решил продолжать выполнять боевую задачу. Не успел он скрыться в машину, как около нее оказались замкомполка майор Лодвиков с парторгом капитаном Антоновым.

— В чем дело, Иван Михайлович? — спросил Лодвиков.

— Стукнул «фердинанда» и малость повредил ходовую.

— Танк может двигаться?

— Может.

— Ты вырвался далеко вперед, надо подождать остальных, — заметил парторг.

— Я, товарищ капитан, гнался за тремя «фердинандами». Они удирали.

— Почему же не подбил их?

— Трудно было взять на прицел: бросили дымовые шашки, постоянно мелькали лучами наши прожектора. Два скрылись, а одного удалось стукнуть. Да еще мешали фаустники.

— Посмотрим, какой сюрприз приготовил на подступах к Зееловским высотам, как там поработал наш «бог войны»? Должно, там «фердинандов» и фаустников не меньше, чем тут, — сказал майор Лодвиков и приказал продвигаться вперед.

Когда танки с пехотой достигли рубежа канала Хаупт-Грабен, с его западного берега и Зееловских высот по нашим наступающим частям гитлеровцы открыли мощный артиллерийский и автоматно-пулеметный огонь. Теперь выяснилось, что получасовым мощным, зрелищно впечатляющим артиллерийским наступлением огневая система противника на нашем участке Зееловских высот почти не разрушена. Более того, с момента прекращения артогня до подхода наших танков к рубежу канала противник укрепил свою оборону огневыми средствами, включая фаустников. Проскочить канал с ходу не удалось. Хотя он был не особенно широким и глубоким, но его илистые берега и дно требовали усиления. А сделать это под сильным огнем не было возможности.

Командир полка Ермоленко немедленно доложил обстановку комбригу, который приказал:

— Силами саперного взвода и автоматчиков отыскать место для переправы и двигаться вперед.

Заместитель командира полка майор Лодвиков, помощник начальника штаба по разведке капитан Чаадаев, парторг Антонов, комсорг лейтенант Мосайкин и командир саперного взвода

лейтенант Батурин приступили к поиску места для переправы. Танкодесантники взводов Просвернина и Чеснокова вступили в бой с фаустниками, которые били по танкам. Два взвода — Горбачева и Милованова — помогали саперам и одновременно прикрывали их огнем во время поиска переправы. Танкисты развернули тяжелый огневой бой с противником.

Гитлеровские танки и самоходные орудия, закопанные по башни в земле и искусно замаскированные, стояли на своем рубеже, а зенитные и противотанковые орудия били из дотов и дзотов. Обнаружить их по вспышкам было трудно. Однако танкисты, постоянно маневрируя на поле боя, обрушили на них мощный огонь. Командир первой танковой роты старший лейтенант Петр Мягкий метким огнем расстрелял две пушки, разбил десять дзотов и уничтожил большое количество вражеской пехоты. После продолжительного боя фашистам удалась подбить его танк, но Мягкий продолжал командовать ротой. От второго попадания машина загорелась, погибли механик-водитель Илья Пакулин, командир орудия Джумай Иманбаев и заряжающий Юрий Благов. Обгоревшего и раненого командира вытащили из машины автоматчики.

Первым через канал переправился со своей ротой капитан Иван Ткаченко. При поддержке танков преодолели эту водную преграду и подразделения взаимодействующего стрелкового полка. По продвигающимся вперед танкам открыли огонь десять «фердинандов» и столько же противотанковых орудий. Кроме того, били с близкого расстояния фаустники, сидящие по два-три человека в стрелковых ячейках полного профиля, брустверы которых были тщательно замаскированы в виде мелких кустарников. Обнаружить их из танка было почти невозможно.

— До чего наглые! Наезжай на танке, а они сидят, не моргнув и глазом, — как-то в разгаре боя вырвалось у лейтенанта Изотова.

Действительно, танкодесантники и пехотинцы подползают по-пластунски, уничтожают фаустников автоматным огнем, гранатами, бьют прикладами по голове. Но фанатики сидят до тех пор, пока не выволочешь их за шиворот.

Неожиданно совсем близко почти одновременно загремели три выстрела. Тут же подбегает к нашему танку молодой автоматчик и докладывает, что сзади нас фаустники. Мы втроем — я, агитатор полка Сандлер и командир отделения автоматчиков старшина Татарников — побежали к ним. В глубокой воронке лежали трое. Вокруг них валяются фаустпатроны и несколько пустых глиняных бутылок из-под шнапса. Танки прошли вперед, а фашисты продолжают палить в нашу сторону. Они пьяные. Увидев нас, стали хвататься за

оружие, но мы их опередили — наступили на их автоматы. Соломон Евсеевич в порыве гнева, держа, в одной руке пистолет, а в другой дымящуюся трубку (он трубку вынимал изо рта, когда ложился спать и когда докладывал начальнику политотдела), крикнул на них по-немецки (он отлично владел немецким языком), и фашисты моментально смирились и наперебой заговорили:

— Вир зинд цум Тоде феруртайлтер. Цюрюк — эршиссен унс унзере, форвертс — ди Руссен.

— Чего плетут гадюки, товарищ капитан? — спросил Татарников.

— Жалуются на свою судьбу. Мы, говорят, смертники. Назад — убьют свои, вперед — русские, — перевел нам капитан.

Таких смертников тут было немало.

Атаки наши срывались. Это беспокоило командира полка Ермоленко.

— Доложи обстановку, — потребовал он по рации от ротного Ткаченко.

Тот доложил:

— Впереди десятки «фердинандов», противотанковые орудия. Пехота залегла — мешают фаустники.

К роте без промедления подъехал Ермоленко. Он выскочил из танка с автоматом в руках, вместе с командирами и: замполитами стрелковых батальонов с возгласами «Гвардейцы! За Родину! За Сталина! Впере-е-ед!» побежал вместе с пехотинцами. Трудно было узнать, что он — командир полка. Рост невысокий, в зеленой солдатской шинели, черном танковом шлеме, а бегает по полю боя — под стать самому шустрому бойцу. С трудом догонял его адъютант — молодой лейтенант Миша Бронников. Пробежав метров двести, командир упал. Из его головы потекла кровь. Пуля прошила танкошлем и слегка царапнула макушку головы.

— Ульян Никитович, вы родились в рубашке, — проговорил запыхавшийся замполит полка майор Петр Нестерович Лукин.

В это время комбриг начал требовать доклада об обстановке. Командир танка Иван Демидов доложил комбригу, что Ермоленко с пехотой побежал в атаку. Позже комбриг отругав Ульяна Никитовича:

— Что, кроме тебя некому поднять пехоту?

Танковой роте капитана Ткаченко не удалось продвинуться глубоко. Рота уничтожила четыре «фердинанда», четыре противотанковые орудия, расстреляла 10 дзотов и несколько десятков пулеметных точек. Оказавшийся впереди танк самого ротного был подбит, заряжающий Михаил Пичугин убит, но ротный продолжал вести огонь. От восьмого попадании погиб и

командир роты капитан Ткаченко.

Гибель Ивана Максимовича Ткаченко тяжело переживали в полку. Он в годы войны прошел славный путь командира-танкиста. За боевые подвиги был награжден орденами Красного Знамени, Александра Невского. За последний бой посмертно награжден орденом Отечественной войны первой степени.

Теперь роту возглавил командир взвода стройный, неизменно краснощекий старший лейтенант Георгий Александрович Иванов. Не проходило и дня, чтобы он не похвалил свой родной Бузулук, свой родной край, где он жил.

— Гвардейцы! Геройски погиб наш ротный, Иван Максимович Ткаченко. За гибель наших боевых товарищей, за все наши страдания отомстим гитлеровцам! Вперед! — раздался голос Иванова по рации.

Бой продолжался. Враг сопротивлялся с остервенением. Уничтожив два противотанковых орудия, дзот и подавив огонь артбатареи, Иванов был ранен. Перевязав на скорую руку рану, он продолжал командовать ротой.

Подбит танк младшего лейтенанта Александра Грота. В танке погибли механик-водитель Василий Литвинюк и командир орудия Геннадий Комаров.

Исключительно мужественно, отважно сражался комсомольский танковый экипаж командира взвода старшего лейтенанта Ивана Степановича Огородкина. Кроме уничтоженных двух противотанковых орудий, экипаж сжег «тигра». Уже из горящего танка был подбит «фердинанд». Старший лейтенант Иван Степанович Огородкин, механик-водитель техник-лейтенант Захар Андреевич Чумилин и командир орудия старшина Кузьма Никитович Табаков геройски сгорели в машине.

На правом фланге полка смело и решительно сражалась рота старшего лейтенанта А. С. Соколовского. Вырвавшись на своем танке вперед, он вступил в единоборство с несколькими замаскированными «тиграми» и «фердинандами». Успев уничтожить несколько из них, командир роты Андрей Селиверстович Соколовский и заряжающий Лобанов сгорели в своем танке.

С беззаветной храбростью сражались танкисты третьей роты, которой командовал невысокий, очень подвижный старший лейтенант Андрей Иванович Хохлов. Большие потери нанес гитлеровцам сам командир роты. Он уничтожил «фердинанд», шесть противотанковых орудий, разрушил два дзота и расстрелял большое количество живой силы врага.

Лейтенант Иван Соколов с комсоргом полка Мосайкиным обнаружили железобетонный мост через канал. Но было

неизвестно, заминирован он или нет. Проверить некому — саперы заняты, пехота залегла. Что делать? «Надо рискнуть», — подумал командир взвода.

— Винников, набери скорость и проскочи через мост, — приказал он механику-водителю.

Когда танк шел по мосту, раздался глухой взрыв. Мина оказалась под мостом, и сила взрыва не смогла поднять вверх бетонную плиту вместе с танком. Таким образом машина Соколова проскочила через канал, оставляя позади себя метровый разрыв на мосту.

Заметив переправившийся танк, противник открыл по нему огонь из орудий с правого фланга. Командир орудия старшина Горьков меткими выстрелами подавил огонь двух орудий, по остальным — вел огонь младший лейтенант Куценко. Появился еще один вражеский танк. Он был подбит с первого же выстрела. Дальнейшее продвижение дерзкого танка Соколова было остановлено огнем нескольких орудий гитлеровцев с высоты. Соколов быстро стал вызывать по рации танки Куценко и Жакутя, чтобы те помогли подавить противника. Но они молчали — были подбиты и горели. «Надо немедленно выйти из зоны огня», — решил Соколов. Но развернуться было невозможно — рядом, справа и слева, пылали дома. Задним ходом все же удалось уйти в укрытие. Вместе с командиром орудия Горьковым они побежали к горящему танку Куценко, чтобы оказать помощь. Однако вскоре оба были ранены. Не достигнув цели, пришлось им возвратиться обратно.

Бои за Зееловские высоты приняли довольно затяжной характер. Как мужественно ни сражались в течение дня танкисты с пехотой, сломить прочно организованную оборону гитлеровцев с фронта не удалось. В сложившейся обстановке подполковник Ермоленко решил повернуть полк влево, наступать в направлении высоты 49,9 (севернее Людвигслуста) и выйти к железнодорожному мосту, а затем — на южную окраину города Зеелов. По докладу майора Лодвикова, в этом направлении переправа для танков через Хаупт-Грабен канал наведена.

Прежде чем начать атаку в новом направлении, командир полка направил на высоту 49,9 разведчиков во главе с помощником начальника по разведке Чаадаевым. Сам вместе с замначштаба по оперативной работе Смаком уточнял взаимодействие с командирами стрелковых полков.

Воспользовавшись минутной передышкой, парторг Антонов спросил меня:

— Семенов, где твоя машина?

— Вон она стоит, ремонтируем ходовую.

— Хорошо, оторвись на минуточку. Обойди танки, пригласи коммунистов к машине командира полка, ясно? — приказал мне капитан.

— Ясно, товарищ капитан! — ответил я и побежал к танкам.

До чего все они истыканы, исчерчены снарядами, минами, осколками. Крылья, фары оторваны, побиты. У одного танка почти под корень оторван ствол пушки. Лица у танкистов от пороховой гари, копоти и пота черные. Но настроение, несмотря на проведенный многочасовой и тяжелый бой, у всех было бодрое, веселое. Вижу: в Хаупт-Грабен канале стоит танк, а вокруг рвутся снаряды. Номера не видно. Мелькнула фигура танкиста.

— Чей танк? — крикнул я.

Моментально показалось скуластое лицо земляка Малинина. Он был грязный, как и его товарищи, вытаскивавшие застрявший танк.

— Что, застряли? — спросил я.

Демид Сергеевич посмотрел на меня своими карими глазами, словно год меня не видел, и, сдвинув густые брови, улыбнулся:

— Как видишь, Коля. Вон сколько натыкали гады-фашисты, — плотно сжав губы и показывая на почерневшую башню, проговорил Малинин.

— Сашу Изотова не видел?

— Нет. Он воюет левее нас.

Действительно, на левом фланге стоял танк лейтенанта Изотова. Около него о чем-то беседовал с комсомольцами комсорг полка лейтенант Мосайкин. Голова у него была перевязана. Не знаю, где его зацепило. Около другого собрал коммунистов третьей роты партгрупорг Федя Кичигин. Неподалеку, за разрушенным сараем, капитан Сандлер, изредка выпуская из огромной трубки облака дыма, донимал вопросами десятка два пленных. Было похоже, что он их не столько допрашивал, сколько доказывал им что-то.

Был не доволен лишь помпохоз полка капитан А. Г. Стребный. Он привез кухню и звал танкистов обедать, но есть никому не хотелось. Причем кто-то из танкистов испортил ему настроение — в порядке шутки сказал: «Под огонь лезешь со своей кухней. Не иначе, как напрашиваешься на орден».

На пятиминутном собрании коммунистов заместитель командира полка майор Лукин и парторг Антонов подводили итоги проведенного боя. Отметили отличившихся коммунистов и еще раз призвали их быть примером в бою.

Возвратившиеся разведчики доложили, что на высоте 49,9 — опорный пункт противника, который обороняется пехотой, на склонах высоты замечены танки.

После десятиминутного артналета наши танки с пехотой пошли в атаку. Первым ринулся вперед сам командир полка Ермоленко. Гитлеровцы незамедлительно открыли по его машине огонь чем только могли — орудиями, автоматами, пулеметами, фаустпатронами.

— Товарищ подполковник, справа «фердинанд»! — не своим голосом крикнул сидящий за башней командир танка Иван Демидов. Рядом с ним был адъютант командира полка лейтенант Михаил Бронников. Подполковник в это время вел огонь из пушки по железнодорожному мосту, где противник выкатывал орудие и минировал мост. Неожиданно обрушился мощный удар в правую сторону башни. Ударил болванкой «фердинанд». Ему удалось сделать лишь один выстрел — лейтенант Алешин подбил его. Сидевшие на танке Демидов с Бронниковым, оглушенные, отлетели в дорожный кювет, даже не успев заметить, выскочил ли кто из танка или нет.

— Миша, ты живой? — толкнув Бронникова, обронил Демидов.

Бронников медленно поднял голову, улыбаясь (была у него привычка не унывать в любой сложной обстановке), стал протирать глаза и щупать ногу — видимо, ушибся.

— А что, у тебя уже душа выскочила?

— Душа на месте, где танк? — забеспокоился опять Демидов.

— Где, где? Вон он ползет в атаку…

Танк медленно шел вперед.

— Кто в танке?

— Кто, кто? Черт! — опять улыбаясь, ответил слегка контуженный Бронников.

Демидов, чему-то усмехнувшись, поднялся, чтобы осмотреться, но тотчас над головой просвистели пули. Однако он успел заметить валяющихся метрах в тридцати в кювете раненых из расчета экипажа вместе с командиром полка. Тут послышался голос раненого механика-водителя Гарифа Мухамедшина:

— Ванюша, останови машину!

«Эх, в машине нету никого. Отвечать-то за нее придется мне», — подумал Демидов и со всех ног, не взирая на автоматную трескотню, кинулся вдогонку за танком. Нырнув вниз головой в башню, сначала выбросил три запаленные дымовые шашки и, развернув машину, вывел ее в укрытие. Потом побежал к раненым. Там врач полка Андрей Урда с командиром отделения автоматчиков младшим сержантам Семеном Сумароковым перевязывали тяжело раненного заряжающего Василия Стеца, механика-водителя Мухамедшина и командира полка Ермоленко, грудь которого была истыкана осколками. Благо, что под мышкой

у него была планшетка — в ней оказалось немало осколков.

Выйти из танка раненым помог Сумароков, он же отвел их в укрытие. Когда повел командира полка, их заметили гитлеровцы, двое из которых стали подползать, чтобы наверняка расправиться с танкистами. Сумароков опередил их и опорожнил «рожок», прошив насквозь фашистов. За спасение раненых и жизни командира комсомолец Семен Федорович Сумароков был удостоен ордена Славы второй степени.

После перевязки командир полка строго спросил у полкового разведчика Чаадаева:

— Как с высотой, где Лодвиков, Лукин, Ильин?

— Товарищ подполковник, высота пока упрямится. Более того, норовят контратаковать. Лодвиков и Лукин — с ротой Хохлова, там же командир автоматной роты Ильин. Они штурмуют высоту, — доложил капитан Чаадаев..

— С высотой пора кончать. Наша танковая рация разбита. Бронников, бери автомат, пошли к танкам, — приказал командир и собрался идти, но Иван Демидов, преградив ему путь, резко проговорил:

— Товарищ подполковник, никуда вас не пущу, пока не подойдет танк! — и вытянулся, выпирая вперед замасленный живот.

Столь неожиданный поступок Демидова словно обжег командира полка. Толкнув правой рукой на затылок танкошлем, левой придерживая повязку на груди, он молча обошел кругом Демидова. Потом спросил:

— Товарищ Демидов, с каких пор лейтенант начинает командовать командиром полка? — с иронией, насупив брови, произнес Ермоленко..

Демидов побледнел. Он не знал, что ответить. Потом нашелся:

— Мы с Бронниковым в ответе за вашу жизнь. Вы делаете все сами: пехоту в атаку подымаете, положение танков уточняете лично. Ваш танк всегда впереди всех! В результате голова ваша забинтована, грудь — в осколках.

— Товарищ подполковник, вам надо в госпиталь, — вставил врач полка Андрей Урда.

— Лучше вы сначала «выгребите» из своей груди: осколки, — продолжал теперь плачущим голосам Демидов. — Сидим с Бронниковым на танке. Бросайте нас в бой, выполним любое ваше приказание!

Ну, думаю, нагорит теперь моему другу Ивану Ивановичу от командира полка. Но нет. Подполковник Ермоленко в таких случаях никогда не торопился. Он понял, что Демидов прав. В

самом деле, он за день боя набегался не меньше любого автоматчика. Его танк испещрен снарядами, минами, осколками не менее других.

— Что же, товарищи! Вы через два дня будете в Берлине, а меня провожаете в госпиталь? Спасибо, спасибо, премного благодарен за заботу. Но запомните, в госпитале ноги моей не будет, — теперь спокойно, подняв густые брови, проговорил командир полка.

— Товарищ подполковник, майор Лодвиков передал, что высоту окружили. Скоро будет взята! — доложил прибежавший начальник связи полка капитан Жданов.

— Где стоит штабная рация?

— Метрах в ста, — показал рукой Жданов.

— Я пойду на рацию. Вы, товарищ Чаадаев, бегите к танкам, уточните обстановку и приведите для меня танк, — приказал Ермоленко и зашагал в сторону штабной рации.

Вскоре на высоте послышалось «Ура-а-а-а!» Наши танки блокировали высоту 49,9. Командир автоматной роты лейтенант Валентин Ильин с шестнадцатью автоматчиками и лейтенант Никанор Просвернин со взводом ворвались во вражескую траншею. В рукопашной схватке только группа Ильина уничтожила 27 гитлеровских солдат. Гранатами автоматчики сожгли два танка Т-4. На высоте лейтенанта Просвернина ранило. Высота была взята, и танки вышли к железнодорожному мосту.

Тяжелое положение создалось у соседей справа, наступавших вдоль шоссейной дороги Кюстрин — Берлин. Этот участок противником был укреплен наиболее сильно. Несмотря на настойчивые действия танкистов вместе с гвардейцами стрелкового полка, в течение дня прорвать оборону противника на Зееловских высотах не удалось. Командир полка Середа неоднократно лично водил в атаку танки. Особенно самоотверженно сражались танкисты: командиры рот старшие лейтенанты Г. И. Павлов, П. П. Третьяк, И. А. Пугач, командиры взводов лейтенанты А. И. Миронов, Н. И. Костенко и другие.

Мужественно дралась автоматная рота, которой командовал коммунист старший лейтенант Михаил Филиппович Мельников. За день боя рота выловила или уничтожила не один десяток фаустников. Около десятка уничтожил их из пистолета и гранатами лично командир роты Михаил Мельников. Для обеспечения форсирования танками Хаупт-Грабен канала в 14.00 командир бригады ввел танковый полк подполковника Цыганова. Он во взаимодействии со стрелковым полкам атаковал противника в направлении Хермансхофа. Однако сильный противотанковый огонь не давал возможности переправиться

через канал. Требовалось артиллерийское прикрытие переправы, а также инженерные средства, которых в распоряжении бригады не было. Поэтому, доложив обстановку, Цыганов свои танки повернул на несколько километров вправо и вышел в район станции Вербиг. Мост через Хаупт-Грабен канал оказался взорванным и в этом районе.

Усилиями начальника разведки бригады майора Урсова, начальника инженерной службы майора Громыко, заместителя командира полка капитана А. А. Курлянского и начальника штаба майора Краснянского было найдено подходящее для переправы танков место. Разобрав силами саперов балки и балочные перекрытия нескольких кирпичных сараев, танкисты навели переправу.

Оказавшись по ту сторону канала, подразделения немедленно двинулись вперед в направлении на Ной Вербиг. Первой ринулась в атаку вместе с гвардейцами и стрелками танковая рота капитана Новикова. Ворвавшись на максимальной скорости во вражескую оборону, наши воины огнем и гусеницами стали крушить противника. По мере приближения к Зееловским высотам сопротивление становилось все яростнее. Не выдержав ливня огня пулеметов и автоматов, наша пехота остановилась. На левом фланге танк старшего лейтенанта Иванова и еще один наш танк загорелись. Капитан Новиков, показывая пример остальным, вырвался вперед. Огонь со стороны противника усилился в несколько раз. Лично командиром роты было сожжено два танка, разрушены три дота, подавлено немало других огневых средств и пехоты противника. Осколочный снаряд угодил в лобовую броню, но танк Новикова рвется вперед. Еще попадание. Теперь тяжелый осколочный снаряд попал под погон башни и развернул ее. Потерявшего сознание и истекшего кровью капитана Федора Ивановича Новикова (ему оторвало руки) вытащили из машины автоматчики. На второй день его не стало: умер от большой потери крови. Приняв командование ротой, командир взвода старший лейтенант Василий Махнач повел ее вперед.

На правом фланге полка смело и решительно сражался танковый взвод парторга второй роты Героя Советского Союза лейтенанта Асрияна. Его взвод, расстреливая метким огнем противотанковые средства, успешно продвигался вперед.

Танк комсорга первой роты лейтенанта Евгения Тихомирова подходил к подножью высоты. Неожиданно раздался голос механика-водителя старшины Николая Бабкина:

— Слева батарея!

88-миллиметровые зенитные орудия стояли в пятистах метрах, совсем близко друг от друга. Они вели огонь по танку

младшего лейтенанта Дмитрия Яковенко.

— Огонь по батарее! — скомандовал Тихомиров командиру орудия Константину Пахутину.

Противник, поразив танк Яковенко, перенес огонь на машину Тихомирова. Не удалось комсоргу уничтожить всю батарею — его танк вздрогнул… Боевое отделение моментально заволокло едким дымом. Находиться в танке было невозможно. Через несколько секунд кто-то крикнул:

— Горим!

— Снять пулеметы, покинуть машину! — скомандовал Тихомиров. Захватив пулеметы, магазины с патронами и гранаты, экипаж вырвался из дыма и пламени.

Бронебойный снаряд угодил в левый борт, между нижними и верхними поддерживающими катками, пробил боковую броню и основной бак с горючим. В результате горючее разлилось по днищу машины и загорелось. Пытались погасить огонь, но это было бесполезно. Экипаж Тихомирова, присоединившись к пехоте, уничтожал фаустников и пехоту противника.

С наступлением темноты находящиеся с первой ротой замкомполка Курлянский и комсорг полка старший лейтенант Г. И. Долинин подползли к сгоревшему танку Тихомирова, но найти экипаж им долго не удавалось. Лишь проникнув далеко вперед, они случайно нашли его по звуку пулеметов.

Курлянский приказал Тихомирову немедленно принять другой, оставшийся без экипажа танк. Перед сумерками все танки бригады и взаимодействующие стрелковые части достигли рубежа — восточных скатов Зеелювских высот.

Вскоре на бронетранспортере подъехал начальник политотдела Жибрик. На его суровом потемневшем лице таилась тревога неудовлетворения чем-то. Выслушав короткий доклад подполковника Ермоленко о положении полка, он приказал прекратить наступление, приступить к осмотру и заправке боевых машин и быть готовым доложить комбригу о результатах боя за день.

Для перегруппировки сил дальнейшее продвижение было приостановлено и в других танковых и стрелковых подразделениях, которые заняли рубеж в готовности отразить возможные атаки врага.

Некоторое время спустя к расположению танков подъехал заместитель командира полка по технической части старший техник-лейтенант Иван Никитович Козлов с боеприпасами, горючим и ремонтной бригадой. Через несколько минут закипела работа: техник ГСМ лейтенант С. Ф. Штукатуров с экипажами заправляли машины горючим; начальник артснабжения

И. П. Козлов с арттехником младшим лейтенантом И. А. Денисенко проверяли исправность вооружения, пополняли танки боеприпасами; инженер полка старший техник-лейтенант В. П. Клушин с замотехами рот, командиром роты технического обеспечения А. Е. Лукьяновым, командиром ремонтного взвода лейтенантом Дрожжиным и техником С. М. Клецелем занялись осмотром и ремонтом боевых машин.

В расположении лишь отсутствовали: полковой разведчик капитан Чаадаев, командир роты автоматчиков Ильин и командир саперного взвода лейтенант Батурин. Они всю ночь расчищали завалы на железнодорожной насыпи и проезд под полотном, проделывали проходы в минных полях, разведывали оборону гитлеровцев.

Поздно вечером осмотр и заправка боевой матчасти подходила к концу. Отремонтирован был и танк командира полка. В пробоину башни забили кувалду и заварили. Капитан И. Ф. Жданов и лейтенант П. Ф. Романенко заменили разбитую рацию. Установили телефонную связь с командиром бригады. Вот первый сигнал. Лейтенант Бронников взял трубку:

— «Нареза» — к «Титану»! — услышал голос оперативного дежурного Иванченко. Это комбриг вызывал на свой КП командиров частей и отдельных подразделений.

Выслушав доклады командиров полков, полковник Юренков сказал, что боевая задача дня бригадой выполнена, личный состав сражался геройски. Действовал со знанием дела, проявляя беспредельную смелость и решительность. Все отличившиеся будут представлены к награде. Однако с ходу овладеть Зееловскими высотами нам не удалось. Яростное сопротивление оказывают гитлеровцы именно в районе этих высот. Особенно — за обратными скатами, где они врыли в землю значительное количество противотанковых орудий и тяжелые танки. Эти огневые средства во время нашего артиллерийского наступления остались почти нетронутыми.

Когда комбриг коснулся наших потерь в личном составе и танках за день боя, на лбу у него выступил пот. Больше всех имели потери подразделения, наступавшие в центре, где были самые прочные укрепления гитлеровцев. Весьма опасными для танков оказались фаустники. Высокой похвалы в их уничтожении заслужили автоматные роты старшего лейтенанта Мельникова и, лейтенанта Ильина. Далее командир бригады поставил задачу: штурмом овладеть Зееловскими высотами, а затем — и городом.

Подготовку к завтрашнему бою завершили поздно. Бой предстоял быть не менее жарким, чем в первый день. Несмотря на усталость, спать не хотелось. Меж собой делились впечатлениями

о первом дне штурма Берлина, вспоминали погибших товарищей. Вышло так, что, не договариваясь, мы, земляки, вдруг оказались вместе. Обнялись, внимательно посмотрев друг на друга. За плечами каждого — большой боевой опыт. Однако волновались, переживали.. Я взглянул на танкошлем Демида Сергеевича. Заметив это, он сказал:

— Ухо шлема цело. Одно оторвали в Заполярье, а до второго не добрались еще, хотя пытались, — засмеялся Малинин.

— Как пытались?

— Очень просто. Ты же видел: мы хотели проскочить вброд через канал. Если бы еще полметра, то танк наверняка перевалился бы на ту сторону. Но от разорвавшегося поблизости снаряда он покачнулся и покатился обратно в канал. Наблюдавший за полем боя наш артиллерист Вася Понеделько неожиданно заголосил: «Братцы, фаустник!»

Танк засел кормой, перед приподнят, и потому стрелять было неудобно. Командир окинул глазами: около танка — ни одного автоматчика. Приказывает: «Малинин, займись фаустниками».

Я с автоматам выскочил из танка. Растянувшись около поваленного кирпичного столба, стал караулить. Вижу: метрах в ста медленно поднимается на бруствер траншеи большая желтая болванка и показывается голова фрица. Думаю: «Нет, не выйдет у тебя, шем керемет» (по-марийски «злой дух», «черный керемет») — и дал очередь. Прошло минуты три. Рядом поднимается еще один, и так — три раза. Словам, фашистам не удалось прицелиться и выстрелить.

— Ты что, убил? — спросил я.

— Аллах его знает. Там что-то взорвалось. Наверно, моя пуля угодила в фаустпатрон или гранату.

— Молодец ты, Демид Сергеевич. Фаустники не давали покоя и нам, — заговорил Саша Изотов. Потом протянул портсигар, закурил и сам.

— Тот же, пробитый пулей. Не пора заменить, Саша? — закурив, заметил я и передал Малинину.

— Позавчера я видел у земляка портсигар, это да-а-а! К нему пристроена даже зажигалка.

— О каком земляке ты говоришь?

— Как о каком? Я же рассказывал.

— Нет, не слышал.

— Когда занимали исходные, подошел к нам высокий и, похоже, отчаянный лейтенант-артиллерист. Три ордена на его груди, да еще медали. Говорит: «Дайте на часок лопату. Занимаем огневые позиции, а лопат не хватает». Когда возвращал лопату, спросил:

«Ты, браток, случайно, не земляк?»

«Не знаю, я из Козьмодемьянска, что в Марийской АССР, а вы?»

«А я из Нового Торъяла, Иван Веселов!»

Вот и познакомились. В качестве подарка предложил мне свой портсигар. Я закурил, а от подарка отказался, было неудобно. Адрес его на всякий случай записал.

— Адрес-то сохрани, мы его разыщем, — сказал я.

— Не пора ли нам на отдых? Что-то устал я, — проговорил Малинин.

— Сколько снарядов за день израсходовал? — спросил у Малинина Изотов.

— Было пятьдесят, а осталось два.

— Снаряд вместе с зарядом весят два пуда. Вот и помножь сорок восемь на тридцать два. И получится, что Демид Сергеевич за день боя перекидал полторы тонны груза!

В двадцать три часа мы, пожелав друг другу удачи в завтрашнем бою, разошлись по своим машинам.

Штурм начался на рассвете 17 апреля. Наш танковый полк ударил по Зеелову с юга и продвинулся вперед. Полк Середы к 7 часам утра вышел на северную окраину города, а — Цыганова к 8 утра был в Ной Вербиге и оседлал дороги Вербиг — Зеелов, Гузов — Зеелов. Таким образом, сильно укрепленная оборонительная полоса гитлеровцев — Зееловские высоты с городом Зееловом — на рассвете была взята штурмам. Противнику на этот раз не удалось оказать существенного сопротивления. У нас был выведан из строя танк младшего лейтенанта Ивана Моисеевича Никитина. Он первым ворвался в город. С ходу расстрелял один тяжелый танк и противотанковое орудие немцев, но и его машина была подбита. Самому ему оторвало ногу.

Противник на высотах понес большие потери. Только полк Ермоленко в первый день боев уничтожил 16 тяжелых танков, 25 «фердинандов», 25 орудий разного калибра, 8 минометов и много живой силы[1].

Танкисты, ведя за собой пехоту, двинулись на Мюнхеберг. Фашисты сопротивлялись ожесточенно. Однако по сравнению с Зееловскими высотами нам теперь было намного легче.

Первые упорные бои завязались на подступах к Герльсдорфу. Впереди действовала рота лейтенанта Андрея Хохлова. Танкисты с пехотой вклинились в оборону противника, стали перемалывать огнем и гусеницами гитлеровских смертников. Они не думали отступать. Более того, несколько раз сами пытались

контратаковать. «Мессершмитты» с высоты бреющего полета сбрасывали небольшие бомбы и строчили из пулеметов по нашей пехоте. Мешали танкам фаустники.

В самый критический момент командир роты Андрей Хохлов, приказав командиру танка партгрупоргу роты Кичигину вести огонь, побежал к командиру стрелковой роты просить, чтобы стрелки усмирили фаустников. Через несколько секунд около него разорвался снаряд. Андрей, сделав еще несколько шагов, упал. Увидев его, лейтенант Демидов бросился к Хохлову. Тот еще был живой, но без сознания. Тяжело раненный в голову и грудь, он скончался на руках своего земляка — горьковчанина Ивана Демидова. Погиб талантливый и смелый командир. До армии Андрей Иванович Хохлов окончил химико-технологический техникум по специальности химик-керамик. Те, кто вступали с ним в опоры по вопросам химии, вскоре сдавались. Андрей говорил,: «Если останусь в живых, то обязательно буду работать в керамическом производстве». Орден Отечественной войны второй степени на вечное хранение вручен его матери Клавдии Вернадьевне.

Вовремя подоспел к Герльсдорфу танковый полк Середы. Он, развернув свои машины, открыл сокрушительный огонь по вражеской обороне. Автоматчики роты Мельникова со стрелковыми подразделениями дружно двинулись в атаку. По южной окраине ударили танки другой части. Вскоре гитлеровцы под Герльсдорфом были смяты и деревня взята. Во время атаки осколкам авиабомбы распороло правую ногу Михаилу Мельникову. Нет слов, ему, ветерану бригады, очень хотелось войну завершить в Берлине. Но, к сожалению, передвигаться он не мог, и его на бронетранспортере отвезли в госпиталь.

Наша танковая бригада, взламывая во взаимодействии со стрелковыми полками одну оборонительную линию за другой, настойчиво двигалась по заданному боевому курсу вперед на Берлин. На рассвете 19 апреля с северо-восточной стороны мы подошли к Мюнхебергу.

Опыт двухдневных боев показал, что фашисты населенные пункты обороняют в основном с фронта. Поэтому командир бригады Юренков решил атаковать город с правого фланга, причем одновременно с двух направлений: наш полк нанесет удар по северной окраине, а полк подполковника Середы — с северо-восточной стороны.

На рубеже Мариенфельд, что находится в двух километрах севернее Мюнхеберга, противник начал оказывать сильное сопротивление огнем танков. Из находящейся восточнее озера Фаулерзее рощи стреляли противотанковые орудия. Поэтому нам

пришлось некоторое время приостановить атаку. Подполковник Ермоленко, доложив обстановку комбригу, начал бой с танками противника. В обход рощи, откуда били противотанковые орудия, майор Лодвиков повел три танка. Расчеты трех 88-миллиметровых противотанковых орудий с появлением наших танков с тыла разбежались.

Бой за Мюнхеберг продолжался около трех часов. Одновременным ударом с двух направлений, особенно после ввода в бой танкового полка Цыганова, сопротивление противника было сломлено. В час дня 19 апреля наши танки ворвались в центр города и завязали уличные бои.

Как только мы вошли в город, наши гвардейские минометчики открыли такой ураганный огонь, что среди белого дня в городе стало темно от порохового дыма и пыли, горчило в горле. Главное — снаряды рвались в двадцати метрах от танков. В этом был повинен один из оперативников. Заметив, что танки на какое-то время атаку приостановили, он запросил огня. «Катюши» ударили по городу. Но вышло так, что танкисты ворвались в город все-таки раньше, чем намечалось. Из наших никто не пострадал, в том числе и пехотинцы, которые были несколько сзади нас.

В боях за Мюнхеберг получили повреждения четыре машины, но все они быстро были восстановлены ремонтниками. Больше всех на этот раз досталось наступающим с северо-востока. Тут оборона, как и предполагалось, оказалась наиболее прочной. Противник на этом участке подтянул дополнительные противотанковые средства. Решительными действиями тяжелых танков и автоматчиков оборона противника была прорвана и на этом участке.

Немало хлопот фашистам доставляли СУ-57 (самоходные установки) из разведроты лейтенанта Иванова. Расчеты их отличались смелостью и отличным знанием техники и огневого дела. Все были опытными бойцами. Только заряжающему рядовому Ивану Шашкову еще не было и девятнадцати. Несмотря на возраст, он в первый же день штурма Берлина проявил находчивость и решительность в бою.

— Ванюша, ты молодой, глаза острые! Садись-ка за прицел наводчиком, а я физически здоровее тебя, буду заряжать, — предложил наводчик Романов.

— А как лейтенант? — спросил Шашков.

— Согласен, — послышался голос командира.

Радости молодого Шашкова не было границ. Теперь он сам будет наводить на цель и стрелять!

— Машина к бою готова? — спросил замначштаба майор

Кабанов.

— Готова, — дружно ответили гвардейцы.

— Будете уничтожать в Мюнхеберге фаустников, — приказал Кабанов.

Самоходка помчалась по улице города.

— Смотрите в оба за всеми балконами и подвалами. Я буду наблюдать справа, а ты, Ванюша, — слева, — приказал командир.

А за подвальными окнами следил опытный механик-водитель сибиряк Пронтов, что очень помогло в наводке и стрельбе. Только на балконе показывается желтая точка фаустпатрона, как остроглазый наводчик Шашков посылает туда снаряд.

— Ванюша, очень уж быстро стреляешь. С трудом успеваю доставать снаряды, — словно жалуясь, проговорил как-то заряжающий Романов.

— Молодец, комсомолец Шашков! — подбадривал командир.

Иван Шашков, периодически смахивая набегающий пот со лба, вновь отыскивал засевших гитлеровцев. Где прошла самоходка лейтенанта Иванова, фаустникам в Мюнхеберге не удалось повредить ни одной машины.

После захвата Мюнхеберга противник, подтянув резервы, неоднократно пытался выбить наши части из города. Но огнем прямой наводки танкисты с пехотинцами отбили все контратаки противника.

Во время артиллерийского обстрела погиб адъютант командира полка лейтенант Михаил Васильевич Бронников. Он передавал приказание командира полка командирам танковых рот. На обратном пути рядом с ним разорвался снаряд. Его тело было изрешечено осколками. Похоронили мы Мишу на опушке рощи, что на окраине города.

Михаил Васильевич Бронников был замечательным русским парнем из города Павловска Горьковской области. Как командир танка, он неоднократно отличался в боях. За четверо суток под огнем, по полю боя, он по-пластунски и бегом измерил не один километр. Был внутренне не доволен, что во время переформирования бригады его не посадили на танк. Это свое недовольство он выражал только друзьям. Подполковник Ермоленко назначил Бронникова своим адъютантом потому, что он был грамотным, находчивым и исполнительным офицером. Два ордена Отечественной войны первой и второй степеней Михаила Бронникова вручены на память его матери Лидии Дмитриевне.

Оставшиеся танки подполковник Середа передал полку подполковника Ермоленко. А тот продолжал преследовать противника, который с утра 20 апреля начал поспешный отход на

запад.

Как только погнали гитлеровцев, вся дорога, ведущая на Берлин, моментально наполнилась войсками. Все неудержимо рвались в столицу фашистской Германии. Вражеская оборона трещала по всем швам. Если фашистам где-либо удавалось зацепиться — создать оборонительный заслон, то немедленно начинался обход его слева и справа. Вид у каждого советского бойца, командира был бодрый, веселый, словно все спешили на торжество. Да, все спешили к великому торжеству победы!

По мере приближения к пригороду Берлина все больше стало появляться худых и обросших людей в черных или зеленых бешметах, жупанах с номерами на них. Это были возвращающиеся на родину насильно угнанные в Германию советские, польские, чехословацкие, итальянские, французские граждане. Многое подходили к танкам, обнимали нас и на разных языках со слезами на глазах благодарили за освобождение.

В ночь на 22 апреля передовые танки Героя Советского Союза лейтенанта Ашота Асрияна, партгрупорга роты младшего лейтенанта Федора Кичигина, комсорга Евгения Тихомирова, коммунистов — лейтенантов Василия Махнача, Ивана Соколова, Ивана Демидова и других с боями ворвались в Обершпрее — пригород Берлина. Прорыв был настолько неожиданным, что здесь еще не успели отключить электроэнергию в домах. Зарево пожаров над Берлином, вспышки артиллерийских выстрелов и сотни взвивающихся в темном небе ракет освещали впереди фашистское логово. Огненная дуга сжимала столицу фашистской Германии.

Вспомнился тяжелый сорок первый год. Тогда, в октябре, такая же, но только вражеская, огненная дуга подходила к Ленинграду. В ту тяжкую пору стойко сражались мы, стояли насмерть и верили, что придет время, придет час отмщения за поруганную нашу землю и мы будем в Берлине.

Теперь этот час настал. Неудержимо продвигаясь вперед, железным шагом подходили мы к реке Шпрее. Начальник разведки бригады майор Урсов с группой разведчиков — капитаном Чаадаевым, старшим лейтенантом Крыловым, взводом автоматчиков вместе со стрелковыми подразделениями поспешили к мосту через реку, чтобы, в случае его исправности и пока он еще не был взорван гитлеровцами, проскочить на западный берег. Однако фашисты успели уже взорвать мост. Артиллерийскими и пехотными подразделениями враг оказал сильное сопротивление. Проскочить же через реку с ходу танкам бригады не удалось. Командир бригады приказал остановиться и закрепиться.

Создавшуюся короткую передышку командиры и политработники использовали для подведения итогов боев за Мюнхеберг. На совещании офицерского состава полка подполковник Ермоленко сказал:

— На улицах Мюнхеберга противник соорудил большое количество баррикад. В крупных зданиях были устроены амбразуры. На балконах многоэтажных домов занимали позиции фаустники. В Берлине система обороны противника должна быть еще более прочной, а возможности маневрирования — значительно сложней.

В заключение он сказал, что для уничтожения в Берлине противотанковых средств и фаустников необходимо создать штурмовые группы из танкистов, мотопехоты и саперов.

После совещания штабом полка при участии командиров стрелковых и саперных подразделений была разработана инструкция боевых действий штурмовых групп, которая была доложена командиру бригады. Полковник Юренков дополнительно предложил для «выкуривания» из подвалов фаустников включить в штурмовые группы подразделения ранцевых огнеметов.

После совещания шел я к своей машине. Вдруг вижу: на тротуаре стоит лейтенант Саша Алешин и успокаивает рыдающих молодых украинок. Мимо группами проходили угнанные в рабство люди, среди них были и пленные. Лицо одного из них мне показалось очень знакомым.

— Саша, останови и спроси фамилию вон того, в черной куртке, который, как пьяный, плетется сзади всех, — попросил я Алешина.

— Сейчас, Коля, — ответил он и побежал по тротуару.

— Коля! Богданов его фамилия! — крикнул Саша издали.

Замер я на месте, ноги сделались ватными. То был мой дядя Василий Илларионович Богданов. Черный, оброс щетиной, в углах рта залегли морщины, согнулся, как коромысло. Словом, выглядел он так, как будто перенес очень тяжелую болезнь.

— Как вы сюда попали, дядечка? — спросил я.

— Не помню, Коля, — впопыхах, со слезами начал он рассказывать. — Войну начал в январе сорок второго под Мясным Бором, в 1248 стрелковом полку. Было невыносимо холодно, даже стыла кровь. Несколько раз бросались в атаку, но все безуспешно. Погиб командир взвода. Тогда командовать взводом пришлось мне. «А что, земляки, если из «максима» ударить с флангов?» — предложил я нашим куженерским — Кондратьеву и Моисееву. — «Пожалуй, разумно», — согласились они.

Когда наш танковый пулемет начал косить врага, то

фашистам стало некуда деваться, кроме как бежать. Мы продвинулись километра на два. Теперь и мороз нам стал нипочем. Вдруг сильно ударило что-то по голове. Успел лишь крикнуть Муравьеву: «Илья, веди взвод вперед!» — а сам рухнул на землю. Открыл глаза, вижу: лежу на спине под большой рябиной. На мне шинель немецкого солдата. Около, на коленях, стоит земляк Николай Егоркин, перевязывает меня. Над головой висят алые мерзлые кисти рябины. Мне почему-то страшно захотелось попробовать ее с черным хлебом. «Николай, я живой или нет?» — почему-то вырвалось у меня. А он смеется. Говорит, ничего особенного: сзади меня разорвалась граната и поцарапала слегка голову. Лечился в Малых Вишерах. После госпиталя направлен под Кириши в 146 стрелковый полк. Там также был помощником командира взвода. Летом сорок второго взвод пошел в атаку на Слоновую рощу. Вокруг рвались снаряды и мины. Бойцы сначала залегли, а потом я их повел в атаку с возгласами «Ура-а-а! Впер-е-е-ад!» От сильного удара по голове из глаз посыпались искры, и я упал. Опомнился я только во вражеском плену.

— Что значит 1272? — перебил я дядин рассказ, посмотрев на цифры, выведенные на его груди.

— Это личный номер пленного, — ткнул он левой рукой, на которой, как штык, торчал лишь один указательный палец.

— А что с рукой?

— На заводе приказали работать, а пресс был неисправным — вот и отрубило. Давали по двести граммов хлеба из муки, смешанной с опилками, и тарелку жидкого супа в день. Если бы курил — то бы умер давно. Менял табак на хлеб. Каждый день десятками вывозили умерших с голоду наших пленных. Лучше бы меня убило в бою, чем фашистский плен, — сказал дядя и горько зарыдал.

После демобилизации Василий Илларионович двадцать лет возглавлял колхоз «Правда», теперь он — колхозный пенсионер, инвалид Отечественной войны второй группы.

Оборону противника на правом берегу Шпрее в районе Кепеника прорвать сразу не удалось. Только через сутки, в полдень 23 апреля, после артналета наши стрелковые подразделения начали переправу через реку. Танки поддерживали атаку пехоты огнем.

— Вот бы, Петр Нестерович, подняться и осмотреть все мосты через реки Шпрее и Даме, — обращаясь к замполиту майору Лукину, проговорил стоящий около своего танка командир полка Ермоленко и показал рукой на находящийся метрах в трехстах костел. — Должно, сидят там фаустники, — добавил он.

— Разрешите, товарищ подполковник, по колокольне дам пару осколочных, — обратился командир танка Демидов.

— Погоди, Демидов. Слышите, там стучат крупнокалиберные пулеметы. Вон полетели вниз две фигуры. Прежде всего надо разобраться, кто кого выкидывает с колокольни. Туда поехали «смельчаки» Юренкова (так окрестили танкисты, бригадных разведчиков), — ответил подполковник.

Бригадная разведка с саперами занималась поиском уцелевших мостов и места для переправы танков через Шпрее и Даме. «А что, если подняться на стоящий на самом берегу реки костел и с колокольни визуально осмотреть мосты через реки», — подумал командир разведвзвода Василий Крылов.

Оставив бронетранспортер в укрытии, выдвинув СУ-57 лейтенанта Иванова на огневые позиции, он с группой разведчиков под огнем пробрался к костелу. Признаков наличия там фашистов не было. Два разведчика побежали вверх по лестнице. Через несколько минут на втором переходе неожиданно раздались выстрелы и взрывы гранат. Крылов с двумя автоматчиками бросился вверх по лестнице и наткнулся на тела разведчиков.

— Передайте лейтенанту Иванову, пусть даст снарядов пять по колокольне, — приказал Одному из разведчиков Крылов. — Осколочным!

Самоходная установка не заставила себя долго ждать.

— Шашков, наведи на колокольню и дай три осколочных, — приказал лейтенант Иванов наводчику.

— Навел! — доложил мальчишеским голосом Шашков.

— Осколочным готово! — послышался голос заряжающего Романова.

Загремели выстрелы. Снаряды, попадали точно в цель, образуя там бурую кирпичную пыль. Вскоре мы заметили, как с колокольни упали два фашиста.

— Молодец, Ванюша, — похвалил наводчика командир.

— А по чердаку ударить? — обратился Шашков.

— Ударь и по чердаку! — скомандовал Иванов.

В это время на третью лестничную площадку костела полетели наши гранаты. Послышались стоны. Трупы еще двух убитых фашистов покатились вниз но лестнице. Когда Крылов с автоматчиками поднялись на третью площадку, нашли еще шесть убитых гитлеровцев.

— Молодец, Шашков, молодой да удалый. Это ведь дело рук наших самоходчиков, — проговорил Крылов.

Он сверху посмотрел, есть ли уцелевшие мосты, а разведчики тем временем завязали бой с гитлеровцами на чердаке костела — убили 18 фаустников, которые, поджидая с фаустпатронами появление наших танков, вели огонь в спину нашей пехоте, форсировавшей в это время реку Шпрее. Два гитлеровца, не желая сдаться в плен, крикнули:

— Хайль Гитлер! — и бросились с чердака костела. Один разбился у входа, а второй, повиснув на кресте козырька над входом в костел, заорал диким голосам, должно быть, просил помощи:

— Гитлер капут!

— Вася, ты что, как щенков, выкидываешь фрицев с верхотуры? — спросил я у Крылова.

— Выкидываешь?! Не хочется пачкать руки. Мы их берем в полон, не желающих — расстреливаем, — со злобой процедил он. — Эти двое, видимо, что ни на есть, отъявленные головорезы. Сами бросились с колокольни.

— Чего же не освобождаешь? Вон на кресте кричит.

— Пусть покричит, услышат другие фашисты — может, поймут. Наверху он горланил: «Хайль Гитлер!», а как повис на кресте своего бога, заорал: «Гитлер капут!»

Всего на колокольне и чердаке костела было уничтожено 26 гитлеровцев, захвачено четыре пулемета и несколько десятков фаустпатронов.

Взаимодействующие стрелковые полки овладели и расширили в районе Кепеника плацдарм на западном берегу Шпрее. К 11 дня 24 апреля на паромах переправились через Шпрее и танки бригады. А затем с ходу проскочили по уцелевшему мосту через Даме.

Наш танковый полк совместно со стрелковым, продвигаясь вперед, к трем часам дня переправился через канал Тельтов и

завязал бой на его западном берегу. С наступлением темноты, очистив от противника перекресток Баумшуленштрассе и Кепеникерштрассе, вышел к Баумшуленвегу. Здесь командир полка приказал остановиться и закрепиться.

Фаустники, хорошо зная расположение улиц и домов Берлина, за ночь несколько раз пытались приблизиться к танкам и ударить по ним фаустпатронами. Но осуществить это им не удавалось — наши автоматчики и пехотинцы были начеку.

С раннего утра 25 апреля полк двинулся вперед и к 7 часам утра вышел к каналу Ландвер, восточнее Бранауерштрассе, в район машиностроительного завода «Цельнер». К мосту направилась действующая в штурмовой группе рота старшего лейтенанта Г. Т. Шкуро. Не удалось направляющему танку командира взвода лейтенанта Гаврилы Пономаренко проскочить с ходу мост. Его машина была подбита. Он и командир орудия Дмитрий Виноградов погибли.

Поскольку механик-водитель техник-лейтенант Иван Бирюков вел свою машину правой стороной моста, а не по центру, то «пробки» на мосту (чего хотели гитлеровцы) не создалось. Поэтому сзади идущие танки партгрупорга Федора Кичигина, младшего лейтенанта Алексея Ковтуна и других проскочили мост и завязали бой с самоходными орудиями, фаустниками, пулеметными расчетами, которые вели огонь по нашим танкам и пехоте из-за баррикад и через проломы зданий с близкой дистанции. Один только Кичигин подряд уничтожил три огневые точки и несколько фаустников.

Ломая отчаянное сопротивление гитлеровцев, наши танки с подразделениями пехоты медленно продвигались вперед, освобождая квартал за кварталом. Особенно опасными были фаустники. В каждом многоэтажном доме — десятки балконов. Сделав с одного из них один-два выстрела, фаустники перебегали на другой. Угол наклона танковой пушки не всегда позволял поразить противника, находящегося на верхних этажах домов или в подвалах.

Прибыв в боевые порядки атакующих танков, комбриг Юренков с начальником политотдела Жибриком потребовали четкого взаимодействия автоматчиков и пехоты с танками.

Для истребления фаустников, кроме роты автоматчиков и саперного взвода, комбриг приказал подключить оставшихся без машин танкистов, взвод управления и некоторых бойцов роты технического обеспечения и хозяйственного взвода.

Все политработники — замполит полка майор П. Н. Лукин, агитатор С. Е. Сандлер, парторг капитан В. И. Антонов, комсорг лейтенант В. В. Мосайкин — дрались в составе штурмовых групп.

За одной из них следовал начальник политотдела.

Наш бронетранспортер с автоматчиками вслед за танками проскочил на западный берег канала Ландвер. Проехав метров триста вперед, все быстро спрыгнули на землю. Комсорг Мосайкин со старшиной Татарниковым и автоматчиками Гончаровым, Толстухой и другими исчезли в развалинам домов, а мы с командиром отделения сержантом Григорьевым и автоматчиками Котовым, Земляковым и Кочетковым под огнем автоматных очередей гитлеровцев побежали во двор. Бронетранспортер, после того, как мы его покинули, оказался подбитым. Командир рядовой Федор Иванович Новиков погиб.

Пробиваясь вперед, мы выкурили фаустников из нескольких домов. Видим: на середине улицы стоит наш ИС. Из открытого люка башни струится небольшой дымок. Остальные танки сзади ведут огонь по балконам домов.

— Танк подбит, надо спасать его и экипаж! — крикнул я, и мы побежали все к нему. Путь нам преградил огонь из крупнокалиберного пулемета. Едва успели забежать в парадный подъезд пятиэтажного дома, как его угол разлетелся от снаряда. Григорьев успел окинуть глазом двор.

— Товарищ лейтенант, во дворе лежит раненый танкист, — доложил он. Подбежали к нему. Пытается подняться наряжающий подбитого танка — очень молодой младший сержант.

— Где остальной экипаж? — спрашиваю. А он молчит, не может отдышаться, только рукой гладит ягодицы. Потом процедил сквозь зубы:

— Кажется, погибли.

— Куда тебя ранило?

— Вроде, никуда, — выдавил он.

— Чего же тогда валяешься, ушибся?

— Нет. В подвале фашист прикладом ручного пулемета несколько раз огрел по ягодицам.

— Могли же застрелить?

— Могли. Наверно, побоялись шума или остались без патронов.

— По голове не попал?

— Голову он мою не нашел — спрятал я ее в ветоши.

— Почему не застрелил его из пистолета?

— Не успел вытащить, как он начал дубасить. После каждого удара говорит: «Рус сатана!» Потом, услышав ваш разговор, убежал.

— Сколько их в подвале?

— Видел одного, но там несколько человек.

— Откуда ударили по танку?

— Из подвала этого дома.

Прибежал с санитарами врач полка Андрей Урда. Осмотрев младшего сержанта, сообщил, что ничего страшного нет, хотя все его «сидение» в синяках. Пострадавшему налил из фляги шнапса и, улыбаясь, сказал:

— На, «дерни»… и лизни указательный палец — очень помогает, снимает моментально боль и успокаивает седалищные нервы, а они у тебя сдвинуты с места.

Я приказал трем автоматчикам немедленно прочесать все этажи дома. Не теряя времени, мы с Григорьевым бросились в подвал. Там около десяти гитлеровцев что-то прятали в куче угольных брикетов. Оказалось, закапывали оружие. Хотели избавиться от военного обмундирования и перебежать в другой отсек, где находилось около ста гражданских лиц — стариков и детей. Но не успели. В нашу сторону полетели брикеты. Когда мы длинными очередями из автоматов усмирили их, они стали кричать: «Гитлер капут!» Стало быть, сдаются!

Восьмерых гитлеровских вояк выволокли из подвала и передали пехотинцам, которые вели по улице пленных. Закопавшихся в брикетах искать не стали. Некоторые гитлеровцы, отчаявшись, переодевались в штатскую одежду и прятались среди сидевших в подвалах людей. Кем только они не прикидывались: больными, немыми, маскировались под старух. Одним словом, спасались, кто как мог. Но перехитрить нас им не всегда удавалось.

Следующий узел сопротивления мы встретили на Тюрингерштрассе. Выйти на эту улицу можно было только через проезд под железнодорожным полотном, который, до докладу разведчика Чаадаева, сильно обстреливался с сооруженной поперек улицы баррикады из нескольких трамваев противотанковыми орудиями и танками. Огонь по ним прямой наводкой вести мешала железнодорожная насыпь.

Командир полка, уточнив взаимодействия со стрелковым полком, штурмовой группой, возглавляемой майорам В. А. Лодвиковым, приказал:

— На большой скорости проскочить проезд и изо всех видов оружия открыть огонь по баррикаде! Автоматной роте — истребить расположившихся в зданиях фаустников!

Прежде чем двинуться в атаку, возглавлявший передовые танки штурмгруппы партгрупорг роты Федор Андреевич Кичигин, собрав на пятиминутку коммунистов роты, сказал:

— Товарищи коммунисты! Мой танк пойдет первым. Я буду драться, пока хватит сил. Прошу поддержать меня огнем. Приметам и предсказаниям я не верю. Однако, Ванюша, —

обратился он к лейтенанту Ивану Демидову, — запиши на всякий случай адрес моего отца Андрея Ивановича: село Рыжково Михайловского района Курской области. Если погибну, напиши ему письмо.

Атака началась. Лейтенант Валентин Ильин, коротким броском преодолев проезд под железнодорожной насыпью, ворвался со своими автоматчиками в самое массивное здание на левой стороне улицы и начал уничтожать фаустников. Его ранило. Однако, перевязав раны, он продолжал командовать ротой. Под натиском штурмовой группы фашисты летели с балконов на асфальт, пристреленные повисали на перилах балконов. Впервые я тут услышал, как наши бойцы на верхнем этаже кричали гитлеровцам: «Зих эргебен одер шпринген, зайт хох унд хайлих». Фашисты понимали быстро. Слова эти означали: «Сдавайся или прыгай — будешь «святым».

Вдруг исчез наш «Тарас Бульба» — так прозвали бойцы автоматчика комендантского отделения рядового Николая Григорьевича Юрченко. Он был уже в возрасте. По телосложению смахивал на Тараса Бульбу, разве, усы покороче. Оказалось, задержал троих фаустников в угловой комнате на пятом этаже и читал им громко письмо запорожских казаков турецкому султану.

— Вы почему застряли!? Ведите вниз, там их много, — крикнул я ему.

— Можут гады-гадюки збигти. Давай краше скинем з пятого поверху, товарыш командыр. Они убыли моих двух синив. Як я оставлю от их котив в живых, то моя жинка, узнав, буде мне казать, що фашисты убыли твоих синив Миколу и Петруса, а ты простил, и вона мыни намыле шию да нис и усы свинячим хвостом натре. Що мне робытъ? — посмотрев огненными глазами на фрицев, проговорил Юрченко. Он был готов задушить своими мощными руками этих фашистов.

— Ты не суди их до конца. Их осудят другие.

Юрченко, исполняя приказ, спустил захваченных гитлеровских солдат вниз и присоединил их к колонне пленных.

Танки проскочили проезд под железной дорогой и открыли огонь по баррикадам и балконам домов, откуда стреляли фаустники. Кругом — грохот орудий и пулеметно-автоматная трескотня. В нескольких местах что-то загорелось, рушились стены домов. Танкистам постоянно приходилось следить, как говорится, в оба: за противотанковыми орудиями и фаустниками.

Впереди с беззаветной храбростью действовал экипаж Федора Кичигина. От его выстрелов летели в воздух орудие за орудием, погибали их расчеты, фаустники. Машина Кичигина подошла к баррикаде из трамваев, заложенных мешками с песком, где пылал

подбитый им «тигр». Перескочить эту баррикаду танк не мог. В этот критический момент успел высунуть голову из подвала и ударить по танку чудом уцелевший фаустник. Танк остановился. Кичигин выскочил, успел лишь швырнуть в подвал гранату и, сраженный автоматной очередью, упал. Когда подбежали к нему майор Лодвиков и лейтенант Демидов, он, весь окровавленный, лежал на тротуаре. Трудно было узнать на его груди ордена Красного Знамени и Красной Звезды. Геройски оборвалась жизнь партийного вожака тяжелотанковой роты, командира танка, бывшего завуча Змиевской средней школы Орловской области Федора Андреевича Кичигина. Уважали и любили мы его за командирский талант, человечность, культуру. Он неоднократно отличался в боях, сражался всегда самозабвенно, не жалея себя. За штурм Берлина Федор Андреевич посмертно был удостоен ордена Отечественной войны второй степени.

В танке погибли механик-водитель техник-лейтенант Сергей Сергеевич Тюняев и заряжающий Ефим Титович Рыбин. Автоматчик рядовой Василий Федорович Колтунов побежал к экипажу на помощь, но тоже был убит.

Очистив от фашистов Тюрингерштрассе и оттащив танками использованные для баррикады трамваи, наш полк вместе с пехотой к восьми вечера 25 апреля вышел на перекресток Германштрассе и Копфштрассе. Здесь была сделана остановка.

Первым приехал с кухней помпохоз полка капитан Стребный. Началась заправка боеприпасами, горючим. На бронетранспортере подъехали замполит полка П. Н. Лукин и агитатор Сандлер.

Майор Лукин — обаятельный человек, участник боев на Халхин-Голе. В любой обстановке спокойный, решительный. Он всегда старался быть там, где труднее. Его твердое большевистское слово, уравновешенность окрыляли воинов. С ним всегда интересно и поговорить, и послушать его рассказы. Теперь он еще и еще раз убеждает и предупреждает, чтобы ни в коем случае не применять какого-либо насилия к немецкому народу.

Капитан Сандлер лично разносил экипажам свежие газеты и письма. Правда, на этот раз он выглядел усталым, бледным, стал неразговорчивым.

— Товарищ капитан, вы не ранены? — спросили мы.

— Хуже не бывает, друзья. Лучше бы ранило, чем такой удар, — хрипло, обиженным тоном заговорил Соломон Евсеевич. Он рассказал: — На Тюрингерштрассе в грохоте боя услышал рыдание грудного ребенка и тут же в сквере заметил детскую коляску голубого цвета. Война войной, а ребенка надо спасать —

и бросился к коляске. Грохнул фаустпатрон. Коляска исчезла. Не оказалось во рту и моей трубки. Вот что вытворяют фашисты в предсмертной агонии. Только приподнялся — грохнул второй. Жалко ребенка, теперь вою жизнь буду переживать, что я не сумел спасти его.

К нам подошел заряжающий Малинин. Капитан Сандлер знал его очень хорошо как агитатора в своей роте.

— Демид Сергеевич, письмо вам! Из дому!

Малинин сначала принял за шутку, но увидев в руке капитана кучу писем, бросился к нему. С волнением раскрыл «треугольник» и заметно повеселел.

> «Весна в Мари-Кошпае в полном разгаре, — писала ему жена Анна Демьяновна. — Мы очень рады, что скоро будете штурмовать германскую столицу. С Лизанькой с нетерпением ждем тебя домой. Береги себя, дорогой…»

— Коля! Все живы и здоровы, ждут с победой, — радостно закричал Демид Сергеевич, — и Аннушка, и Лизанька!

— Рад за тебя, Демид Сергеевич. Мне тоже сестренка написала, — улыбнулся я. Это было ее первое самостоятельное письмо после смерти матери. Написано много, но понять было трудно: видимо, когда писала, сильно волновалась.

Остановка наша длилась несколько часов. К рассвету следующего дня мы достигли района парка, что на восточной окраине аэродрома Темпельхоф. К этому времени, форсировав каналы Ландвер и Тельтов, после напряженных боев сюда же вышел действующий на левом фланге тяжелотанковый полк подполковника Цыганова. Еще до рассвета комбриг, вызвав к своему танку командиров полков, сказал:

— Бригаде совместно с гвардейским стрелковым полкам 8-й армии приказано захватить аэродром. По показаниям пленного, на нем стоят самолеты начальника штаба гитлеровской армии генерала Кребса и «юнкерс» самого Гитлера. Причем туда скоро будут приземляться и наши самолеты. Поэтому по взлетной площадке приказываю не бить. Стрелять лишь по пытавшимся взлететь! Маршрут атаки наметим во время рекогносцировки.

Полковник Юренков с начальником политотдела Жибриком, не теряя времени, рассредоточив танки в кустарниках приаэродромного парка, лично повел командиров полков Цыганова и Ермоленко с их командирами рот на рекогносцировку местности. Вместе с танкистами был заменяющий командира стрелкового полка замполит, молодой подвижный, сибиряк, подполковник И. Г. Падерин.

Время на подготовку к захвату аэродрома пришлось

сократить, так как противник начал обстреливать из тяжелых орудий расположение танков и пехоты.

— Откуда бьет артиллерия, Николай Николаевич? — спросил комбриг у начальника штаба Назаренко.

— По данным разведки, огонь ведется из района полигона Хансенхайде и со стрельбища.

— Надо немедленно начать атаку, иначе от огня могут пострадать танки и пехота, — заключил комбриг.

Ранним апрельским утром, когда солнце только-только показалось над горизонтом, танковые взводы комсорга роты лейтенанта Тихомирова и Героя Советского Союза лейтенанта Асрияна, выйдя на лесную полосу, что на границе аэродрома, по ее теневой стороне с десантом на борту устремились вперед к ангарам. Атака была настолько дерзкой, ошеломляющей и стремительной, что противник был застигнут врасплох. Самая близкая зенитная батарея врага, установленная с целью обстрела восточной окраины аэродрома, не успев произвести ни одного выстрела, была уничтожена. С появлением наших танков несколько самолетов поспешно пытались выруливать на взлетную полосу, но были сожжены.

Видя, что начали загораться и находящиеся без экипажа самолеты, подполковник Цыганов передал по рации:

— По исправным самолетам без экипажей огня не вести!

По мере приближения к ангарам и главному зданию аэродрома сопротивление противника нарастало. Появились его танки, противотанковые орудия и фаустники.

Несмотря на большую плотность огня, гвардейцы-танкисты и пехотинцы неудержимо рвались вперед. Только экипаж Евгения Тихомирова подавил огонь двух батарей зенитных орудий, разбил четыре противотанковых орудия, подбил один танк. Кроме того, захватил 20 исправных самолетов и уничтожил до 50 солдат и офицеров противника.

Младший лейтенант Лев Малыгин огнем своего танка уничтожил 10 пытающихся взлететь самолетов, сжег два танка, подавил огонь батареи зенитных орудий и расстрелял до батальона гитлеровцев. Большие потери врагу нанес танковый взвод Ашота Асрияна.

Одновременно с северо-восточной окраины аэродрома в атаку ринулись и танки нашего полка. Впереди действовал взвод лейтенанта Ивана Соколова. Там, где прошел взводный, догорали два самолета, валялись обломки трех разбитых орудий и до взвода трупов вражеской пехоты. На счету младшего лейтенанта Ивана Кузнецова было три уничтоженных орудия, несколько пулеметов и до 30 истребленных гитлеровцев.

Лейтенант Александр Изотов разбил орудие, дзот и расстрелял несколько фаустников. Немало потерь фашистам нанес Александр Алешин. Около ста гитлеровцев, не выдержав огня танков и пехоты, бросили оружие, сдались в плен. Группами их уводили в тыл автоматчики.

Противник долго не прекращал огня. Во время короткой перестрелки слышим крик около одного из танков. Когда подбежали, видим: лежит командир танкового взвода лейтенант Лев Аронович Цоглин.

— Куда задело? — спрашиваем его. А он не отвечает — кричит, вертится как ужаленный. Вроде бы цел и невредим, ни капли крови. Выяснилось: пуля, пробив пряжку со звездой, застряла утолщенной частью в ней, царапнула и обожгла живот. Рана легкая, но был ожог и сильный удар по животу. Когда боль прошла, Лев Аронович сам над собой шутил часто.

Как только танки с пехотой приблизились к ангарам и открыли по ним огонь, загорелись и стали взрываться находящиеся там самолеты, в нескольких местах возникли пожары. Вскоре гитлеровцы прекратили огонь. Только фаустники пытались бить из подвалов, но и их скоро усмирили.

Вдруг один из автоматчиков, показывая на соседнее здание, доложил, что там находятся немецкие летчики. Мы подбежали к подвалу ангара и потребовали сдаться находящихся там в плен.

— Ты, полегче! — пробасил и сочно выругался по-русски кто-то в подвале.

— Стоп! Там наши! — крикнул я, опасаясь, чтобы кто-то не швырнул туда гранату. Минуты через две стали выходить из подвала наши автоматчики и пехотинцы.

Очистив аэродром Темпельхоф с его ангарами и главным зданием, танкисты бригады вместе с пехотой подошли к тюрьме. Ее охрану уничтожили ворвавшиеся сюда раньше всех разведчики во главе с начальниками разведки бригады Урсовым, нашего полка — Чаадаевым и командиром разведвзвода лейтенантом Манчиновым. Были освобождены около трех тысяч заключенных из различных стран.

По приказанию заместителя начальника штаба полка капитана Смака мы с сержантом Петром Григорьевым на бронетранспортере доставляли в штаб бригады донесение. Уже темнело. Проехав один квартал, видим в сквере на Ильденштрассе стоит выстроенный почетный караул — взвод автоматчиков и человек тридцать бойцов и командиров, в том числе начальник политотдела полковник Жибрик. Кого-то собрались хоронить. Остановив бронетранспортер, услышали голос начальника политотдела, который произнес:

— Сегодня мы прощаемся с отдавшими свою жизнь за свободу и независимость нашей Родины… И начал перечислять имена погибших, среди которых назвал заряжающего тяжелого танка старшего сержанта Демида Сергеевича Малинина. Он лежал среди других боевых товарищей, наполовину обугленный. Его экипаж, кроме командира, сгорел полностью.

— Петя, мы с Малининым из одной местности. Собирались вместе домой, — сняв танкошлем, тихо шепнул я Григорьеву.

Нет слов, тяжело переживаешь смерть каждого боевого товарища. Но особую боль причиняет тебе гибель друга за несколько дней до конца войны. Потерял друга, который к долгожданному дню Победы шел почти четыре года. Только вчера во время короткой передышки вместе получали письма. Прочитав весточку из дома, Демид Сергеевич торопился ко мне, чтобы высказать свою радость, поделиться воспоминаниями о родном крае.

«Признаться, Коля, очень соскучился я по своей дочурке Лизаньке, — сказал он тогда. — Она у меня расчудесная. Когда призывался на войну, ей было лишь около двух лет. Говорунья была. Теперь пошел седьмой. Эх, взглянуть бы на нее хотя одним глазком, погладить ее пушистые волосы. Фашисты поганые испортили всю жизнь. Но близок день, когда зашумит праздник на нашей улице. И мы с тобой, Коля, запоем песню «Кенеж кече ояран весела…» Люди залечат раны, построят новые города, вырастят новые сады… Если уйду из жизни, то — с великой любовью к жене Аннушке и дочери Лизаньке».

Последние слова Демид говорил медленно, торжественно. А его огненно сверкающие глаза прямо смотрели на меня.

Не стало моего друга, с которым в течение полутора лет шли вместе по фронтовым дорогам. Никто не считал меня слабым человеком, но я, отвернувшись, тихо заплакал.

— Ну, будет вам, товарищ лейтенант, пошли к бронетранспортеру, — успокаивал меня Григорьев, и мы медленно зашагали.

— Не буду я теперь, товарищ лейтенант, употреблять слова: «Хенде хох!» при встрече с гитлеровцами на балконах домов, — продолжал Григорьев.

— Это почему? — неожиданно вмешался в разговор догоняющий нас вместе со своим связным начальник политотдела Жибрик.

Мы на несколько секунд замолкли. Потом Григорьев, глубоко вздохнув, заговорил:

— Товарищ полковник, как же прикажете понимать? Окружили фашистов со всех сторон — они не сдаются, а как

фанатики, ярые, заклятые враги, убивают, калечат наших бойцов и командиров. Так по какому человеческому праву, за какие заслуги должны мы сохранить им жизнь? Лучше таких ярых посылать на тот свет, чтобы меньше было реваншистов после войны, — закончил свою речь Григорьев.

Иван Васильевич не любил рубить с плеча.

— Как вас звать, товарищ сержант? — спросил он у Григорьева.

— Петром, товарищ полковник, — ответил он.

— Петя, сынок мой. Нет в нашей стране семьи, которой не коснулась бы война. Миллионам семьям война принесла глубокое, непоправимое горе. В них обязательно погиб кто-нибудь. Однако это не значит, что мы должны уничтожать каждого немца, даже если он сдается в плен. Фашисты хотели уничтожить нашу страну и ее столицу Москву, истребить или поработить людей наших. А мы пришли сюда не за этим. Потому надо сохранить жизнь тем, кто сдается. Они со временем поймут свою вину и гуманность армии социалистической страны, — закончил начальник политотдела. Потом спросил: — Вы куда собираетесь, в штаб бригады?

— Так точно, с донесением, — ответили мы.

— Тогда садитесь, поехали!

Наши штурмовые группы настойчиво продвигались вперед. Однако на одном из перекрестков фаустники и противотанковые орудия остановили нас.

— Товарищ Тихомиров, разыщите командира стрелкового батальона, доложите ему обстановку и согласуйте совместный удар, — приказал подполковник Цыганов командиру штурмгруппы.

Командир батальона находился на своем КП. Рядом с ним были еще два офицера. Напротив, под охраной автоматчиков, согнувшись, стоял высокий, крепкого телосложения, с густыми рыжими бровями, в черном обмундировании эсэсовский офицер. На груди — серая, похожая по форме на продолговатое сердечко, металлическая бляха.

— Садись, танкист, — предложил комбат, а сам закурил.

— Что за гусь стоит, товарищ майор, не пастор? — присаживаясь, спросил Тихомиров.

— Нет, — улыбнулся комбат, — хуже. Эсэсовский палач. Почитайте. На бляхе написано «зондеркоманд» и изображены луна и свастика, а причем, он не из рядовых, имеет большой чин. Эта «команда» приводит в исполнение приговоры. Вешает и расстреливает тех, кто хочет сдаться в плен, покинул свои позиции, бросил оружие. Человек из этой команды имеет право

любого своего без суда застрелить на месте. Посмотри, чем они занимались здесь, — показал комбат.

В большом полутемном подвале висели с веревками на шеях девять немецких солдат. Погоны содраны, награды выдраны. Крайние двое, вроде, гражданские, но сапоги у них военные.

— Ясно? — спросил комбат.

— Ясно, товарищ майор.

— Ты пришел-то зачем? Опять остановили?

— Да, мешают в основном проклятые фаустники, ПТО мы не боимся.

— Идите, откройте огонь из танков, а, мы ударим! — решил комбат. Согласовав нужное для совместной атаки, Тихомиров ушел.

Дружной атакой и это сопротивление фашистов было сломлено. Несмотря на все трудности, танки бригады вместе с автоматчиками и подразделениями стрелковых полков, освободив несколько кварталов, к девяти утра 27 апреля вышли по Маккермштрассе к каналу Ландвер. Дальнейшее продвижение было опять приостановлено мощным огнем противника.

По пути в нескольких местах видели следы расправы «зондеркоманд». Они вешали немцев, не желавших воевать, на самом видном месте — в скверах, парках, на площадях, — чтобы видели все, какая кара ждет тех, кто не желает подчиниться приказу фюрера.

Для выяснения обстановки на переднюю линию прибыли заместитель начальника штаба бригады по оперативной работе майор Кабанов и командир разведвзвода Крылов, которым было приказано определить состояние мостов через канал. Однако пробраться к командиру стрелкового подразделения было невозможно из-за сильного огня. Поэтому они поднялись на третий этаж углового дома и из окна, откуда хорошо просматривался противоположный берег, начали наблюдать за боем. Выяснилось: в этом районе противник сопротивляется с возрастающим упорством. Мост через канал взорван. В нескольких метрах от него на нашей и противоположной сторонах фашисты соорудили завалы из бетона, железа и мешков с песком, которые прикрывались огнем орудий и танков. Положение нашей пехоты было далеко незавидное. Около ста человек, не имея возможности поднять головы, лежат за завалом. Отойти назад — явная смерть, а прилегающая местность простреливается пулеметным и артиллерийским огнем. На подступах к завалу и на нем лежали наши погибшие воины. Обстановка требовала принятия самых решительных мер.

— Крылов, у тебя разведчики есть? — строго спросил

Кабанов.

— Есть, товарищ майор, — ответил Крылов, хотя при нем остались лишь сержант Юсупов, пулеметчик Дмитриев и механик бронетранспортера. Остальных Крылов уже отправил на задание: найти железнодорожный мост.

— Надо немедленно послать двух человек к пехоте и настроить ее проскочить по развалинам моста через канал. Иначе фашисты перещелкают всех до одного. Я побегу на рацию, доложу обстановку комбригу и попрошу огонька, — закончил Кабанов.

Минут через десять, высекая стальными траками гусениц искры из мостовой, почти к самому завалу подошли 4 наших тяжелых танка и самоходка лейтенанта Иванова из разведроты. Они сразу открыли огонь по врагу. Северный берег канала задрожал. От разваливающихся стен многоэтажных домов в воздух поднялись рыжие облака пыли.

Старший лейтенант Крылов, замазав грязью, чтобы не было заметно, белую повязку на голове (он был ранен еще на Зееловских высотах), надвинув танкошлем на уши, с сержантами Дмитриевым и Юсуповым стремглав побежали к завалу. Все же пули зацепили танкошлем и куртку у плеча Крылова.

— Где ваш комроты? — сурово спросил он у бойцов.

— Ротный и взводный убиты, — пробасил кто-то.

— Братцы-гвардейцы! Сидите вы тут, как в западне, а фашисты издеваются над вами. Надо сделать решительный бросок к каналу и по взорванным фермам моста проскочить на противоположный берег!

В это время «заговорили» «катюши», и через несколько секунд высоко над головой огненной струей прожужжали десятки их снарядов. Усилили огонь наши танки. Теперь на противоположном берегу канала стоял невообразимый грохот. А через несколько минут от образовавшейся пыли стало липко во рту.

— Вон видите: «катюши» наши дают прикурить гадам, и танки их громят, — обращаясь к бойцам, проговорил Крылов. — А ну, коммунисты, комсомольцы! Впере-е-ед! За мно-о-й! — крикнул Василий Крылов и вместе со своими разведчиками бросился в мутную воду канала. За ними сразу кинулись человек тридцать. Затем — еще, еще. За каких-нибудь пять минут около ста пятидесяти человек переправились на противоположный берег канала Ландвер.

Крылов, оказавшийся около валяющегося трамвая, скомандовал:

— Приготовить гранаты!

На той стороне забегали эсэсовские офицеры. Они были без

головных уборов, в расстегнутых френчах, на каждом висело несколько автоматов.

— Дурак, одна рыжая башка, а надел три автомата и расстреливает своих, — усмехнулся Юсупов.

Вражеский офицер, спрыгнув, оказался перед ним.

— Коммунист! — зарычал эсэсовец.

Муллагалею Юсупову была дорога секунда. Он моментально ударил офицера «лимонкой», которую держал в правой руке, по голове.

— За мной, гвардейцы! Бей их! — раздался голос Крылова.

Разведчики с мотострелками бросились навстречу фашистам.

— Шайтаны, получай! — приговаривал Юсупов, нанося удары налево и направо.

Рослый фашист с горящими от ярости глазами ловким ударом выбил из рук Юсупова автомат. Но разведчик тоже не растерялся, сбил фашиста и успел выхватить нож…

Видя, что Юсупов окружен тремя эсэсовцами, Крылов кинулся к нему на помощь. Двоих сразу прикончил выстрелами из пистолета, но третий, пытаясь помочь своему офицеру, успел прострочить разведчика.

Юсупов, упав на гитлеровского офицера, лежал на спине и стеклянными глазами смотрел на затянутое пороховой гарью и кирпичной пылью небо.

— Хенде хох, а то перебью до одного… — тихо прошептал он, и его голова свалилась на бок…

— Прощай, «Михаил Гаврилович»… Ты был храбрым воином, мы тебя не забудем, — сказал Крылов, неся на руках бездыханное тело Юсупова в укрытие.

Сержант Муллагалей Тунбагалиевич Юсупов в рукопашном бою уничтожил пятерых эсэсовцев. За этот бой он посмертно был удостоен ордена Отечественной войны первой степени.

Наша пехота, завладев плацдармам на северном берегу канала Ландвер, закрепилась на нем. Бой не стихал.

Через полчаса к каналу подъехали комбриг Юренков и начальник политотдела Жибрик. Полковник был явно не в настроении. Сразу вызвал к себе старшего лейтенанта Крылова. Тот начал было докладывать, но Юренков перебил его.

— Ты бы разведал мосты, чем водить в атаку пехоту.

В общем-то наш «батя» (так танкисты звали комбрига) разведчиков оберегал. Не допускал излишнего риска, а того, кто самовольничал, наказывал. Дальнейший разговор перебил прибежавший сержант Орел. Он, видя, что перед командиром бригады навытяжку стоит его командир, словно догадываясь о чем-то неладном, смахнул со лба пот и сразу начал докладывать:

— Товарищ полковник, найден уцелевший мост через канал, но он заминирован. Там пехота ведет с фашистами бой.

Теперь наш штурмовой отряд двинулся направо по набережной канала Ландвер. Впереди на максимальной скорости рвался вперед танк лейтенанта Ивана Соколова. Но это было не так-то просто. Слева — канал, а справа — дома. Улица усыпана разбитыми автомашинами, повозками, перевернутыми трамваями и вражескими трупами. Командир приказал механику-водителю:

— С разгону на большой скорости смять все, что мешает движению. Наводчику беспрерывно вести огонь с ходу из пулемета, а во время коротких остановок — из пушки.

— Справа в угловом доме — орудие! — закричали вдруг одновременно наводчик и заряжающий.

От бронебойного и трех осколочных снарядов не только вражеское орудие, но и развалилась половина дома. Тут сильно что-то тряхнуло танк. С тыла из развалин по нему ударил фаустник. Снаряд попал в моторное отделение, и машина загорелась. К счастью, экипаж почти не пострадал. Только от мелких броневых осколков с лица каждого сочилась кровь. Убедившись в там, что спасти машину не удастся, командир крикнул:

— Без паники! Снять пулеметы и покинуть танк!

Только выскочили из танка, как гитлеровцы ударили из автоматов.

— Ложись! — приказал командир, заметив, что из окон соседнего дома высунулись дула автоматов.

Хорошо, что рядом валялись какие-то кирпичные глыбы. Из-за них сразу ударил наш танковый пулемет. Несколько снарядов послали также и сзади идущие танки.

— За мной! — крикнул Соколов и стремглав побежал в полуразрушенный дом, откуда били автоматы и фаустники. В коридорах и комнатах валялись трупы фашистов.

— Товарищ лейтенант, у вас кровь, — заметил один из автоматчиков.

— Где?

— С вашей руки течет.

Лейтенант, не придавая значения слепому пулевому ранению руки, продолжал бой. Огнем двух пулеметов танкисты и автоматчики очистили дом от гитлеровцев.

Наступил вечер. До рейхстага оставалось не более двух километров. Для преодоления их надо было форсировать последний водный рубеж — канал Ландвер. А где переправа?

— Нет, ждать наведения моста не будем. Найдем исправный мост, — решительно проговорил подполковник Цыганов.

— Сергей Васильевич, кому поручим эту задачу? — обратился командир полка к начальнику штаба Краснянскому.

— Александр Прокофьевич! Хорошим специалистом по выполнению боевых задач ночью является майор Котляр. К тому же он владеет немецким языком, — последовал ответ.

Стоящий поодаль Котляр подошел к командиру полка. Он хотя и старался показать себя бодрым, но усталость была явно заметна. Низкий ростом, он, казалось, стал еще меньше. За все дни штурма немало досталось и ему. Осуществляя оперативную работу штаба полка, ему приходилось днем и ночью под огнем врага поддерживать связь между танками и стрелковыми подразделениями, частями.

— Товарищ подполковник, задача будет выполнена, — четко сказал майор Котляр.

Стемнело. Однако улицы разрушенного Берлина то и дело часто освещались ракетами.

— Надо ехать тихо, — предупредил Котляр лейтенанта Тихомирова.

Танк медленно двигался вдоль канала. На нем наготове сидели автоматчики старшего сержанта Петра Григорьева. Приблизились к первому мосту. Неожиданно из-за угла, размахивая белым платком, выбежала седая женщина и остановилась впереди танка.

— Вас ист дас? — крикнул выглянувший из люка майор.

Женщина сообщила, что перед вечером несколько гитлеровских солдат копались на мосту, забирались под него — должно быть, минировали. А следующий мост подошедшие наши части не дали заминировать.

Проверить достоверность показаний времени не было. Вскоре танк Тихомирова догнал бронетранспортер. Там были майор Урсов, лейтенант Крылов и несколько разведчиков.

Наконец на левой стороне канала показался мост. Искать занимающего тут оборону комбата стрелкового полка долго не пришлось.

— Далеко направились? — обратился молодой со звенящим голосом майор.

— Что с мостом? Почему не овладеваете? — задал встречный вопрос Котляр.

— Мост не заминирован. Пытались, но у них не вышло. Близко же к нему не подпускают. Свирепствуют минометы, фаустники да и стрелки. Требуется ваша помощь, товарищи танкисты.

Несколько минут три майора стояли молча.

— Надо ослепить противника, — предложил Котляр.

— Я тоже так думаю, — согласился Урсов.

— Дымовые шашки имеются, — догадавшись, доложил лейтенант Тихомиров.

Внезапно мост заволокло густым серым дымом. Видя это, фашисты лихорадочно наугад застрочили по мосту. От дополнительных шашек дым стал еще гуще. Доложив комбригу «Атакую мост!» и сообщив координаты, своего танка, Котляр ринулся вперед. За ним, строча из крупнокалиберных пулеметов и автоматов, устремились бронетранспортер и стрелковые подразделения. Через несколько минут мост остался позади и наши стремительно ворвались на Бель-Алиянс-плац. На мосту осталось несколько наших воинов. Все-таки один фаустпатрон попал в маску пушки нашего танка.

Котляр только успел радировать комбригу, что находится на Бель-Алиянс-плаце, как из окон ближайшего дома полетели по танку фаустпатроны и гранаты. Однако автоматчики под командованием Котляра быстро усмирили их. Вскоре подошли и танки бригады.

С рассветом следующего дня танковая рота старшего лейтенанта Шкуро в составе штурмового отряда успешно продвигалась вперед. На улице стоял грохот от рвущихся снарядов и мин, падающих стен зданий.

Танкодесантники, саперы и пехотинцы выживали из домов, подвалов фаустников. Ярость гитлеровцев нарастала. Если в пригороде Берлина они перемещались с этажа на этаж, то теперь, не обращая внимание на наш огонь, сидели на одном месте и сражались с остервенением. От столь плотного огня фаустников стали выходить из строя наши танки. В разгаре боя прибегает ко мне связной от командира полка сержант Сумароков:

— Товарищ лейтенант, подполковник приказал уточнить и доложить положение роты Шкуро, так как связь с ней прервана.

Мы с сержантом Петром Григорьевым что есть духу побежали к танкам. Улица простреливалась насквозь. Пробираемся по дворам, узким проходам. Вот стоит подбитый танк № 632 младшего лейтенанта Александра Ковтуна. В нем никого нет. Поодаль видим сгоревшие танки лейтенанта Ивана Иваненко и младшего лейтенанта Павла Борзых. Метрах в ста впереди дымила машина Григория Шкуро, но она продолжала двигаться вперед. Сделав еще три выстрела, остановилась — попал еще один фаустпатрон. Из люка горящей машины показалась голова старшего лейтенанта Шкуро, но сразу же исчезла. Мы не видели, чтобы кто-нибудь из экипажа выскочил из танка.

Фашисты не дают нам приблизиться к танку Шкуро, бьют из автоматов, фаустпатронами. Мы быстро кинулись в широкое,

разбитое окно. Похоже, что здесь был магазин. Перепрыгнув через трупы фашистов, очутились во дворе. Но он тоже простреливался вдоль и поперек. Только успели кинуться в подвал, как угодили в кучу тлеющей макулатуры. Заметив сквозь дым проблеск света в конце подвала, выскочили на лестничную площадку.

— Во дворе — немцы. Как теперь будем пробираться, товарищ лейтенант? — спрашивает Григорьев.

— Тихо. В доме — тоже они. Слышь, на лестнице торопливо стучат сапоги? — настораживаю я его.

Действительно, разговаривая о чем-то, быстро спускаются несколько человек. Вот на второй площадке показались сразу четверо в черных мундирах.

— Эсэсовцы! — крикнул Григорьев. Мы разом застрочили из автоматов. Враги побежали вверх по лестнице. На лестничной площадке осталось лежать двое убитых и несколько человек тяжело раненных.

— Товарищ лейтенант, разрешите прикончить их? — спросил Григорьев и наставил на них автомат.

— Не сметь! Они раненые, отвоевались, а с их «грехами» разберутся.

Мы быстро устремились вверх по лестнице. На балконе четвертого этажа нашли четырех пьяных фаустников. Троих прикончили, а четвертый верзила живо вскочил на подоконник. Согнувшись дугой, начал реветь. Хотел, видимо, прыгнуть, но оробел.

— Товарищ лейтенант, как вы думаете, к лучшему или худшему, когда хлюпает фашист? — проговорил Григорьев.

— Непременно, к лучшему. Забери его, Петя. Неудобно возвращаться с пустыми руками. Да побежали побыстрее, надо доложить, — сказал я.

— Ком! Ком в Сибирь, — показал Григорьев фашисту на дверь.

Вдруг гитлеровец перестал реветь, лицо его перекосилось.

— Сибир найн! Найн! — крикнул он, обнажив металлические зубы, и прыгнул в окно. В руках у Григорьева остался лишь правый сапог с широким голенищем, а немец распластался внизу на развалинах дома.

Мы спустились вниз. Не рискуя бежать по улице, перевалились через кирпичный забор в соседний двор.

— Хенде хох! — не разобравшись, закричал наш автоматчик, стоявший уже наготове.

— Полегче, свои! — ответил Григорьев.

— Думал, фаустники лезут.

Видим: в углу двора сидят несколько пленных. Одному из

них молодой лейтенант приказывает выпить.

— Товарищ лейтенант, почему изволите потчевать водкой фашиста? — строго спросил я.

— Коряков, москвич! — сначала лихо отчеканил лейтенант, на груди которого звякнули медали и сверкнули ордена.

Поскольку он доложил, откуда родом, хотя я его и не спрашивал, то я, не желая показать свое деревенское происхождение, козырнул:

— Танкист из Йошкар-Олы.

— Выгребли из винного погреба шестерых пьяных гадов. У каждого в карманах напихано по четыре бутылки шнапса. Конвоировать их некому. А нам надо торопиться на разведку. Вот и решили напоить их до предела, чтобы не удрали. Другие подберут, — пояснил лейтенант.

— А если в расход? — проговорил Григорьев.

— Не велят.

Любопытничать времени не было. Предупредив, что через двор сидят гитлеровцы, мы со всех ног побежали дальше.

Командира полка нашли у танка, стоящего возле большого здания. В парадном подъезде дома находились Жибрик и Лукин. Вид у всех был озабоченным. Ермоленко докладывал о чем-то начальнику политотдела. Я лишь услышал: «Надо выбрать другой маршрут…»

В таком скверном настроении, как теперь, видел командира полка впервые. Он остался доволен, что мы быстро выполнили приказание. Его озадачило положение танков. К тому же оказалось, что по его танку ударил фаустник. К счастью, беды не причинил. Но тут же застрочил вражеский автомат — пуля прошила его фуражку, а командира танка Демидова ранило в правую руку.

— Фаустника-то поймали? — спросил я у механика-водителя танка Гарифа Мухамедшина.

— Трех наглецов выловили и нескольких, не пожелавших сдаться, автоматчики Ильина ухлопали.

— Где Демидов?

— В комнате на перевязке, — указал на дверь Гриша.

В наполненной ароматными запахами от различных одеколонов и духов комнате первого этажа наш полковой врач Андрей Евменьевич Урда с санитарами перевязывали раненых.

— Что с тобой, Ванюша? — спросил я у Демидова.

— Царапнуло мало-мальски.

— Ничего себе, царапнуло. Без медсанчасти не обойтись, — заметил Урда, протирая одеколоном руку Демидова. Одеколон и духи для санобработки принесли из парфюмерного магазина

наши автоматчики.

Через несколько минут полковой разведчик Чаадаев доложил Ермоленко, что подбиты и сгорели танки лейтенанта Ивана Савельевича Иваненко и младшего лейтенанта Павла Александровича Борзых. Экипажи, за исключением нескольких человек, сгорели.

Наша атака по Саарландштрассе сорвалась. Не удалось пробиться по кратчайшему пути на Потсдамер-плац. Поэтому танки пошли в обход. Особенно тяжелый бой на пути к рейхстагу завязался за кварталы между Беллевюштрассе и Тепиц Уефом.

— Это, наверно, последний и самый мощный оборонительный узел, — проговорил наблюдавший с лестничной площадки за боем штурмового отряда полковник Жибрик.

Он был прав. Тут гитлеровцы соорудили несколько бетонных завалов, за которыми сосредоточили противотанковые орудия, танки. Завалы прикрывались большим количествам автоматчиков и гнездящимися на балконах домов фаустниками. Битва за этот узел обороны продолжалась почти сутки.

— Правый фланг продвинулся вперед, а что, если нашим разведчикам выйти в тыл за перекресток и ударить, — предложил подполковник Ермоленко начальнику политотдела Жибрику.

Предложение было принято. Ценою больших усилий, находчивости, по дворам, подвалам, каким-то подземным ходам, старший лейтенант Крылов повел своих разведчиков к вражескому опорному пункту. Дом, куда подкрались разведчики, оказался набитым фашистами. Неожиданное появление и дерзкие действия наших бойцов вызвали среди них панику. Начался настоящий огненный шквал — автоматная трескотня, взрывы гранат. Многие немцы стали прыгать из окон. Находящиеся на нижних этажах сумели скрыться, а прыгающие сверху оставались лежать на мостовой. Первой же автоматной очередью были срезаны находящиеся за завалом два пулеметных расчета.

— Иван Васильевич, с верхних этажей спрыгивают люди, — доложил Жибрику беспрерывно наблюдавший за перекрестком командир полка Ермоленко.

— Немцы или наши?

— Трудно разобраться, товарищ полковник, кто кого выкидывает.

— Действуют наши «смельчаки», — одновременно проговорили Жибрик и Ермоленко.

Впереди вспыхнула ракета. Дали залпы танки, и застрочили автоматы. Послышалось громкое: «Ура-а-а!»

— Друзья, слушайте внимательно, слушайте сердцем своим. Может быть, это последнее «ура» в этой кровавой битве, —

трогательно проговорил полковник Жибрик.

Наши стрелки и автоматчики устремились к перекрестку улиц. Впереди бежал со своими разведчиками командир разведвзвода коммунист Иван Манчинов. Гитлеровцы заметались, стали шарахаться из стороны в сторону.

— Товарищ старший лейтенант, «пантера»! — крикнул один из разведчиков.

Машина стояла за завалами и была искусно замаскирована. Василий Крылов, схватив валяющийся фаустпатрон, выстрелом в упор сжег «пантеру», а автоматчики быстро завершили дело с ее экипажем и пехотой.

Во второй половине дня 1 мая 1945 года вражеский опорный пункт был взят штурмом. В этом бою погиб командир орудия танка старшина Курмаш Жаскулов. Оборвалась жизнь одного из самых опытных механиков-водителей старшины Ивана Сергеевича Якушина. За штурм Берлина он был посмертно награжден орденом Отечественной войны второй степени. На завалах нашли пробитое пулями богатырское тело лейтенанта Ивана Кирилловича Манчинова. Лейтенант Манчинов за штурм Берлина был посмертно награжден орденом Красного Знамени.

До центра фашистского логова — рейхстага оставалось рукой подать. Но стекающиеся туда гитлеровские части пока о капитуляции не помышляют, а по велению самого фюрера сопротивляются с фанатизмом обреченных. Приближаясь к рейхстагу, на один маршрут теперь выходят несколько наших частей. Понятно, что заключительный аккорд в разгроме гитлеровской армии хотелось сделать каждому у стен поверженного рейхстага.

Танки подполковника Цыганова со стрелковыми подразделениями, уничтожая фаустников и пехоту противника, по своему маршруту успешно продвигаются вперед. К нашему танку подбегает молодой, с ухарской замашкой капитан — командир роты тридцатьчетверок.

— Пропустите нас вперед! Мы идем к рейхстагу водружать Знамя Победы! — требовал он.

— Товарищ капитан, впереди фаустники. Да и мы пробираемся вот уже которые сутки туда же, а не к теще на блины. На борту каждого танка имеется по два знамени, — спокойно ответил Герой Советского Союза лейтенант Ашот Асриян. — Если вам оказано такое высокое доверие, то объезжайте другой улицей.

— Как вы со мной разговариваете, лейтенант! — разгорячился капитан. И нарочно расстегнул куртку, чтобы показать два ордена Красной Звезды и несколько медалей на

своей груди.

Асриян не стал расстегивать свой комбинезон, чтобы блеснуть золотой Звездой Героя, а только сказал:

— Идите, товарищ капитан, к командиру бригады, — и, захлопнув люк, двинулся вперед.

Капитан переместился на другую улицу, построил танки в два ряда и с красными флагами на направляющих машинах, как на параде, двинулся в сторону рейхстага. Продвинувшись парадным маршем не более ста метров, наши тридцатьчетверки попади под сильный огонь фаустников. В результате танки остановились и создали на улице пробку. Нам пришлось оттаскивать подбитые танки, оказывать помощь раневым. Один только комсорг роты Евгений Тихомиров эвакуировал на своем танке 16 раненых. Потом мы видели, как того самого капитана отчитывал за лихачество старший командир.

Глубокой ночью с первого на второе мая при потрясающем грохоте взрывов, беспрерывной трескотне пулеметов и автоматов, под освещенным бесчисленными пожарищами ночным небом Берлина наша тяжелотанковая бригада вплотную подошла к рейхстагу. Там шел горячий бой. Вскоре молнией пронеслось сообщение: «Рейхстаг взят!» Оно нас обрадовало. Но пока мы не знали, является ли захват рейхстага концом войны. Не знали положения наших войск и противника.

Комбриг приказал продвижение приостановить. Танковые полки и подразделения бригады сосредоточились в парке Тиргартен. Несмотря на то, что уже несколько суток люди почти не спали, никому не хотелось спать, все бодрствовали. Пожалуй, это была первая ночь без определенного плана на следующий день: будем ли воевать или приступим к боевой подготовке.

Постепенно смолкли выстрелы, а на рассвете в поверженной столице Германии установилась удивительная тишина. Но в ушах еще стояли мучительные отголоски боя. По улицам вели колонны пленных. Изредка появлялись и гражданские лица. Один житель, назвавшись коммунистом, сообщил, что в соседнем здании укрылись гитлеровцы.

— Крылов, бери несколько разведчиков и проверь подвал этого здания. Если не окажут сопротивления, не трогать ни одного человека, — приказал командиру разведвзвода майор Урсов.

Долго колесили разведчики по зигзагам полутемного подвала П-образного здания. Здесь нашли убежище старики, жен-шины, дети.

— Пошли обратно, Загулкин. С переодетыми фрицами разбираться не будем, — проговорил Крылов, и они стали

подниматься по винтовой лестнице вверх.

Неожиданно в приоткрытую дверь прорвался свет. Толкнув ее ногой, разведчики увидели в большом зале человек 50—60 вооруженных эсэсовцев в новенькой форме.

— Хенде хох! — что есть духу заорал Крылов. Для острастки скомандовал: — Первое отделение — справа! Второе — слева! — хотя с ним был лишь один сержант Загулкин. Стоящий около дверей с ручным пулеметом в руках эсэсовец первым поднял руки. Его пулемет упал под ноги Крылову. Гитлеровцы начали складывать оружие. Человек десять подняли руки вверх и вышли во двор.

Вдруг послышалось: «Феррертер»[2], — и началась пальба между желающими и нежелающими сдаться в плен. Творилось что-то невообразимое — крики, ругань, стоны. Крылов вначале подумал: «Ну их, пусть выпустят кишки друг у друга». Но потом не выдержал.

— Хенде хох! Чертовы душегубы, кончай смолить своих! Шнель, к едреной бабушке, ферштейн! — еще раз громко закричал он. Одновременно прострочил из немецкого ручного пулемета потолок так, что посыпалась штукатурка. Эсэсовцы враз притихли. Подняв руки вверх, они по одному стали выходить во двор. От страху сдавшиеся первыми в плен и наблюдавшие ужасную картину драки в зале за каких-то пять минут стали седыми.

Утром второго мая мы убедились окончательно, что та титаническая машина войны, которая около шести лет перемалывала миллионы человеческих жизней, остановилась.

Трудно точно описать те радостные, восторженные чувства, охватившие каждого воина в то время. Обнимали друг друга, целовались. Многие, отвернувшись, тихо плакали. Кто-то сказал, что около рейхстага лежит труп Гитлера, а возле него валяется автомат, из которого якобы он застрелился.

Несколько офицеров, в том числе я и Саша Изотов, пошли к рейхстагу. Там ни мертвого, ни живого Гитлера не увидели. Рейхстаг стоит полуразрушенный, весь черный, истыканный снарядами, осколками. От купола остался один каркас, над которым реяли красные знамена. Всюду толпятся восторженные воины-победители, салютуют из автоматов, пистолетов, обнимаются, фотографируются. Многие, царапая чем попало на стенах и колоннах, оставляют свои автографы на рейхстаге. Так продолжалось несколько дней. Ликовали и салютовали не только около рейхстага, но и по всему городу.

— Вот и наш друг, — сказал Изотов, показывая на молодого подтянутого лейтенанта среди салютовавших артиллеристов.

Когда они закончили, мы подошли к нему.

— Иван Шуматович Веселов, — представился он. — От всего сердца поздравляю вас с победой, — и пожал нам руки. Мы также представились.

— Вы, товарищи земляки, стало быть, танкисты, — приятно улыбаясь, проговорил Иван Веселов.

— Да, Иван, мы броневые, — ответил Изотов.

— А я всего-навсего командир 120-миллиметровой минометной батареи. Так что всю войну — «мимометчик», — засмеялся он.

— Видать, ты, Иван Шуматович, настоящий «бог войны», вся грудь в орденах, — не без улыбки заметил я.

— Наградами-то, вижу, и вас не обидели, — опять засмеялся Веселов.

Разумеется, тогда мы не знали подробностей о боевых делах своего земляка. Теперь данные архива свидетельствуют, что за плечами артиллериста Ивана Шуматовича Веселова — немало боевых подвигов.

19 августа сорок третьего года. Кровопролитный бой шел за урочище Плоское, что было расположено на Северном Донце. Гитлеровцы бросили в атаку около двадцати танков. Среди них были «тигры» и «пантеры». Черной лавиной за ними накатывалась пехота. Стойко держались наши стрелковые подразделения. Прибежал к минометчикам комбат:

— Товарищи коммунисты и комсомольцы! Наша пехота впереди. Она несет большие потери от вражеских танков. Их не поразить из минометов! Кто огнем из противотанкового ружья желает остановить врага? — строго проговорил комбат Кравченко.

— Разрешите мне! — первым отозвался комсомолец лейтенант Веселов.

За ним из строя вышли еще двенадцать минометчиков. Вскоре застучало несколько противотанковых ружей. Они били по бортам, гусеницам, прицелам вражеских машин.

Несмотря на осенний месяц, было по-летнему жарко. Нечем дышать, вокруг копоть и дым. Пот заливал глаза. У всех одна мысль: «Выстоять! Врага остановить!»

Оказавшийся в центре Веселов, подпустив врага на близкое расстояние, подбил два танка. Запылали гитлеровские машины на правом фланге, а затем загорелись и на левом. Неожиданно пуля прошила левую руку лейтенанта. Прижав рану и стиснув зубы, покатился он на днище траншеи. Огонь из ружья прекратился.

— Товарищ лейтенант, вы ранены? — бросились к нему

Петраш и Марков.

— Ничего страшного! Почему прекратили огонь? Огонь! — сердито процедил он сквозь зубы. — Гранаты, гранаты!

Опять застучали противотанковые ружья. Стали рваться гранаты. На поле боя загорелось уже около десяти вражеских танков.

Веселов, стоя на коленях, начал искать индивидуальный пакет. Он оказался в левом кармане брюк. Но левая рука висела плетью, а правой не вытащить. Прибежавший минометчик Скоробогатов перевязал ему быстро рану.

Об этом бое парторг батальона С. Валеев написал в дивизионную газету «За Советскую Родину» от 19 сентября 1943 года. Статья называлась «Минометчик Веселов принят в партию». В ней сказано:

> «…Минометчики Марков, Петраш, Скоробогатов и другие под руководством отважного командира помогли стрелкам опрокинуть яростную контратаку противника… Даже по окончании боя т. Веселов отказался идти в санчасть и остался в строю».

24 декабря 1943 года в боях за населенный пункт Гуто-Заболотская минометная рота под командованием Веселова разбила 4 дзота и 3 пулеметных точки. Ведя шквальный огонь по траншеям врага, она сорвала его атаку. Создав сплошную огневую завесу по огневым точкам противника, обеспечила форсирование наших подразделений через водный рубеж в районе деревни Лепино.

31 декабря того же года вражеские солдаты засели в каменных зданиях города Житомира. Веселов, вплотную подтянув к передней линии свои минометы, открыл прицельный огонь по засевшим там гитлеровцам и тем самым обеспечил успешное продвижение наших стрелковых подразделений.

Исключительную храбрость и мужество лейтенант Веселов проявил при форсировании рек Западный Буг, Сан, Висла. Переправляясь всегда первым, он этим самым всегда показывал пример другим бойцам.

При прорыве обороны гитлеровцев на реке Нейсе батарея Веселова разбила наблюдательный пункт, уничтожила 6 станковых пулеметов и до 50 гитлеровцев. На следующий день было отражено 14 контратак пехоты и танков врага. При этом уничтожено 3 бронетранспортера с военным имуществом, 8 пулеметных точек и до 80 вражеских солдат.

30 апреля 1945 года. От пожаров и тысячи разрывных снарядов, мин, бомб Берлин был окутан густыми темно-серыми и

рыжими облаками. К губам прилипала кирпичная пыль. На огневые позиции прибежал командир полка.

— Гитлеровцы хотят вырваться из кольца окружения, контратакуют, — сказал подполковник Гуляев. — Минометной батарее Веселова постоянно держать под огнем мост через реку Нейсе! — приказал он.

Минометчики вместе с артдивизионом создали такой шквальный заградительный огонь, что фашисты не могли поднять головы. За ночь батарея Веселова выпустила по врагу 570 мин. Наутро на мосту валялось около 150 трупов гитлеровских солдат. Боевые подвиги Ивана Шуматовича Веселова отмечены орденами Александра Невского, Отечественной войны второй степени (дважды), Красной Звезды, а также многими медалями.

Толпа победителей около рейхстага росла. Несколько человек, становясь на плечи друг другу, писали автографы на колоннах и стенах поверженного гитлеровского логова. Один из них, написав крупными буквами «Всеволод Коряков, Москва», повернулся, заметил меня и громко произнес:

— Танкист из Йошкар-Олы! Поздравляю тебя с Победой! — спрыгнув, он стал трясти мою руку. Поговорить не успели — его повели друзья.

— Твой однополчанин? — спросил у меня Веселов.

— Нет. Два дня тому назад познакомились в бою.

Поскольку Коряков громко крикнул, напомнив, что я из Йошкар-Олы, нас быстро окружило несколько человек. Первым, расталкивая толпу, подошел сапер, с которым я встречался на перекинутом через Одер понтонном мосту. Это был Василий Кушаков из Звенигова. Он, козырнув мне, выпятил грудь, на которой блестели ордена, в том числе — орден Красного Знамени.

— Храбрый ты, Василий Игнатьевич! Поздравляю с Победой! — обнял его. — Эти товарищи тоже нашенские — из Марийского края, — представил я, и мы начали обниматься. Вдруг кто-то меня сзади крепко обхватил.

— Ко-о-оля! Дорого-о-о-ой! Поздравляю тебя с Победой!

Передо мной стоял с золотой Звездой Героя на груди старший лейтенант Алексей Федорович Гвоздев.

— Алеша! — обнял я его крепко. — Друзья, это же наш, косолаповский.

Все обняли его по очереди. Потом Саша Изотов предложил:

— Качнем?!

Качнули. Только успокоились, как к нам подошел черноволосый старший сержант, артиллерист, Герой Советского

Союза.

— Я — Терентий Филиппович Мороз. По национальности — украинец. Но город Йошкар-Ола для меня как родной. Я там учился, начал свою трудовую деятельность и призывался в армию. Так, примете меня в вашу компанию? — засмеялся старший сержант.

— Добро пожаловать, Тереха! Поздравляем тебя с Победой, как Героя! — вырвалось у меня, и мы все бросились обниматься. — Дорогие товарищи! На фронте мы потеряли немало боевых товарищей. Они пали смертью храбрых. Во время штурма Берлина сгорел в боевой машине Демид Сергеевич Малинин. Почтим память погибших минутным молчанием, — предложил я. Все поддержали меня, взгрустнули…

Победа влила радость в наши сердца. Мы смеялись и плакали. Даже не верилось, что завершили войну в Берлине, что остались в живых. Каждый хотел рассказать о пережитом, обменивались адресами.

Посмотрев на часы, Алексей Гвоздев сказал, что ему пора в часть, которая снимается и перебрасывается в Чехословакию. Там война еще не кончилась.

— Алексей, а мы с тобой попутчики: наша часть тоже должна направиться туда, — сказал напоследок Иван Веселов.

На прощание мы пообещали переписываться и когда-нибудь встретиться в Йошкар-Оле. Крепко обнявшись, разошлись.

Участников штурма Берлина среди моих земляков было немало. Об одном из них хочется сказать особо.

Сержант 86 гаубичной артиллерийской Краснознаменной бригады Байдемир Япарович Япаров вместе с сержантом Ямолдиновым и рядовым Копыловым 30 апреля на одной из колонн рейхстага установили красное знамя.

На рассвете 30 апреля Япаров через щель в подвале «дома Гиммлера» увидел рейхстаг. В четвертом часу утра его вызвал капитан Агеенко:

— Нужны добровольцы на штурм. Пойдут со мной трое, — сказал он.

Через несколько минут Япаров докладывал капитану:

— Сержант Ямолдинов, рядовой Копылов и сержант Япаров к выполнению боевого задания готовы!

Примерно в половине пятого залпы советских орудий нарушили тишину утра. Полчаса длилась артподготовка штурма. Приготовившиеся к атаке подразделения рванулись на площадь. Среди них была и группа капитана Агеенко. Гитлеровцы ответили оплошной завесой заградительного огня. К тому же впереди —

противотанковый ров. Теряя убитых и раненых, наши вынуждены были отойти.

В середине дня — новая артподготовка. Противник отброшен на другую сторону рва. Атака — с нашей стороны. Вновь под ураганным огнем устремилось вперед четверка — группа Агеенко, в которой нес красный флаг артиллерист Япаров. Правее были бойцы из других подразделений.

Где ползком, где короткими перебежками, укрываясь за грудами камней и сваленными деревьями, приближались они ко рву. Рядом разорвался фаустпатрон. Из группы невредимым остался лишь один Япаров, а остальных ранило. Залегли у рва и наши стрелковые подразделения. Пробиться к рейхстагу с фронта было невозможно. Сержант Япаров пополз влево. Здесь огонь был слабее. Но как перебраться через ров?

Япаров снял с одного убитого фашиста (там их было много) гимнастерку, одел на себя. Пилотку спрятал — и прямо в воду. Перебрался на другую сторону рва. По Япарову не стреляли — должно быть, не заметили.

Из другой траншеи два гитлеровца били фаустпатронами по нашим бойцам, что залегли на площади. Япаров бросает гранату, убил одного, а другой фашист бросился на него. Гранат больше не было, а автомат он оставил у рва. Но в кармане оказался нож…

Примерно в двухстах метрах виднелась уже правая крайняя колонна рейхстага и ступеньки. Сержант поднялся и побежал к ней через Кенигсплац. Добежав до колонны, Байдемир Япаров привязывает к ней флаг. В это же время взвилось красное знамя в окне у центрального входа, которое повесили Кашкарбаев с Булатовым.

На ступеньках рейхстага в первых рядах атакующих были знаменосцы и других частей.

Ликование советских воинов в поверженном Берлине продолжалось, а мы, покинув шумную толпу, направились в свое расположение.

— Вон, у Середы веселятся! Пойдемте через их расположение! — предложил Изотов. И мы повернули правее, в глубь парка Тиргарген.

Вокруг танка лейтенанта Евгения Тихомирова — толпа. А на башне, навострив уши, сидит тощая немецкая овчарка. На ней лента с множеством фашистских орденов и медалей.

— А ну, пусть она изобразит что-нибудь! — попросил кто-то.

— Адольф, ко мне! — крикнул Тихомиров.

Собака вмиг спрыгнула с башни к своему «дрессировщику». В награду получила кусок хлеба.

— За это можно научить черта, — улыбнулся я.

— Адольф, на машину! — последовала команда. Овчарка двумя прыжками, звеня орденами и медалями, забралась на башню.

— Гитлер капут! — раздалась очередная команда. Овчарка вверх лапами легла на моторе.

— Больше пока не отработали. Концерт окончен, — улыбнулся Тихомиров под общий смех окружающих.

Чуть подальше тоже было шумно. Но там нашу кухню окружили сотни две немецких граждан — старики, старухи, дети. Два наших повара в поте лица раздавали пищу. Каждый, получив паек, отвечал:

— Гитлер капут! Данке!

Наступило 9 мая 1945 года. Свежий ветерок слегка шевелит только-только распустившуюся листву деревьев в пригороде Берлина, куда наша бригада передислоцировалась. Личный состав нашего тяжелотанкового полка замер в торжественном строю в честь праздника Победы, дня всенародного торжества.

Открыв митинг, начальник политотдела бригады полковник Жибрик с гордостью говорил о замечательном боевом пути, который прошла 7 гвардейская Краснознаменная, Новгородская, Берлинская орденов Суворова и Красной Звезды тяжелотанковая бригада. От Кубинки, что под Москвой, до Берлина личный состав бригады ковал славу, подвиги ее воинов бессмертны, а двенадцати бойцам присвоено звание Героя Советского Союза. За годы войны гитлеровцы понесли огромные потери. Только при штурме Берлина гвардейцами уничтожено 38 танков, 37 орудий, расстреляно 800 вражеских солдат и офицеров, захвачено несколько эшелонов с танками, 82 самолета, освобождено три концлагеря, где томились советские люди и граждане других стран[3].

— Теперь, когда победоносно завершилась Великая Отечественная война, — сказал Жибрик в заключение, — мы будем зорко стоять на страже мира и безопасности нашей Отчизны. Отличной учебой и высокой воинской дисциплиной будем умножать замечательные традиции гвардейской бригады.

После митинга состоялся парад. Был дан трехкратный салют из всех танковых пушек, пулеметов и стрелкового оружия. Затем состоялся торжественный обед.

Прошла неделя, как установился мир. Не слышно больше ни оружейных залпов, ни пулеметной трескотни. Технический состав по-прежнему, как и во время боев, беззаветно трудился по восстановлению подбитых машин. Штабы, политработники и командиры подразделений занимались планированием боевой

подготовки. Кропотливая, но довольно приятная работа появилась у них в связи с оформлением наградных документов почти на весь личный состав.

Десятые сутки после Дня победы. Солнечно, чуть прохладно. На небольшом стадионе пригорода Берлина мы проводили спортивные соревновании между подразделениями. Чувствовалось, что бойцы и командиры сильно соскучились по спортивным играм.

— Товарищ старший лейтенант, вас вызывает начальник политотдела полковник Жибрик, — передал мне прибежавший посыльный по штабу.

Быстро одернув гимнастерку, я побежал в политотдел бригады. Терялся в догадках: по какому делу вызывают? В политотделе полковника не оказалось. Нашел его на спортплощадке. Вижу: Жибрик на турнике крутит «солнце». Рядом в строю стоят офицеры штаба бригады и сам комбриг.

Я немного растерялся. Смотрю на этого худощавого, скромного человека и думаю. Он все тяжелые дни войны постоянно находился рядом с нами, Это всегда нас радовало. В атмосфере постоянного напряжения, вместе с политработниками бригады, своими жгучими словами и личным примером Иван Васильевич Жибрик ковал в нас высокий моральный дух, придавал нравственную окраску каждому поступку воина. Его комбинезон и танкошлем были не чище, чем наши. Бот теперь, хотя еще не остыли стволы пулеметов, автоматов, пушек, вижу, как впервые снял он их.

— Товарищ Семенов, по случаю смерти вашей матери командование решило предоставить вам отпуск по семейным обстоятельствам. Идите в штаб, оформляйте документы, — как всегда, с тонкой улыбкой сказал полковник.

Для меня это было неожиданностью. От души поблагодарив за внимание, я с радостью побежал в штаб.

Когда расставался с товарищами, получил от ник массу наказов. Просили: «поклонись нашей русской березе», «дай клятву нашей земле-кормилице, что отныне и вовеки не ступит на нее вражья нога»; «поглазей на наше полюшко-то и прикинь, какой урожай обещает быть». Многие просили опустить письма, практически чуть ли не на каждой станции.

В предрассветной мгле следующего дня наш поезд тронулся. Медленно проплыл за раскрытыми настежь дверями вагонов разрушенный перрон железнодорожной станции Эркнер (пригород Берлина). Все вагоны-теплушки были набиты до отказа. Поскольку массовая демобилизация еще не началась, в основном возвращались на Родину уволенные из армии по ранению,

выздоравливающие военнослужащие и направляемые на учебу.

Этот день, кажется, был самым долгим в моей жизни. Может, потому, что торопился домой и голова была забита массой воспоминаний. Если первые после войны дни прошли в незабываемых победных торжествах, митингах, горячих разговорах с боевыми товарищами, то теперь, находясь в вагоне среди сотен других воинов, я невольно еще и еще раз мысленно пробегал прожитое и пережитое за эти годы. Известие о завершении войны как бы разделило время на две части. Все, что было несколько дней тому назад, отодвинулось как будто дальше. Но не способна сдвигать события память человеческая, не исчезнет в ней никогда пережитое и увиденное.

Война унесла миллионы жизней, причинила тяжелые страдания советским людям. Оставшиеся в живых должны быть вечно благодарными тем, кто отдал свою жизнь ради нашей победы. Они должны навсегда остаться в наших сердцах как горячие патриоты, для которых свобода Родины, ее процветание были дороже собственной жизни. Мы и наше подрастающее поколение будем дорожить мирной жизнью и бороться за нее всеми силами.

Подъезжаем к границе нашей Родины. Уже виднеются разрушенные дома героического Бреста. Наш поезд, притормаживая, медленно останавливается на станции. Все покинули свои теплушки. Каждому хотелось постоять на свободной родной земле, подышать свежим воздухом.

— Николай, пойдем, узнаем, по какому случаю народ собрался на привокзальной площади, — позвал меня сосед по нарам артиллерист-сибиряк. Мы побежали.

Там держал речь рослый, суровый на вид капитан с несколькими орденами на гимнастерке и нашивками о ранении. Когда мы влились в толпу, услышали:

— …Исполним еще один долг перед Родиной! А ну, вы, бывалые, подойдите поближе! — показал он на стоящих поодаль на костылях худощавого старшину-пехотинца и пожилого танкиста. — Товарищи боевые побратимы! Мы стоим на нашей родной земле. Четыре года сражались, освобождая ее. Четыре года надругались над ней фашистские бандиты. Сколько осталась в ней лежать наших добрых молодцев! — говорил капитан. Его слова трогали душу.

— Теперича еще пуще будем беречь нашу кормилицу! — произнес хриплым голосом и потряс костылем стоящий рядом с ним старшина.

Капитан, обведя глазами окружавшую его толпу, остановил взгляд на рослом черноволосом воине с золотой Звездой Героя

Советского Союза. Потом сказал:

— На, читай, добрый молодец! Читай, чтоб вся наша великая страна услышала слова фронтовиков! Мы тут писали сообща в вагоне, — вынув из кармана несколько листов бумаги, передал их герою. Потом добавил: — Тихо, братцы, тихо!

Старший сержант-артиллерист, подойдя ближе, взял в левую руку бумагу (правая рука перевязана) и с небольшой запинкой начал читать «Клятву солдатской верности родной земле». Заканчивалась она словами о том, что если снова труба затрубит тревогу, если вражья сила посягнет на наш покой, то герой-солдат снова вступит в бой.

Как только зачитали клятву, раздались голоса:

— Написано толково! Правильно!

Затем по предложению одного из присутствующих запели «Интернационал», но вскоре раздалась команда: «По ваго-на-а-а-ам!»

— Пехотный капитан, наверняка, контуженный, — шепнул мне молодой боец, как только поезд тронулся.

— А ну, повтори, шо ты сказав? Ты сам контуженный! — осадил его мой сосед-украинец. За четыре одинаковых медали «За отвагу» в вагоне его называли «генеральный кавалер медалей».

— Этот капитан — из нашей дивизии. Только его фамилию не припомню. Он защитник Брестской крепости, сказывал: направляется на учебу в Москву. А тот, с раненой рукой, — Герой Советского Союза. Тоже из нашей дивизии. Едет в Йошкар-Олу.

«Это же Тереха Мороз, с которым мы обнимались у рейхстага», — вспомнил я. Подошел к нему. Подал руку.

— Поклон тебе, Терентий Филиппович. Я тебя не узнал сначала.

— Здравия желаю, товарищ старший лейтенант. На родину?

— Да, в отпуск по семейным обстоятельствам.

— А ты?

— Тоже, только по ранению.

— Тогда, вроде, был без повязки?

— Была, только под гимнастеркой.

Встречей с Терентием Морозом я был обрадован. Устроившись рядом на нарах, мы долго беседовали. А поговорить с ним было о чем.

Без всякого вызова пошел Терентий Мороз к йошкар-олинскому горвоенкому.

— Ты чего, парень? — спросил его комиссар.

— Отправьте на фронт.

— Лет-то тебе сколько?

— Семнадцать.

— Придет время — вызовем, — с тем и вернулся он на завод.

В ожидании, когда вызовут, прошло несколько месяцев. Лишь в ноябре 1942 года прибыл Терентий в 258 артиллерийский полк, сражавшийся на Волховском фронте.

В боях под Мгой, Синявином, Лугой закалялся молодой воин, в жарких сражениях постигал мастерство. Вскоре комсомольцы первой батареи избрали его своим вожаком.

А через год, в декабре сорок третьего, Мороз получил свою первую боевую награду — медаль «За отвагу». Тогда же стал членом ленинской партии.

Отважно дрался с фашистами Терентий. В боях за деревню Баево он разрушил два пулеметных дзота, разбил одно противотанковое орудие, подавил один миномет. Будучи раненным, не ушел с поля боя, а стрелял, пока наши не заняли населенный пункт. За этот бой на его груди появился орден Славы третьей степени. А за то, что южнее населенного пункта Сельга разбил два ПТО, 16 автомашин, уничтожил до 30 солдат, Мороза наградили орденом Красной Звезды.

Но особенно запомнилась артиллеристу Сандомирско-Силезская операция. В январе 1945 года в ожесточенном бою за польский город Коньске батарея, где Мороз был комсоргом, нанесла большой урон фашистам. Спасаясь от губительного огня советских артиллеристов, гитлеровцы бежали, бросив на улицах города около сорока автомашин, три танка, оставляя сотни трупов своих солдат и офицеров.

Город был очищен от врага. Но, не смирившись с поражением, фашисты бросились в контратаку. На батарею, где сражался Мороз, ринулись двадцать танков, а за ними на бронетранспортерах — автоматчики. Танки подходили все ближе и ближе. Припав к биноклю, Мороз выжидал, когда они окажутся в досягаемой зоне. Наконец, последовала команда:

— По фашистским танкам! Ого-о-о-онь!

Орудие дернулось, на земле задымилась выброшенная гильза. Артиллеристы один за другим посылали снаряды во вражеские машины. Вот задымила первая, остановилась вторая… С пронзительным воем проносились над головой немецкие снаряды и мины, свистели пули. Но наши артиллеристы не прекращали огня. С криком «Ура-а-а!» вперед устремились стрелковые подразделения.

Дорого заплатил противник за ту контратаку. На поле боя он оставил почти все свои танки, горели бронетранспортеры, всюду валялись трупы. За храбрость, героизм, воинское мастерство в этом бою Терентию Филипповичу Морозу было присвоено звание Героя Советского Союза.

Гвардейский трижды орденоносный артиллерийский полк, где служил Терентий Мороз, выйдя к городу Штрембергу, форсировал реку Шпрее. В этом районе началось окружение противника, и артиллеристам предстояло удержать определенный участок до встречи с нашими войсками.

Старший сержант Мороз в бинокль просматривал местность. Легкий апрельский ветерок покачивал ветки деревьев с еще нераспустившимися почками. Справа и слева — метрах в пятистах — чернел лес. «Вот откуда и надо ждать фашистов, — размышлял Мороз, — больше неоткуда. Этот сектор может накрыть только мое орудие». От усталости и бессонных ночей слипались веки. Стараясь отогнать дремоту, Терентий тряс головой, крепче прижимая бинокль.

По позиции пробежался лейтенант Лежнев, еще раз проверяя маскировку.

— На открытом месте не появляться, усилить наблюдение! — приказал он.

В полдень из леса появились два танка. Пройдя немного, они остановились, потом двинулись вперед вдоль фронта. Расчет гитлеровцев был прост. Если русские где-то здесь, кто-нибудь обязательно не выдержит: выстрелит — и тем самым обнаружит себя.

Мороз молча глядел в сторону противника. Он знал, что следом за танками должны идти колонны гитлеровцев. Так оно и вышло. И тогда прозвучала команда:

— Огонь!

Один из танков загорелся от первого же выстрела. Второй — успел укрыться в чаще леса. Оттуда, еще толком не понимая, что случилось, выползала первая колонна. Ее тут же накрыл плотный артиллерийский огонь.

Примерно через час появилась еще одна колонна гитлеровцев. Иного пути у них не было: кольцо окружения сжималось все туже.

Теперь снаряды стали рваться и возле наших орудий. Мороз, раненный, посылал по врагу снаряд за снарядом. Но он все больше слабел от потери крови, однако бой продолжал. Вражеская колонна была окружена и уничтожена.

Это был последний бой Героя Советского Союза Терентия Филипповича Мороза, за который он был удостоен ордена Отечественной войны первой степени.

Несколько суток в пути проскочили незаметно. На станции Шелангер мы обнялись с Терентием Филипповичем и расстались.

Вот впереди и родная деревня. По всему чувствуется, что

богатая весенними красками весна скоро уступит место красочному лету. Небо чистое, голубое.

— Арсентий, придержи повозку, — тихо сказал я соседу по деревне, который встречал меня.

Остановились на гребне невысокого взгорья, что в полкилометре от деревни. Охваченный сильным волнением, медленно обвел я глазами окрестность.

— Родная земля! Здравствуй, моя хорошая, здравствуй! — вырвалось из моих уст.

Я не мог смотреть спокойно на зеленеющие вдали справа и слева богатства нашего края: леса, луга, рощи… Над речкой Юшут тянется слабый туман. Удивительное зрелище! Должно быть, солнце, прогревая ее берега, выгоняет из них остатки весенней сырости.

За четыре года войны повидал я немало. Прошел, как и полагалось солдату, через многие лишения, чтобы снова вернуться к тебе, родной мой край. Вот, стоя на этом небольшом пригорке, я славно вижу широкие просторы родной страны. Подержал на ладони комок еще прохладной земли и, медленно сжав пальцы, раздавил его. Хороша наша земля! Там, где пронеслась война, она обильно пропитана кровью и слезами советских людей, начинена осколками мин, снарядов и бомб. В этих краях войны не было, но немало слез пролито и здесь. И сюда принесла война непоправимое горе. На полях слышны голоса только стариков, женщин и детей. Самые сильные и молодые пахари погибли на поле брани или еще не возвратились с фронта. Захирели изгороди; осели, приросли к земле хозяйственные постройки; посерели, заросли мхом крыши.

Не встретила меня, не обняла, не похлопала любовно по спине, как раньше, мать. Она умерла. Не пожал руки своей крепкой, мускулистой рукой брат Виктор, погибший под Ленинградом. Вышли встречать меня жена брата Пелагея с тремя маленькими осиротевшими детьми и родная четырнадцатилетняя сестренка Александра. Все они плакали, в том числе и четырехлетний мой племянник.

— Ты почему плачешь, Ромка? — спросил я его.

— Я думал, что ты мой папка, а мама говорит, что ты только дядя. — Потом вдруг вырвался из моих рук и побежал к тополю, что красовался перед нашим окном.

— Это мой папка посадил, не дам никому! — проговорил он как взрослый, обняв тополь.

Позже Пелагея рассказала:

— Ромка очень гордится папкиным тополем, охраняет его. Отгоняет палкой трущуюся об его ствол скотину.

Виктор посадил его весной сорок первого. Теперь же он, высокий и стройный, красовался перед окном.

Подул прохладный весенний ветерок. Трепещут на ветру еще не окрепшие листья. Кажется, что от дерева, как от светильника, струится нежный зеленоватый свет.

Не прошло и пяти минут, как меня плотным кольцом окружили односельчане. Обнимают и плачут. Только бородатые старики, обнажив седые головы, молча пожимали руки. Протиснулся сквозь толпу и наш старейшина — мудрый предсказатель всего житейского Пайберда Пайбердин. Его белая борода поредела еще больше, потеряла живой блеск. Сам он порядком осунулся, почти оглох.

— Ему пошел девяносто пятый год, работал в колхозе всю войну. Почти не пропускал ни одного дня, — шепнул мне кто-то.

— Здравствуй, Николай. Спасибо большое за победу над германцами, — сказал дед Пайберда и обнял меня. — Ты нам принес победу, принес счастье.

Его старческие водянистые глаза заблестели радостью. Это потому, как объясняли соседи, что за всю свою жизнь он не выкурил ни одной папироски, не знал вкуса водки.

— Главаря Китлера-то поймали аль застрелили? — спросил дедушка.

Когда я ответил, что не знаю, он помрачнел…

Многие пришли с похоронками в руках. В деревне (всего в ней было 29 дворов) 26 человек из 43 ушедших на фронт погибли, 8 — стали пожизненными инвалидами. Я не знал, как вести себя среди родных погибших, что говорить, поздравлять с победой или выражать соболезнование.

Меня тоже интересовало многое. Я узнал от сельчан о колхозе военных лет, о той огромной помощи, которую оказывал он фронту. Рассказывали они сообща, перебивая и дополняя друг друга. Лишь моя любимая девушка Маринка молча стояла в стороне, стесняясь подойти поближе.

Она стала еще привлекательней: по-детски сжатые пухлые губы, белокурые косы, уложенные венком на голове, те же широко открытые голубые глаза, но теперь они светились каким-то особым блеском. Не мог я не заметить, как часто поправляла она цветастый платок, подаренный мною перед призывом в армию.

Я сам подошел к ней. Взглянув на меня, Марина певучим голосом еле слышно проговорила:

— Здравствуй, Коля! — И опустила голову.

— День добрый, Марина Алексеевна, — ответил я, чувствуя, что краснею от избытка чувств. Она этого не заметила — не поднимала головы. Когда я уходил в армию, она была юной

девушкой, работала дояркой в колхозе. Меня поражала тогда ее неуемная энергия. Любовался ее красотой, подвижностью. Она умела и работать, и плясать, и петь. Вот она какая теперь — настоящая невеста! Пять лет ждала меня — дождалась. Думаю: «Обниму же сейчас при всем честном народе». Уже протянул руки. Но она шепнула:

— Неудобно, милый, потом…

Следующий день своего пребывания в родной деревне я посвятил встрече с инвалидами Отечественной войны. Они пришли в еще не изношенных военных гимнастерках. Виктор Пайметов был в лейтенантской форме. На груди — орден Красной Звезды и медали. Награды сверкали и у других фронтовиков. Оказывается, за плечами каждого из них было немало-боевых подвигов. Например, Ион Максимович Максимов начал войну пулеметчиком 17 стрелковой дивизии под городом Великие Луки. В бою за этот город осколкам мины его тяжело ранило в ногу. Но Максимыч не бросил своего станкового пулемета. Истекая кровью, продолжал косить наседавшего врага. Вскоре потерял сознание. Вынесли с поля боя ночью. Вокруг его пулемета валялось около пятидесяти фашистов. Разумеется, уничтожил он это не один.

Аркадий Дмитриевич Майков первое боевое крещение принял в боях под Старой Руссой. В один из ненастных осенних дней сорок второго года, находясь с бойцом Костылевым в дозоре, он заметил подползавшего фашиста. Враг отказался сдаться в плен, начал отстреливаться, но его настиг меткий выстрел Майкова. Гитлеровец оказался корректировщиком. Он имел при себе сумку разноцветных ракет. Майков использовал их: забравшись на сосну, корректировал огонь нашей артиллерийской батареи. Фашисты, неся большие потери от огня батареи, начали искать наблюдателя и открыли огонь по нашей позиции. Во время перебежки на другой наблюдательный пункт Аркадия Дмитриевича тяжело ранило в ногу.

Нельзя было слушать без волнения рассказ участника трех войн Григория Сергеевича Сергеева. Он сражался на Ленинградском и Волховском франтах.

Шел кровопролитный бой за город Лугу. Во время атаки убило командира взвода. Тогда взвод в бой повел сержант Сергеев. Бойцы ворвались во вражеские траншеи, завязалась рукопашная схватка. Григорий Сергеевич расстрелял пятерых фашистов, но и сам был ранен в голову. После излечения опять был натравлен на фронт. Войну закончил в Венгрии, в районе озера Балатон.

Ветераны, поправляя то и дело свои гимнастерки и перебивая

один другого, старались рассказать о своих послевоенных делах. Они сводились к тому, чтобы как можно быстрее залечить нанесенные войной раны. Говорили, например, где и какую культуру сеять, на каких делянках посадить лес.

— Коля! Теперь с Гитлером покончили, мы тут сумеем возродить наше общественное хозяйство, будь уверен! А ты служи, крепи нашу оборону! — воскликнув, потряс костылями Ион Максимович.

Время моего отпуска подходило к концу. Не мог я возвратиться в часть, не побывав на Юшуте.

В поддень, когда солнечные лучи уже ярко, по-летнему согревали землю, мы, несколько человек, в том числе и Марина, направились к близкой сердцу реке.

Юшут — в нежно-зеленом весеннем наряде. Кажется, намного похорошела река. Как приятен был свежий запах проснувшейся земли. Воздух наполнен чудесным ароматом обильно цветущей черемухи. Скоро медвяно запахнут и травы. Пять лет не бродил я по этим берегам. Подумалось: нет ничего дороже, чем наслаждаться такой красотой, вдыхать дивные запахи цветов, слушать пение птиц.

— Коля, видишь засохшее русло, что пониже старой мельницы. Оно опять наполнилось водой, — показала мне Марина. Нынче прилетели утки и гнездятся здесь.

Мы медленно шли вверх по течению. Не верилось мне, что я шагаю по берегу Юшута. Мог ли подумать, что еще придется наслаждаться такой красотой.

— Пошли в наше заветное место, — вдруг с улыбкой шепнула Маринка.

Мы направились к стоящей на обрывистом берегу среди густого ивняка старой ветле. Наклонившись, она задумчиво смотрит в прозрачные воды реки. В этом месте до войны веселилась молодежь. Многие из парней сложили головы…

— Присядем? — предложил я.

Марина молча села на обтертое бревно. Было о чем поговорить.

Но вначале разговор почему-то не клеился. Марина то и дело хитро поглядывала на меня, словно хотела спросить: «Ты ли это, Коля?»

— Ты-то как в войну? Наверное, досталось? — вырвалось у меня.

— Как и всем. Летом — на полях, а зимой — на лесоразработке. Говорить о трудностях даже неудобно, — стараясь улыбнуться, начала рассказывать Марина. Но лицо ее

становилось задумчивым. — Как ты думаешь, когда в лесу одни старики, женщины и подростки… Помню, у Александра Кудряшова новая деревянная нога попала меж бревен и сломалась. Мы ему смастерили костыли, чтобы добраться домой…

Марина, замолчала. Потом, вздохнув, спросила:

— Сколько прошло с того времени, как мы расстались?

— Ровно пять лет, — ответил я.

— А мне кажется, я тебя ждала гораздо больше.

Ее плечо коснулось моей руки. Я не знал, что сказать. Потом она медленно повела рукой по моему шрамному лицу.

— Бедный мой мальчик, — сказала она, и в ее глазах засверкали бисеринки слез.

— Будет тебе. Лучше скажи, поедешь со мной? — спросил я.

— Не знаю, — произнесла она тихо.

Не ожидал я такого ответа — обиделся. Она впилась в меня темной синевой своих глаз, словно хотела проникнуть в глубину моего сознания, что-то понять во мне или что-то объяснить.

Мы какое-то время сидели молча. В спокойной воде отражался красивый багрянец неба. На востоке медленно наступала вечерняя синева дали.

— Поедем, — вдруг сказала Марина и обняла меня.

Это было уже на рассвете. От легкого утреннего ветерка на поверхности реки появилась рябь. Мы стояли как завороженные.

Несет речка Юшут янтарные воды к великой русской реке Волге. Резво и шумно течет на перекатах. Казалось, что она радуется вместе с нами.

ФОТОГРАФИИ

В. А. Копцов

Н. Н. Юренков

А. А. Тарасов

И. В. Жибрик

Н. Г. Косогорский

У. Н. Ермоленко

М. К. Середа

С. А. Устинников

Герой Советского Союза И. С. Кудрин

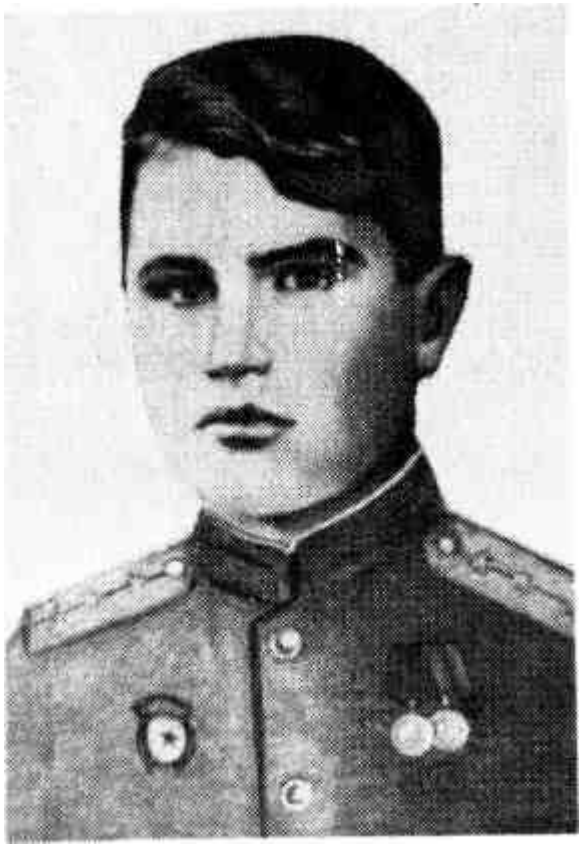
Герой Советского Союза М. К. Кузьмин

Герой Советского Союза М. Е. Пятикоп

Герой Советского Союза В. М. Зайцев

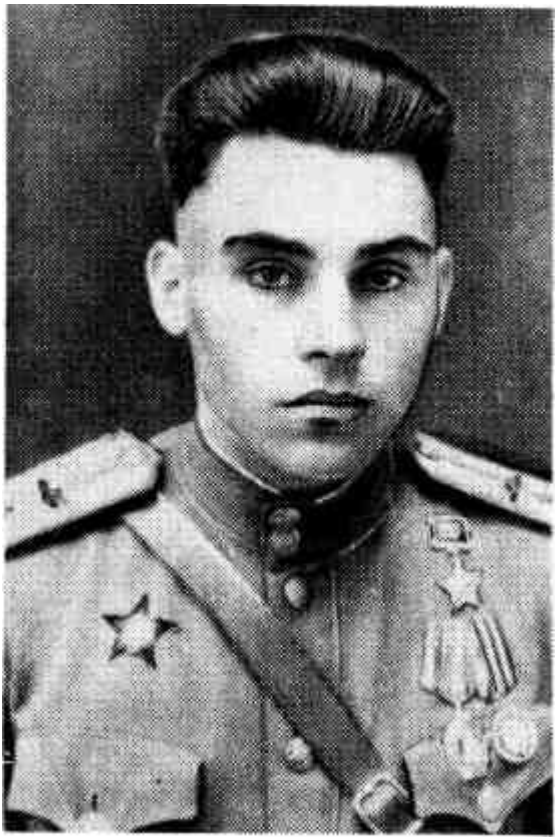
Герой Советского Союза А. И. Ращупкин

Герой Советского Союза В. В. Платицын



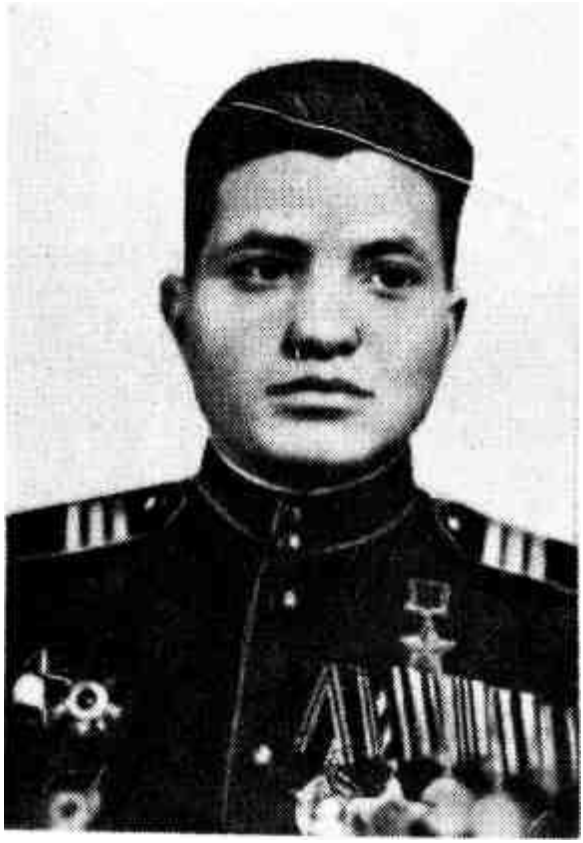
Герой Советского Союза В. Г. Литвинов

Герой Советского Союза Г. Г. Телегин



Герой Советского Союза А. Ф. Гвоздев

Герой Советского Союза А. М. Асриян

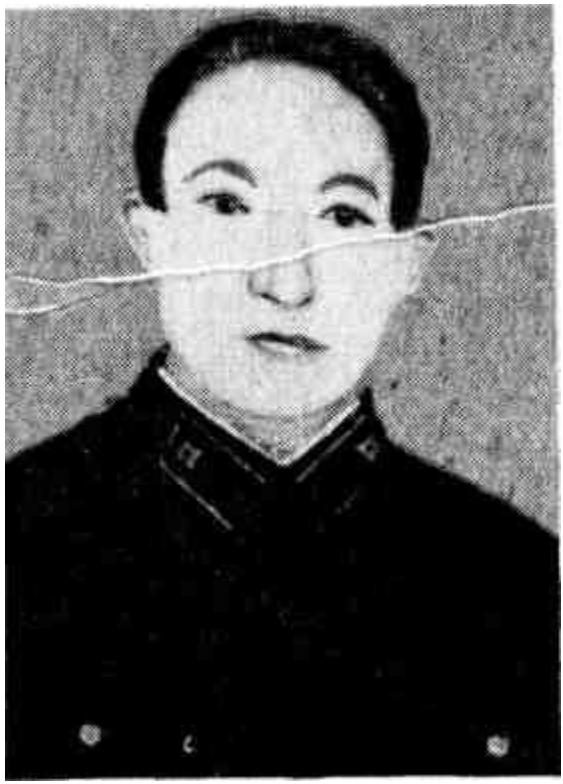


Герой Советского Союза Т. Ф. Мороз

Герой Советского Союза Н. Н. Томашевич

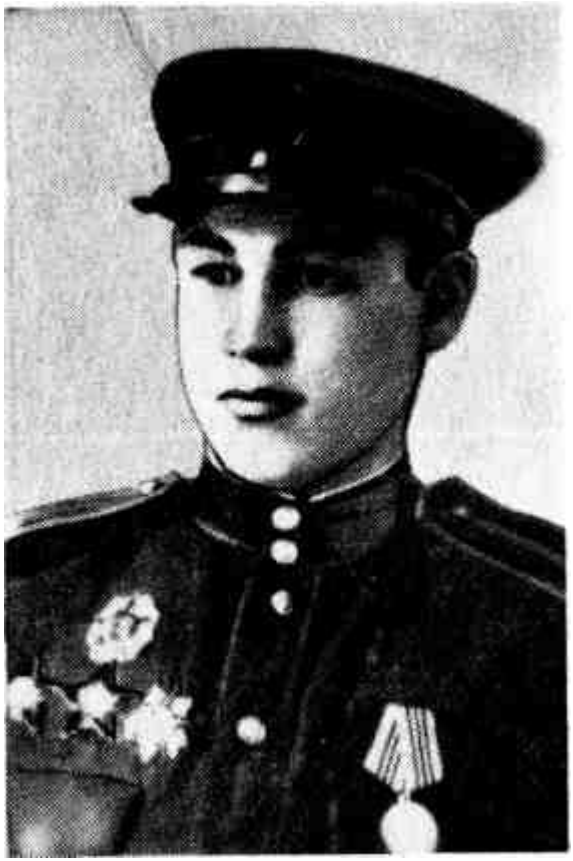
И. М. Соколов

И. Ф. Шашков



И. М. Максимов

Ф. Г. Котляр



И. Ш. Веселов

Е. И. Капустин

А. А. Иванченко

А. В. Ерохин

С. М Урсов

В. Е. Крылов

А. А. Чистов

М. Ф. Мельников

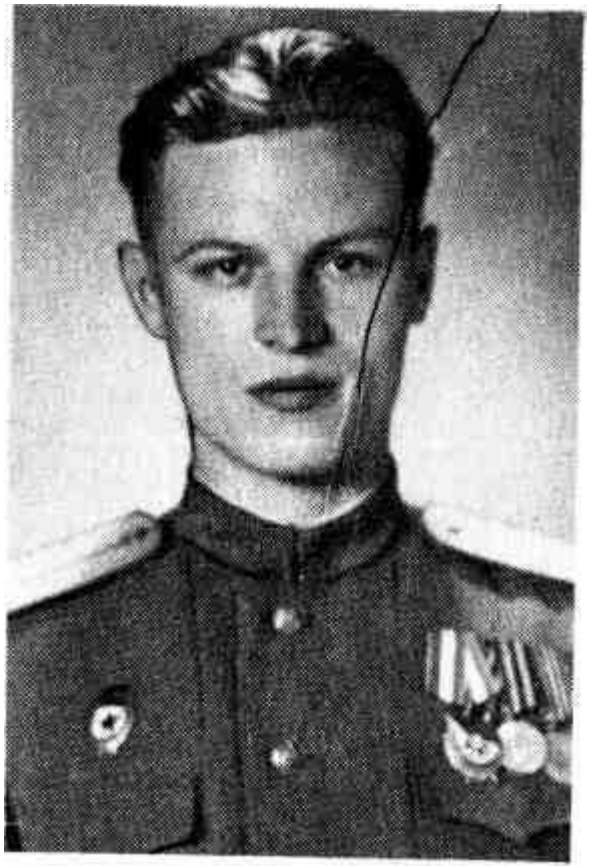
В. И. Ежаков

И. Я. Олейник

А. И. Изотов

В. М. Боярчиков

О. И. Загоруйко



Е. Н. Тихомиров

А. П. Сергеев

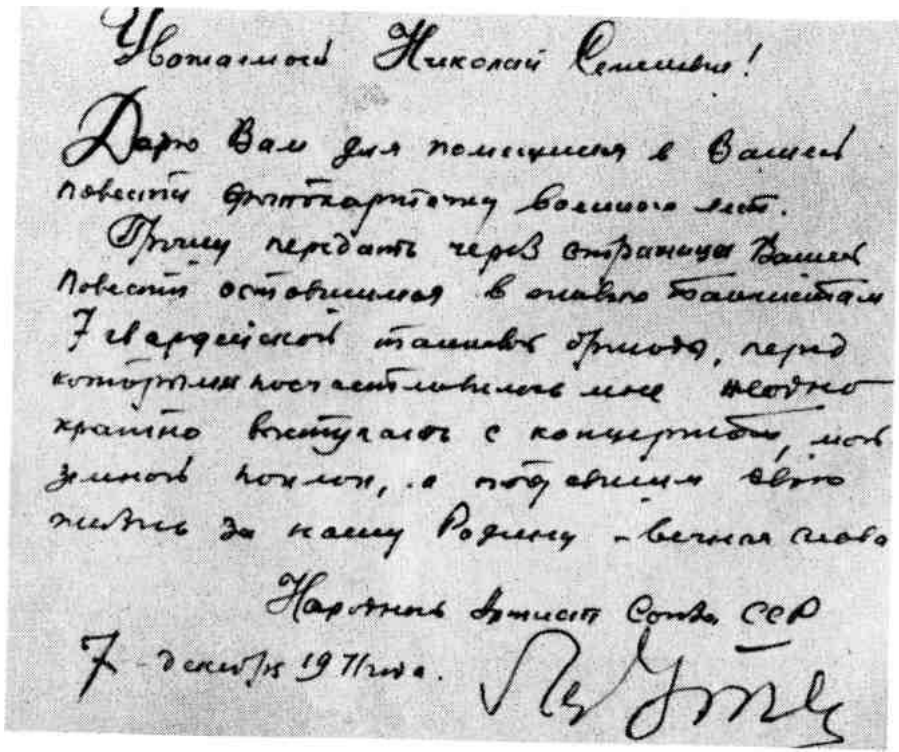
В. И. Богданов

Д. С. Малинин

В. И. Кушаков

Разведчики бригады (слева направо): Голосовский, Панов, Степанов, Орел, Чирков.

Государственный эстрадный оркестр РСФСР под художественным руководством Л. О. Утесова. В верхнем ряду (второй слева) Л. О. Утесов, в центре Э. Утесова.



Уважаемый Николай Семенович!

Дарю Вам для помещения в Вашей повести фронтовичку военного лета.

Прошу передать через страницы Вашей повести оставшимся в живых боевым друзьям 7 гвардейской танковой бригады, перед которыми постоянно выступала с концертами, моя земной поклон, а погибшим вечная память за нашу Родину - вечная слава.

Народная артистка Союза ССР

7 - декабря 1971 года.

Л. Утесова

Они оживляли танки. Первый в первом ряду (справа налево) — начальник производства Страмнов, пятый — начальник завода генерал-майор танковых войск Савинов.

У разбитого фашистского танка. В первом ряду (слева направо): майор Доронин, генерал-майор танковых войск Копцов,

полковой комиссар Литвяк, майор Шнейдер, полковник Косогорский, батальонный комиссар Тарасов.

Танки бригады на улице Берлина.

После семинара агитаторов бригады. В центре — начальник политотдела подполковник И. В. Жибрик.

Торжественный обед тяжелотанкового полка в Берлине в честь Дня Победы. В центре — командир полка подполковник У. Н. Ермоленко.

notes

Примечания

1

АМО, ф. 3076, оп. 1, д. 11, л. 16.

2

Предатель (нем.).

3

АМО, ф. 3076, оп. 1, д. 11, л. 23.